

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1963 г.

★

Год издания
XXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В. З. Дробижев, Ю. С. Кукушкин — Роль научно-популярной литературы в пропаганде исторических знаний 3
- М. А. Вылцан — Материальное положение колхозного крестьянства в довоенные годы 15
- Л. В. Черепнин — История в творчестве А. С. Пушкина 25
- И. С. Кон — Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки 45
- Н. И. Лебедев — Империалистическая агрессия против Египта в 1956 году 66
- Рenate Вюнше (ГДР) — Проникновение германских монополий в Китай в период японо-китайского конфликта (1931—1933 гг.). 82

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР и научных советах

- Н. Б. Шеламанова — В археографической комиссии 95

Научно-исследовательская работа в высшей школе

- С. Ф. Найда, Л. М. Папин — К 10-летию первой в стране вузовской кафедры истории советского общества 97

Обзоры и рецензии

- В. М. Устинов — Против фальсификации истории Средней Азии и Казахстана 100
- А. И. Зевелев — Р. Х. Аминова. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.) 103
- Г. А. Арутюнов, О. К. Поселянина — Ц. П. Агаян. Великий Октябрь и борьба трудящихся Армении за победу Советской власти 106
- Т. Елеуов — Х. Турсунов. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане 108
- М. И. Хейфец — Министерский дневник и действительность 110
- Б. Ф. Ливчак — В. Бабкин. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года 114
- А. Г. Задера, А. П. Пронштейн — А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века 116
- В. И. Попов — «Международные отношения после второй мировой войны». Т. 1 (1945—1949 гг.) 118
- М. С. Лазарев — Р. Г. Ланда. Национально-освободительное движение в Алжире (1939—1962 гг.) 122
- Б. Ф. Пичугин — «История профсоюзного движения за рубежом (с 60-х гг. XVIII века до 1939 года)» 123

Г. М. Лившиц — «История древней Греции»	125
Новые книги	127
Статьи в советских исторических журналах	129

Хроника научной жизни

А. М. Зорина — Встреча с Хулио ле Риверендом	134
В. Г. Вержбицкий — Юбилей Государственного исторического музея	135
Список докторских диссертаций, утвержденных в 1962 году	137
Хроникальные заметки	139

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры и рецензии

В. Б. Ушаков — Западногерманская буржуазная историография международных отношений послевоенного периода	143
Академик АН Молдавской ССР Я. С. Гросул, чл.-корр. АН Молдавской ССР Е. М. Руссев — Г. Безвикони. Исследование по истории румыно-русских отношений	149
В. С. Парсаданова — «Большая и малая политика Бека»	151
В. Г. Поляков — Ф. Шуман. Холодная война: ее прошлое и будущее	153
С. И. Королев — Я. Ромейн. Век Азии. История нового национализма в Азии	156
И. В. Чуркина — Б. Графенауэр. История словенского народа. Тт. I—V	158
Д. А. Авдусин — П. Соьер. Век викингов	163
С. И. Ульянова — М. Исакович. Экоэкономическое и социальное лицо Аргентины	165

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	167
Б. А. Каменецкий — Обзор журнала: «The English Historical Review». London	168
Заметки о статьях: А. С. Гроссман — Историк ГДР о понятии «родина»; А. Д. Галкина — Об аграрной реформе в Чили; А. С. Кан — СССР и нейтральные государства в годы второй мировой войны; С. Л. Будкевич — Прогрессивные ученые в борьбе за мир; А. Б. Резников — Брань вместо критики; А. М. Филитов — Новые факты о колонизаторских планах кайзеровской Германии в Прибалтике в 1918 году; А. Я. Шельский — Западногерманские землячества — поборники идей реваншизма и войны; И. С. Кремер — По поводу одной полемики в прессе ФРГ; С. М. Аскольдова — Миф о «классовом сотрудничестве» в США; Н. А. Ерофеев — Новые тенденции в изучении истории американской революции XVIII века; А. П. Каждан — Политическая борьба в Византии на рубеже XI и XII веков; Г. А. Кошеленко — Римская армия и римская религия	174
Рецензии на советские издания	187

Хроника научной жизни

К. Гронеvский (Польша) — Современная польская историография новой и новейшей истории	189
Хроникальные заметки	194

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

В. В. Душенькин — Боевая награда Родины (К 45-летию учреждения ордена Красного Знамени)	197
Л. С. Глязер — Из истории разработки законодательства о социальном обеспечении беднейшего крестьянства	202
В. Е. Шутый — Документы по истории СССР в Австрийском государственном архиве	208
А. Г. Кузьмин — Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева	214

Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в номере журнала	219
Резюме статей на английском языке	220

СТАТЬИ

РОЛЬ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОПАГАНДЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

В. З. Дробижев, Ю. С. Кукушкин

Июньский Пленум ЦК КПСС 1963 г. поставил перед партией задачу воспитания советского народа в духе беззаветной преданности идеям марксизма-ленинизма и непримиримости ко всем проявлениям буржуазной идеологии, в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма¹. В решении этой задачи важную роль должны сыграть историки, призванные на героических примерах прошлого и настоящего и в первую очередь на примере трудовых и боевых подвигов советского рабочего класса, крестьянства и интеллигенции воспитывать у советских людей качества, присущие человеку коммунистического общества.

Успех выполнения этой задачи зависит не только от размаха и глубины исторических исследований, но и от того, как ведется пропаганда исторических знаний среди всех слоев населения страны. Не случайно партия в последние годы с такой остротой ставит вопрос о научно-популярной литературе. В докладе на Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г. акад. Б. Н. Пономарев говорил: «Нам пора всерьез поставить перед собой задачу... сделать историю достоянием всех членов общества, используя для этого самые различные формы и средства... Следовало бы наметить издание большой серии научно-популярных книг, которые давали бы марксистское изложение развития человечества в целом. Интересно и живо написанные книжки такой серии, сравнительно небольшие по объему, наверняка получили бы широкое признание»². В рекомендациях, принятых на совещании, подчеркивается, что первейшей обязанностью советских историков является активное участие в широком распространении исторических знаний³.

Вопросы специфики исторического исследования, его формы и содержания в последнее время неоднократно затрагивались печатью. В дискуссии о стиле и языке работ исторического характера, развернувшейся в 1961—1962 гг. на страницах «Известий» и «Литературной газеты», было поднято немало чрезвычайно важных проблем. Авторы статей писали о недостатках языка и стиля научных исследований, учебников, научно-популярной литературы. Таким образом, советская общественность проявила большую заинтересованность в создании доброкачественной и яркой по форме исторической литературы. Столь широкая постановка проблемы была как нельзя более своевременна и уместна. Но чтобы более конкретно наметить пути дальнейшего улучшения качества исторической литературы, необходимо рассмотреть отдельные ее виды и жанры, рассчитанные на различные группы читателей.

¹ См. «Об очередных задачах идеологической работы партии». Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу секретаря ЦК КПСС товарища Ильичева Л. Ф., принятое 21 июня 1963 года. «Правда», 22 июня 1963 года.

² Б. Н. Пономарев. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. «Вопросы истории», 1963, № 1, стр. 12—13.

³ См. «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 73.

Нам хотелось бы поделиться своими наблюдениями над тем, что сделано после XX съезда КПСС в области издания научно-популярной литературы по истории советского общества, выявить тот положительный опыт, который поможет значительно облегчить решение задачи расширения и совершенствования научно-популярных изданий в будущем.

Мы располагаем прекрасными образцами научно-популярных работ, созданных основоположниками марксизма-ленинизма, а также многими видными деятелями международного рабочего и коммунистического движения. В. И. Ленин неоднократно говорил о том, какой должна быть популярная обществоведческая литература, имеющая столь большое значение для коммунистического воспитания масс. «...Максимум марксизма = максимум популярности и простоты»⁴, — писал он.

В. И. Ленин, величайший теоретик, всегда стремился писать доходчиво, популярно. «Я ничего так не желал бы, — признавался Владимир Ильич, — ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»⁵. В. И. Ленин был решительным противником парадных, общих фраз. Свои выводы он основывал на тщательном и всестороннем анализе многообразных явлений действительности и неизменно требовал от партийных литераторов тщательного изучения фактов борьбы трудящихся за победу нового строя, их созидательной деятельности. «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни»⁶, — с таким призывом обращался он к публицистам. Повторение общих мест, писал В. И. Ленин, «вызовет тошноту, скуку, злобу против жвачки... Тошнит всех от общих фраз. Они плодят бюрократизм и поощряют его»⁷.

Познакомившись в 1918 г. с небольшой книжкой А. И. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом», которую принес Ильичу редактор газеты «Беднота» Л. С. Сосновский, В. И. Ленин сразу же обратил внимание на ее конкретность и наглядность в освещении опыта строительства социализма в небольшом захолустном городке (книга была издана в Весьегонске) Тверской губернии. Издание подобного рода книг, «наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых ценным фактическим содержанием... было бы бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, журнальных и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни»⁸, — отмечал он. В 1920 г. в предисловии к американскому изданию книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» В. И. Ленин писал: «...я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата»⁹.

Популяризатор, по мысли В. И. Ленина, должен не упрощать сложные проблемы, не опускаться до уровня неразвитого читателя, он обязан неуклонно и последовательно поднимать его уровень. «Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя, — напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и помогает ему делать эту серьезную и трудную работу, ведет его, помогая ему делать первые шаги и уча идти дальше самостоятельно»¹⁰.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 410.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 34, стр. 4.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 80.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 212—213.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 363.

⁹ См. Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М. 1957, стр. 5.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 285.

Строгая научность и конкретность в сочетании с простотой и общедоступностью изложения — таково одно из основных ленинских требований к научно-популярной литературе. Важно подчеркнуть при этом, что Владимир Ильич всегда настаивал на необходимости борьбы с упрощенчеством, с подменой подлинной научности щеголянием псевдонаучными словечками.

Другое не менее важное требование, выдвинутое В. И. Лениным, — яркость, эмоциональность и краткость изложения. Ознакомившись с книгой О. А. Ерманского «Научная организация труда и система Тэйлора», Владимир Ильич записал: «...«популярное изложение требует также устранения повторений. Читать большие книги «народу» некогда. Книга г-на Ерманского чрезмерно велика, и без всякой надобности. Это мешает ее популярности...»¹¹.

Яркость изложения самым тесным образом связана с писательским, журналистским талантом. В. И. Ленин указывал, что издательский работник должен всячески поощрять творческую самостоятельность авторов, их индивидуальный почерк. Как современно звучит его совет «поменьше бояться того, что автор подписанной статьи выразится по своему»¹².

Н. К. Крупская в одной из работ, посвященных памяти В. И. Ленина, дала обобщенную характеристику его приемов популяризации марксизма. «Ленин, — писала она, — придавал громадное значение умению говорить и писать популярно. Это необходимо, чтобы сделать доступным, понятным массе коммунизм, как свое собственное дело. Популярная речь, популярная брошюра должна иметь конкретную цель, которая побуждает к известному действию. Политическая мысль, развиваемая в популярной речи, должна быть четкая, ясна, значительна. Недопустима никакая вульгаризация, упрощенчество, отступление от объективности. Изложение должно быть четко по своему плану, помогать слушателю или читателю самому делать выводы и лишь подытоживать, формулировать эти уже осознанные слушателем или читателем выводы»¹³.

Ленинские взгляды на специфику отдельных жанров литературы, в том числе и научно-популярной, изучаются у нас в основном языковедами и литературоведами¹⁴; историки, к сожалению, стоят в стороне от этого важного дела. Между тем следование ленинским советам — одно из условий, обеспечивающее создание доброкачественных научно-популярных книг, брошюр и статей.

За последнее время у нас издано довольно много научно-популярной литературы. С 1956 по 1962 г. только по истории советского общества вышло около 650 работ¹⁵. Однако если эту литературу распределить по датам выпуска, то картина окажется не столь благополучной, как это представляется на первый взгляд: 25% книг было издано в 1957 г.; 26% — в 1958; 18% — в 1959; 15% — в 1960; 4% — в 1961 и 12% — в 1962. Несмотря на очевидную необходимость все более широкой и активной популяризации исторических знаний, выпуск научно-популярной литературы в последние годы сокращается.

Вместе с тем книжная статистика убедительно свидетельствует о том, что те издательства, руководители которых хорошо понимают огромное политическое значение пропаганды исторических знаний, не снижают, а с каждым годом увеличивают выпуск книг научно-популяр-

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 332.

¹² «Ленинский сборник» III, стр. 386.

¹³ «Ленин — журналист и редактор». М. 1960, стр. 308.

¹⁴ См., например, Э. А. Лазаревич. Искусство популяризации. М. 1960. К сожалению, конкретному разбору подвергнута в книге лишь естественнонаучная литература.

¹⁵ Подсчеты сделаны по «Книжной летописи».

ного характера. Так, если в 1959 г. в Государственном издательстве политической литературы были выпущены всего 23 научно-популярные книги по истории советского общества, то в 1961 г. эта цифра достигла 46, а в 1962-м — 51. Обращает на себя внимание целенаправленность в деятельности издательства. Здесь, например, задумана и успешно осуществляется публикация нескольких серий брошюр для массового читателя. Это, как правило, ярко написанные, небольшие по объему и хорошо оформленные книги. К числу их следует отнести брошюры из серии «Города-герои», «Герои и подвиги», «Из истории Советской Родины», посвященные героическому труду, боевым подвигам советского народа и выдающимся деятелям нашего государства. Для более подготовленного читателя издательство выпускает научно-популярные монографии по важнейшим проблемам отечественной истории¹⁶. Регулярно издаются серии «В помощь изучающим историю КПСС», «Съезды, конференции и пленумы ЦК КПСС», «Консультации по истории КПСС». Всяческого поощрения заслуживает почин издательства в выпуске работ о выдающихся партийных и государственных деятелях, трагически погибших в годы культа личности Сталина. Растет число научно-популярных книг, выпускаемых Соцэкгизом.

Хорошее планирование отличает работу ряда республиканских и областных издательств. Среди них первым надо упомянуть Ленинградское областное издательство, регулярно выпускающее книги по истории героического Ленинграда и других городов северо-запада страны, по истории фабрик и заводов¹⁷. Обращают на себя внимание хорошо написанные очерки об отдельных людях — героях и тружениках, чья судьба была тесно связана с городом на Неве.

Признание у читателей получили книги, выпущенные Латвийским государственным издательством. За последние годы Латгосиздат опубликовал ряд ценных работ по истории комсомольских организаций, книг о видных революционерах.

В издательствах Донецка, Волгограда, Свердловска, Новосибирска и других крупных промышленных центров главное внимание обращается на подготовку и выпуск книг по истории фабрик и заводов. В городах с богатым историческим прошлым, таких, как Владимир, Ярославль, Новгород, регулярно выпускаются путеводители по историческим местам, а также другая литература справочного характера. В Архангельске предпринято издание серии научно-популярных брошюр по отдельным периодам советской истории Архангельской области. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить.

Подчеркивая хорошо поставленное планирование, широкую географию изданий и другие положительные моменты в работе многих издательств, мы не можем, однако, пройти мимо серьезных недостатков, все еще имеющих место. Возьмем, например, Академиздат. Несмотря на то, что это издательство располагает высококвалифицированным авторским активом, оно в течение последних лет ограничилось выпуском в свет всего лишь нескольких научно-популярных брошюр по истории советского общества, причем выпуск этот осуществлялся крайне нере-

¹⁶ См. Г. Н. Голиков. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959; Г. Г. Алахвердов и др. Краткая история гражданской войны в СССР. М. 1960; И. Я. Трифонов. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921—1937). М. 1960; А. Ф. Хавин. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М. 1962, и др.

¹⁷ «Бастионы революции». Вып. 1—3. Л. 1957—1960; «Ленинградский металлический завод». Л. 1957; П. П. Губанов. Строители турбин. Л. 1959; И. Г. Андреев. Невские прядильщики. Л. 1959; «Знамя труда». Л. 1960; Н. Я. Иванов. Великий Октябрь в Петрограде. Л. 1957; Я. Г. Темкин. Петроград в послеоктябрьские дни. Л. 1958; М. А. Столяренко. Моряки в огне революции. Л. 1960; А. Н. Ацаркин. Под большевистское знамя. Л. 1958; Ф. И. Сирота. Ленинград—город-герой. Л. 1960; М. А. Дудин, В. Б. Соловьев. Ради твоей жизни. Л. 1962, и др.

гулярно, без какого-либо заранее продуманного плана. То же можно сказать о работе крупнейших вузовских издательств — «Высшая школа», издательств Московского и Ленинградского университетов¹⁸. Характерно, что в 1963 г. в план этих трех издательств совсем не был включен выпуск научно-популярных книг по истории советского общества. В их деятельности наиболее ярко проявился недостаток, присущий ряду наших издательских учреждений и выражающийся в том, что в какой-то мере оказалась утраченной хорошая традиция пропаганды научных знаний видными учеными.

На общем собрании АН СССР в октябре 1962 г., где обсуждались задачи общественных наук в условиях развернутого строительства коммунистического общества, акад. Л. Ф. Ильичев внес предложение миллионными тиражами «печатать высокоталантливую, живую, популярную, интересную книгу, брошюру»¹⁹. В постановлении собрания говорилось: «Обратиться ко всем академикам и членам-корреспондентам с призывом принять активное участие в подготовке яркой, доходчивой и глубоко содержательной научно-популярной литературы. Президиуму АН СССР совместно с Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний организовать выпуск серии научно-популярной литературы «Науку — в массы»²⁰.

Долг советских ученых — откликнуться на этот призыв и принять самое активное участие в пропаганде исторических знаний.

Особую роль в большом и важном деле пропаганды исторических знаний призвано сыграть издательство «Знание» — единственное в стране, специализирующееся на выпуске научно-популярной литературы. Редакция серии «История» в этом издательстве выпустила в свет значительное количество книг, отличающихся высокой научностью, хорошей формой изложения, образным языком. Особенно надо отметить цикл брошюр по историографии²¹. Однако в работе «Знания» есть существенные недостатки. К числу их прежде всего следует отнести то, что редакция серии «История» до сих пор не смогла четко определить свой профиль. Так, ею нередко издаются книги по вопросам организации труда, антирелигиозной пропаганды, которые скорее относятся к работам экономического и философского характера.

В связи с этим нельзя не сказать и об отдельных местных издательствах, в работе которых нет четкого плана выпуска научно-популярной литературы. Например, Омское, Хабаровское, Астраханское и некоторые другие областные издательства практически ограничились тем, что выпустили несколько брошюр к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Крайне мало книг выпускает историческая редакция такого крупного издательства страны, как Учпедгиз. А ведь Учпедгиз мог бы удовлетворить спрос в научно-популярной литературе такой широкой и любознательной категории читателей, как учащиеся средней школы.

Интересен и поучителен анализ тематики научно-популярных работ. Наибольшее количество из всего, что издано в стране за период с 1956 по 1962 г. (36%), имеет отношение к сюжетам истории Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Это свидетельствует о том, что историки главное вни-

¹⁸ Правда, отдельные попытки выпуска научно-популярной литературы предпринимались и этими издательствами (см., например, П. М. Горлов. Ленинский призыв. Изд-во МГУ. 1962, и др.).

¹⁹ «Строительство коммунизма и общественные науки». М. 1962, стр. 297.

²⁰ Там же, стр. 305.

²¹ М. П. Ким. Над чем работают историки. М. 1962; В. В. Лебедев, А. О. Чубарьян. Против антинаучного освещения истории Октябрьской революции в современной буржуазной историографии США и Великобритании. М. 1959; В. П. Наумов. Вопросы истории советского общества в трудах В. И. Ленина. М. 1960; Ю. С. Борисов. Советская историческая наука. М. 1961.

мание обращают на наиболее героические страницы в жизни нашей Родины, стремятся поставить на службу делу коммунистического воспитания историю боевых подвигов народа. Вторую по величине группу (28%) составляют очерки о жизни и деятельности В. И. Ленина, выдающихся партийных и государственных деятелей, видных ученых, героев труда. Более 20% изданий приходится на работы по истории комсомола, написанные специально для юношества. Довольно много книг посвящено истории фабрик и заводов, отдельных городов и районов страны (14%).

Отмечая значительный объем выпущенной литературы, посвященной указанной тематике, мы в то же время должны констатировать недостаточное умение многих историков ярко и убедительно, в расчете на широкую читательскую аудиторию писать о героике труда. Заметим к тому же, что трудовым подвигам рабочего класса, событиям периода индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, вопросам истории советского крестьянства, борьбы Советского государства за мир посвящено лишь немногим более 2% книг.

Таким образом, даже самый общий анализ рассмотренных данных заставляет нас сделать вывод, что необходимо уделить больше внимания научно-популярной литературе.

Научный уровень книги и форма, в какой в ней ведется изложение, находятся в прямой зависимости от степени подготовки автора. Не случайно лучшие научно-популярные работы принадлежат перу самых квалифицированных историков. Но, к сожалению, большинство крупных ученых находится в стороне от этого дела. Еще и теперь бытуют взгляды, что научно-популярные работы не только не украшают, но даже компрометируют (!) серьезных исследователей. Многие издательства жалуются на отсутствие авторов высокой квалификации. Так, работники Учпедгиза сообщили в редакцию журнала «Вопросы истории», что пока им не удалось наладить регулярный выпуск книг серии «Школьная историческая библиотека», поскольку «крупные ученые-историки мало уделяют внимания этой серии, предпочитая работать над монографиями и специальными исследованиями». Из Донецкого областного книжного издательства пишут, что при подборе авторов приходится сталкиваться с «безразличием явным или (что несколько не лучше) скрытым». Все это говорит о том, что нашим ведущим ученым необходимо осознать всю важность роли научно-популярной литературы в деле коммунистического воспитания народа и принять активное участие в ее написании.

Надо отметить как положительный факт, что в последнее время целый ряд издательств сумел привлечь к написанию научно-популярных книг способных молодых исследователей. Многое сделано в этой области также писателями и журналистами. Заслуженной популярностью пользуется у читателей писатель С. С. Смирнов, положивший в основу своих книг скрупулезно собранные факты о героях Отечественной войны²². Мастером историко-биографического очерка зарекомендовал себя журналист Н. Д. Кондратьев, книги которого, написанные на основе документов, выразительным, образным языком, рассказывают о жизни лучших сынов нашего народа, героев Великого Октября и гражданской войны²³.

²² С. С. Смирнов. Брестская крепость. М. 1957; его же. В поисках героев Брестской крепости. М. 1957; его же. Герои Брестской крепости. М. 1959.

²³ Н. Д. Кондратьев. Карл Зедин. М. 1955; его же. Сыны народа. Очерки. Рига. 1956; его же. Ян Фабрициус. М. 1957; его же. Иван Вахрамеев. М. 1957; его же. Комбриг Юдин. Казань. 1958; его же. Товарищ Петерсон. Рига. 1959; его же. Начдив Железной Азин. М. 1960; его же. Гори мое сердце... (о революционере С. М. Нахимсоне. 1885—1918). Рига. 1961; его же. Сквозь револьверный лай... (подвиг советских дилжурьеров Т. Нетте и И. Махмасталя). М. 1962.

Авторами хороших книг являются не только историки, журналисты и писатели, но также люди других профессий. Наглядным примером тому может служить продукция Алтайского книжного издательства, познакомившего советского читателя с такими нужными изданиями, как биографический очерк о прославленном командире партизанского отряда Е. М. Мамонтове, написанный преподавателем истории А. А. Худяковым, книга партийного работника А. М. Буторина, создавшего впечатляющую картину антиколчаковского крестьянского восстания в селе Зимино, очерк краеведа Д. Я. Смирнова о боевом пути прославленного командира М. И. Ворожцова²⁴.

Таким образом, для создания полноценных научно-популярных работ необходимы прежде всего хорошее знание предмета, увлеченность наукой и владение методом исторического анализа. Если же за создание научно-популярной книги берется ремесленник, человек бесстрастный, пусть даже имеющий диплом специалиста, более того, ученую степень, то здесь успеха ожидать трудно. Сошлемся в качестве примера на книгу Г. И. Шигалина «Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны» (Соцэкгиз. 1960), которая была подвергнута острой критике за низкий научный уровень и многочисленные факты плагиата²⁵. Небезынтересно отметить, что автор, отвечая критикам, пытался сослаться в свое оправдание на научно-популярный характер книги, к которой якобы нельзя предъявлять высоких научных требований²⁶. Здесь налицо образчик вреднейшей «теории», ведущей к оправданию халтуры в нужном и очень важном деле популяризации исторических знаний. За создание научно-популярных работ нередко берутся люди, не уважающие ни историческую науку, ни читателя. Из Донецкого областного книжного издательства пишут: «Часто к делу привлекаются так называемые литературные записчики, в записях которых даже при самом тщательном рассмотрении трудно обнаружить что-либо литературное». От такого рода «специалистов-популяризаторов» страдают не только местные, но и центральные издательства.

В последнее время многие издательства резко повысили требования к авторам научно-популярных работ. Всяческого одобрения в этом плане заслуживает все более входящая в практику традиция представлять авторов читательской аудитории. Так, об авторе книги «Пламенный солдат революции (Н. И. Подвойский)» (М. 1962) И. П. Лейберове издательство сообщает: «Кандидат исторических наук, автор ряда работ по истории революционной борьбы рабочего класса Петрограда с царизмом. Ему принадлежит также несколько статей о жизни и деятельности Н. И. Подвойского». В аннотации на книгу О. А. Лежевы и Н. В. Нелидова «М. С. Ольминский. Жизнь и деятельность [1863—1933]» (М. 1962) указывается, что авторы лично знали М. С. Ольминского. Опубликование этих сведений, несомненно, интересных для читателя, вместе с тем заставляет тех, кто пишет книги, с большей ответственностью относиться к своему труду.

Как уже отмечалось выше, литература для массового читателя должна быть прежде всего подлинно научной; только тогда она сможет отвечать своему назначению — нести новейшие достижения исторической науки в массы. Нет никакой надобности в повторном издании книг, содержащих давно известные факты, обобщения и выводы. Работы, повторяющие старые истины, не могут привлечь внимания читате-

²⁴ А. А. Худяков. Е. М. Мамонтов. Барнаул. 1957; Д. Я. Смирнов. М. И. Ворожцов (Анатолий). Барнаул. 1958; А. М. Буторин. Зиминское восстание. Барнаул. 1960.

²⁵ В. П. Данилов, Г. А. Куманев. Об одной разновидности литературного плагиата. «История СССР», 1960, № 6.

²⁶ См. «Еще раз о приемах научной работы (ответ Г. И. Шигалину)». «История СССР», 1961, № 4.

лей. Основная задача научно-популярной литературы — это широкая пропаганда не любых исторических знаний, а прежде всего новейших достижений науки. Сообщая об открытиях, сделанных в специальных исследованиях, она вместе с тем может служить ценным дополнением к ним. Показательна в этом смысле книга В. Г. Коновалова «Герои одесского подполья» (М. 1960), сообщающая много важных сведений о возникновении и организационной структуре коллегии иностранной пропаганды Одесского комитета Коммунистической партии, ее составе и методах работы, о героическом подвиге и гибели ее руководителей. Назовем также брошюру В. Д. Поликарпова «Бурям навстречу [О революционере А. В. Мокроусове]» (Симферополь. 1961), в которой уточняется ряд важных фактов, проливающих свет на то, как во время Октябрьского вооруженного восстания отрядом революционных моряков было захвачено Петроградское телеграфное агентство. Т. А. Жданова в книге «Крепость на Неве»²⁷ сообщает многие подробности из жизни Ленинграда в период его обороны в годы Великой Отечественной войны. Эти и другие книги говорят о том, что лучшие популярные издания являются плодом глубокого научного исследования.

Н. К. Крупская, знакомя начинающих авторов с опытом В. И. Ленина в области популяризации научных знаний, обращала внимание на то, что ленинская брошюра «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» основана только на фактах. «Брошюра, — писала Надежда Константиновна, — убеждает не словами, а фактами: они так говорящи, так убедительны, что рабочие сами делают выводы»²⁸. Научно-популярная литература должна обязательно отвечать этому требованию. Забвение его ведет к упрощенчеству, а всякое упрощенчество несовместимо с научностью. Так, в книге «Славный путь рабочего класса Казахстана» говорится о решающей роли пролетариата в строительстве советского государственного аппарата: «Из рабочих формировался аппарат руководящих органов государства, к государственной деятельности приобщались широкие массы трудящихся города и деревни»²⁹. Однако в качестве доказательства этого совершенно правильного положения приводится всего лишь один факт: «Однажды председатель Усть-Каменогорского Совета рабочих депутатов Яков Ушаков вызвал к себе рабочего казаха Баяша Утепова и сказал: «Баяш, нам надо устанавливать Советскую власть на местах, создавать волисполкомы»³⁰. Баяш Утепов был послан на советскую работу. Но на основании единственного факта делать вывод о решающей роли рабочего класса в создании советского государственного аппарата, конечно, нельзя. Авторам, на наш взгляд, следовало бы привести целый ряд убедительных примеров и обобщающих данных.

Одним из негодных приемов надо признать попытки искусственно приукрашивать события и поступки людей. Этот недостаток, нанесший большой вред исторической науке в период господства культа личности Сталина, успешно преодолевается в фундаментальных исследованиях. Однако в научно-популярной литературе он зачастую дает себя знать и сейчас. Так, в книге по истории Харьковского тракторного завода говорится, что уже с осени 1930 г. почти все строители ХТЗ принимали активное участие в соревновании³¹. Это утверждение, очевидно, понадобилось для обоснования тезиса о трудовом энтузиазме рабочих.

²⁷ Т. А. Жданова. Крепость на Неве. Оборона Ленинграда в Великой Отечественной войне. М. 1959.

²⁸ «Ленин — журналист и редактор». М. 1960, стр. 304.

²⁹ А. Р. Ахметов, А. А. Байшин, А. С. Рахимов. Славный путь рабочего класса Казахстана. Алма-Ата. 1960, стр. 40—41.

³⁰ Там же.

³¹ «Очерк истории Харьковского тракторного завода имени Орджоникидзе. 1931—1961». Харьков. 1962, стр. 8—9.

Но через две страницы авторы, противореча себе, столь же категорично заявляют: «Социалистическое соревнование и ударничество не были развернуты»³².

Научно-популярные работы подчас перегружены второстепенными деталями, заслоняющими главное. Это происходит от того, что некоторые авторы не умеют из суммы фактов отобрать наиболее важные. Так, Л. М. Спирин, написавший в целом хорошую книгу «На Колчака» (М. 1962), воспроизводит в мельчайших подробностях сцену расстрела кровавого адмирала, уделяя этому несколько страниц небольшой по объему работы. В то же время у автора не остается места для развернутых характеристик прославленных командиров партизанских отрядов В. И. Громова, А. Д. Кравченко, Е. М. Мамонтова, П. Е. Щетинкина. Ю. А. Арбат в книге «Фарфоровый городок» (М. 1957) приводит массу ненужных деталей из жизни бывшего хозяина завода Гарднера, а лучшие производственники, прославившие себя трудовыми подвигами в годы Советской власти, остаются вне поля зрения.

Неумение отобрать главное нередко в значительной мере обесценивает всю работу. В последнее время вышло немало книг о партийных и государственных деятелях, пострадавших в годы культа личности Сталина. В освещении их жизни и деятельности большой интерес представляет советский период. Однако, например, в брошюре Т. П. Бондаревской, посвященной А. В. Шотману³³, периоду с 1917 по 1939 г. отведено всего лишь две страницы сухого, протокольного текста.

Читатель с большим интересом знакомится с литературой, раскрывающей творческую лабораторию автора. Он охотно обращается, например, к произведениям С. С. Смирнова, где рассказывается о методике работы писателя, о собирании фактов, о путях поисков оставшихся в свое время неизвестными героев Великой Отечественной войны.

С большим вниманием читаются книги, содержащие элементы историографии. Благодаря им происходит знакомство с достижениями ученых, познается борьба мнений по тем или иным вопросам. Книги, проникнутые духом полемики, написанные живо и увлекательно, способствуют развитию самостоятельного мышления у читателя.

Одним из решающих условий успешной популяризации исторических знаний является живая, доступная форма изложения. Книга, рассчитанная на широкий читательский круг, только в том случае выполнит предназначенную ей роль, если она будет написана увлекательно и образно. Надо сказать, что в этой области предстоит еще большая работа. До сих пор продолжают выходить из печати книги, которые страдают стилистическими погрешностями, нелитературными оборотами. С. Голубев, один из авторов в целом хорошего сборника «Полководцы гражданской войны», в следующих словах описывает бои на Южном фронте: «...Первая Конная Буденного уже летит на фронт Кременчуг — Елизаветград. И крылья ей подвязал сам Ленин»³⁴. Но выражение «подвязать крылья» равнозначно выражению «урезать крылья»³⁵, то есть по смыслу противоположно тому, что хотел сказать С. Голубев.

Надо, однако, заметить, что сама по себе прамотность текста не гарантия того, что он будет убедительным и увлекательным, что он захватит читателя. От автора популярного политического произведения требуется языковое мастерство, умение стилистически целесообразно использовать все средства русского языка. А средства эти очень богаты и разнообразны.

³² Там же, стр. 11.

³³ Т. П. Бондаревская. А. В. Шотман. 1880—1939. М. 1963.

³⁴ «Полководцы гражданской войны». М. 1960, стр. 37.

³⁵ См. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2, М. 1955, стр. 205; М. И. Михельсон. Ходячие и меткие слова. СПб. 1896, стр. 174.

К сожалению, среди научно-популярных книг лишь очень немногие написаны увлекательно. Чаще издаются работы, изложенные сухим, скучным языком. Непонятно, на кого они рассчитаны; во всяком случае, массового читателя они привлечь не могут и называются популярными на том лишь основании, что не являются научными.

Один из главных недостатков языка и стиля научно-популярной литературы — использование готовых формул, так называемых словесных штампов. От них в свое время предостерегал М. И. Калинин: «А знаете, что значит говорить готовой фразой. Это значит, что ваша мысль не работает, а работает лишь язык. Готовой фразой вы впечатления на людей не произведете. Не произведете потому, что ее и без вас знают»³⁶. Именно такими словесными штампами заполнена значительная часть брошюры М. Е. Дзюбы и Г. М. Михалева «В борьбе за власть Советов». Вот как авторы рисуют положение рабочих Орловской губернии в царское время: «Продолжительность рабочего дня, как правило, на заводах и фабриках Орловской губернии превышала 12 часов, а на отдельных предприятиях рабочий день длился до 15—16 часов. Условия труда были невыносимо тяжелые. На предприятиях отсутствовала элементарная техника безопасности. Подавляющее большинство рабочих получало 50 копеек и даже 20—30 и лишь незначительная часть высококвалифицированных рабочих — 1 руб. 20 коп.»³⁷. Может ли такое описание оказать воздействие на читателя, вызвать у него чувство глубокой взволнованности? Что означает 50 копеек: много или мало для того времени; что рабочий мог купить на эти деньги; как он питался — все эти вопросы остаются без ответа. Я. М. Досумов в книге об установлении Советской власти в Кара-Калпакии в следующих словах говорит о тактике большевиков накануне социалистической революции: «Большевики настойчиво боролись за консолидацию революционных сил, за дальнейшее упрочение союза рабочих и крестьян, боролись за установление более крепких связей большевистских групп с трудящимися аулов и кишлаков Аму-Дарьинского отдела»³⁸. Конечно, такая фраза не может задержать внимание читателя.

Увлекательность книги во многом зависит от того, содержит ли она яркие и точные характеристики людей, в ней описываемых. Однако и здесь иногда приходится констатировать штамп, которым прикрывается боязнь обращаться к биографическим материалам. Уже достаточно говорилось о безликости некоторых исторических трудов. Этот недостаток особенно остро проявлялся в работах научно-популярного характера. К сожалению, преодолевается он очень медленно. Правда, сейчас трудно назвать книгу, в которой не упоминались бы имена героев, совершивших ратные и трудовые подвиги. Но одного лишь упоминания фамилий еще слишком мало. Вот типичные примеры: «Рационализаторы А. Викторов, А. Милогородский, А. Дьяков своими предложениями внесли крупный вклад в освоение новых способов варки металла»; «В этом тяжелом сражении большое мужество и бесстрашие проявили коммунисты завода С. М. Солодовников, Р. В. Матюхов, К. П. Нагаев, В. Д. Поляков, П. А. Синепупов, Я. М. Переславцев, А. Г. Якунин и многие другие»³⁹; «Имена комсомольцев Матусова, Мацкина, Сидоренко, Зайцева, Горбачева, Маргулян, Керикеша и других были хорошо знакомы рабочим тракторостроя»⁴⁰. Можно ли надеяться, что подобные переч-

³⁶ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. Изд. 2-е. М., 1946, стр. 44.

³⁷ М. Е. Дзюба, Г. М. Михалев. В борьбе за власть Советов. Орел. 1959, стр. 6.

³⁸ Я. М. Досумов. Установление Советской власти в Кара-Калпакии. Нукус. 1957, стр. 6.

³⁹ «Заводу имени Дзержинского 90 лет». Воронеж. 1958, стр. 17, 24.

⁴⁰ «Очерк истории Харьковского тракторного завода имени Орджоникидзе. 1931—1961», стр. 10.

ни фамилий пробудят у читателя любовь и уважение к людям той или иной профессии, стремление подражать славным героям рабочего класса? Очевидно, эффект при подобной подаче материала практически равен нулю. Это о таких книгах А. М. Горький еще в 1932 г. говорил: «У вас куча людей ходит в рукописи с одними фамилиями, без лиц, без биографий»⁴¹. Совершенно очевидно, что забота о выразительности научно-популярных сочинений должна занимать у автора и издательства одно из главных мест.

Улучшению качества научно-популярной литературы во многом будет способствовать критический разбор книг этого жанра. Большую роль при этом могло бы сыграть обобщение читательских писем в издательствах. Успехи Госполитиздата в области выпуска научно-популярной литературы объясняются, в частности, тем, что письмам читателей здесь уделяется самое серьезное внимание. Некоторое представление об объеме переписки издательства могут дать следующие цифры. В редакции историко-партийной литературы и литературы по истории советского общества в 1961 г. поступило 540 писем, в 1962 г. — 798. Пишут люди всех возрастов — от школьников до пенсионеров. И. Богданов, ученик 8-го класса одной из средних школ Тюменской области, прочитав книгу «Люди бессмертного подвига», сообщал: «Эти люди понравились мне своей находчивостью, отвагой и мужеством. Книгу я отнес в класс, и мы всем классом ее читали и всем классом обсуждали». Примечательно, что полюбившаяся школьникам книга не легла на книжную полку, а была прочитана всем классом и вызвала горячее обсуждение. М. П. Рак, пенсионер из Киева, прочитав биографию Г. К. Орджоникидзе⁴², писал: «Большое вам спасибо за издание этой хорошей, нет, замечательной, книги». Письма в издательство прислали рабочий-плотник из Пермской области А. Неклюдов, который сообщил свой отзыв на брошюру Э. Ю. Ривоша о П. П. Постышеве, колхозник И. И. Романец из Одесской области, поделившийся впечатлениями о книге П. З. Шелест «Судьба ходока», политработник Советской Армии В. П. Тарасов, давший оценку брошюре В. В. Душенькина «От солдата до маршала»⁴³.

Мотивы, которыми руководствуются те, кто обращается в издательство, самые разные. Здесь и желание поделиться впечатлениями, и критические замечания, и просьбы выпустить ту или иную книгу. М. В. Никулина, бывшая узница фашистских застенков, пишет, что книга Г. В. Евстигнеева «Полет на свободу»⁴⁴ глубоко взволновала ее и помогла острее прочувствовать и осознать пережитое. В. П. Измайчев, бывший узник фашистского концентрационного лагеря Заксенхаузен, в отзыве на брошюру Г. В. Евстигнеева сообщил ряд новых данных, связанных с подвигом Девятаева, которого он лично знал.

Особенно полюбившиеся читателям книги порождают многочисленные отклики. Бетонщик комсомолец Ларин из Владивостока, прочитав книгу В. В. Душенькина, написал автору: «...Мой отец служил в войсках В. К. Блюхера во время конфликта на КВЖД и лично знал В. К. Блюхера. Он еще в дни моего детства рассказывал мне об этом человеке и военачальнике, но прочитать в литературе того времени о В. К. Блюхере я ничего не мог... В Вашей книге «От солдата до маршала» очень хорошо и многогранно показаны жизнь и военно-политический талант прославленного полководца». Ценные критические замечания высказал в своем письме участник гражданской войны В. П. Голионко.

⁴¹ «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов». М. 1959, стр. 236.

⁴² В. С. Кириллов и А. Я. Свердлов. Григорий Константинович Орджоникидзе (Серго). Биография. М. 1962.

⁴³ В. В. Душенькин. От солдата до маршала. М. 1960.

⁴⁴ Г. В. Евстигнеев. Полет на свободу (О герое Советского Союза М. П. Девятаеве). М. 1960.

Много новых сведений о жизни В. К. Блюхера приводят в своих письмах В. Н. Карпов и Ф. В. Телевной. Читатели хотят узнать как можно больше об этом замечательном герое и полководце, просят подробнее рассказать о его семье. Письма читателей помогли автору и издательству выпустить второе, переработанное издание брошюры о прославленном маршале.

Письма читателей представляют большой интерес не только для авторов и издательств. Они важны и для рецензентов. Знакомство с ними помогает рецензенту уберечься от субъективных оценок. К сожалению, мы не встретили ни одной рецензии специалиста, в которой использовались бы письма читателей. Да и вообще число рецензий весьма ограничено. Если «массовый читатель» щедро откликается на научно-популярную литературу, то ученые-специалисты делают это не так охотно. Подавляющее большинство рецензий публикуется в газетах и носит скорее характер развернутых аннотаций, преследующих рекламные цели. Научные журналы редко публикуют рецензии на этот вид литературы. Так, за рассматриваемый период в центральных и местных журналах было напечатано всего лишь около 50 рецензий, между тем как за это время вышло 650 научно-популярных работ.

Ценные рецензии опубликованы на страницах журнала «Коммунист»⁴⁵. Большой интерес представляют сводные тематические обзоры научно-популярной литературы⁴⁶.

В заключение нам хотелось бы высказать несколько замечаний относительно организации работы по изданию в стране книг научно-популярного характера. Прежде всего был бы, как нам представляется, целесообразен для всех издательств общий сводный план выпуска этого жанра литературы. Такой план помог бы избежать дублирования и позволил бы сконцентрировать лучшие авторские силы на наиболее важных, узловых проблемах.

Необходимо планирование работы над созданием научно-популярных книг в научно-исследовательских учреждениях системы Академии наук и в вузах страны. Сейчас, по существу, сложилось такое положение, при котором подготовка их является личным делом исследователя.

Наконец, следует поднять уровень пропаганды научно-популярной литературы, используя для этой цели «Книжную летопись», «Новые книги» и другую текущую государственную библиографию СССР, увеличить число рецензий и обзоров на страницах нашей печати, повысить активность работников книжной торговли.

Чтобы успешно выполнить поставленные партией задачи в области популяризации исторических знаний, необходимо коренным образом улучшить качество научно-популярной литературы, решительно пересмотреть отношение многих руководителей научных и книгоиздательских учреждений к этому виду творчества. В постановлении июньского Пленума ЦК КПСС подчеркивается, что «почетный долг советских ученых — нести знания в массы»⁴⁷. Выполнению этого долга должна быть подчинена работа всех историков и прежде всего тех из них, кто занимается изучением опыта трудящихся Страны Советов, ведущих героическую борьбу за построение коммунистического общества.

⁴⁵ В. Климушев. Книги о героях Октября. «Коммунист», 1958, № 15; Б. Назаровский. Популярная литература и местное издательство. «Коммунист», 1960, № 13; Ю. Корольков. Герои и подвиги. «Коммунист», 1962, № 16.

⁴⁶ См. Л. С. Рогачевская. Некоторые итоги изучения истории фабрик и заводов. «Вопросы истории», 1963, № 3; Л. Б. Генкин. Книги по истории городов СССР. «История СССР», 1959, № 5; Б. А. Блох, П. Т. Рущенко и Н. П. Чирков. История фабрик и заводов Украины. «История СССР», 1962, № 6; И. В. Антипова, М. И. Школьник. Книги по истории Уралмаша. «История СССР», 1961, № 1.

⁴⁷ «Правда», 22 июня 1963 года.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ

М. А. Вылцан

В советской литературе, посвященной общим или частным вопросам истории развития советской деревни в период становления и укрепления колхозного строя, приведено немало сведений о материальном положении крестьянства¹. В настоящей статье на основе не опубликованных ранее материалов Госплана СССР, Центрального управления народнохозяйственного учета при Госпланах СССР и РСФСР, Наркомзема СССР предпринята попытка осветить два наименее изученных вопроса: доходы колхозников от общественного и личного хозяйств и уровень потребления колхозного крестьянства в период второй и третьей пятилеток (1933—1940 гг.).

В результате осуществления ленинского кооперативного плана в СССР была успешно решена труднейшая после завоевания власти рабочим классом историческая задача — переход миллионов мелко-собственнических крестьянских хозяйств на путь социализма. Коллективизация обеспечила прочную социалистическую базу в сельском хозяйстве, открыла широкие возможности для роста материального благосостояния крестьянства. В постановлении XVII съезда ВКП(б) «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)», наметившем развернутую программу повышения жизненного уровня народа, отмечалось, что «завершение в течение второй пятилетки коллективизации всей массы крестьянских хозяйств, ликвидация кулачества и подавление всех и всяких попыток кулацкого сопротивления, прекращение расслоения крестьянства на имущих и неимущих и уничтожение в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне, при неуклонно организационно-хозяйственном укреплении колхозов и быстром росте их машинно-технической базы — все это создает небывало благоприятные условия для быстрого подъема материального уровня колхозно-крестьянской массы и для достижения культурной и зажиточной жизни колхозников и ставит темпы этого подъема в прямую зависимость от организованности и производительности труда самих колхозников»².

Десятки тысяч колхозников стали энтузиастами общественного труда. Пройдя в артелях замечательную школу коллективизма, они укрепляли колхозное хозяйство, приумножали общественную социалистическую собственность, видя в ней источник общественного и личного благосостояния. Если в 1932 г. число трудодней у одного колхоз-

¹ См. С. А. Хейнман. Рост благосостояния колхозной деревни. М. 1939; А. Тулупников. Победа колхозного строя и подъем жизненного уровня советского крестьянства. «Социалистическое сельское хозяйство», 1940, № 8—9; В. В. Бондаренко. Развитие общественного хозяйства колхозов Украины в годы довоенных пятилеток. Киев. 1957; М. И. Федорова. Укрепление общественного хозяйства колхозов и изменения в политике заготовок сельскохозяйственных продуктов в мирные годы третьей пятилетки. М. 1960, и др.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. III. Изд. 7-е, стр. 218.

ника равнялось в среднем 118, то в 1937 г. — 194, а в 1939 г. — 219³. К 1940 г. колхозы СССР объединяли 96,9% всех крестьянских дворов. Валовая продукция сельского хозяйства превышала уровень 1913 г. на 41%, в том числе в земледелии — на 55% и в животноводстве — на 14%. Неделимые фонды колхозов в 1940 г. составили 27,7 млрд. руб. против 4,7 млрд. руб. в 1932 г.⁴; денежные доходы возросли с 3,2 млрд. руб. в 1932 г. до 12 млрд. руб. в 1937 г. и до 20,7 млрд. руб. в 1940 году⁵.

Доход, создаваемый в общественном хозяйстве колхозов, состоит из двух основных частей: необходимого и прибавочного продуктов. Необходимый продукт выступает в форме натуральных и денежных доходов, распределяемых между колхозниками по трудодням; прибавочный — это чистый доход колхоза. Одна часть его идет на развитие колхозного производства, на удовлетворение общеколхозных нужд; другая превращается через механизм цен и посредством подоходного налога в централизованный чистый доход государства.

Проследим, как распределялась в колхозах валовая продукция зерновых культур, а также их денежные доходы, по данным за 1935, 1937—1939 гг. (в среднем): сдача государству в порядке обязательных поставок, натуроплаты за работы МТС и возврата семенных ссуд — 32,2%; пополнение производственных фондов — 31,9%; выдача по трудодням колхозникам — 28,5%; прочие расходы — 7,4%⁶. Около 12—14% денежных доходов колхозов шло на пополнение неделимых фондов, 25% — на производственные нужды, и примерно половина распределялась между членами колхозов по трудодням⁷ (остальную часть составляли прочие расходы).

В предвоенные годы рост денежных доходов колхозов тормозился низкими заготовительными и закупочными ценами, что явилось результатом неправильного понимания Сталиным проблем развития сельского хозяйства, который, как отмечал Н. С. Хрущев, не зная существа проблем сельского хозяйства, проводил политику неоправданно заниженных заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты⁸. Например, на Украине, в Краснодарском крае, Курской и Воронежской областях заготовительная цена 1 ц сахарной свеклы в 1939 г. составляла 2 руб. 20 коп. и, по существу, лишь немногим превышала транспортные расходы колхозов за доставку свеклы к заготовительным пунктам. При перевозке свеклы на расстояние в 36 км у колхозов от заготовительной цены оставалось 1 руб. 54 коп. за 1 ц, на 40 км — 1 руб. 24 коп., на 45 км — 57 коп., на 50 км — 50 коп., на 55 км — 13 копеек⁹. Главное производственно-территориальное управление Юга при Наркомземе СССР в 1939 г. в специальном письме в ЦК ВКП(б) и СНК СССР указывало на необходимость повышения заготовительных цен на сахарную свеклу. Но в то время этот вопрос не был решен¹⁰. Низкие заготовительные и закупочные цены подрывали материальную заинтересован-

³ «Колхозы во второй пятилетке». М.-Л. 1939, стр. 36; Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР, ф. 7486, оп. 3, д. 3995, л. 133.

⁴ «Сельское хозяйство СССР», М. 1960, стр. 21, 56—57.

⁵ «Колхозы во второй пятилетке», стр. 115; «Сельское хозяйство СССР», стр. 64. По данным за 1937 г., доходы колхозов от сельского хозяйства составляли 84,7% общей суммы их денежных поступлений, в том числе от земледелия — 67,3%, от животноводства — 17,4%. Доходы от подсобных предприятий составляли 3,9%, от заработков на стороне — 7,9%, прочие — 3,5% («Колхозы во второй пятилетке», стр. 117).

⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 3, д. 1813, лл. 18, 20; д. 2681, лл. 58—59; д. 3995, лл. 176—177.

⁷ «Колхозы во второй пятилетке», стр. 107—108.

⁸ См. «Известия», 27 апреля 1962 года.

⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 2788, л. 38.

¹⁰ Там же, лл. 28—38.

ность колхозников в развитии общественного производства и нанесли большой вред сельскому хозяйству.

Наряду с коллективным хозяйством, являющимся основой материального благосостояния колхозного крестьянства, важную роль в доходах колхозного двора в рассматриваемые годы играло личное хозяйство. Необходимость сохранения личного хозяйства колхозников обуславливалась, во-первых, еще недостаточным уровнем развития производительных сил артели, невозможностью удовлетворить все потребности колхозников за счет общественного производства; во-вторых, наличием пережитков мелкособственнической психологии в сознании крестьян, мешавших им более или менее быстро отказаться от «своего» хозяйства.

Рассмотрим, каковы были размеры натуральных и денежных доходов колхозников от коллективного и личного хозяйств. По данным Госплана СССР, валовая продукция земледелия в колхозах в неизменных ценах 1926/27 г. в 1937 г. составляла 11 971,7 млн. руб., а в личных хозяйствах колхозников — 2 059,8 млн. рублей. В общем объеме валовой продукции артелей удельный вес личных хозяйств составлял по зерну 0,7%, техническим культурам — 0,7%, картофелю и овощам — 52,1%, плодовым культурам — 56,6%¹¹.

Показательны сведения* о поступлении важнейших продуктов земледелия в хозяйства колхозников:¹²

	1934/35	1935/36	1936/37	1937/38 **
<i>Зерновые культуры</i>				
Из колхоза	173,87	183,77	130,49	329,05
Из личного хозяйства	14,68	14,20	8,97	19,86
<i>Картофель</i>				
Из колхоза	140,57	195,54	107,94	147,50
Из личного хозяйства	276,15	388,21	324,50	403,61

* По данным бюджетов колхозников 13 республик, краев и областей за июль — февраль (кг на 1 чел.): БССР, Мордовская АССР, Западно-Сибирский и Азово-Черноморский края, Ленинградская, Западная, Московская, Воронежская, Куйбышевская, Оренбургская, Свердловская, Киевская, Днепропетровская области.

** Данные по 35 республикам, краям и областям (Узбекская ССР, Туркменская ССР, Грузинская ССР, Армянская ССР, Азербайджанская ССР, Белорусская ССР, Карело-Финская АССР, Татарская АССР, Винницкая обл., Калининская обл. и т. д.).

Как видно из таблицы, зерновые культуры поступали в хозяйство членов артели преимущественно из колхоза. Выдача зерна на один трудодень в 1932 г. составляла 2,3 кг, в 1935 г. — 2,5 кг, в 1936 г. — 1,6 кг, в 1937 г. — наиболее урожайном — 3,9 кг, в 1938 г. — 2,2 кг, в 1939 г. — 1,8 кг¹³. Преобладающая часть картофеля поступала с приусадебного участка.

Зерновые культуры колхозниками использовались преимущественно на личное потребление (в 1934/35—1936/37 гг. оно составило 65,4—67,2%). В связи с ростом животноводства в личном хозяйстве увеличивались расходы зерна на корм скоту. Если в 1934/35 г. они составляли всего лишь 5,6%, то в 1936/37 г. — уже 16,4%. В рассматриваемые годы

¹¹ Там же, ф. 4372, оп. 36, д. 1510, л. 26.

¹² Там же, ф. 1562, оп. 81, д. 35, лл. 18, 21; д. 40, л. 171; оп. 83, д. 2, лл. 7, 9; д. 1, лл. 7, 9, 11.

¹³ «Колхозы во второй пятилетке», стр. XII; ЦГАНХ СССР, ф. 7483, оп. 3, д. 1813, лл. 34, 36; д. 3529, лл. 106, 107; д. 4001, л. 52.

6,7—11,3% зерна колхозники продавали на рынке¹⁴. Приблизительно в таких же количествах использовался картофель: на личное потребление — 48—58%, на корм скоту — 25,2—37,2%, для продажи — 3,5—7%¹⁵.

Известно, какой тяжелый урон понесло животноводство в начальный период массовой коллективизации, когда некоторая часть крестьян, поддавшись частнособственнической стихии и кулацкой агитации, стала на путь массового уничтожения скота, что не только подорвало молодое хозяйство артелей, но и оставило многие крестьянские хозяйства без продуктивного скота.

Издержки реорганизационного периода в какой-то мере были неизбежными. Великий социальный переворот в деревне, ликвидация старых и становление новых форм хозяйства, ожесточенная классовая борьба — все это не могло пройти безболезненно. Однако степень и масштабы этих издержек были усугублены ошибками, допущенными в начальный период коллективизации. Нарушение принципа добровольности, чрезмерное форсирование темпов коллективизации, неоправданный переход в ряде случаев к высшим формам коллективизации, безусловно, отрицательно сказались на развитии колхозного производства¹⁶.

Исправляя ошибки и перегибы, допущенные, в частности, в вопросе обобществления скота, Центральный Комитет партии в постановлении от 26 марта 1932 г. подчеркнул, что у каждого колхозника должна быть своя корова, мелкий скот, птица¹⁷. ЦК ВКП(б) призвал все партийные, советские и колхозные организации оказать содействие колхозникам в приобретении продуктивного скота. В результате за период 1933—1937 гг. только совхозами было продано колхозам и колхозникам в порядке оказания государственной помощи 1,4 млн. голов крупного рогатого скота, 2 млн. свиней, 3,4 млн. овец. Продажа скота в личное пользование проводилась и колхозными товарными фермами. Это была мера, вызванная конкретными условиями развития социалистического сельского хозяйства в рассматриваемое время. В 1933—1937 гг. товарные фермы продали колхозникам 1,69 млн. голов молодняка крупного рогатого скота, 4,54 млн. ягнят, 16,14 млн. поросят¹⁸.

Вследствие того, что скот продавался крестьянам по ценам, которые были в несколько раз ниже рыночных, в 1935 г., по данным 92,3% колхозов страны, члены артелей получили экономию в сумме 305,5 млн. руб., в 1936 г., по данным 96,4% колхозов, — 476,3 млн. рублей. В 1937 г. экономия от покупки скота в колхозных фермах по льготным ценам составила: в колхозах Калининской области 3,6 млн. руб., Ленинградской — 3,5 млн. руб., Новосибирской — 4,7 млн. руб., Ростовской — 6,3 млн. руб.¹⁹ и т. д.

К 1939 г. в обеспечении крестьян скотом были достигнуты ощутимые результаты. По сравнению с 1934 г. на 100 дворов колхозников количество крупного рогатого скота увеличилось с 95,5 головы до 148,5, овец и коз — с 84,4 до 220,1, свиней — с 42,3 до 78,6²⁰. Значительно уменьшилась численность «бескоровных» колхозников. Если на 1 января

¹⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 81, д. 35, л. 18.

¹⁵ Там же, л. 21.

¹⁶ См. Н. Ивницкий. О начальном этапе сплошной коллективизации. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4; М. Л. Богденко. Из истории коллективизации сельского хозяйства в СССР. «Вопросы истории», 1963, № 5.

¹⁷ См. «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935». М. 1957, стр. 410.

¹⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 35, д. 61, лл. 47—48.

¹⁹ М. Несмий. Доходы колхозов и колхозников. «Плановое хозяйство», 1938, № 9, стр. 82—83.

²⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 35, д. 504, лл. 3—4, 24; оп. 83, д. 2, лл. 35, 37.

1934 г. 46,4% хозяйств колхозников Украины не имели коров и телят, то на 1 января 1938 г. таких хозяйств осталось всего лишь 17,7%²¹. В число их к тому же входили хозяйства членов артелей — одиночек.

Преимущества колхозного строя, рост трудовой и политической активности тружеников деревни позволили уже в рассматриваемый период в значительной мере восполнить потери, понесенные животноводством, и обеспечить его подъем. Важнейшую роль в этом сыграл государственный план развития животноводства, разработанный в соответствии с директивой июньского Пленума ЦК ВКП(б) 1934 г., а также государственные планы последующих лет, поставившие точные и ясные задачи в области развития животноводства и мобилизации колхозников на их выполнение. В предвоенные годы большую роль сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 г. «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах», устранившее ряд существенных недостатков в этой отрасли колхозного производства (в частности, в системе заготовок животноводческих продуктов)²². Происшедшее в 1940 г. некоторое сокращение численности скота, находившегося в личном пользовании колхозников, явилось прежде всего результатом недостатка кормов, а также следствием ликвидации в 1939 г. нарушений Устава сельскохозяйственной артели, выражавшихся в незаконном раздувании личного хозяйства.

По материалам Госплана СССР, в 1937 г. продукция животноводства колхозов оценивалась в 1571,7 млн. руб., личного хозяйства — в 3415,9 млн. рублей. Из общего количества продукции коллективных и личных хозяйств на долю последних приходилось 71,4% молока, 70,9% мяса, 70,4% кож, 43% шерсти²³.

Рассмотрим сведения* о поступлении продуктов животноводства колхозникам из личного и общественного хозяйства²⁴.

	1934/35	1935/36	1936/37	1937/38	1938/39	1939**
<i>Мясо и сало</i>						
Из колхоза	0,18	0,15	0,23	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Из личного хозяйства	7,55	10,40	15,92	13,68	20,14	21,01
<i>Молоко</i>						
Из колхоза	1,38	1,23	0,68	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Из личного хозяйства	100,40	103,75	101,27	115,39	99,82	88,34

* По данным бюджетов колхозников 13 республик, краев и областей за июль — февраль (кг на 1 человека).

** Данные за июль — декабрь включительно.

Из таблицы видно, что большую часть продуктов животноводства колхозники получали из личного хозяйства.

В 1935 г. насчитывалось уже 61 755 колхозов (27% к общему числу), выдававших на трудодни продукты животноводства. Члены этих артелей получили 716,2 тыс. ц молока, 20,6 тыс. ц мяса, 15,1 тыс. ц масла, 21,3 тыс. ц шерсти, 18 тыс. ц сыра, 39,8 тыс. ц меда — всего на сумму 67 974, 5 тыс. рублей²⁵. В 1936 г. колхозникам было выдано (на трудодни, общественное питание, в фонд помощи нетрудоспособным) 7,8%

²¹ «Социалистическое сельское хозяйство Советской Украины». Киев. 1939, стр. 225.

²² См. «Правда», 9 июля 1939 года.

²³ ЦГАНХ, ф. 4372, оп. 36, д. 1510, л. 26.

²⁴ Там же, ф. 1562, оп. 81, д. 35, л. 27; д. 40, л. 171; оп. 83, д. 1, л. 13.

²⁵ Там же, ф. 7486, оп. 3, д. 1802, лл. 169—173.

валовой продукции молока, 27,5% масла, 50,8% мяса и сала, 9,3% шерсти, 38,3% меда и 24,2% яиц²⁶.

Большая часть мяса и сала — 75—80% — использовалась колхозниками на личное потребление, 17—22% продукции продавалось. Примерно 60% молока шло на личное потребление, 20—25% — на переработку, 6—7% реализовалось на рынке²⁷.

Основными покупателями продукции с приусадебных участков колхозников были рабочие и служащие. По данным бюджетных обследований личных хозяйств колхозников за второе полугодие 1937 г., в общем объеме проданной продукции на долю рабочих и служащих приходилось 73% мяса и сала, 55% молочных продуктов и 50% картофеля. Остальная часть продавалась государственным и кооперативным организациям. Зерновых культур колхозники продавали всего лишь около 20%²⁸.

За годы второй пятилетки (1933—1937) обороты колхозной рыночной торговли увеличились с 7,5 млрд. руб. до 17,8 млрд. руб. (в ценах соответствующих лет), то есть в 2,4 раза²⁹. В 1940 г. удельный вес колхозного рынка в общем объеме продажи продовольственных товаров составлял 30,4%³⁰.

Огромное влияние на снижение рыночных цен оказывало развитие государственно-кооперативной торговли, в частности, отмена карточной системы на хлеб. Регулируемые в основном спросом и предложением, а также влиянием государственно-кооперативной торговли, рыночные цены снизились к 1937 г. по сравнению с 1933 г. примерно на 59%, в том числе по хлебной группе — на 34,4%, по молоку — на 67,7%, по маслу животному — на 59,6%, по картофелю — на 45,2%³². К концу второй пятилетки колхозно-рыночные цены либо соответствовали ценам государственно-кооперативной торговли, либо были ниже их³³.

Хотя выдача денег по трудодням на один колхозный двор с 1932 г. по 1937 г. возросла со 108 до 376 руб.³⁴, удельный вес их в общих денежных доходах колхозного двора был невелик. Это объясняется тем, что в колхозах преобладала натуральная оплата труда. Дополнительным источником денежных доходов колхозников служила реализация на рынке части продуктов, получаемых из общественного хозяйства.

Сопоставление размеров денежных доходов от общественного и от личного хозяйств колхозников крайне затруднительно и может быть проведено лишь приблизительно. Во-первых, из реализуемой колхозником продукции нельзя абсолютно точно выделить долю, полученную им в общественном и в личном хозяйствах. Во-вторых, производственная и другая помощь (при обработке приусадебного участка, доставка продуктов на рынок, продажа скота по льготным ценам и т. д.), оказываемая колхозом личному хозяйству, либо вовсе не учитывалась, либо учитывалась частично. В 1937 г. доходы от реализации продукции, полученной из общественного хозяйства, составляли у колхозников Азово-Черноморского края 24,1% всех денежных поступлений, у колхозников Днепропетровской области — 35%, Омской — 29,9%, Западно-Сибирского края — 40,4%, Горьковской области — 17,9%, Западной — 8%, Винницкой — 4,2% и т. д.³⁵. Если учесть натуральную часть по-

²⁶ М. Несмий. Указ. соч., стр. 86.

²⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 81, д. 35, лл. 25, 27.

²⁸ Там же, д. 6, лл. 4, 5.

²⁹ Там же, ф. 4372, оп. 35, д. 61, л. 72.

³⁰ «Народное хозяйство СССР в 1961 г.». Статистический ежегодник. М. 1962, стр. 632.

³² ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 35, д. 42, лл. 57, 62.

³³ Там же, ф. 4372, оп. 36, д. 193, л. 14.

³⁴ «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР». М. 1939, стр. 97.

³⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 36, д. 1510, л. 22.

ступлений, то весь личный доход колхозного двора от общественного и подсобного хозяйств (в оценке натуральной части по ценам колхозного рынка 1937 г.) увеличился в среднем по СССР с 2 132 руб. в 1932 г. до 5 843 руб. в 1937 году³⁷. Это свидетельствует о значительных сдвигах в улучшении материального положения колхозного крестьянства. В 1940 г. денежные и натуральные доходы колхозников от общественного и личного хозяйств (за вычетом налогов и сборов) увеличились по сравнению с доходами трудящихся крестьян в 1913 г. примерно в два раза³⁸. В то время как в дореволюционной России крестьяне вынуждены были отдавать четверть своего дохода царской казне, помещикам и капиталистам, в СССР налоги и платежи в довоенные годы составляли только 2,8% доходов колхозников³⁹. Причем выдача по трудодням налогами не облагалась.

Благосостояние колхозного крестьянства определялось не только поступлениями от общественного и подсобного хозяйств. Советское государство затрачивало крупные средства на организацию бесплатного обучения детей колхозников, на медицинское и культурное обслуживание. Колхозы отпускали часть средств на общественные цели (строительство и содержание яслей, детских садов, клубов, библиотек, столовых, прачечных, бань, подготовка кадров, создание фондов помощи престарелым, семьям красноармейцев и т. д.). Расходы государства, колхозов и общественных организаций на социально-культурные мероприятия в расчете на душу населения увеличились с 61,73 руб. в 1932 г. до 234,74 руб. в 1937 году⁴⁰.

Социалистический строй обеспечил не только подъем сельскохозяйственного производства, но и устойчивый рост потребления продовольственных продуктов и промышленных товаров. Личное потребление колхозников складывается из потребления продуктов, полученных от общественного и личного хозяйств, а также продуктов и товаров государственно-кооперативной торговли и колхозного рынка. Фонд личного потребления сельскохозяйственных продуктов одного работника, занятого в сельском хозяйстве, в 1940 г. был примерно на 20% выше, чем в 1928 г., а душевое потребление крестьянина — примерно на 10%⁴¹.

О значительных сдвигах в потреблении продовольственных товаров колхозниками по сравнению с трудящимися крестьянами дореволюционной России свидетельствует следующая таблица⁴²:

Наименование продуктов	Душевое потребление бедняков и середняков дореволюционной России (кг в г.)	Душевое потребление колхозников в 1938 г.	
		в кг	в % к 1913 г.
Хлеб и хлебные продукты	216,8	271,1	125
Картофель	97,1	174,8	180
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко)	85,6	126,8	148
Мясо и сало	11,7	20,9	179
Яйца (шт.)	16,8	59,3	400

³⁷ «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», стр. 97.

³⁸ «СССР как он есть». М. 1959, стр. 246.

³⁹ «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», стр. 95.

⁴⁰ Там же, стр. 101.

⁴¹ См. А. А. Барсов. Против извращения истории советского крестьянства буржуазной историографией. «История СССР», 1962, № 2, стр. 205.

⁴² См. материалы ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 82, д. 1, лл. 21—409; оп. 83, д. 1, лл. 23—29; д. 2, лл. 23—27; «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», стр. 98.

Таким образом, уровень питания крестьянского населения ~~намного~~ повысился. Примечателен тот факт, что увеличилось потребление наиболее ценных питательных продуктов: мяса и сала, молочных продуктов, яиц. Необходимо отметить, что к 1940 г. уровень потребления продовольственных продуктов колхозниками несколько снизился по сравнению с 1937—1938 годами. Это объясняется тем, что 1939—1940 годы для сельского хозяйства были менее благоприятны, чем 1937—1938 годы. Начали сказываться и трудности предвоенного времени, вызвавшие необходимость создания государственных резервов продовольствия и сырья; однако, несмотря на это, уровень потребления продуктов питания колхозного крестьянства в 1940 г. был значительно выше, чем в 1913 г. — наиболее урожайном до революции.

Материалы бюджетных обследований, к сожалению, не содержат дифференцированных сведений об удельном весе общественного питания в колхозах. Вместе с тем известно, что в период полевых работ, когда колхозники зачастую были оторваны от дома, его роль особенно возрастала. По данным за 1935 г., 105 047 колхозов (46% сельскохозяйственных артелей страны) расходовали продукты животноводства на общественное питание: расход мяса составлял 399 856 ц, сала — 16 722 ц, молока — 1 594 990 ц, масла — 36 297 ц, яиц — 186 070 сотен шт.; всего же на эти нужды расходовалось продуктов животноводства на сумму 107 401,9 тыс. руб., то есть в среднем на один колхоз — 1 022 руб., на 100 колхозных дворов — 637 рублей. В 1936 г. на общественное питание колхозы использовали 4,9% валовой продукции молока, 17,1% масла, 39,7% мяса и сала, 8,9% меда, 19,9% яиц⁴³.

Показательно, что в колхозной деревне возрастала реализация продовольственных товаров через государственно-кооперативную торговлю. С 1934 по 1937 г. она увеличилась почти в 5 раз, в том числе по хлебобулочным изделиям — в 26 с лишним раз, консервам — более чем в 12 раз, рыбе — в 3,5 раза⁴⁴. Это свидетельствует о значительном повышении платежеспособного спроса сельского населения, в том числе колхозного крестьянства⁴⁵.

Рост зажиточности колхозов определял совершенно иную структуру и характер расходов хозяйства члена артели по сравнению с расходами единоличного хозяйства. У крестьян Кубани за 1926—1927 гг. на производственные нужды в среднем уходило 31,7%, налоги, взносы и долги составляли 16,9%, а личные расходы — 37,9% всего денежного бюджета. В этой связи интересно проанализировать бюджет 15 семей колхозников Мелитопольского района, Запорожской области. В 1938 г. из денежных расходов, составивших в среднем на одну семью 6 617 руб., было затрачено на погашение различных платежей и налогов государству 2,1%, на займы и различного рода добровольные взносы — 1,9%, на приобретение скота — 7,6%, на ремонт жилищ и других собственных построек — 7,6%, на продукты сельского хозяйства, полученные из колхоза за деньги (кроме выдачи по трудодням) — 13,5%, на

⁴³ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 3, д. 1802, лл. 141, 145, 149, 153, 157, 161. М. Несмий. Указ. соч., стр. 86.

⁴⁴ «Потребительская кооперация СССР за 1935 г.». М. 1936, стр. 24; «Потребительская кооперация СССР за 1937 г.». М. 1938, стр. 32—33.

⁴⁵ Исследуя бюджеты колхозников, нельзя не заметить следующие характерные особенности: во-первых, на протяжении всего года существовал более или менее равномерный уровень питания колхозников. Правда, мяса летом потреблялось меньше, чем зимой, а молока зимой меньше, чем летом, но в потреблении таких важнейших продуктов, как хлеб и картофель, не было сколько-нибудь существенных колебаний, между тем как до революции бедняки обычно исчерпывали свои годовые запасы хлеба вскоре после сбора урожая, а к весне уже голодали. Во-вторых, все колхозное крестьянство питалось примерно одинаково. Конечно, была какая-то разница в потреблении отдельных продуктов, но она обуславливалась главным образом производственно-экономическим различием тех или иных районов.

промтовары — 55%, на оплату различных услуг — 2,3%⁴⁶. Таким образом, большую часть своего бюджета колхозник тратил на приобретение промтоваров, продуктов сельского хозяйства, скота и устройство своего дома.

Учитывая растущий спрос колхозного крестьянства на промышленные товары, потребительская кооперация в 1934 г. открыла в районных центрах страны 1 923 новых магазина для торговли промтоварами⁴⁷. Весь розничный оборот сельской торговли (включая общественное питание) составил в 1938 г. 41,8 млрд. руб. против 12,8 млрд. руб. в 1932 г., то есть увеличился на 327%⁴⁸. По данным бюджетных обследований колхозников 28—33 названных республик, краев и областей, приобретение важнейших промышленных товаров колхозниками в расчете на 100 чел. возросло с 1934/35 по 1939 г. в следующих размерах: кожаной обуви (пар) — с 26,78 до 44,82; обуви резиновой (пар) — с 11,64 до 24,51; ткани и готовой одежды (в метрах) — с 453,12 до 1 093,69 (в 1938 г.)⁴⁹. Большие изменения произошли в структуре и характере потребления промтоваров. Во-первых, сокращалось потребление полуфабрикатов и росло потребление готовых изделий. Так, уже в годы первой пятилетки потребление кожи в деревнях Ленинградской области сократилось в 2,4 раза, но зато потребление фабричной обуви увеличилось в 3 раза. В 1931 г. сельское население Ленинградской области потребляло 49% всего текстиля в виде готовых изделий (вместо 6% в 1928 г.)⁵⁰. Во-вторых, происходило значительное сокращение потребления собственных изделий⁵¹. Изменяется отношение колхозника к качеству товаров. Если до революции, а в значительной степени и до коллективизации основным требованием деревенского потребителя было «подешевле, хотя и похуже», то в предвоенные годы оно стало «получше, хотя и подороже». В обиход колхозной деревни вошли такие предметы, которые раньше считались исключительно городскими, — часы, радио, велосипеды и т. д. По сравнению с положением крестьянства дореволюционной России уровень благосостояния деревни в предвоенные годы резко возрос. Социалистический строй коренным образом преобразовал старую деревню. Результатом улучшения материального положения и охраны здоровья было снижение смертности сельского населения к 1940 г. в 1,7 раза по сравнению с 1913 годом⁵². Естественный прирост населения советского села за 1926—1939 гг. составил 18,1 млн. человек. Возросла средняя продолжительность жизни людей.

Следует учитывать, что повышение материального благосостояния колхозного крестьянства, как и всего советского народа, в довоенный период происходило в условиях, когда страна представляла одну великую стройку социализма. Чтобы в короткий срок ликвидировать технико-экономическую отсталость старой России, осуществить индустриализацию страны и культурную революцию, приходилось на много экономить. Кроме того, ввиду нараставшей военной угрозы страна вынуждена была ассигновывать значительные средства на оборону, создавать стратегические резервы сырья, материалов, продовольствия. И все же, несмотря на объективные трудности, жизненный уровень колхозного крестьянства неуклонно повышался, что свидетельствует о преимуществах советского строя и социалистической экономики.

⁴⁶ «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 4, стр. 156.

⁴⁷ «Народнохозяйственный план на 1935 г.». М. 1935, стр. 370.

⁴⁸ «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», стр. 99.

⁴⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 81, д. 40, лл. 41, 43, 45; оп. 82, д. 1, лл. 193, 403; д. 2, л. 21; оп. 83, д. 1, л. 23.

⁵⁰ «Потребление и спрос в СССР». Сборник статей. Л. 1935, стр. 144.

⁵¹ Там же, стр. 136.

⁵² «Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 28.

Вероломное нападение фашистской Германии на СССР задержало бурное экономическое развитие, а также рост народного благосостояния в нашей стране. Тяжелые военные испытания полностью доказали великую жизненную силу колхозов, всего нашего социалистического строя. Победоносно завершив Великую Отечественную войну, советский народ не только восстановил экономику страны, но и поднял ее на более высокий уровень. За последнее десятилетие (1953—1963 гг.) в СССР осуществлен целый ряд мероприятий по крутому подъему сельского хозяйства, по усилению материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии общественного хозяйства. Освоение целинных и залежных земель, реорганизация МТС, новый порядок планирования и другие меры сыграли большую роль в повышении материального благосостояния колхозного крестьянства. Вдохновленный величественной программой построения коммунизма, советский народ прилагает все силы и энергию для ее успешного осуществления. Недалеко то время, когда СССР будет страной с самым высоким жизненным уровнем.

ИСТОРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Л. В. Черепнин

Характерными чертами русской классической литературы XIX в. были немеркнущий интерес со стороны наших великих писателей к историческому прошлому своего народа и неослабное внимание к историческим судьбам всего человечества. В этом отчетливо и ярко проявились такие присущие передовой русской литературе качества, как народность и гражданственность. Возвышая в своих произведениях голос для обличения несправедливостей современного им общественного строя, приподнимая завесу над будущим, в котором несправедливости должны исчезнуть, и стараясь найти путь в это будущее, передовые деятели русской литературы XIX в. не могли при этом не бросить самого пристального взгляда и на прошлое своего отечества. Для них это было и выполнением гражданского долга, и проявлением национального самосознания, и, наконец, выражением органической потребности художников слова и пера, стремившихся путем изучения памятников прошлого обогатиться большими мыслями, яркими образами, неисчерпаемыми глубинами народного языка, то есть всем многообразием национальной культуры, складывавшейся веками.

Историческая тематика занимала видное место в художественном творчестве классиков русской литературы, причем в их работе над произведениями, посвященными событиям и образам прошлого, обычно большое внимание уделялось изучению специальных научных трудов, а также исторических источников, касающихся интересовавшей их эпохи, людей, фактов. Писатели старались осознать, а затем воплотить в художественных образах внутренний смысл явлений исторического прошлого, характеры деятелей минувших времен и мотивы их поступков, уловить общий ход истории, а также в соответствии с исторической правдой воспроизвести культуру, быт, язык эпохи.

Наконец, всему творчеству классиков русской литературы присущ историзм. Это значит, что даже в тех художественных произведениях, в которых писатели рассказывают о действительности своего времени, эта действительность воспринимается на фоне большого исторического полотна. Мастерство творческого изображения, которым владеет писатель (примером такого мастерства может служить «Евгений Онегин» Пушкина), дает возможность воспринять глазами историка панораму общественной жизни, связанной своими корнями с прошлым (недаром же В. О. Ключевский пытался дать галерею предков Евгения Онегина) и в то же время содержащей в себе кое-где еще совсем скрытые, а кое-где уже пробивающиеся достаточно заметно ростки будущего.

Конечно, в своих взглядах на историю даже передовые писатели XIX в. были связаны идеологией, философским мировоззрением своей эпохи, своего класса, они находились под сильным воздействием концепций дворянско-буржуазной исторической науки, ограниченной в возможностях осмыслить процесс общественного развития. Но, во-первых, некоторые из писателей (например, А. С. Пушкин), в большой мере оставаясь на идейных позициях господствовавшей в их время историогра-

фии, в ряде суждений уже преодолевали ее ограниченность. А во-вторых, такое преодоление происходило иногда не столько путем теоретического пересмотра распространенных исторических концепций, сколько путем правдивого отображения средствами художественного реализма картин исторической жизни. Поэтому из творчества классиков литературы иногда можно лучше познать историю, чем из работ некоторых малодаровитых их современников — историков-профессионалов.

Все это объясняет интерес как историков, так и писателей нашего времени к произведениям А. С. Пушкина, посвященным вопросам истории. Главным содержанием статьи является не разбор художественных произведений, а анализ высказываний великого писателя по вопросам истории, сохранившихся в критических заметках, письмах, дневниках и т. д.

Хорошо известно, какое большое внимание уделял Пушкин истории¹. Он был прекрасно знаком с основными историческими трудами своего времени, русскими и иностранными. В его записях не раз встречаются имена Ф. М. Вольтера, А. Л. Шлецера, Ф. Гизо, Б. Г. Нибура, О. Тьерри, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, М. П. Погодина, М. Т. Каченовского и многих других деятелей исторической науки, философов, публицистов. А. С. Пушкин проявлял широкий интерес к проблемам античности, западноевропейского средневековья, эпохи Возрождения, французской буржуазной революции конца XVIII в. и ряду других вопросов всемирной истории. Особенно внимательно изучал он русскую историю. А. С. Пушкин считал, что она полна захватывающего интереса, свидетельствует о величии русского народа, и в полемике с П. Я. Чаадаевым оспаривал выдвинутый последним тезис о «нашей исторической ничтожности».

Подходя к прошлому своего отечества не как простой собиратель фактов или их истолкователь, а как художник, А. С. Пушкин стремился не просто отметить важнейшие события и уловить причинно-следственные связи между ними, но и понять их драматизм, ощутить биение пульса народной жизни, схватить все многообразие красок, отразивших изменчивые судьбы страны и народа на протяжении веков. «Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? — писал А. С. Пушкин П. Я. Чаадаеву. — Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству

¹ См., например, К. В. Базилевич. Борис Годунов в изображении Пушкина. «Исторические записки». Т. I. 1937; Л. Быков. А. С. Пушкин как историк. «Исторический журнал». 1937, № 1; Б. Д. Греков. Исторические воззрения Пушкина. «Исторические записки». Т. I. 1937; П. С. Попов. Пушкин как историк. «Вестник Академии наук СССР». 1937, № 1; С. В. Юшков. А. С. Пушкин и вопрос о русском феодализме. «Историк-марксист». 1937, кн. I; его же. Пушкин — историк. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. Вып. I. 1938; А. И. Чхеидзе. К вопросу об источниках «Истории Пугачева» Пушкина. «Труды» Тбилисского государственного учительского института. Т. 2. 1942; его же. «История Пугачева» А. С. Пушкина как историческое исследование. «Труды» Тбилисского государственного учительского института. Т. 5. 1948; Г. П. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.-Л. 1949; Н. Н. Степанов. Исторические воззрения А. С. Пушкина. Л. 1949; О. А. Державина. Трагедия Пушкина «Борис Годунов» и русские исторические повести начала XVII века. «Ученые записки» Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Т. XVIII, вып. I. Кафедра русской литературы. 1954; С. М. Петров. Исторический роман А. С. Пушкина. М. 1953; Б. В. Томашевский. Историзм Пушкина. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, № 173, филологический факультет. Серия филологических наук. Вып. 20. 1954; Л. П. Гроссман. Степан Разин в творчестве Пушкина. «Ученые записки» Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Т. XX, вып. 2. Кафедра русской литературы. 1958; И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 2. М. 1958.

(к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре,— как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?»².

Это сжатый эскиз русской истории со времен Киевской Руси до времени самого А. С. Пушкина с выделением им основных этапов. Могут сказать, что здесь воспроизведена концепция истории государства Российского, развивавшаяся Н. М. Карамзиным: отсюда и характеристика ступеней исторического развития по лицам, стоявшим во главе государства, и соответствующая трактовка отдельных периодов, и идеализация не только Петра I, но даже Екатерины II и Александра I.

Вряд ли, однако, можно согласиться с подспонной трактовкой. Хотя влияние Н. М. Карамзина на А. С. Пушкина несомненно³, в данном случае нельзя говорить о простом воспроизведении карамзинских воззрений на русский исторический процесс. В эскизе А. С. Пушкина воплощены две идеи: складывающаяся русская нация находит, по его мнению, свое единство в едином государстве, образующемся в сложных исторических условиях, и эта нация приобретает всемирно-историческое значение. Обе идеи раскрываются в образах отдельных политических деятелей не только потому, что подобная персонификация отвечала тенденциям идеалистической историографии того времени, но и потому, что перед нами не просто обобщение ученого, не синтетическое построение исследователя, а произведение писателя, для которого идеи воплощаются в человеческих характерах.

Что касается упрека в идеализации правителей, то он отпадет сразу же, если вспомнить убийственные эпиграммы Пушкина на Александра I, его резкую характеристику самодержавно-крепостнической политики Екатерины II, наконец, его мысли по поводу царствования Петра I (которого, впрочем, он ценил очень высоко): «История представляет около его всеобщее рабство... Все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось»⁴.

А. С. Пушкин интересовался всеми периодами русской истории. Но у него были и излюбленные темы, относящиеся к переломным эпохам исторического прошлого: «Смутное время», эпоха Петра I.

Очень важно, что А. С. Пушкин призывал к разработке истории России в «новейшее» время, в XVIII и XIX вв., и сам явился пионером этого дела. «Какое поле — эта новейшая Русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять...», — писал он М. А. Корфу⁵. Здесь слышится голос писателя-гражданина, для которого прошлое смыкалось с настоящим, история продолжалась до сегодняшнего дня и проливали свет на грядущее завтра. А. С. Пушкин понимал, что изучение отечественной истории пробуждает в человеке национальное самосознание, воспитывает в нем чувство гордости за те дела его предков, которые действительно достойны уважения и память о которых должна сохра-

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. XVI. АН СССР. М.-Л. 1949, стр. 171, № 1267 (1836 г.) (перевод с франц.). Далее А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР.

³ Последний сам говорил: «...Наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина...». (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 5. Гос. изд-во художественной литературы. М. 1950, стр. 124 (1830 г.). (Далее А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ).

⁴ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 6, стр. 8 (1822 г.).

⁵ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XVI, стр. 168, № 1263 (1836 г.).

няться в потомстве. «Гордиться славою своих предков,— указывал писатель,— не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». История своего народа, по мысли Пушкина, должна была явиться школой подлинно благородного патриотизма. На уроках истории следовало познать, сколь вреден и беспочвен национальный нигилизм или индифферентизм тех людей, которые «не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина», хотя и «почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке»⁶.

С позиций борьбы против национального нигилизма защищал А. С. Пушкин «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина от нападков со стороны его критиков, в частности со стороны Н. А. Полевого. «Уважение к именам, освященным славою,— отмечал Пушкин,— не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно»⁷.

Расценивая труд Н. М. Карамзина как памятник национальной культуры, Пушкин в то же время понимал, что, работая над «Историей государства Российского», автор выполнял политический заказ правительства и создал монархическую концепцию русского исторического процесса. А. С. Пушкин склонен был понять и оправдать в глазах общественности знаменитого историографа: «Многие забывали, что Карамзин печатал свою Историю в России, в государстве самодержавном; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности». Именно в силу всего этого А. С. Пушкин расценивал «Историю государства Российского» как «не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека»⁸. Но сам А. С. Пушкин далеко не разделял политических взглядов Н. М. Карамзина, сближаясь в их оценке в известной мере с декабристами. В своей автобиографии писатель рассказывает, как в полемике с Н. М. Карамзиным он заявил последнему: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе»,— за что историк обозвал его «клеветником»⁹. В приписываемой Пушкину эпиграмме на Карамзина последний рисуется как историк, стремившийся доказать «необходимость самовластья и прелести кнута»¹⁰.

Свободолюбивые настроения А. С. Пушкина, его критическое отношение к самодержавию, личная близость к декабристам и другим передовым представителям русского общества, впечатления от развертывавшегося революционного движения в ряде европейских стран — все это заставляло его извлекать из истории уроки не только национального самосознания, но и социально-политической борьбы, делая при этом ареной наблюдений не одно лишь прошлое России, но и весь всемирно-исторический процесс развития человечества. Высказывая мысли о народном воспитании, А. С. Пушкин выражал пожелание, чтобы юноши, начинающие гражданскую или военную службу, уже были бы знакомы с «республиканскими идеями» и чтобы эти идеи не «изумили» бы их «при вступлении в свет».

Это говорилось писателем в записке, предназначенной для Николая I, где, конечно, следовало сохранять умеренность в предложениях. И все же А. С. Пушкин поставил вопрос о том, что в учебном курсе истории надо «не хитрить, не искажать республиканских рассуждений...».

⁶ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 41, 43 (1827 г.).

⁷ Там же. Т. 6, стр. 16 (1830 г.).

⁸ Там же. Т. 5, стр. 44, 532.

⁹ Там же, стр. 533 (1826 г.).

¹⁰ Там же. Т. 1, стр. 240.

Ему казалось очень важным на примерах античности — наиболее выпуклых и выразительных — показать молодому поколению борьбу республиканских начал с монархическими и изобразить эту борьбу правдиво, под углом зрения торжества прогресса над деспотизмом: «Не позорить убийство Кесаря, превознесенного 2000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем»¹¹.

К образам древнего Рима поэт обращался не раз и при характеристике отдельных представителей русского самодержавия, сопоставляя последних с деятелями античности, чтобы придать больший гражданский пафос своим обличениям. «Царствование Павла,— читаем в принадлежащих А. С. Пушкину «Заметках по русской истории XVIII века»,— доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы». И тут же писатель бросает вызов русским «защитникам самовластия», которые «за основание нашей конституции» «принимают славную шутку г-жи де Сталь»: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой» (то есть возможностью погибнуть, как Павел, насильственной смертью).

Материал римской истории приобрел под пером писателя новое звучание и политическую остроту и при использовании его (в плане сравнения) для развенчания мифа о благодетельности мероприятий Екатерины II. Срывая покров заботы о народном благе, в который облекли некоторые современники Екатерины и сама царица политику просвещенного абсолютизма, и обнажая его неприглядную, далекую от народных интересов, подлинную сущность, Пушкин писал: «Наказ» ее (императрицы.— Л. Ч.) читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Троянами; но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу (то есть Вольтеру.— Л. Ч.) превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна»¹².

В замечаниях на «Анналы» Тацита А. С. Пушкин отметил, что «Тацит, б и ч т и р а н о в, не нравился Наполеону»¹³.

Но не только в критике деспотизма проявился вольнолюбивый дух А. С. Пушкина. Он выявился и в том, что писатель посвятил свое творчество таким героям, о которых дворянские историки избегали говорить, а если и упоминали, то наделяли их лишь отрицательными чертами: предводителям крестьянских войн Степану Разину, Емельяну Пугачеву. О Разине Пушкин собирал песни, а в письме к брату упоминал как о «единственном поэтическом лице русской истории»¹⁴. Движению Пугачева он посвятил специальный труд.

Такова общая политическая направленность исторических трудов Пушкина. Представляют большой интерес и его мысли о характере исторических произведений. Поэт намечал разные их виды в зависимости от различного подхода к изучению истории. Наиболее простым, по мысли Пушкина, было чисто фактическое изложение событий прошлого в той последовательности, в какой они совершались. По такому образцу, думал он, должны были строиться учебники для детей, только что приступающих к изучению прошлого: «История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, без всяких нравственных или политических рассуждений»¹⁵.

¹¹ Там же. Т. 5, стр. 427 (1826 г.).

¹² Там же. Т. 6, стр. 11 (1822 г.).

¹³ Там же, стр. 14 (1825 г.).

¹⁴ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XIII, стр. 121, № 115 (1824 г.).

¹⁵ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 427 (1826 г.).

Другая разновидность исторического труда — это, по А. С. Пушкину, рассказ типа летописи. Указанная разновидность также представляет собой описание фактов исторического прошлого, без попытки их анализа и обобщения. Особенность же данного типа исторического повествования заключается, во-первых, в стремлении передать во всей их непосредственности живые краски и аромат источников, прежде всего летописей; во-вторых, в применении (для придания увлекательности рассказу) некоторых, наиболее простых, моральных оценок явлениям минувших времен. Мастером подобного исторического жанра А. С. Пушкин считал Н. М. Карамзина: «Нравственные его размышления своею иноческою простотою дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не полагал в них никакой существенной важности»¹⁶. Вульгаризацию и опошление писательской манеры Н. М. Карамзина А. С. Пушкин видел в приемах воспроизведения прошлого, какими пользовался Н. А. Полевой. «Пленяясь романтической живостью истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи», — писал Пушкин, но не обладая для применения такого жанра даром Н. М. Карамзина, Н. А. Полевой в своей «Истории русского народа» дал в некоторых отношениях «пародию» на труд знаменитого историографа¹⁷.

Третий тип исторических трудов, по мнению А. С. Пушкина, предполагает в качестве необходимой предпосылки воспроизведение исторической канвы прошлого, критический анализ источников в целях пользования только проверенными фактами. И в этом случае А. С. Пушкин приводил в пример Н. М. Карамзина, который в его глазах совмещал в себе черты средневекового хрониста и историка новейшего критического направления. «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофеграм — хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий»¹⁸.

Характерной чертой четвертой категории исторических трудов, которые упоминает поэт, является философское осмысление исторического процесса, определение его движущих сил. Именно это имел в виду А. С. Пушкин, характеризуя в своем письме к П. А. Вяземскому Вольтера как писателя и мыслителя, который «первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории»¹⁹.

Раздумья над судьбами и путями развития человечества и знакомство с трудами передовых мыслителей в какой-то мере подводили писателя (конечно, в рамках идеалистической философии той эпохи) к представлению о закономерностях общественной жизни и к мысли о возможности исторического предвидения. При этом он выступал противником исторического фатализма, опровергал идею абсолютной неизбежности всех совершающихся событий. «Не говорите: Иначе нельзя было быть... Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик...», — подчеркивал А. С. Пушкин. Он указывал также, что исторические явления не могут быть выведены из обуславливающих их причин с такой же точностью, с какой это делается в естественно-математических науках: «...Провидение не алгебра», историк не астроном и «события жизни человечества» нельзя предсказать «в календарях, как и затмения солнечные».

Под понятие исторической закономерности А. С. Пушкин считал возможным подводить процессы наиболее широкого характера, доказы-

¹⁶ Там же. Т. 6, стр. 16 (1830 г.).

¹⁷ Там же, стр. 17 (1830 г.).

¹⁸ Там же, стр. 16 (1830 г.).

¹⁹ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XIII, стр. 98, № 89 (1824 г.).

вая, что частные, конкретные явления слишком подвержены действию случайности. «Ум человеческий... видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая, мощного, мгновенного орудия провидения»²⁰.

Идея о роли случая в истории легла в основу поэмы Пушкина «Граф Нулин». Автор рассказывает, что замысел этого произведения был подсказан ему поэмой Шекспира, в которой воспроизводится легенда о том, как древнеримский царь Тарквиний обесчестил жену Коллатины Лукрецию, довел ее до самоубийства, ее мужа до безумия, а сам был изгнан из Рима, где установилась республика. При чтении поэмы Шекспира А. С. Пушкин, по его словам, подумал: «Что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может это охладило б его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить? — Лукреция бы не зарезалась, Публикола * не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те». Эту свою идею писатель обобщил в виде широкого вывода: «Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарями мы обязаны соблазнительному происшествию...». И ему, в свою очередь, показалось соблазнительным «пародировать историю и Шекспира». Поддавшись такому «двойному искушению», Пушкин быстро написал своего «Графа Нулина»²¹.

В рассказе писателя о том, как был создан «Граф Нулин», присутствует изрядная доля юмора. Но воздействию случая на ход исторических событий А. С. Пушкин придавал большое значение. И это было не только проявлением его философского мировоззрения, но также следствием его дара — взором художника охватывать чрезвычайное многообразие конкретных общественных явлений и человеческих характеров и поступков, за которыми не всегда можно уловить ту или иную закономерность.

Но, ставя вопрос о главных линиях исторического развития, А. С. Пушкин старался понять их закономерности. «Великое достоинство» Ф. Гизо писатель видел в том, что он, изучая «европейское просвещение», «обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя все отдаленное, все постороннее, случайное, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, мятежные и наконец расцветающие века»²².

Как большой мыслитель, А. С. Пушкин не мог остаться в стороне от проблемы взаимоотношения истории национальной и всемирной. Эта проблема была не только поставлена предшествующей историографией, но выдвигалась самой жизнью. Над ней приходилось размышлять в условиях кризиса в ряде стран феодализма, развития буржуазных революций, подъема национально-освободительного движения, падения абсолютных монархий, международных конфликтов и войн. Чтобы понять роль в этом сложном мировом процессе отдельных стран и государств надо было «с хладнокровием» выяснить «разницу духа народов, источника нужд и требований государственных»²³.

Задумываясь над вопросом о чертах своеобразия исторического пути русского народа по сравнению с тем путем, который прошли народы Западной Европы, А. С. Пушкин считал, что оценка прошлых судеб России «требуется другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенных Гизотом из истории христианского Запада»²⁴.

²⁰ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 6, стр. 23 (1830 г.).

* Ошибка. Надо: Коллатина.

²¹ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 169 (1830 г.).

²² Там же. Т. 6, стр. 23 (1830 г.).

²³ Там же. Т. 5, стр. 427 (1826 г.).

²⁴ Там же. Т. 6, стр. 23 (1830 г.).

Различие между прошлым своей родины и Западной Европы писатель усматривал в том, что в России не сложился феодализм, в котором он видел в соответствии с воззрениями историографии его времени прежде всего систему политических отношений между сеньорами и вассалами. Если в подобных представлениях А. С. Пушкин не был оригинальным, то своеобразие его подхода к проблеме заключалось в том, что вопрос о наличии или отсутствии феодализма он связывал с вопросом о различии дальнейших, уже в новейшее время, политических судеб России (где укрепился абсолютизм) и Франции (где абсолютная монархия рухнула в результате революции).

К феодальной системе А. С. Пушкин подходил как к явлению сложному. Считая, что она возникла во Франции в результате завоевания страны, писатель, с одной стороны, указывал, что «победители присвоили себе землю и собственность побежденных, обратили их самих в рабство и разделили все между собою»; с другой — рассматривал феодализм как «первый шаг учреждений независимости», ограничения самовластия короля. Если в начале «феодального правления» королевская власть должна была считаться с «знатными владельцами и военными людьми», то со временем нарастала «стихия независимости» в народе. Рабы откупались от вассалов. Приобрели привилегии общины (города). В «спорах аристократии с парламентами» зрели предпосылки для «уничтожения феодализма»²⁵.

В древней Руси, по мнению А. С. Пушкина, «феодального правления» не было (здесь Пушкин, конечно, ошибался), как не было и «завоевания» страны. «Одна фамилия, варяжская (А. С. Пушкин считал достоверной летописную легенду о добровольном призвании славянами варяжских князей) властвовала независимо...». Правда, говорил писатель, и в России, как и на Западе, сложилась аристократия, но сама по себе «аристократия не есть феодализм»: русские «бояре жили в городах, при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий, «не враждуя противу королей», «не продавая своей помощи городам...» Русские города также не были похожи на западноевропейские коммуны, ведущие борьбу за освобождение от феодальных пут. Зародыши феодализма в России появились в период ее завоевания татаро-монголами, но эти зародыши были заглушены политикой Ивана III, Ивана IV, Петра I²⁶.

Различие путей исторического развития России и Франции определило, как думает Пушкин, и различие движущих сил борьбы с абсолютизмом в этих странах. В России такой оппозиционной самодержавию силой он считал дворянство как «потомственное сословие народа», представляющее собой «*La sauve garde*» (охрану) «трудолюбивого класса», его «защитников» и «непосредственных представителей» перед властью. «Потомственность высшего дворянства,— писал А. С. Пушкин,— есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией, или вернее — с низким и дряблым деспотизмом»²⁷.

Мысли о дворянстве как общественной силе, выступающей от имени народа, в защиту его от произвола самодержавия, были выражением политической оппозиции писателя существовавшему государственному строю. Здесь сказалось влияние на писателя дворянских революционеров-декабристов. Но с течением времени, в последние годы жизни, А. С. Пушкин в связи с занятиями историей восстания Пугачева все более подходит к пониманию роли самих народных масс в борьбе за свои интересы. Он показал, что Пугачев был из народа и вместе с ним. «Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева,— писал А. С. Пушкин.— Грех сказать, говорила мне 80-лет-

²⁵ Там же, стр. 22, 31, 33 (1830—1831 гг.).

²⁶ Там же, стр. 21, 22 (1830 г.).

²⁷ Там же, стр. 36 (1829—1831 гг.).

няя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал». «Весь черный народ был за Пугачева», — говорил писатель.

Первое воззвание Пугачева к яицким казакам Пушкин расценил как «удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного»²⁸.

Стремясь раскрыть специфические особенности хода истории в странах Западной Европы и в России, Пушкин в то же время с чувством национальной гордости подчеркивал огромный вклад, сделанный русским народом в развитие человечества. Писателю принадлежат замечательные слова, характеризующие всемирно-историческое значение подвига русских людей, в борьбе с гатаро-монгольским нашествием защитивших рубежи западноевропейских государств и тем самым спасших от разгрома западную средневековую цивилизацию, обеспечив ей возможность дальнейшего роста: «Нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех»; «образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»²⁹.

В соответствии с уровнем исторической науки своего времени А. С. Пушкин преувеличивал степень культурной отсталости древней Руси и ее отрыва от жизни западноевропейских стран. По словам писателя, «она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-католического мира. Великая эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами...». В другом месте он писал: средневековая Западная Европа «наводнена была невероятным множеством поэм, легенд, сатир, романсов, мистерий и проч.», в то время как «старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей», лишь «Слово о Полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности»³⁰.

В действительности было далеко не так, как полагал А. С. Пушкин. И дальнейшие научные изыскания внесли серьезные коррективы в его утверждения. Но при всем том очень важно, что историю развития связей России с Западной Европой писатель начинал значительно ранее времени правления Петра I и ссылался на такие факты и материалы, как «отношения Ивана Васильевича (IV.—Л. Ч.) с Англией, переписка Годунова с Данией, условия, поднесенные польскому королевичу аристократией XVII столетия, посольства Алексея Михайловича...»³¹.

Таковы некоторые мысли А. С. Пушкина, касающиеся соотношения русского исторического процесса с процессом развития других европейских стран.

Наряду с историей летописной, критической и философской, А. С. Пушкин большое значение придавал истории, отраженной в художественном творчестве. Он говорил, что «история народа принадлежит Поэту». Поэт, указывает Пушкин, может посвятить свои произведения каким-либо героям прошлого. Так, в переписке А. С. Пушкина с Н. И. Гнедичем идет речь о том, что «тень Святослава скитается не воспетая», что заслуживают быть запечатленными в художественном творчестве образы князей Владимира, Мстислава, Дмитрия Донского, а также Ермака Тимофеевича и Дмитрия Пожарского³².

²⁸ Там же, стр. 235, 237, 239.

²⁹ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XVI, стр. 171, № 1267 (перевод с франц.) (1836 г.); его же. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 240 (1833—1834 гг.).

³⁰ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 240 (1833—1834 гг.).

³¹ Там же, стр. 240—241.

³² А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XIII, стр. 1450, № 138 (1825 г.).

Но в «зеркале поэзии» отражается и народ в целом, который имеет свою «особенную физиономию», которому присущи специфический «образ мыслей и чувствований», «тьма обычаев, поверий и привычек...»³³.

История как наука и история как искусство были близки, хотя и не одинаково, А. С. Пушкину. С ним бывало, что, занимаясь той или иной темой из области прошлого, он не сразу еще мог определить, где он найдет лучшие творческие возможности для ее раскрытия: в сфере ли чисто исторического повествования, воспроизводящего вполне реальные факты, или же в сфере художественного изображения с определенной долей вымысла. «...Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева,— обращался А. С. Пушкин к А. Х. Бенкендорфу,— но нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал Историю Пугачевщины»³⁴. Однако на ту же тему он создал и бытовую повесть — «Капитанская дочка». В письме П. А. Коркунову он объяснял, что в этом произведении от исторической действительности и что от творческой фантазии автора. «Имя девицы Мирановой вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки Пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины»³⁵.

Изучая материалы, относящиеся к царствованию Петра I, Пушкин делился впечатлениями от своей работы с женой: «Ты спрашиваешь меня о Петре? идет по-маленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок»³⁶. И А. С. Пушкин действительно вылил величественную фигуру «Медного всадника» — замечательное произведение поэтического искусства. Но петровскому времени он посвятил и ряд отрывков художественной прозы («Арап Петра Великого»), в которых отразились семейные предания о прадеде Пушкина по матери — А. П. Ганнибале, близком к Петру. Наконец, писатель собрал большое количество документальных материалов для чисто исторического труда о Петре I и начал его писать.

Тему о том, насколько близки между собой писатель и историк, А. С. Пушкин развил, касаясь вопроса о литературном значении Вальтера Скотта, которого он высоко ценил как автора романов и называл «шотландским чародеем». А. С. Пушкин отмечал, что «действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности», в частности, что под его влиянием появилась «новая школа французских историков», которым он указал «источники совершенно новые, не подозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете»³⁷.

Пушкин определял роман как «историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании»³⁸. Таким образом, вымысел сюжета, лиц, ситуаций ему казался допустимым в тех пределах, в которых это не влечет за собой нарушения исторической правды в целом, то есть не вступает в противоречие с общим колоритом исторического прошлого и с основными относящимися к нему фактами. Пушкин одобрительно отзывался о романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский или Русские в

³³ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 35 (1825—1826 гг.).

³⁴ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XV, стр. 98, № 864 (1833 г.).

³⁵ Там же. Т. XVI, стр. 177—178, № 1272 (1836 г.).

³⁶ Там же. Т. XV, стр. 154, № 947 (1834 г.).

³⁷ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 77 (1830 г.); т. 6, стр. 17 (1830 г.).

³⁸ Там же. Т. 5, стр. 77 (1830 г.).

1612 году», находя, что в этой книге «романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического»³⁹. А вот в отношении романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом» он отметил, что, проявив в нем художественное мастерство писателя, автор в то же время заслуживает упреков как историк. Пушкин писал И. И. Лажечникову: «...Истина историческая в нем (романе.— Л. Ч.) не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык»⁴⁰.

А. С. Пушкин, который видел в истории проявление национального самосознания народа, конечно, не мог примириться с искажением в художественных произведениях национальных черт культуры, быта, человеческих характеров, языка. А. С. Пушкин писал К. Ф. Рылееву по поводу его «Дум»: «Что сказать тебе о думах?.. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключая Ивана Сусанина, первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант)». Он упрекал К. Ф. Рылеева даже за такую деталь, как упоминание герба России во времена Олега, что было явным анахронизмом⁴¹.

Отмечая отсутствие достаточного историзма в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского, А. С. Пушкин указывал ему: «Твой Турнир напоминает Турниры W. Scott'a. Брось этих немцев и обратись к нам православным... Твой Владимир говорит языком немецкой драмы, смотрит на солнце в полночь, ets.»⁴².

Пушкин считал, что воспроизведение правды жизни прошлого — дело очень сложное, требующее глубокого изучения эпохи во всех ее проявлениях, умения разглядеть главное, чувства подлинного историзма, понимания специфики минувших времен. Критикуя неумелых подражателей Вальтеру Скотту, Пушкин досадовал, что они не могут вжиться в прошлое, ибо приходят туда с грузом современных привычек и представлений. «В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений». Внешнее подражание старине не спасает от опасности ее модернизации: «Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу а' la Henri IV проглядывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy. Готические героини воспитаны у Madame Campan, а государственные люди XVI-го столетия читают Times и Journal des débats»⁴³. Правда, крупнейшим мастерам литературы — Кальдерону, Шекспиру, Расину — А. С. Пушкин прощал их исторические неточности и анахронизмы. Он находил, что не следует заострять внимание на том, что «у Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов», «у Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает ему перчатку», «у Расина полускиф Ипполит говорит языком молодого благовоспитанного маркиза». Но пройти мимо подобных отступлений от исторической истины А. С. Пушкин считал возможным только благодаря тому, что они, по его мнению, искупаются большой художественной силой и правдой человеческих характеров⁴⁴.

Сурово отнесся Пушкин к трагедии В. Гюго «Кромвель» и роману А. де-Виньи «Сен-Марс». В обоих этих произведениях, по его словам, дается искаженный образ одного из исторических лиц — автора «По-

³⁹ Там же, стр. 77—78.

⁴⁰ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XVI, стр. 62, № 1107 (1835 г.).

⁴¹ Там же. Т. XIII, стр. 175, 172 (1825 г.).

⁴² Там же, стр. 177, № 175 (1825 г.).

⁴³ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 77 (1830 г.).

⁴⁴ Там же, стр. 159 (1830 г.).

терянного рая» Мильтона, который выступает «жалким безумцем», «ничтожным пустомелей», «фигляр»⁴⁵.

В творчестве Шекспира, Гёте, Вальтера Скотта А. С. Пушкина привлекало то, что историческую действительность они передавали как подлинную жизненную правду. Эти классики литературы не имели «холопского пристрастия к королям и героям», но вживались в их быт, обстановку, среду. Герои Вальтера Скотта, пишет А. С. Пушкин, «просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального даже в торжественных обстоятельствах, так как великие события для них привычны»⁴⁶.

Серьезные требования Пушкин предъявлял к самому себе как автору произведений на исторические темы. Наиболее четко и развернуто эти требования были сформулированы им в авторских заметках, относящихся к трагедии «Борис Годунов». Писателю, по его собственным словам, пришлось много работать над «верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий»⁴⁷. Он никогда не забывал, что «истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобии характеров и положений»⁴⁸.

А. С. Пушкин рассказывает не только о том, что считал он необходимым «облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории» (время «Смуты»). Он говорит и о том, каким образцам и в чем именно он следовал. Таких творческих источников у писателя было три, и он с удовлетворением замечал: «Источники богатые!» — произведения Шекспира, «История» Н. М. Карамзина, летопись. Силу Шекспира А. С. Пушкин видел в «вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов». Привлекательность Н. М. Карамзина он усматривал «в светлом развитии происшествий». В летописях Пушкин «старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени»⁴⁹.

Но главное было, конечно, не в образцах и источниках, а в творческих поисках самого А. С. Пушкина, пытавшегося при создании характеров действующих лиц своей трагедии найти сочетание правды исторической с правдой поэтической. В этих поисках много поучительного. П. А. Вяземский передавал писателю совет Н. М. Карамзина: «В начертании характера» Бориса Годунова иметь в виду «дикую смесь: набожности и преступных страстей»; Борис «беспрестанно перечитывал Библию и искал в ней оправдания себе». В ответе П. А. Вяземскому поэт просил поблагодарить Н. М. Карамзина за замечание: «Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на его (Бориса Годунова.— Л. Ч.) с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное»⁵⁰.

По фактическим данным А. С. Пушкин стремился выявить основные черты характера того или иного исторического деятеля и, уже исходя из этого, воссоздавал его художественный облик. Так, Василий Шуйский, по мнению А. С. Пушкина, «представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера». Дмитрий Самозванец, как и близкий ему по характеру Генрих IV, «храбр, великодушен и хвастлив», «равнодушен к религии», любит удовольствия и войну, предается несбыточным планам. Патриарха Иова писатель изобразил как «глупца», но, прислушавшись к критическим замечаниям А. С. Грибоедова, согласился с ним, что Иов «был человеком большого ума».

⁴⁵ Там же, стр. 389, 391 (1836 г.).

⁴⁶ Там же, стр. 428 (1830—1831 гг.).

⁴⁷ Там же, стр. 56 (1828 г.).

⁴⁸ Там же, стр. 120 (1829 г.).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XIII, стр. 224, 226—227, №№ 212, 214 (1825 г.).

Иногда чутьем художника А. С. Пушкин пытался восполнить то, чего не мог сделать историк. Образ Марины Мнишек был «бегло очерчен» Н. М. Карамзиным. А. С. Пушкин хотел «лучше оттенить» «необычный характер» этой «странной красавицы», которой он посвятил в своей трагедии только одну сцену, но которая волновала его «как страсть»⁵¹.

Наряду с образами реальных исторических лиц А. С. Пушкин выводит в своей трагедии и образы вымышленные, пытаясь, однако, наделить их чертами, характерными для людей той эпохи, определенной среды и профессии. Замечательной по силе художественного изображения является фигура монаха Пимена. А. С. Пушкину казалось, что ему удалось отразить в этом человеке все то основное, что характеризует средневекового русского летописца. «Характер Пимена не есть мое изобретение,— уверял писатель.— В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умильная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать, набожное, к власти царя, данной ему богом...»⁵².

Более пристальное изучение летописей показывает, что при всей художественной пленительности образа Пимена ему недостает исторической правды. Он именно создание писателя XIX в., а не реальный летописец, которому в действительности было свойственно гораздо больше политической страстности и целеустремленности, чем наивного простодушия.

А. С. Пушкин много работал над образами героев и других своих произведений, а добившись их убедительного, как ему казалось, раскрытия, не раз вступал в полемику с теми, кто выражал сомнение в их исторической правдивости. Так, возражая критикам «Полтавы», которые упрекали писателя за то, что Мазепа в его трактовке — это «злой и глупый старичишка», Пушкин отвечал: «Добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной», «глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов» — и затем прибавлял: «Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер»⁵³.

Пристальное внимание поэта привлекала величественная и сложная фигура Петра I. Не раз А. С. Пушкин пытался дать его художественный портрет: и в «Медном всаднике», и в «Полтаве», и в «Арапе Петра Великого». Он высказывался о нем и в своих «Заметках по русской истории XVIII века». И в целом писателю удалось найти в общем верный путь к характеристике противоречивой по своей исторической роли личности Петра. В изображении А. С. Пушкина он, с одной стороны, великий преобразователь, при котором «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль,— при стуке топора и при громе пушек». В результате петровских реформ, говорит писатель, «связи древнего порядка вещей были прерваны навеки» и «движение, переданное сильным человеком», даже после его смерти «все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного». С другой стороны, А. С. Пушкин видит в политике Петра черты деспотизма: «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон»⁵⁴.

С позиций историзма подходил писатель к образу народного героя Пугачева, стремясь изобразить черты, которыми он обладал в действительности. Писатель высмеивал «мыслителей», упрекавших его за то, что

⁵¹ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 118—119 (перевод с франц.) (1829 г.).

⁵² Там же, стр. 56—57 (1828 г.).

⁵³ Там же, стр. 103 (1831 г.).

⁵⁴ Там же, стр. 241 (1833—1834 гг.); т. 6, стр. 7—8 (1822 г.).

он представил предводителя крестьянского движения «Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою», и предлагал им обратиться к историку Н. А. Полевому, «который, вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону»⁵⁵.

Исторической правды искал А. С. Пушкин в характерах тех или иных деятелей прошлого, выведенных современными ему русскими романистами. В романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский или Русские в 1612 году» Пушкину нравилось то, что автор сумел показать своеобразие настроений представителей различных социальных категорий, причем сделал это исторически, в соответствии с требованиями эпохи: «Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши,— все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына»⁵⁶.

Положительно оценил А. С. Пушкин драму М. П. Погодина «Марфа-посадница» и особенно подчеркнул, что «изображение Иоанна» в этом произведении «согласное с историей, почти везде выдержанное». «Мы слышим точно Иоанна — мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века»⁵⁷.

Вопрос о роли ряда деятелей прошлого вызывал и вызывает споры в исторической науке. Расходились в оценке отдельных исторических лиц и художники слова. Так, А. С. Пушкин несогласился с И. И. Лажечниковым в его отрицательной трактовке Бирона. Полемизируя с И. И. Лажечниковым, А. С. Пушкин писал: «О Бироне можно бы также потолковать»⁵⁸. И. И. Лажечников, в свою очередь, возражал А. С. Пушкину и доказывал, что «никакое перо, даже творца Онегина и Бориса Годунова, не в состоянии снять с него (Бирона.— Л. Ч.) позорное клеймо, которое История и ненависть народная, передаваемая от поколения поколению, на нем выжгли»⁵⁹.

Величие А. С. Пушкина заключается в том, что в условиях самодержавия и крепостничества он сумел показать в своих произведениях роль в общественно-политическом развитии не только крупных деятелей прошлого, но и народных масс. В «Борисе Годунове» не так уж много массовых сцен, где бы присутствовал и действовал народ. Но незримо он проходит через всю трагедию. Ее пронизывает мысль, вложенная автором в уста его предка Гаврилы Пушкина: «Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов? Не войском, нет, не польскою помощью, а мнением; да! мнением народным»⁶⁰. Недаром писатель говорил про Гаврилу Пушкина, что он «обладал большими дарованиями как воин, придворный и в особенности заговорщик»⁶¹. Мысль о «мнении народном», им выраженная, прямо противоположна тому, что говорит Борис Годунов, потерявший связь с народом: «Лишь строгостию мы можем неусыпной сдерживать народ»⁶².

Еще больше роль народа отразилась в «Истории Пугачева», которая заканчивалась словами: «...Имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он пугачевщиною»⁶³.

А. С. Пушкин считал, что художественное произведение, посвященное прошлому, должно выражать какую-то большую историческую

⁵⁵ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XVI, стр. 21, № 1051 (1835 г.).

⁵⁶ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 77 (1830 г.).

⁵⁷ Там же, стр. 164—165 (1830 г.).

⁵⁸ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XVI, стр. 62, № 1107 (1835 г.).

⁵⁹ Там же, стр. 65, № 1110 (1835 г.).

⁶⁰ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 3, стр. 330 (1825 г.).

⁶¹ Там же. Т. 5, стр. 118 (перевод с франц.) (1836 г.).

⁶² Там же. Т. 4, стр. 324.

⁶³ Там же. Т. 6, стр. 185 (1833 г.).

идею. Так, по словам Пушкина, в драме «Марфа-посадница» М. П. Погодин изобразил столкновение «двух великих лиц», которые «представлены ему были историею», — Иоанна и вольного Новгорода, — и показал «отпор погибающей вольности как глубоко обдуманый удар, утвердивший Россию на ее огромном основании».

В поэме «Медный всадник» Пушкин с неподражаемой силой раскрыл бунт простого человека против олицетворявшего стихию деспотизма — «горделивого истукана», «кумира» «с медною главою», который «уздой железной Россию поднял на дыбы»⁶⁴. В поэме «Полтава» поэт показал, как в «смутную пору» преобразований Петра I, «в искушениях долгой кары, перетерпев судеб удары», усвоив «нежданные и кровавые уроки», заданные ей «шведским паладином», «окрепла Русь»⁶⁵.

И в других произведениях А. С. Пушкина воплощены большие идеи, и разворачиваются они в конфликтах, отражающих противоречия эпохи. В изображении этих противоречий писатель, говорит А. С. Пушкин, должен быть беспристрастен, лишен тенденциозности. «Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, — но люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине...»⁶⁶.

Но быть беспристрастным и объективным не значит быть беспристрастным и равнодушным. И не это имеет в виду А. С. Пушкин. Равнодушие не удел художника и не удел историка. Добываясь истины, и художник и историк не могут оставаться к ней безразличными. Есть объективная правда истории и человеческая правда писателя. И они не всегда совпадают; не может и не имеет права писатель оправдать все то, что дала ему история, но против чего восстают и его разум и его сердце. И объективность писателя заключается не в том, чтобы встать в позу простого наблюдателя, исключаящую какие-либо оценки прошлого. Быть объективным и честным для писателя — значит изобразить всеми имеющимися в его распоряжении средствами идейного и художественного воздействия на читателя прошлое так, чтобы само его изображение, не приукрашивая и не обедняя историческую действительность, уже содержало ее правдивую оценку.

А. С. Пушкин ставил вопрос и о взаимоотношении в художественном творчестве вопросов истории и современности. Он говорил, что настоящий писатель не может обратиться к историческому сюжету только для того, чтобы, пользуясь героями и фабулой прошлого, раскрыть свой взгляд на какую-либо современную проблему. Упоминая безымянно французского автора, который «пишет свою трагедию с Constitutionnel или с Quotidienne перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберию, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге», А. С. Пушкин замечал: «От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходов, но трагедии истинной не существует». По контрасту он вспоминал о Расине, который не «осмелился сделать... ругательное приращение Людовика (XIV.—Л. Ч.) к Нерону» и который «изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах...»⁶⁷.

Таким образом, А. С. Пушкин считал нарушением принципа историзма обращение к прошлому в целях простой иллюстрации его примерами явлений современности или в целях обоснования мыслей автора об этих явлениях. И в то же время творчество А. С. Пушкина прекрас-

⁶⁴ Там же. Т. 2, стр. 536 (1833 г.).

⁶⁵ Там же. Т. 5, стр. 163; т. 2, стр. 437—438 (1833 г.).

⁶⁶ Там же. Т. 5, стр. 163.

⁶⁷ Там же, стр. 57—58 (1828 г.).

но показывает, что как раз современность подсказывала писателю большие и важные исторические темы. Но поднимал их писатель не потому, что хотел воспроизвести под их покровом тему сегодняшнего дня. Нет, дело было глубже и серьезнее. Настоящее слишком крепко связано с прошлым, и смысл каждого нового слова истории может быть осознан во всей его полноте лишь на основе того, что записано в летописи былых судеб человечества. С другой стороны, каждый серьезный поворот истории позволяет как-то по-новому прочесть эту летопись. Во времена Пушкина, в суровых условиях аракчеевщины, а затем полицейско-бюрократического режима Николая I, передовая общественная мысль искала пути в лучшее будущее. В этих поисках она привлекала образы былого не для того, чтобы непосредственно подчинить его задаче решения определенных проблем текущей действительности, а для того, чтобы в свете современности глубже понять прошлое и на опыте прошлого лучше осознать современность.

Незаконченная поэма «Вадим»⁶⁸, трактовавшая тему народного восстания в Новгороде в X в., явилась, конечно, выражением свободолюбивых настроений поэта в период, когда формировались и взгляды будущих декабристов. Тем самым эта поэма выражала отношение писателя к борьбе народа за свои права не только в отдаленной древности, но и в современную эпоху.

В стихотворениях «Моя родословная» и «Родословная моего героя»⁶⁹ в художественных образах воспроизводится галерея представителей русского дворянства разных веков. В первую очередь здесь нашли отражение мысли А. С. Пушкина о собственных предках. В «Моей родословной» писатель использовал семейные предания и материалы фамильных архивов. Исторически он связывает судьбу своих дедов и прадедов со славными страницами национального прошлого России («мой предок Рача мышцей бранной святому Невскому служил»; из Пушкиных «был славен не один, когда тягался с поляками нижегородский мещанин» и т. д.) и борьбы передовых представителей дворянского сословия с царским произволом («упрямства дух нам всем подгадил»... «не любит споров властелин»). За поэтическим рассказом о прошлом русского старинного дворянства видны грустные размышления писателя об утрате аристократией в настоящем принадлежавшей ей (на основе длительной исторической традиции) политической роли («Мне жаль, что нашей славы звуки уже нам чужды; что спроста из бар мы лезем в tiers-état»).

В стихотворении «Кинжал», воспевая это оружие как эмблему исторического возмездия, орудие «бессмертной Немезиды», как «свободы тайного стража», «последнего судию позора и обиды», Пушкин раскрывает эту характеристику на ряде образов из различных эпох (от древнего Рима до Франции в период буржуазной революции и до Германии XIX в.). Таким образом, стихотворение и идейно и художественно убеждает в связи истории и современности.

Специальной темой является вопрос об источниковедческой базе исторических трудов А. С. Пушкина — исследовательских, публицистических, художественных — и о приемах изучения писателем своих источников. Эта тема нашла уже в большой мере разрешение в работах ряда авторов, посвященных отдельным произведениям Пушкина: «Борису Годунову», «Истории Петра I», «Истории Пугачева» и др. Удалось установить большой круг использованных А. С. Пушкиным материалов, и печатных и архивных. Поражаешься и его неутомимой жажде нового, и широте и целеустремленности научных поисков, и редкому трудолюбию. Именно эти черты характеризуют А. С. Пушкина как историка.

⁶⁸ Там же. Т. 1, стр. 359—362 (1822 г.).

⁶⁹ Там же. Т. 2, стр. 138—141 (1830 г.), 248—251 (1836 г.).

Его письма к различным лицам переполнены просьбами помочь в подборе литературы и документов. Вспоминая о своей работе по изучению материалов истории пугачевского движения, Пушкин писал: «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов *in folio* разных рукописей, указов, донесений, и проч...» Писатель предлагал читателям обратиться к «Приложениям к Истории Пугачевского бунта» с тем, чтобы удостовериться «во множестве важных исторических документов, в первый раз обнародованных». «Стоит упомянуть,— указывает писатель,— о собственноручных указах Екатерины II, о нескольких ее письмах, о любопытной летописи нашего славного акедемика Рычкова..., о множестве писем знаменитых особ, окружавших Екатерину: Панина, Румянцова, Бибикова, Державина и других...»⁷⁰.

Характерной особенностью источниковедческих приемов А. С. Пушкина является сочетание данных письменных памятников с материалом личных наблюдений в тех местах, где происходили интересовавшие его события, с опросом их очевидцев и т. д. Так, писатель совершил специальную поездку в Казань, Оренбург, Уральск, Берду, чтобы там пополнить свои сведения об обстоятельствах восстания Пугачева. Из Казани он писал жене: «Здесь я возился со стариками, современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону»⁷¹. Излагая свои впечатления о пребывании в Уральске, А. С. Пушкин рассказывал: «Тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, на перерыв давали мне все известия, в которых имел нужду...»⁷². «В деревне Берде,— сообщает А. С. Пушкин жене,— где Пугачев простоял 6 месяцев — имел я *une bonne fortune* — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал...»⁷³.

Большой интерес всегда проявлял Пушкин к вопросам археологии, исследующей вещественные остатки старины. Когда еще в ранней юности судьба забросила его в Крым, писатель, побывав в Керчи, рассчитывал найти там следы древней Пантикапеи. Он был очень разочарован, увидев лишь «ряды камней» и «ров почти сравнившийся с землею». «...Вот все, что осталось от города Пантикапеи»,— сокрушенно сообщал А. С. Пушкин в письме брату и тут же с грустью отмечал, как мало еще внимания уделяется археологическим раскопкам и исследованиям. «Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится»⁷⁴.

При исследовании как письменных документов, так и источников других типов А. С. Пушкин много внимания уделял их критике. Он рассказывает, как трудно ему было дать верную и точную картину военных действий пугачевских войск на основе весьма недостоверного материала: «донесений частных начальников, показаний казаков, беглых крестьян и тому подобного,— показаний часто друг другу противоречащих, преувеличенных, иногда совершенно ложных». Писатель подчеркивает, что ему пришлось провести большую источниковедческую работу, «проверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою»⁷⁵.

⁷⁰ Там же. Т. 6, стр. 252.

⁷¹ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XV, стр. 78 (1833 г.).

⁷² Там же, стр. 83, № 849 (1833 г.).

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Т. XIII, стр. 17, № 16 (1820 г.).

⁷⁵ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 6, стр. 252 (1836 г.).

Из заметок А. С. Пушкина на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убийствии царевича Дмитрия» видно, как критически, привлекая первоисточники, подходил писатель к имевшимся в литературе точкам зрения. М. П. Погодин, доказывая незаинтересованность Бориса Годунова в смерти Дмитрия, говорил, что последний «по тогдашним понятиям едва ли имел право на престол, по крайней мере неоспоримое». А. С. Пушкин, возражая против этого утверждения, замечает: «Смотри все летописи, где об незаконности Дмитрия нигде не упомянуто, напротив». Здесь используется такой тонкий прием исторической критики, как аргумент от молчания источников. М. П. Погодин считает, что «народ, зная о неприязни Борисовой к Дмитрию, легко поверил правдоподобной выдумке» (то есть версии об участии Годунова в убийстве царевича). Давая иную, чем историк, квалификацию данным источников о роли Бориса Годунова в смерти Дмитрия, признавая виновность Годунова, А. С. Пушкин оценивает сумму этих данных не как «правдоподобную выдумку», а как «оправданное показание всея Руси».

Вопрос о причастности Бориса Годунова к убийству царевича М. П. Погодин хотел бы решить на основе современного ему процессуального и уголовного законодательства, с привлечением всего следственного материала, который позволяет собрать история. «...Я представляю все дело на суд Уголовной палаты, по существующим ныне законам. Не должна ли она оставить Бориса только в подозрении, и подозрении слабом». А. С. Пушкин отвечает: «Это глупость. Уголовная палата не судит мертвых царей по существующим ныне законам. Судит их история, ибо на царей и мертвых нет иного суда»⁷⁶. Это вовсе не отказ от выяснения характера действий тех или иных исторических лиц, от оценки значения этих действий и определяющих их реальных побуждений в силу того, что человеческому суду подвластны лишь живые. Это призыв к историзму в оценках, предостережение не подходить к прошлому с мерилем, которое применимо лишь к явлениям сегодняшнего дня. Спор этот (до сих пор в науке не разрешенный) мы привели лишь с тем, чтобы показать, что нормы критики источников, из которых исходил Пушкин при изучении прошлого, отличаются сложностью и многообразием, а применение их на практике поражает мастерством и изяществом. При этом Пушкина никогда не оставляло чувство историзма, понимание тесной связи источника с эпохой, обществом, людьми, его создавшими.

Непосредственное восприятие особым поэтическим чутьем источника как памятника той или иной эпохи весьма помогало писателю в его дальнейших исторических оценках. Так, основным аргументом в пользу подлинности «Слова о полку Игореве», которая подвергалась сомнению скептиками XIX в., был присущий этому произведению «дух древности, под которого невозможно подделаться»⁷⁷.

Любовь к историческим памятникам, понимание их значения отразились в разных произведениях Пушкина. В «Родословной моего героя» писатель с известной долей юмора и в то же время с подлинным сожалением рассказывает, как, «архивы роя», он убеждался, «что русский ветеранный боярин считает грамоты царей за пыльный сбор календарей». О себе самом поэт с некоторой гордостью говорил: «Под гербовой моей печатью я кипу грамот сохранил»⁷⁸. Тонкая ирония в отношении историков-летописцев и в то же время хорошее знание различных разновидностей исторических памятников отличают те страницы «Истории села Горюхина», на которых излагается «список источников», «послуживших» автору «к составлению» его труда. Это — «собрание старинных календа:

⁷⁶ Там же, стр. 85, 91, 94 (не ранее 1829 г.).

⁷⁷ Там же. Т. 5, стр. 396 (1836 г.).

⁷⁸ Там же. Т. 2, стр. 140, 251.

рей» (где рядом с записью «Тришка за грубость бит» отмечено: «корова бурая пала»); «летопись горюхинского дьячка», первые листы которой дети священника выдрали, сделав из них змея; «изустные предания», «ревижские сказки».

Великий мастер художественного слова, А. С. Пушкин, естественно, обращал особенно большое внимание на язык литературных произведений, ибо язык — это, как он говорил, «стихия, данная нам для сообщения наших мыслей»⁷⁹. В истории языка отражается многовековой путь народа, развитие его культуры, проявляются национальные особенности его характера. Язык художественного произведения должен передавать колорит эпохи и характерные черты нации на разных ступенях ее движения вперед. «Читал стихи и прозу Кю[хельбекера], — писал Пушкин своему брату, — что за чудак! Только в его голову могла войти... мысль воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где все дышет мифологией и героизмом — славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремия. Что бы сказал Гомер и Пиндар?»⁸⁰.

Пушкин дал запоминающуюся картину исторических судеб русского языка. «Звучный и выразительный» уже на заре своей истории, он в XI в. пополнился богатствами языка греческого. «Простонародное наречие» при этом должно было отделиться от «книжного», но затем снова с ним сблизилось. В дальнейшем русский язык развивался как язык самобытный и оригинальный, не подвергаясь чужеземным влияниям и оставаясь «неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества» и в эпоху татаро-монгольского ига и в годы «войн литовских». При Петре I русский язык стал «приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов». Дальнейшее его обновление с использованием лучших традиций прошлого связано с именем М. В. Ломоносова, «слог» которого «ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным»⁸¹.

Прекрасное понимание путей и характера развития русского языка позволило А. С. Пушкину мастерски, с чувством подлинного историзма использовать его богатства в своих произведениях, посвященных разным эпохам. Но поэт был противником намеренной архаизации языка в целях придания ему якобы исторического колорита и патриотического звучания. Так, он высмеял написанную в псевдопатриотическом духе поэму С. А. Ширинского-Шихматова — «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия», сопроводив это заглавие следующими ироническими стихами: «слог дурен, темен, напыщен — и тяжки словеса пустые»⁸². По поводу трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» А. С. Пушкин писал: «Что есть народного в К с е н и и, рассуждающей шестистопными ямбами о власти родительской с наперсницей посреди стана Дмитрия?»⁸³.

Пушкин не утратил чувства историзма и при оценке роли в развитии русского языка такого колосса науки и литературы, как М. В. Ломоносов. Писатель отмечал, что его «преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему». В то же время, говорит А. С. Пушкин, было бы «странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова»⁸⁴, в языке и стиле произведений которого слишком много архаического.

⁷⁹ Там же. Т. 5, стр. 24 (1825 г.).

⁸⁰ А. С. Пушкин. ПСС. АН СССР. Т. XIII, стр. 45, № 39 (1822 г.).

⁸¹ А. С. Пушкин. ПСС. ГИХЛ. Т. 5, стр. 24—26 (1825 г.).

⁸² Там же. Т. 1, стр. 206 (1814—1817 гг.).

⁸³ Там же. Т. 5, стр. 34 (1825—1826 гг.).

⁸⁴ Там же, стр. 26 (1825 г.).

Средствами художественного воплощения образов прошлого наряду с богатствами языка являются произведения живописи, скульптуры, архитектуры. Характерная черта творчества А. С. Пушкина заключается в том, что он пытается сочетать воедино возможности литературы и изобразительного искусства для наиболее выразительной передачи фактов и явлений национальной истории. Подобная творческая манера проявилась уже в юношеском стихотворении А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском селе»⁸⁵. Стихотворение это проникнуто одной мыслью и одним чувством, выраженными в словах: «Здесь каждый шаг в душе рождает воспоминанья прежних лет». В Царском селе есть скульптурные изображения, посвященные знаменательным датам и событиям национального прошлого, отмечающие заслуживающие памяти потомков дела выдающихся русских полководцев. Вдохновленный этими зрительно воспринимаемыми памятниками былого, Пушкин передает свое впечатление от них языком поэзии. Но язык этот настолько чеканен и впечатляющ, что и читатель вслед за поэтом как бы зрительно воссоздает перед собой образы полководцев XVIII столетия, «грозных потомков славян» — М. Ф. Орлова, П. А. Румянцева, А. В. Суворова, — и в качестве поэтического обобщения в его воображении встает «громкий век военных споров, свидетель славы россиян».

Обращение к монументальным памятникам, а от них и через них к историческим темам часто встречается и в последующем творчестве А. С. Пушкина.

Так, обозревая в Царском селе «Кагула памятник надменный», олицетворяющий победу русских войск над турками в 1770 г., «воспоминаньем упоенный» поэт обращается в своей памяти и к «задунайскому великану» — П. А. Румянцеву, под руководством которого была одержана эта победа. От Румянцева мысли поэта переходят к современности. Так зарождается пушкинская «Элегия»⁸⁶.

В замечательном произведении гражданской мысли, оде «Вольность», А. С. Пушкин дал описание построенного по предписанию Павла I Михайловского замка, этого «пустынного памятника тирана» — эмблемы непрочности деспотического режима.

Об А. С. Пушкине можно писать много, ибо оставленное им идейное и художественное богатство неисчерпаемо. То немногое, что было сказано выше, имело лишь одну цель: обратить внимание на те стороны творчества великого поэта, которые помогут осуществлению задачи, столь актуальной сегодня, — укрепить содружество историков и писателей в целях наиболее полного и глубокого овладения опытом прошлого и его широкой пропаганды.

⁸⁵ Там же. Т. I, стр. 94—99 (1814 г.).

⁸⁶ Там же, стр. 297 (1819 г.).

НЕОПОЗИТИВИЗМ И ВОПРОСЫ ЛОГИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

И. С. Кон

Всесоюзное совещание историков, прошедшее в конце прошлого года, с особой остротой поставило вопрос о необходимости разработки теоретико-методологических проблем исторической науки и критики буржуазных идеалистических концепций в этой области. Чтобы эта работа была успешной, необходимо самое тесное сотрудничество историков и философов, которые, как это отмечалось на совещании, работают пока разобщенно.

Задачи философии по отношению к истории многообразны. Как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления, философия помогает историку теоретически понять структуру общественной жизни, выяснить соотношение в историческом процессе необходимости и случайности, объективных условий и сознательной деятельности исторических личностей (онтологический аспект); исследует специфику исторического познания и уясняет его место в общей системе научного знания (гносеологический аспект); вооружает историка правильным пониманием методов исторического исследования и их соотношения друг с другом (методологический аспект); анализирует логические формы и способы исторического объяснения (логический аспект).

В любой целостной концепции философии истории присутствуют, как правило, все эти аспекты. Однако соотношение их может быть различным. В исторической эволюции философии истории интерес к онтологической стороне, к динамике и структуре исторического процесса, появился значительно раньше, чем к другим аспектам проблемы. Хотя в философско-исторических построениях эпохи Просвещения ставились не только онтологические, но и гносеологические и логико-методологические вопросы¹, они занимали там подчиненное место и рассматривались попутно с другими вопросами. Это нужно сказать и о большинстве буржуазных философско-исторических концепций XIX века. Хотя интерес к вопросам теории исторического познания неуклонно возрастал, эти вопросы ставились преимущественно в рамках более общих философских систем; философы не столько исследовали логико-гносеологическую специфику реально существовавшей историографии, сколько конструировали некую идеальную историю, какой она должна была бы быть в свете данных философских постулатов.

В последние годы под прямым влиянием логического позитивизма положение изменилось. Если в прошлом в буржуазной философии истории преобладали работы общеполитического характера, ставившие вопрос о специфике исторического познания вообще, соотношении истории и современности и т. п., то в последние годы в центре ее внимания оказались вопросы логики исторического объяснения².

¹ Это, например, показано в книге Г. Шпет. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. I. Материалы. М. 1916.

² Характерно, например, что из 13 статей, опубликованных в первом томе международного журнала по философии истории «History and Theory», 9 статей посвящены, полностью или частично, логико-методологическим проблемам.

Философия, свидетельствует Пьетро Росси, не претендует больше на то, чтобы дать историческому исследованию какой-то образец и абсолютную гарантию надежности, но занимается «изучением правил, присущих историографической работе, то есть либо анализом характерной для исторического исследования объяснительной процедуры, либо анализом характерных особенностей историографического языка»³. Правда, эта тенденция, как уже отмечалось в рецензии на книгу Росси⁴, типична не для всей современной буржуазной философии истории, а только для ее позитивистского крыла. Однако она довольно быстро развивается. С чем же связано это явление, почему логическая проблематика, в прошлом не занимавшая видного места в философии истории, теперь заслоняет многие другие проблемы? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется обратиться к истории.

В буржуазной философии второй половины XIX в. существовали две основные линии в отношении истории. Первая представлена позитивизмом, вторая — открыто идеалистическими философскими течениями (неокантианство, «философия жизни» и др.).

Позитивизм Конта — Спенсера — Милля, развиваясь в полемике с традициями романтической историографии, всячески подчеркивал единство научного знания и необходимость превращения истории в такую же строгую науку, как естествознание. Критикуя примитивную описательность традиционной историографии, выступая против сведения исторического процесса к случайной деятельности «великих людей», доказывая возможность и необходимость широких обобщений относительно общественной жизни, позитивизм XIX в. оказал определенное положительное влияние на историческую науку того времени, способствуя переходу от описательно-повествовательной истории отдельных событий к изучению сложной эволюции социально-экономических процессов и отношений.

Однако, не говоря уже о несостоятельности их философских предпосылок⁵, позитивисты крайне упрощенно и неверно понимали природу и задачи исторического познания.

В погоне за «вечными и неизменными» законами позитивисты игнорировали конкретное многообразие исторического процесса, подчиняя историю абстрактной социологии. Здесь не могло быть и речи о выяснении логической или гносеологической специфики исторической науки. Позитивисты рассматривали историю либо просто как склад «сырого материала», который должна была обобщить социология, либо как «недоразвитую» науку, специфика которой объясняется именно ее недоразвитостью.

Подобное отношение к исторической науке типично было и для большинства позднейших философов-позитивистов. В. И. Ленин писал в «Материализме и эмпириокритицизме», что «позитивизм вообще и махизм в частности гораздо больше занимались тонкой фальсификацией гносеологии, подделываясь под материализм, пряча идеализм за якобы материалистическую терминологию, — и мало сравнительно обращали внимания на философию истории»⁶.

Пренебрежение к истории достигло своего апогея в логическом позитивизме членов так называемого Венского кружка, в состав которого в 1920-х и начале 1930-х годов входили М. Шлик, О. Нейрат, Р. Карнап и другие. Поставив своей задачей создание единой «унифицированной науки», включающей как естественные, так и общественные науки, эти философы провозгласили единственной целью науки описа-

³ P. Rossi. *Storia e storicismo nella filosofia contemporanea*. Milano. 1960, p. 483.

⁴ См. «Вопросы истории», 1962, № 9.

⁵ См. об этом подробнее И. С. Нарский. *Очерки по истории позитивизма*. М. 1960.

⁶ В. И. Ленин. *Соч.* Т. 14, стр. 316.

ние «непосредственно данного», а единственно возможной логической формой науки — ту форму, которую имеет современная физика («физикализм»). Единственным средством проверки (верификации) предположений науки Карнап и его единомышленники считали сопоставление соответствующих высказываний с непосредственным чувственным переживанием субъекта, к которому они относятся. Но историк в силу самой специфики предмета исследования не может сопоставить свои выводы с «непосредственным переживанием», он основывается на данных косвенного опыта, опыта других людей, который нельзя выразить в виде простого однозначного протокола. Отсюда неопозитивисты делали вывод, что история вообще не может быть наукой, а ее обобщения стоят вне альтернативы истинного и ложного. Исторические суждения — это не суждения факта, а оценочные суждения. Как замечает известный американский социолог-неопозитивист Джордж Ландберг, «в силу отбора, производимого при написании истории, большая часть исторического материала имеет сомнительную ценность для научных целей»⁷.

Начав с провозглашения принципа объективности научного познания, позитивизм заканчивает отрицанием истории как науки. Он не только игнорирует методологическую специфику истории, подчиняя ее абстрактной социологии, но и эту последнюю конструирует как неисторическую дисциплину.

Позитивистская концепция истории не могла не приходить в кричащее противоречие с практикой исторического исследования, и это вызывало многочисленные критические отклики. Однако в буржуазной философии второй половины XIX и начала XX в. тезис о специфичности исторического познания выдвигали преимущественно открыто идеалистические течения, для которых идея специфичности истории была прежде всего средством борьбы против детерминизма и материалистического понимания истории как естественноисторического процесса. Отсюда многообразные попытки под флагом уточнения «специфики» исторического познания вообще оторвать общественные науки от естествознания и дискредитировать применение в обществоведении научных методов. В. Дильтей выводит характерную для истории индивидуализацию явлений из онтологической противоположности духа и природы; специфику исторического познания он видит в том, что оно покоится не на причинном объяснении, а на интуитивном «понимании». Б. Кроче и Р. Д. Коллингвуд выводят особенности исторического знания из гегелевского понимания истории как истории духа. Неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт пытаются разграничить историю и естествознание, исходя из ее логико-методологических особенностей, из того, что истории, по их мнению, присущ особый индивидуализирующий способ образования понятий. Все эти концепции в силу их идеалистического характера абсолютизировали отдельные черты исторического познания, создавая искаженную общую картину⁸. В подобных работах методологическая специфика исторического исследования не выводилась путем анализа действительных методов, применяемых историками, а дедуцировалась из определенных общефилософских постулатов. Даже у Риккерта, которого на первый взгляд интересует исключительно методологическая сторона дела, методология и логика занимают подчиненное место по отношению к философии ценностей. В истории господствует идиографический метод, говорит Риккерт. Но это связано с тем, что в историческом развитии мы имеем дело с явлениями культуры, а эти последние представляют собой объективацию определенных ценностей. Сами же ценности надысторичны, поэтому критерии отбора историче-

⁷ G. Lundberg. Social Research. New York. 1942, p. 117.

⁸ См. по этому вопросу И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959.

ских фактов лежат вне самой истории, а методология истории предполагает философию ценностей. Риккерт сам подчеркивает, что он освещает не взаимоотношения действительного естествознания и действительной истории, а лишь разные пути образования понятия, ограничиваясь «главным образом установлением тех двух крайних полюсов научной деятельности, между которыми до известной степени расположены все эмпирические науки»⁹. Тем более верно это в отношении Дильтея. Кроме, Коллингвуда и других, у которых описание существующей историографической практики то и дело смешивается с высказываниями о том, какой должна быть историческая наука и чем она должна заниматься. Весь этот идеалистический «историзм» имел ярко выраженную антимарксистскую направленность.

Таким образом, ни свойственное старому позитивизму представление об истории как о дисциплине, подсобной социологии, ни идеалистические интерпретации специфики исторического познания не передают его действительной природы. Это признают сегодня не только марксисты, но и многие буржуазные ученые, прежде всего историки, которые не могут игнорировать практику исторического исследования.

Этот тупик, в котором оказалась идеалистическая философия истории, и побуждает буржуазных философов перестраиваться. Перенеся вопрос о природе исторического познания из сферы философии в сферу логики, они пытаются тем самым скрыть имманентный их концепциям идеализм и найти новые пути и средства борьбы против марксизма. Зачем ставить сложные, связанные с большой философской традицией вопросы о сущности исторического познания, основаниях его объективности и тому подобные, рассуждают сторонники «аналитического» направления в буржуазной философии. Не лучше ли ограничиться логическим анализом тех понятий и объяснительных приемов, которые действительно применяют историки? Не «предписывать», чем должна быть историческая наука, а «описывать» уже существующие формы исторического объяснения — вот как формулируют они задачи философии по отношению к истории¹⁰.

Что скрывается за этой тенденцией? Нельзя, конечно, отрицать, что критическое изучение логики исторического исследования, как она выступает в сочинениях профессиональных историков, может быть весьма полезным и позволяет глубже и конкретнее понять специфику исторического познания. Но одно дело — правомерность логического аспекта философии истории, и совсем другое дело — подмена философии логикой. Между тем именно это происходит у «логических аналитиков», воображающих, что, оставив в стороне онтологическую и гносеологическую проблематику, они тем самым поднимаются «выше» противоположности материализма и идеализма. Это представление — лишь жалкая иллюзия. Спор о логике исторического объяснения нельзя вести, не уточнив, о чем, собственно, идет речь: об объяснении исторического процесса как целого или об объяснении отдельного единичного события. А решение этого вопроса уже предполагает наличие у ученого какой-то общей философско-исторической концепции. К тому же анализ логических операций, производимых историками, хотя и представляет определенный интерес, сам по себе не может быть решающим аргументом в философском споре, поскольку логика исторического объяснения отражает философские взгляды историка и не является одинаковой у разных авторов. Историк, который считает общественное развитие делом рук «великих людей», объясняет исторические события не так, как это делает, на-

⁹ Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. СПб. 1911, стр. 35.

¹⁰ См. «Theories of History». Ed. with introductions and commentary by P. Gardiner. Clarendon. 1959, p. 268. Более подробную критику философии логического анализа см. А. Ф. Бешашвили. Метод анализа в современной буржуазной философии. Тбилиси. 1960.

пример, сторонник географического детерминизма. Поэтому ссылка на «практику исторического объяснения» здесь мало что дает. Споры о логике исторического объяснения, по сути дела, продолжают в новой форме старые философские дискуссии о природе истории и исторического метода.

Логический анализ исторического исследования в принципе можно осуществлять с различных философских позиций. Однако исторически эта проблематика теснее всего связана с философией логического позитивизма, представители которого в 1940-х годах первыми попытались сконструировать логическую схему исторического объяснения. Эта схема, получившая название «теории охватывающего закона» (*covering law theory*), была разработана параллельно английским философом Карлом Поппером и американским философом Карлом Гемпелем, и потому она часто называется схемой Поппера — Гемпеля.

Поппер и Гемпель отказались от некоторых крайних положений, в частности от «физикализма» Венского кружка. Однако они считают, что логическая процедура причинного объяснения во всех науках, как естественных, так и общественных, должна быть одна и та же. В каждом причинном объяснении, пишет Поппер, обязательно имеются два элемента: с одной стороны, некий универсальный закон, а с другой — описание специфических условий протекания данного процесса, которые можно назвать исходными условиями. Например, мы можем сказать, что дали причинное объяснение разрыва нитки, если мы нашли, что эта нитка могла выдержать тяжесть весом в один фунт, а к ней подвесили предмет весом в два фунта. Анализируя это причинное объяснение, мы обнаружим в нем две различные составные части. Во-первых, известную гипотезу, имеющую характер универсального закона природы (в данном случае этот закон звучал бы примерно так: «Если известная нить подвергается растяжению, превышающему известное максимальное растяжение, характерное для этой определенной нити, то она порвется»). Во-вторых, некоторые специфические утверждения (исходные условия), описывающие интересующий нас особенный процесс (в данном случае мы можем получить два утверждения: «Характерная для этой нити максимальная нагрузка, при которой она может порваться, равняется одному фунту» и «Вес, подвешенный к этой нити, равнялся двум фунтам»).

Эти два различных вида суждений в своей совокупности дают нам полное причинное объяснение. Из универсального закона (1) мы можем с помощью исходных условий (2) вывести следующее специфическое заключение: «Эта нить порвется». Исходные условия (или, точнее, отраженная в них ситуация) обычно называются причиной события, о котором идет речь, а прогноз (или скорее, событие, которое мы описываем как прогноз) называется следствием. Например, мы можем сказать, что подвешивание тяжести в два фунта к нити, способной выдержать только один фунт, было причиной разрыва нити¹¹.

Эту схему причинного объяснения Гемпель в статье «Функция общих законов в истории», опубликованной впервые в 1942 г. и после этого вошедшей почти во все антологии по философии науки, распространил и на историю. Всякое научное объяснение, по Гемпелю, предполагает, что 1) объясняемое событие должно быть включено в класс однородных событий; 2) оно должно быть соотнесено с каким-то общим законом, показывающим постоянную связь этой группы событий с другими группами событий, которые являются условиями совершения первых. В том случае, когда такой общей гипотезой является действительно всеобщий закон, объясняемое событие можно, зная его начальные усло-

¹¹ См. K. R. P o p p e r. *The Open Society and its Enemies*. V. II. Rev. ed. London. 1952, p. 262. Приведенное рассуждение воспроизводит концепцию, сформулированную Поппером в его книге «*Logik der Forschung*». Wien. 1935.

вия, логически вывести из этого закона. Но в истории мы чаще всего имеем дело с расплывчатыми и лишь подразумеваемыми «законами», заимствованными из обыденного сознания, или с тенденциями, говорящими только о вероятности (а не о необходимости) процесса. Поэтому, заключает Гемпель, история в большинстве случаев дает нам не строгое объяснение, в смысле возможности дедуцировать событие из универсальных законов, но нечто вроде «объяснительного скетча». «Такой скетч состоит из более или менее расплывчатого указания на закон и начальные условия, которые рассматриваются как существенные, и чтобы превратить этот скетч в развернутое объяснение, необходимо его «наполнить». Это наполнение требует дальнейшего эмпирического исследования, направление которого указывает скетч»¹².

Развернутое обоснование этой концепции дал Поппер в своих книгах «Нищета историзма» и «Открытое общество и его враги». Конечно, говорит Поппер, в историческом исследовании, как и во всяком другом, описание фактов уже предполагает наличие какой-то теоретической точки зрения, а объяснение невозможно без использования каких-то «универсальных законов». Однако, подчеркивает он, «в физике «точка зрения» обычно дается физической теорией, которую можно проверить путем открытия новых фактов»¹³. В истории же дело обстоит иначе. Законы, существование которых историк молчаливо предполагает, настолько тривиальны, что сами по себе они не представляют практически никакого интереса и не могут внести определенную систему в предмет исследования.

Между тем обойтись без такой «точки зрения», выражающей направленность его интересов, историк не может. Отсюда, полагает Поппер, различные «интерпретации» истории, в свете которых историческое развитие выступает то как продукт деятельности великих людей, то как результат экономических процессов, то как следствие изменений в религиозных чувствах. Но эти общие «интерпретации» принципиально отличны от научных теорий, потому что они не имеют эмпирического характера. Факты, которыми пользуется историк, ограничены, и их нельзя воспроизвести по нашему желанию. К тому же сами эти факты были собраны в соответствии с определенной предвзятой точкой зрения. И поскольку других фактов нет, никакая историческая теория, как правило, не может быть проверена. Отсюда — неизбежная множественность «интерпретаций» и отсутствие в истории объективной истины.

Правда, Поппер оговаривается, что не все исторические интерпретации одинаково ценны, что одни из них лучше объясняют факты, другие — хуже. Поэтому даже в области исторической интерпретации возможен «довольно значительный прогресс»¹⁴. Но научной теории исторического развития быть не может, и история всегда будет переписываться, поскольку каждое новое поколение ставит перед ней новые вопросы. Короче говоря, не может быть истории «прошлого, каким оно на самом деле было»; могут быть только разные исторические интерпретации, причем ни одна из них не является окончательной и каждое поколение имеет право создавать свою собственную интерпретацию¹⁵.

Рассматриваемая просто как логическая схема, теория «охватывающего закона» имеет, казалось бы, некоторые сильные стороны. Она подчеркивает наличие внутренней связи между описанием и объяснением, выявляет, что в любом, даже самом «индивидуальном» историческом объяснении имеются какие-то скрытые, подразумеваемые обобщения. Тем самым она привлекает внимание к изучению понятийного аппарата

¹² C. C. Hempel. The Function of General Laws in History. «Theories of History», p. 351.

¹³ K. Popper. Op. cit. Vol. II, p. 261.

¹⁴ Ibid., p. 266.

¹⁵ Ibid., p. 268.

исторического мышления, к анализу тех обобщений, которыми, осознанно или неосознанно, пользуется историк. Историческое объяснение рассматривается в ней в свете общей логики научного объяснения, хотя выводы того же Поппера оказываются по отношению к истории скорее негативными. Некоторые сторонники теории «охватывающего закона» (например, Гемпель) резко выступают против интуитивизма и иррационализма в теории исторического познания.

Однако эти достоинства являются в значительной мере кажущимися. Теория «охватывающего закона» не просто логическая схема; она покоится на определенных философских предпосылках, и именно несостоятельность этих предпосылок делает ее ошибочной, неприменимой ни к историческому, ни к общенаучному познанию.

Первым и коренным пороком схемы является субъективно-идеалистическое истолкование категорий, лежащих в основе научного объяснения. Поппер и Гемпель признают, что объяснить явление — значит раскрыть его причины или вывести его из какого-то общего закона. Но сами категории причины и закона они трактуют, вслед за Юмом, не как выражение необходимой связи, объективно существующей между явлениями, а как простую логическую конструкцию. Поппер оперирует не подлинными научными законами, а простыми общими суждениями, часто стоящими на уровне трюизмов. Научное объяснение в общественной жизни, как и в природе, требует, по Попперу, соотнесения объясняемого явления с каким-либо общим законом. Но в то же время он категорически отрицает наличие в общественной жизни какой бы то ни было детерминированности. «Будущее зависит от нас самих, а мы не зависим ни от какой исторической необходимости»¹⁶ — вот его основной тезис. На этом он основывает и свои возражения против «историзма», признающего возможность научного предвидения в общественной жизни, и свой тезис о невозможности теории истории. Применение «логики научного объяснения» к истории приводит Поппера лишь к выводу, что история не является и не может быть наукой.

Субъективистская трактовка понятия научного закона дополняется у теоретиков «охватывающего закона» весьма упрощенным пониманием природы научных обобщений вообще. Феноменализм, лежащий в основе позитивистской философии науки, рассматривает мир как совокупность совершенно равноценных явлений, за которыми нет никаких сущностей. Поэтому, говоря о роли обобщения в историческом исследовании, неопозитивисты имеют в виду не такое обобщение, до которого теоретическое мышление возвышается в результате раскрытия сущности изучаемого процесса, а лишь элементарное эмпирическое обобщение, осуществляемое путем сравнения различных предметов и явлений и выделения их сходных и различных признаков.

Но такое эмпирическое обобщение, будучи необходимым, явно недостаточно для целей научного исследования. Уяснение общего в явлениях путем сравнения еще не говорит нам, насколько существенно это общее. Это общее может быть и совокупностью внешних признаков. Задача же науки состоит именно в выделении существенного, необходимого, в раскрытии внутренней структуры процесса. Это достигается не только установлением эмпирических зависимостей между наблюдаемыми фактами, но и образованием новых научных абстракций, которые не даны непосредственно в наблюдении и не являются простой комбинацией эмпирических данных¹⁷. Эмпирическое обобщение статистических данных о колебаниях цен не подводит ученого само по себе к закону стоимости.

¹⁶ Ibid., Vol. I, p. 3.

¹⁷ См. П. В. Таванец, В. С. Швырев. Некоторые проблемы логики научного познания. «Вопросы философии», 1962, № 10, стр. 17.

Останавливаясь на стадии простого эмпирического обобщения, не проникая в сущность явлений, ученый не может пойти дальше более или менее формальной классификации явлений, а это, в свою очередь, служит подкреплением ходячих представлений о «малой содержательности» исторических абстракций, на которой играют защитники «идиографизма». Не случайно сам Поппер, признавая неизбежность использования историком для объяснения фактов каких-то «охватывающих законов», вместе с тем подчеркивает, что, с его точки зрения, «не может быть исторических законов. Обобщение просто принадлежит к другому кругу интересов, который должен быть строго ограничен от интереса к специфическим событиям и их причинному объяснению, составляющему дело истории»¹⁸. Это сближает его точку зрения с идиографизмом баденской школы немецкого неокантианства, и Поппер прямо ссылается в этой связи на Макса Вебера, видя у него «самое близкое предвосхищение» собственных взглядов¹⁹, хотя он и не согласен с веберовской концепцией причинности (Вебер вслед за Риккертом утверждал, что индивидуальное причинное объяснение вообще обходится без всеобщих законов).

Еще более характерно духовное родство Поппера с Ф. фон Хайеком. Поппер неоднократно ссылается на Хайека и даже подчеркивает, что без его помощи «Открытое общество и его враги» не появилось бы²⁰. Но Хайек — откровенный иррационалист. Его книга «Контрреволюция науки», направленная против «объективизма», «методологического коллективизма» и «историзма», содержит в себе целую программу ниспровержения научных методов в обществоведении. Он прямо осуждает «сциентизм». А когда доходит до «историзма», Хайек замечает: «Я мало что могу добавить к мастерскому анализу этого историзма, сделанному моим другом Карлом Поппером, ...за исключением того, что, на мой взгляд, ответственность за него в такой же степени, как на Платоне и Гегеле, лежит на Конте и позитивизме»²¹.

Неверное понимание природы закона и научного обобщения порождает ошибки и в теории научного объяснения. Схема Поппера — Гемпеля ошибочна не потому, что она переносит на историю тот тип причинного объяснения, который господствует в естествознании (именно в этом их чаще всего упрекают защитники идиографизма и интуитивизма), а потому, что она неверно моделирует само это общенаучное объяснение. Поппер и Гемпель ошибочно считают, что научное объяснение — это простая дедукция особенного явления из общего закона с помощью единичных условий. Но дело обстоит гораздо сложнее²². Не только в истории, но даже в простейших явлениях природы единичное явление невозможно вывести во всем его многообразии из какого-либо общего закона. Каждое явление, каждый факт имеет множество сторон и отношений, и чтобы объяснить его, нужно использовать не один, а целую совокупность законов, каждый из которых объясняет нам какую-то сторону изучаемого явления. В свою очередь, теоретические положения проверяются не сами по себе, путем непосредственного соотношения изолированного положения с эмпирическими данными, а в составе целостной теоретической системы.

Из закона стоимости нельзя логически дедуцировать сегодняшние цены на яблоки на том или ином сельском рынке; никакой общий закон не может охватить все эмпирические условия. Но закон этот объясняет сущность ценообразования, и в этом смысле он необходим для понимания процесса обмена. Закон неравномерности экономического

¹⁸ К. Поппер. *Op. cit.* Vol. II, p. 264.

¹⁹ *Ibid.*, p. 364.

²⁰ *Ibid.* Vol. I, p. XI.

²¹ F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science*. Glencoe. 1952, p. 199.

²² См. М. Бунге, *Причинность*. М. 1962, стр. 328—329.

и политического развития в эпоху империализма сам по себе не дает полного объяснения возникновения первой мировой войны; нужно учесть еще многообразные конкретные условия событий. Но этот закон объясняет общие причины возникновения войн в эпоху империализма.

Объяснение специфического события оказывается, таким образом, более сложным и многогранным процессом, чем это представляется в свете теории «охватывающего закона», и функция общих законов здесь сложнее, чем роль большой посылки в силлогизме. Хотя схема «объяснения через закон», выработанная Поппером и Гемпелем, принята, с теми или иными отклонениями, многими англо-американскими философами²³, она подвергается все более острой критике. Как признает один из защитников этой теории, П. Гардинер, в последние годы большинство философов «аналитического» направления подчеркивают специфические особенности истории, не пытаясь уложить историческое исследование в рамки общей логики научного познания, выработанной на материале естественных наук²⁴. Используя разработанные неопозитивизмом методы логико-лингвистического анализа, эти авторы в то же время отвергают тезис о тождестве логической природы исторического и естественнонаучного объяснения и реабилитируют многие положения и методы, отвергавшиеся их старшими коллегами.

Первый значительный шаг в этом направлении сделал упоминавшийся выше оксфордский философ П. Гардинер в своей книге «Природа исторического объяснения»²⁵. Поставив своей целью проанализировать с помощью семантических методов логику исторического объяснения, Гардинер принимает в целом модель причинного объяснения Поппера — Гемпеля. Однако применительно к истории, указывает он (и это одно из основных его положений), эта схема явилась несколько искусственной и упрощенной.

«Научное объяснение», подчеркивает оксфордский философ, не является единственной формой причинного объяснения. Кроме науки, существует еще житейский «здравый смысл». Когда обыденное сознание говорит, что воспаление легких было вызвано тем, что человек слишком долго стоял на морозе, а медицинская наука утверждает, что воспаление легких вызвано такими факторами, как наличие пневмококков и физическое предрасположение пациента, то нельзя сказать, что одно из этих причинных объяснений верно, а другое ошибочно. «Здесь нет конфликта, просто слово «причина» по-разному используется в различных случаях»²⁶. Обыденное сознание, конечно, не обладает точностью науки. Оно руководствуется не теоретическими, а практическими соображениями. Так, спичка выступает в качестве причины огня, хотя, разумеется, она может вызвать огонь лишь при наличии известных условий. Но как научное, так и простое, житейское объяснение явлений необходимы.

Характеризуя свое понимание природы исторического объяснения, Гардинер борется на два фронта. С одной стороны, он отвергает взгляд на историю как на науку. С другой стороны, он критикует концепцию «автономии истории» Кроче и Коллингвуда, выводящую методологические особенности исторического исследования из онтологического противопоставления мира истории — миру природы. В критике как абстрактного идеалистического социологизма, так и фактографии эмпи-

²³ См. F. Kaufmann. *Methodology of the Social Sciences*. New York. 1944; M. White. *Historical Explanation*. «Theories of History», p. 356—372; E. Nagel. *Some Issues in the Logic of Historical Analysis*. «Theories of History», p. 373—384; J. Pitt. *Generalizations in Historical Explanation*. «The Journal of Philosophy». Vol. LVI. № 13. June 18. 1959, pp. 578—586; Q. Gibson. *The Logic of Social Inquiry*. London. 1960; C. B. Joynt and N. Rescher. *The Problem of Uniqueness in History*. «History and Theory». Vol. I. № 2, p. 150—162.

²⁴ «Theories of History», p. 273.

²⁵ P. Gardiner. *The Nature of Historical Explanation*. Oxford. 1952.

²⁶ Ibid., p. 11.

рической историографии Гардинер высказывает немало справедливых и интересных мыслей.

Гардинер ищет разрешения старых антиномий исторической мысли на пути семантического анализа. Проанализируем значение исторических терминов, и все станет ясно — вот его метод. Все дело в том, говорит он, что понимать под историческим объяснением. Оно может быть двоякого рода: в одних случаях историк объясняет событие при помощи известных общих законов; это будет объяснение в терминах «причин» и «следствий». В других случаях он объясняет события, руководствуясь «логикой ситуации», «в терминах того, что было бы разумно предпринять в таких-то и таких-то обстоятельствах, имея в виду такие-то и такие-то цели»; это будет объяснение в терминах «намерений» и «планов»²⁷. Оба эти вида объяснений равноправны. Не существует противоречия между утверждением: «Германия развязала войну в 1914 г., потому что ее правительство считало выгодным начать войну раньше, чем будут готовы ее противники», и утверждением, что «причиной первой мировой войны было обострение внутренних противоречий мировой капиталистической системы». Противоречие между пониманием истории как науки и сведением ее к описанию единичного обусловлено, по мнению Гардинера, только неясностью исторической терминологии. «Мир един, но средства, с помощью которых мы говорим о нем, различны. И тот факт, что в одних случаях мы предпочитаем описывать его так, а не иначе, зависит от наших целей»²⁸.

Гардинер не отрицает того, что историк пользуется общими понятиями, но он пытается установить принципиальное отличие «исторических обобщений» от научных понятий.

Кроме принятого схемой Поппера — Гемпеля объяснения через закон, историк, по Гардинеру, широко пользуется субъективным, так называемым «объяснением через мотив». Как сыщик, пытаясь раскрыть совершенное преступление, мысленно ставит себя на место предполагаемого преступника, так и историк, желая понять мотивы того или иного исторического деятеля, неизбежно прибегает к помощи воображения: представив себе возможности, существовавшие в изучаемой ситуации, он стремится понять, почему интересующий нас деятель поступил именно так, а не иначе. Признавая правомерность этой мыслительной операции, Гардинер правильно критикует ее идеалистическую интерпретацию, согласно которой «такое понимание рассматривается как равнозначное тому, чтобы стать лицом, действия которого объясняются этим способом. Ибо мы можем спорить о таких интерпретациях: мы можем сказать, что они убедительны, правдоподобны, натянуты или абсурдны»²⁹. Аргументы, которыми мы при этом пользуемся, опираются либо на собственный наш опыт, либо на известный опыт других людей, и, следовательно, в этом процессе «понимания» нет ничего таинственного.

Но, отвергая «крайности» идеализма, Гардинер вслед за Г. Райлом³⁰ утверждает, что объяснение человеческих действий «в терминах мыслей, желаний и планов» принципиально отлично от объяснения тех же действий «в терминах реакции на среду» и независимо от последнего³¹. «Нам должно быть теперь ясно, — пишет он, — что конфликт, который, как полагают, существует между материалистической и идеалистической интерпретациями истории, является иллюзорным»³². Гардинер пытается свести принципиальную противоположность материализма и идеализма всего лишь к различному использованию слова «объяснять».

²⁷ Ibid., p. 50.

²⁸ Ibid., p. 61.

²⁹ Ibid., p. 132.

³⁰ См. G. Ryle. The Concept of Mind. London, 1949, p. 113.

³¹ P. Gardiner. Op. cit., p. 139.

³² Ibid., p. 136.

По сути дела, Гардинер восстанавливает в правах старую дильте-евскую дихотомию «объяснения» и «понимания», перенеся ее только из сферы метафизики и онтологии в область логики. Эта тенденция в высшей степени характерна. Если Гардинер, хотя и с оговорками, еще придерживается теории Поппера — Гемпеля, согласно которой в историческом объяснении имеется какой-то «подразумеваемый закон»³³; то большинство современных англо-американских философов, занимающихся вопросами логики исторического познания, вообще отбрасывает эту схему, все больше сближаясь с «идиографическими» теориями³⁴.

Развернутую критику теории исторического объяснения Поппера — Гемпеля дал в своей книге «Законы и объяснение в истории» канадский философ (профессор университета в Торонто) Уильям Дрэй.

Дрэй указывает, что схема Поппера — Гемпеля не соответствует действительной структуре исторического объяснения. Когда Гардинер признает, что, кроме «объяснения через закон», возможно еще «объяснение через цель», то тем самым уже отвергается универсальность позитивистской схемы. Позитивисты рассматривают объяснение как формально-логическую процедуру, но в действительности оно является прагматическим и означает для разных людей в разное время совершенно разное. В исторических исследованиях встречаются самые разнообразные, с логической точки зрения, формы объяснений.

Подразумеваемые «охватывающие законы», на которых пытаются основать историческое объяснение Поппер и Гемпель, не только тривиальны, но и крайне неопределенны. Историческое объяснение «Людовик XIV умер непопулярным, так как он проводил политику, не отвечавшую национальным интересам Франции», опирается, по мнению позитивистов, на подразумеваемый «закон», что «правители, игнорирующие интересы своих подданных, становятся непопулярными». Но ведь так бывает не всегда. Следовательно, чтобы обосновать это суждение, надо идти к другому, более общему закону. В итоге получается, что «если предлагаемый закон (candidate law) уходит слишком далеко в общие места, он теряет свой методологический интерес; если же он спускается из стратосферы, становится возможным отрицать его, не меняя объяснения»³⁵. Таким образом, между постулируемым общим законом и историческим объяснением отсутствует необходимая логическая связь, и сторонник теории «охватывающего закона» оказывается перед дилеммой: «Если он ослабит связь между законом и объяснением, то закон, о котором говорится, что он дает силу объяснению, логически не требуется. Если же он ослабит самый закон, то становится спорным, действительно ли то, что требуется логикой, имеет объяснительную силу»³⁶.

Позитивисты считают, что событие можно считать объясненным только в том случае, если оно подведено под общее правило. Но чтобы объяснить, почему данный средневековый рыцарь был кривоногим, не требуется, чтобы все рыцари были кривоногими. Равным образом, простое знание того, что все средневековые рыцари были кривоногими, не объясняет, почему были кривые ноги у сэра Брайана³⁷. Причинное объяснение отдельного события вполне возможно без применения закона. «Грязь вызывает болезни» — причинное суждение. Но слово «грязь», само по себе ясное, не содержит в себе никакой теории³⁸. Вообще исто-

³³ Под влиянием критики и сам Гардинер признает, что доктрина «охватывающего закона» слишком неопределенна и не учитывает многообразия историографической практики («Theories of History», p. 271).

³⁴ См., например, W. H. Walsh. Philosophy of History. An Introduction. New York 1960.

³⁵ W. Dray. Laws and Explanation in History. Oxford. 1960, p. 29.

³⁶ Ibid., pp. 31—32.

³⁷ Ibid., p. 62.

³⁸ Ibid., p. 91.

рика интересует не закон, не общие свойства класса явлений, а данное явление как таковое. «Он не спрашивает себя: «Что вообще причиняет явление типа Y?»; он спрашивает: В чем причина этого Y?, и спрашивает это относительно Y, находящегося в определенной ситуации»³⁹. Для историка простая констатация происшествия по форме «это было то-то и то-то» уже есть объяснение, даже не вдаваясь в вопросы «почему» и «как»⁴⁰.

Дрэй, таким образом, оставаясь в рамках логики и методологии, фактически обосновывает «индивидуализирующий метод» баденской школы неокантианства, хотя он нигде не упоминает ни Риккерта, ни Вебера. Вслед за тем, опираясь на Оукшотта и Коллингвуда, он в значительной степени реабилитирует философско-исторический интуитивизм.

Что можно сказать по поводу этой тенденции? Противники теории «охватывающего закона» правильно вскрыли ее метафизичность и ограниченность. Пытаясь не столько конструировать идеальную логику науки, сколько анализировать действительные методы объяснения, применяемые историками, они выявили здесь более сложную картину, чем та, которая представлялась отвлеченному философскому мышлению. Но в целом позиции этой группы авторов глубоко консервативны.

Прежде всего обратим внимание на общее направление эволюции неопозитивистской концепции исторического познания.

Философы-неопозитивисты с самого начала рассматривали логику и методологию науки в отрыве от ее предметного содержания. Это приводило, с одной стороны, к субъективизму, а с другой — к грубому механицизму и натурализму, игнорировавшему различие в предметной, а отсюда и в методологической структуре естественных и общественных наук. Но теорию исторического познания нельзя построить в отрыве от теории исторического развития. Поппер говорит о законе как необходимом логическом элементе исторического объяснения, но он категорически отрицает существование объективных законов общественного развития. Это приводит его к релятивизму и отрицанию возможности создать научную теорию исторического процесса. Но если в историческом процессе нет объективных законов, если научное обобщение исторического опыта невозможно, то «историческое объяснение» сводится практически к объяснению отдельных единичных событий, рассматриваемых в их случайности и единичности. А такое объяснение может быть и прагматическим, не нуждаясь в общих законах. Гардинер поэтому суживает сферу «причинного объяснения» (понимаемого в духе теории Поппера) и подчеркивает самостоятельное значение «объяснения через мотив». Другие авторы, в частности Дрэй, идут еще дальше, вовсе отбрасывая теорию «охватывающего закона».

Собственно говоря, Дрэй уже не является неопозитивистом в полном смысле этого слова. Он заимствует у позитивистов только самый метод логического анализа, по содержанию же его теория является скорее логическим эквивалентом откровенно идеалистических концепций исторического познания (неокантианского идиографизма, дильтеевского «понимания» и т. д.). Давно скомпрометированные идеалистические постулаты предстают теперь в виде «нейтральных» выводов «логического анализа», а борьба против понимания истории как естественноисторического процесса переносится из сферы онтологии в сферу логики. Гардинер прямо пишет, что развитие этого направления исследований существенно «для оценки теорий истории, вроде марксистской, в которых важное место занимает идея, что существуют главные детерминанты исторического изменения», и которые пытаются вскрыть «внутренние ме-

³⁹ *Ibid.*, pp. 103—104.

⁴⁰ См. W. D r a y. «Explaining What» in History. «Theories of History», p. 403.

ханизмы» (workings) исторического процесса»⁴¹. Так выясняется, что «нейтральный» логический анализ имеет совершенно определенную идеологическую направленность, подкрепляя «теоретический» антимарксизм. В борьбе с марксизмом и Карл Поппер и его противники — оксфордские аналитики — вполне единодушны.

«Логические аналитики» изображают себя единственными представителями «научного эмпиризма», а всякий иной подход к проблеме истории третируют как «спекулятивный». Но такое противопоставление ни на чем не основано. Развитие общества как в целом, так и в частностях представляет собой исторический процесс. Эмпирическое исследование должно быть поэтому в первую очередь исследованием этого исторического процесса. Анализ языка исторических сочинений с точки зрения формальной логики не может заменить собой диалектический анализ исторической действительности. То, что «лингвистические философы», и в частности оксфордские аналитики, за проблемами языка исторических сочинений не видят проблем исторической действительности, мешает им правильно решить даже поставленные ими самими вопросы. В рецензии на сборник «Theories of History» Ганс Мейерхоф совершенно правильно замечает, что «допущение, согласно которому язык истории можно анализировать в отрыве от исторической действительности», само является метафизическим и не выдерживает критики⁴². «Логическая» структура языка и формы исторического объяснения сами глубоко историчны. Если в XVIII в. историю писали иначе, чем сейчас, то это объясняется особенностями исторического развития. В зависимости от характера запросов данного общества, класса меняется предмет исследования, а также смысл употребляемых понятий и форм исторического объяснения. Следовательно, нельзя не только подменять исторические проблемы логико-лингвистическими, но и решать вторые независимо от первых.

Как справедливо заметил итальянский философ Паоло Росси по поводу концепции Гардинера, такой подход «рискует превратить возможность сотрудничества между историком и методологом в пассивную регистрацию последним языковых выражений, употребляемых историком»⁴³. И дело не только и не столько в «пассивности» философа, сколько в том, что он принимает за норму объяснительные методы идеалистической историографии.

Дрэй, например, опирается на опыт известных английских историков Г. Баттерфилда и Д. Тревельяна. Но эти историки и не скрывают своих идеалистических взглядов. Заранее ясно, что «логический анализ» их трудов приведет к выводу, что в «историческом объяснении» преобладают ссылки на индивидуальные обстоятельства и идейные влияния, а не на «объективные законы». Но этот анализ в своей описательной части будет справедлив только для историков этого направления. Из него нельзя вывести общие нормы исторической логики. Между тем Дрэй рассматривает это течение как наиболее типичное. «Предписание» прячется, таким образом, за псевдообъективным «описанием».

Но оставим пока философскую сторону дела и посмотрим, насколько убедителен даваемый Дрэем логический анализ исторического объяснения.

Первое, что обращает на себя внимание, — это тенденция подменить научное объяснение описанием фактов. Дэнто прямо пишет, что научная история ничем, в сущности, не отличается от обычной хроники, что уже простое описание исторических фактов содержит в себе их объяснение.

⁴¹ «The Theories of History», p. 272.

⁴² «History and Theory». Vol. I. № 1, p. 96.

⁴³ Paolo Rossi. La natura della spiegazione storiografica nel pensiero di P. Gardiner. «Rivista critica di storia della filosofia» an X, fasc. 2, marzo-aprile 1955, p. 179.

Это совершенно неверно как по отношению к науке вообще, так и по отношению к исторической науке в частности.

Несомненно, что уже научное описание процесса включает в себя известный теоретический момент. Ученый не просто фиксирует поток впечатлений, а выделяет интересующие его в связи с поставленной им научной задачей специфические процессы, обобщает их в форме принятых в науке понятий и т. п. Однако даже в таких науках, где аппарат понятий разработан гораздо лучше, чем в истории, и где вследствие этого само описание является более строгим, оно никоим образом не заменяет объяснения⁴⁴. Прежде всего описание не выходит за рамки фиксации экспериментально установленных фактов или их совокупностей в том виде, как они даны в опыте. Во-вторых, хотя описание обычно производится по определенной системе, оно не ставит своей непосредственной задачей исследование необходимых, существенных, закономерных связей между явлениями, а изображает их как рядоположенные. Поэтому непосредственно из описания невозможно вывести научное предсказание.

Если так обстоит дело в точных науках, то тем более это верно для истории. Историческое описание в своей элементарной форме — это прежде всего установление следования событий во времени. Но простая хронологическая связь событий еще ничего не объясняет. Повествование типа «28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. 30 июля Россия объявила всеобщую мобилизацию. 1 августа Германия объявила войну России, а 3 августа — Франции. Британская декларация о войне последовала 14 августа 1914 г.», конечно, уже содержит в себе некоторое обобщение, поскольку оно фиксирует последовательность втягивания в войну отдельных государств. Но оно совершенно не раскрывает внутренней связи этих событий, не говоря уже об их сущности⁴⁵.

Объяснить факт — значит раскрыть его сущность, установить внутреннюю связь между объясняемым фактом и другими фактами и положениями науки, истинность которых уже доказана.

Сторонники «охватывающего закона» знают только один тип научного объяснения — «объяснение через закон». Их противники убедительно показали, что в истории этот тип объяснения не является преобладающим. Но из этого они сделали вывод, что историю вообще нельзя считать наукой, что она имеет не только собственную гносеологию, но и собственную логику.

Логические типы исторического объяснения действительно весьма многообразны. Кроме объяснения через закон, о котором говорят Поппер и Гемпель, и «объяснения через мотив», о котором пишет Гардинер, есть еще целый ряд объяснительных приемов: аналогия, причинное объяснение без отсылки к общему закону, функциональное объяснение и т. п. Однако они далеко не равноценны. Говорить об историческом объяснении вообще, без учета конкретного объекта объяснения бессмысленно. Разные виды объяснений соответствуют различным сторонам изучаемых процессов и потому имеют разный «удельный вес». Как объясняет историк тот или иной процесс, зависит прежде всего от того, что именно он хочет объяснить.

Возьмем древнейшую и элементарнейшую форму исторического объяснения — «объяснение через мотив». Поскольку историю общества делают люди, одаренные сознанием, преследующие определенные цели, историческая наука не может отвлечься от этой стороны дела. Зачем Бисмарк вводил свои «исключительные законы»? Он хотел подавить социал-демократическое движение. Почему Бонапарт поспешно вернулся

⁴⁴ См. Е. П. Никитин. Природа научного объяснения и современный позитивизм. «Вопросы философии», 1962, № 8, стр. 96—107.

⁴⁵ С. В. Joynst and N. Rescher. Op. cit. «History and Theory», Vol. 1, № 2, p. 160.

из египетской экспедиции во Францию? Потому что он хотел разогнать Директорию и взять власть в свои руки. Объяснения подобного типа постоянно встречаются в исторических сочинениях, в том числе в марксистских, они вполне правомерны. Но что является здесь объектом объяснения? Только субъективные побудительные силы исторических персонажей. Когда таким способом пытаются объяснить что-то большее, скажем, целостный исторический процесс или даже отдельное событие, этот способ объяснения оказывается недостаточным. Ссылка на властолюбие Бонапарта может быть достаточной для объяснения его поведения. Но чтобы объяснить 18 брюмера, этого уже мало. Тут нужно учитывать не только мотивы действующих лиц, но и объективную логику классовых отношений в данный момент.

Как писал Энгельс, «история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и невольно. Ведь то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел»⁴⁶.

Попытка распространить «объяснение через мотив» на более широкую сферу неизбежно порождает путаницу. Именно так происходит у Дрэя. Он понимает, что нельзя объяснить сложное историческое событие непосредственно субъективными мотивами какого-либо одного человека. Однако, по его мнению, сложное событие можно объяснить сочетанием сознательных целей множества участвовавших в ней индивидов. Так, например, «историческое объяснение распространения европейской цивилизации на Америку... будет включать в себя подробное исследование, главным образом с точки зрения осознанных целей (*in rational terms*), действий и мотивов бесчисленных индивидов и групп: французских иезуитов и английских пуритан, Колумба, Кольбера, Рэли и Филиппа II, торговцев пушниной, исследователей, золотоискателей, изголодавшихся по земле крестьян и множества других». Все это вместе и даст объяснение целостного явления. Что же касается объяснения того же явления с помощью «теорий исторического процесса», то, по словам Дрэя, «это было бы нехарактерно для обычной историографии. И я не вижу причины клеймить более характерное явление как менее «глубокое»⁴⁷.

Что можно сказать о таком рассуждении? Во-первых, если ставить объяснение важного исторического события в зависимость от понимания нами сознательных целей всех или хотя бы большинства его участников, то нельзя не прийти к довольно пессимистическим выводам о познаваемости исторического прошлого, поскольку этих участников было очень много и о мотивах многих из них мы можем только догадываться. Во-вторых, даже исчерпывающее знание целей и стремлений исторических деятелей не объясняет нам, почему одни из них восторжествовали, а другие потерпели поражение и чем обусловлен конечный результат, который, как правило, не совпадает ни с одним индивидуальным планом. В-третьих, надлежит выяснить, чем были обусловлены сами эти цели, стремления и т. п. Сделать все это можно только на основе какой-то «теории исторического процесса», которая за морем случайного и единичного видит определенную закономерность.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1948, стр. 423.

⁴⁷ W. D. Gray. *Laws and Explanation in History*, p. 142.

«Объяснение через мотив» необходимо, таким образом, для понимания субъективных целей и намерений исторических деятелей, участников исторических событий. Но оно не имеет научно-аналитического характера и не может использоваться для объяснения целостных исторических событий и процессов.

Существенную роль в историческом познании играет аналогия. Сталкиваясь с многообразными историческими явлениями, историк должен классифицировать их, выделить путем сравнения их общие специфические черты. В этом отношении уже простая аналогия обладает определенной объяснительной силой. В сущности, аналогия — это простейшая форма исторического обобщения, и все «уроки истории», о которых говорила прагматическая история XVIII—начала XIX в., не что иное, как исторические аналогии. Уже простое сопоставление изучаемого события и явления с другими событиями или явлениями того же рода многое дает для его познания. Археолог, обнаруживший холм, по форме напоминающий известные ему скифские могильники, вправе предположить, что и в данном случае он имеет дело с могильником. Ссылка на прецедент, на аналогичные ситуации, встречавшиеся в прошлом, часто используется и для объяснения исторических событий. Так, например, история подготовки и установления фашистской диктатуры в Германии позволяет многое понять в нынешней обстановке в ФРГ, с характерными для нее подавлением демократии, милитаризацией и т. п. Конечно, простое умозаключение от одного частного явления к другому логически неправомерно. Но историческое познание кумулятивно. Если мы видели много подобных явлений, то отнесение данного явления к тому же типу будет не произвольным, а имеет всю объяснительную силу, характерную для неполной индукции вообще.

Однако здесь необходима осторожность. Внешнее сходство обманчиво. Керамика из археологических раскопок имеет много общего с современными предметами искусства и быта, но на основании этого сходства трудно сделать ценные исторические выводы. Опасность увлечения аналогиями, оторванными от конкретной истории, ярко демонстрирует «Исследование истории» А. Тойнби, который по чисто внешним признакам сопоставляет такие принципиально различные явления, как восстание Махди в Судане в конце XIX в. и восстание Маккавеев в древней Иудее, деятельность Петра I и деятельность фараона Эхнатона и т. п. Любая аналогия будет ценной и правомерной только в том случае, если строго определены ее границы: в каких условиях и в каких отношениях можно рассматривать явления как тождественные. Это предполагает, что явление рассматривается не изолированно, а в контексте определенной социальной системы и исторической эпохи.

На первый план при этом выступает функциональный анализ, позволяющий выяснить устойчивую связь, существующую между различными элементами изучаемой системы и ее структурой. Функциональный анализ идет гораздо глубже простой аналогии. Когда, например, советский археолог С. А. Семенов путем целого ряда экспериментов установил, каким образом употреблялись многие каменные орудия, это дало науке гораздо больше, нежели простая их типология на основе внешних признаков. Определение функций данного явления в социальной системе как целом — необходимый элемент исторического объяснения. Нельзя, например, понять существа той или иной политической доктрины, не выяснив ее функциональной идеологической роли: какой социальной группе выгодна данная доктрина, чьи интересы она выражает. С функциональным анализом историк сталкивается всюду, где речь идет о взаимодействии явлений и элементов в рамках некоего социального целого, будет ли то проблема соотношения внеэкономического принуждения и феодальной собственности на землю или вопрос о роли религиозных идей в ранних буржуазных революциях.

Однако и это объяснение является неполным, частичным. Функциональное объяснение показывает взаимосвязь определенного социального целого и его элементов, но из него невозможно вывести линию исторического развития с присущими ей зигзагами и случайностями. Функциональный анализ вскрывает взаимодействие явлений, но он оставляет в тени их динамические причинные связи. Но, как заметил В. И. Ленин в «Философских тетрадах», «только «взаимодействие» = пустота»⁴⁸. Одностороннее увлечение функциональным объяснением легко вырождается в объективно-идеалистическую телеологию, истолковывающую социальные функции как нечто имманентное. Это наглядно видно на примере структурно-функциональной школы в современной буржуазной социологии⁴⁹.

Поскольку история предполагает воспроизведение процесса развития, естественно, что наиболее распространенным специфическим способом исторического объяснения является генетическое объяснение. Выяснить происхождение изучаемого явления или события, вскрыть причины, вызвавшие его появление, — вот что в первую очередь интересует историка. Процесс установления причинных связей данного индивидуального явления не может, естественно, свестись к указанию общих законов, которые всегда имеют место при совершении событий или явлений данного типа. Ссылка на закон неравномерности экономического и политического развития в эпоху империализма недостаточна для того, чтобы объяснить, почему первая мировая война разразилась именно в августе 1914 г. и почему соотношение сил враждовавших лагерей было таким, а не иным. Чтобы объяснить это, нужно воспроизвести всю совокупность предшествовавших событию условий, включить его в определенный целостный комплекс. Этот способ объяснения Риккерт назвал методом «включения», в противоположность методу «подчинения», подведения единичного факта под общий закон, характерному для теоретических наук. Кажущаяся простота этого метода не раз вводила в заблуждение как историков, так и философов, начиная с Риккерта и кончая Дрэем. Поскольку на первый взгляд причинное объяснение в истории — это объяснение единичного события индивидуальным же комплексом условий, Риккерт, а вслед за ним многочисленные другие философы и историки утверждают, что это объяснение вообще обходится без теоретических предпосылок и научных законов, что здесь действует «индивидуальная причинность». Но это представление глубоко ошибочно. Прежде всего если абстрагироваться от необходимых, закономерных связей, цементирующих разрозненные исторические явления в определенные комплексы, то историк не может определить, какие именно предшествующие явления он должен привлечь для объяснения интересующего его процесса. Любое событие связано с огромным множеством других событий и явлений. Спрашивается, как выделить при этом главные, решающие причины из множества других условий, от которых зависели лишь побочные, второстепенные черты события? Теория «индивидуальной причинности» неизбежно приводит к скептицизму уже в силу того, что цепь причинно-следственных связей уходит в бесконечность.

«Включение» данного события или явления в более общий, но столь же индивидуальный комплекс может быть достаточным для объяснения отдельного события или эпизода с четко очерченными границами. Но историческое исследование не ограничивается описанием отдельных эпизодов, оно стремится к воспроизведению самого процесса развития. Это гораздо более сложная задача, которая невыполнима без целого ряда теоретических предпосылок.

⁴⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 38, стр. 152.

⁴⁹ См. И. С. Кон. К вопросу о предмете социологии. Краткий исторический очерк. Сборник «Вопросы марксистской социологии». Изд. ЛГУ. 1962.

Что значит воспроизвести историю объекта как системы?

Это значит, во-первых, что объект воспроизводится не в отдельных своих составляющих, а как целостная система, обладающая определенной структурой. Во-вторых, в историческом исследовании воспроизводится процесс, то есть вся совокупность исторических связей, существующих между расположенными последовательно во времени и внешне не связанными друг с другом составляющими объекта. В-третьих, воспроизводится не просто изменение объекта во времени, а процесс развития объекта, то есть процесс качественных изменений, изменений в структуре системы в целом. В-четвертых, воспроизводится закономерный процесс, поэтому историк должен раскрыть и воспроизвести не только ряд качественно различных исторических состояний объекта, но и сами законы перехода от одного исторического состояния к другому⁵⁰.

Так, например, нельзя представить историю капитализма, изучая изолированно его производительные силы, технику, свойственные ему отношения собственности, классовую структуру общества и его идеологию. Хотя все эти явления обладают относительной самостоятельностью, они являются прежде всего элементами капитализма как социальной системы, и понять их можно только в их внутренней связи. Эта взаимосвязь исторического комплекса явлений отражается в понятии общественно-экономической формации.

Капитализм не только включает в себя множество различных элементов, но и предстает как ряд качественно различных исторических состояний. Государственно-монополистический капитализм существенно отличается от капитализма домонополистического, зрелый капитализм — от капитализма эпохи первоначального накопления. Задача историка состоит в том, чтобы воспроизвести эти исторические состояния не как отдельные, самостоятельные явления, а как специфические стадии развития капитализма, вырастающие одна из другой и генетически взаимосвязанные. Только в этом случае мы получим картину процесса, а не просто описание отдельных его моментов. Разница здесь та же, что между кинофильмом и серией фотографий. Кинофильм состоит из отдельных кадров, каждый из которых фиксирует отдельный момент, как и фотография; но он показывает и самый процесс, переход из одного состояния в другое, чего фотография отразить не может.

Далее. Капитализм, как и любое другое явление, непрерывно изменяется. Но эти изменения неравноценны. Одни из них носят количественный, другие — качественный характер. Историк, который видит только частности, вообще не замечает рождения нового. Именно так случилось с английскими буржуазными историками, которые, констатируя, что преемственность социально-экономического развития в Англии не прерывалась и что изменения в жизни людей проходили постепенно, отрицают на этом основании самый факт промышленной революции. Однако вопреки утверждениям современных буржуазных социологов и историков, пытающихся заменить понятие «исторического развития и прогресса» бессодержательным понятием «социального изменения», развитие и изменение не одно и то же. «Изменение» — это наиболее абстрактная, всеобщая категория, фиксирующая то общее, что присуще любому процессу: наличие различий в одном и том же объекте, взятом в двух различных во времени точках. Напротив, развитие характеризует лишь закономерное, самопроизвольное и целостное изменение в состоянии системы, изменение во внутренней структуре объекта. Это не простое количественное изменение, а изменение качественное. Именно на этих качественных гранях покоится научная периодизация истории.

⁵⁰ См. Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М. 1961, стр. 18.

Но если развитие — закономерный процесс, историк не может воспроизвести его, не раскрыв сами законы, управляющие этим процессом и определяющие характер перехода от одного исторического состояния, от одного этапа к другому. История капитализма включает в себя и историю модификации его законов. Нельзя, например, объяснить переход от домонополистического капитализма к монополистическому, не раскрыв основных признаков и законов империализма, не показав роли хотя бы упоминавшегося выше закона неравномерности развития.

Коль скоро задачей историка является воспроизведение сложного закономерного процесса, ученый не может, как правильно замечает Б. А. Грушин, просто следовать за внешней, эмпирической историей объекта. Чтобы воспроизвести процесс развития любой системы, необходимо прежде всего уточнить: 1) что развивается, 2) во что развивается. А это, хочет или не хочет того историк, сознает он это или не сознает, предполагает какие-то теоретические предпосылки. Так история необходимо ведет к теории, а генетическое объяснение — к объяснению через закон или совокупность законов.

Буржуазные авторы, выступающие против идеи исторической закономерности, говорят, что объяснение единичного факта через закон оставляет открытым вопрос о реальности самого закона, используемого для такого объяснения. Если объяснять факт, ссылаясь на некий исторический закон, то при этом остается неясным, почему вообще в данных условиях действует этот закон или тенденция. Но эта трудность не является непреодолимой. Любой закон не только в истории, но и в естественных науках устанавливает, как протекает определенный процесс. Тем самым закон объясняет определенную совокупность фактов, в которых этот процесс присутствует. Но ни один закон не объясняет сам себя. Чтобы объяснить существование этого закона, нужно обратиться к другому, более общему закону. Так, закон неравномерности объясняет нам многие черты империализма, вытекающие из неравномерности его развития, но если мы хотим знать, почему в эпоху империализма эта неравномерность усилилась, нам придется обратиться к более общим процессам (учесть, например, что индустриализация на более высокой технической основе всегда протекает быстрее, и т. д.). Это нормальный процесс углубления научного познания, и его логическая природа принципиально одинакова во всех науках.

Таким образом, историческое объяснение имеет различные формы и роль теории в этих объяснениях тоже различна. Но эти объяснения неравноценны и применимы не ко всем объектам. Историческое объяснение будет удовлетворительным только в том случае, если его логическая форма будет соответствовать характеру и содержанию подлежащего объяснению процесса. Как объясняет историк, то или иное явление зависит и от характера его методологии, и от специфики предмета исследования, и от масштаба, в котором этот предмет рассматривается.

Сложность гносеологических и логических проблем исторической науки отражает сложность и противоречивость ее предмета, исторической реальности. С одной стороны, история есть закономерный, естественноисторический процесс. С другой стороны, К. Маркс писал об истории как о всемирно-исторической драме, в которой люди выступают одновременно и в качестве актеров и в качестве авторов. Теоретическая наука об обществе изучает первую сторону дела, абстрагируясь от случайностей и зигзагов, которые связаны с особенностями конкретных участников исторического процесса. Историк же имеет дело с обеими сторонами. Это делает его труд особенно сложным. В той мере, в какой он занят воспроизведением социально-экономических процессов и отношений, он оперирует в основном научно-теоретическими понятиями, и его логика мало чем отличается от логики социолога или экономиста. Но

когда в центре внимания историка оказывается событие, сложное переплетение лиц, страстей и переживаний, историческое познание становится родственным познанию художественному. Совершенно прав А. В. Гулыга, когда он пишет, что «историческое обобщение представляет собой своеобразный синтез теоретического и художественного освоения мира»⁵¹. Речь идет, разумеется, не о превращении исторического исследования в исторический роман и не об отказе от принципа научной объективности, как это пропагандируют защитники буржуазной теории истории как искусства. Суть дела в том, что свойственный теоретическому познанию процесс расчленения объекта и раскрытия его сущности в виде ряда абстракций дополняется в истории характерным для искусства чувственно-конкретным синтезом, в котором общее, типическое выступает не отвлеченно, а в своей индивидуально-чувственной оболочке. Какой способ познания преобладает в исторических исследованиях? На этот вопрос нельзя дать общий ответ. До появления марксизма и возникновения современной социально-экономической истории в буржуазной историографии безраздельно господствовал идиографический метод, не видевший в истории ничего, кроме столкновения человеческих страстей и мнений. Такой подход к истории делает ее совершенно ненаучной. Простой интуиции и психологических сведений, заимствованных из обыденного сознания, может быть достаточно для воспроизведения личной драмы отдельного человека, но их, безусловно, недостаточно для раскрытия исторической драмы, участниками которой являются не только индивиды, но и целые народы и классы (не говоря уже о раскрытии закономерности исторического процесса). Но вместе с тем историю невозможно свести к изучению одних только безличных социальных структур и массовых явлений.

Уровень научной абстракции в историческом исследовании определяется, с одной стороны, предметом исследования, а с другой — масштабами исследования. Наибольшая степень теоретического обобщения материала достигается, как правило, в области экономической истории. Исследователь истории экономических отношений имеет дело не с отдельными событиями, а с определенной совокупностью общественных отношений и массовых процессов. Здесь, как и в теоретическом исследовании, «дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов». С этой точки зрения отдельное лицо нельзя «считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно»⁵².

Гораздо сложнее обстоит дело в сфере политической истории или истории культуры. Ф. Энгельс писал: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, тем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет»⁵³.

Это накладывает свой отпечаток и на логику исторической науки. Разумеется, и в политической истории внимание ученого сосредоточено на ведущих тенденциях, на движении больших масс и классов, а отдельные, единичные события рассматриваются лишь как проявление этих тенденций. Но обойти специфические черты этих событий, не раскрыть

⁵¹ «Вопросы философии», 1962, № 9, стр. 37.

⁵² К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 8.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 471.

особенности людей, возглавлявших движение на данном этапе,— значило бы схематизировать историю.

Рассматривая проблему абстракции в исторической науке и то, в какой степени историческая наука способна делать теоретические обобщения, нельзя забывать и о масштабах исследования. Одно дело — книга, охватывающая всемирную историю или историю целой формации, другое дело — исследование одного какого-то события, биографии и т. п. Каждая история раскрывает какие-то закономерности, но масштаб их различен. Работа по всеобщей истории не может не давать обобщений общесоциологического порядка (о закономерностях исторического процесса в целом, о специфике отдельных формаций и т. п.), которые нельзя ждать от специального исследования, посвященного частной проблеме.

История распада отдельной крестьянской семьи раскрывает определенную социальную закономерность, и ее можно и должно использовать в изложении. Но она лишь поясняет вывод, к которому ученый пришел аналитическим путем. Почему берется именно этот случай, а не другой, говорящий о сохранении патриархальных нравов? Потому, что историк считает типичным именно первый случай. А почему он так считает? Потому, что это вытекает из массовых статистических данных. И коль скоро историк хочет воспроизвести процесс разорения крестьянства, он может сделать это доказательно только с помощью статистических данных. Только безличный количественный анализ покажет степень распространенности и типичности процесса, который, будучи рассмотрен с его субъективной стороны, предстает как человеческая трагедия. Характер проблемы предрешает способы ее решения и обоснования вывода.

Другое дело — история культуры, литературы, искусства. Как в социально-экономической истории правомерно использование детали, так в истории человеческого духа правомерно применение статистических и иных методов массового наблюдения. Статистика распространения грамотности, установление функциональных корреляций между социальной структурой и характером господствующих идей не отличаются принципиально от аналогичных методов, применяемых в исследовании социально-экономических отношений.

Разумеется, между социально-экономической историей, понимаемой как история массовых процессов и безличных общественных отношений, и историей культуры, понимаемой как самосознание человеческого рода, нет китайской стены. Любое историческое явление может быть рассмотрено и как процесс и как драма, с вытекающими отсюда различиями в методологии исследования и логике объяснения. Мы хотим выделить лишь два крайних полюса, на которые ориентируется историческое мышление. Но проблема эта существенна, и она требует серьезного специального изучения.

«Эстетика истории», к созданию которой призывает А. В. Гулыга⁵⁴, может быть, и не нужна; разве что придется придать этому слову какой-то совершенно особый смысл. Но что действительно необходимо — это всесторонняя разработка теории исторического познания. Как пишется история? Каковы конкретные особенности формирования исторических понятий и исторического объяснения? Каково соотношение истории и теории вообще и в рамках специального исследования в частности? Как видоизменяются формы и способы исторического объяснения в зависимости от предмета исследования? Все эти и многие другие вопросы представляют сегодня живейший практический интерес.

⁵⁴ «Вопросы философии», 1962, № 9, стр. 38.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЕГИПТА В 1956 ГОДУ

Н. И. Лебедев

За минувшие годы силы войны и агрессии неоднократно пытались поставить под угрозу всеобщий мир. Достаточно вспомнить англо-франко-израильское нападение на Египет в 1956 г., империалистическую интервенцию в Ливане и Иордании в 1958 г., кризис в районе Карибского моря в октябре 1962 г., вызванный подготовлявшимся нападением США на Кубу. Но все эти вылазки империалистов потерпели крах. Прошли те времена, когда вопросы войны и мира решались империалистами. «Мировая социалистическая система,— отмечается в Отчете Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС,— стала надежным щитом, прикрывающим не только народы дружественных нам стран, но и все человечество от военных авантур империализма»¹.

Буржуазная историография, фальсифицирующая самым беззастенчивым образом международные события последних лет, извращает, в частности, и историю англо-франко-израильской агрессии против Египта, во время которой ярко проявилась решающая роль мировой системы социализма в сохранении мира. Буржуазные историки, задавшись целью умалить роль СССР и других социалистических стран в прекращении агрессии против Египта, пытаются доказать, что решающее воздействие будто бы оказали США. Известный американский историк Билл в книге о государственном секретаре США Д. Ф. Даллесе утверждает, что война в Египте была быстро прекращена якобы в результате действий Даллеса, использовавшего «всю мощь влияния США в интересах обеспечения мира»². Главную роль в прекращении огня в Египте приписывает Соединенным Штатам и французский автор Бенуа-Мешен³.

Подобные фальсификации преследуют откровенно антикоммунистические цели. В советской историографии подлинному освещению истории англо-франко-израильской агрессии посвящен ряд работ⁴. Наиболее значительной из них является изданная в начале 1957 г. Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР книга «Суэцкий вопрос и империалистическая агрессия против Египта»⁵. Вместе с тем не все аспекты данной темы подвергнуты подробному рассмотрению, и, в частности, требуется обстоятельно выяснить роль США в империалистической агрессии против Египта, тем более что политика

¹ «Материалы XXII съезда КПСС». М. 1962, стр. 25.

² J. R. Beal. John Foster Dulles. New York. 1957, p. 263.

³ J. Benoist-Mechin. Le roi Saoud ou l'orient à l'heure des relèves. Paris. 1960, p. 520.

⁴ Е. П р и м а к о в, Р. А р у т ю н о в. Поучительный урок. М. 1957; Е. А. Л е б е д е в, Г. И. М и р с к и й. Суэцкий канал. М. 1956; Г. С. Н и к и т и н а. Суэцкий канал — национальное достояние египетского народа. М. 1956, и др.

⁵ «Суэцкий вопрос и империалистическая агрессия против Египта». М. 1957.

США в этом вопросе в буржуазной историографии изображается в неверном свете.

В настоящей статье автор не ставил перед собой задачу исследования всех сторон этой большой и сложной проблемы. Основное внимание уделяется выяснению позиции США в суэцких событиях, показу решающей роли СССР и всей социалистической системы в деле сохранения мира и защиты независимости египетского народа. «Когда в 1956 г. Франция, Англия и Израиль напали на Египет,— говорил Н. С. Хрущев,— наше вмешательство прекратило эту империалистическую войну...»⁶.

Агрессия против Египта в 1956 г. явилась логическим результатом той империалистической политики западных держав, которую они проводили против этой страны в предшествующие годы. Добившись в 1954 г. заключения соглашения с Англией об аннулировании англо-египетского договора 1936 г. и выводе английских войск из зоны Суэцкого канала, Египет укрепил свою независимость. Однако империалисты сделали попытку удержать его в своем подчинении, рассчитывая использовать в этих целях так называемую экономическую помощь. В 1955 г. США и Англия дали согласие на участие в финансировании строительства Асуанской плотины, потребовав взамен право контроля над внешней и внутренней политикой Египта и его отхода от нейтралистского внешнеполитического курса⁷.

Когда Египет отверг эти империалистические притязания, правительства США и Англии отказались от финансирования строительства Асуанской плотины и прибегли к другим формам экономического давления на Египет, причем следует отметить, что империалистам США принадлежала в этом ведущая роль⁸.

Американские правящие круги рассчитывали воспользоваться обострением обстановки на Ближнем и Среднем Востоке для укрепления своих позиций. Империалисты ожидали, что отказ в финансовой помощи подорвет позиции египетского правительства, явится сигналом для выступления оппозиционных сил внутри страны и в конце концов вынудит Египет подчиниться требованиям западных держав⁹. Но этого не произошло. Египетское правительство в ответ на недружелюбный шаг правительств США и Англии приняло 26 июля 1956 г. декрет о национализации компании Суэцкого канала, решив стать на путь мобилизации внутренних источников для финансирования асуанской стройки. Этот акт еще более укреплял суверенитет и независимость Египта, наносил удар по позициям колонизаторов. И хотя национализация компании Суэцкого канала не нарушила свободы международного судоходства и прав иностранных собственников, которым предлагалось справедливое возмещение, западные державы встретили эту акцию в штыки. Английские и французские монополисты были лишены возможности и впредь наживаться на эксплуатации этого водного пути. Международные нефтяные тресты опасались за судьбу своих концессий, нефтепромыслов и нефтепроводов на Ближнем и Среднем Востоке. Рупор американских монополий журнал «United States News and World Report» писал, что действия Египта могут создать опасный прецедент для других ближневосточных стран¹⁰.

⁶ «Правда», 22 июня 1960 года.

⁷ E. Lengyel. The Changing Middle East. New York. 1960, p. 85.

⁸ Газета «New York Times» прямо писала тогда, что позиция США оказалась определяющей для начала суэцких событий, являясь «ключом ко всему делу». «Решение Англии не было первой картиной суэцкой драмы, ответственность за возникновение которой целиком ложится на Америку»,— подчеркивает исследователь П. Джонсон (P. Johnson. The Suez War. Greenberg. New York. 1957, p. 6).

⁹ D. Fleming. Cold War and its Origins. Vol. II. New York. 1960, p. 819.

¹⁰ «United States News and World Report», 28.IX, 1956.

Английские и французские правящие круги решили использовать национализацию Египтом компании Суэцкого канала в качестве повода для вооруженного выступления, чтобы силой помешать развитию национально-освободительного движения народов. В частности, правящие круги Франции рассчитывали, что успех борьбы против Египта поможет подавить освободительное движение в Алжире. Французский статс-секретарь Лемэр прямо говорил: «Нужно выиграть битву за Суэц, чтобы спасти Алжир»¹¹.

Англо-французские правящие круги рассчитывали совместным вооруженным выступлением восстановить свои позиции на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты Америки заняли несколько иную позицию. Государственный департамент рассматривал Насера как «стабилизирующий фактор». До возникновения суэцкого кризиса американская политика исходила из того, что Египет способен возглавить арабский блок, который «будет проявлять пассивное благоволение к Западу»¹². После 26 июля 1956 г. государственный департамент, так же как и министерства иностранных дел Англии и Франции, выступил с протестом против национализации Суэцкого канала¹³. Но США из тактических соображений решили не принимать участия в карательной военной экспедиции против Египта. В самом начале суэцкого кризиса Даллес выступил с заявлением о том, что США будут вести в этом вопросе политику, независимую от Англии и Франции¹⁴. Американские правящие круги не теряли надежды сговориться с египетским правительством и обеспечить себе преимущественные привилегии, оттеснив Англию и Францию.

На словах осуждая применение силы, правительство США в то же время не мешало подготовке англо-французской агрессии против Египта, надеясь, что она дискредитирует Англию и Францию и позволит США «заработать» политический капитал и подкрепить пропагандистский тезис о мнимом «антиколониализме» США.

На проходившем с 29 июля по 2 августа совещании министров иностранных дел Англии, Франции и США по суэцкому вопросу обсуждались «военные планы урегулирования положения» в Египте¹⁵. В этом обсуждении принимал участие главнокомандующий военно-морскими силами США в Атлантике¹⁶. Даллес советовал временно воздержаться от осуществления военных планов. Он заявил английским и французским представителям, что не исключает возможности применения силы против Египта, но это может иметь место только тогда, когда другие способы разрешения суэцкого конфликта не дадут результатов. Даллес выдвинул идею созыва международной конференции, на которой, по его мнению, можно было бы добиться установления международного контроля над Суэцким каналом. Само собой разумеется, американские империалисты намеревались играть в новом международном органе по управлению каналом первую скрипку. Если конференция провалится, говорил Даллес, то тогда Англия и Франция применят силу.

В связи с этим обсуждался вопрос о позиции Советского Союза. Еще весной 1956 г. советские руководители предупредили, что в случае нападения на Египет СССР не будет безучастным, а выступит на его

¹¹ См. «Суэцкий вопрос и империалистическая агрессия против Египта», стр. 49.

¹² «Survey of International Affairs 1955—1956» by Geoffrey Barraclough and Rashel F. Wall. London. 1959, p. 303.

¹³ «Documents on the Suez Crisis. 26 July to 6 November 1956», Selected and Introduced by D. C. Watt. Royal Institute of International Affairs. London. 1957, p. 4 (Далее «Documents on the Suez Crisis...»).

¹⁴ B. Piter. Dulles, Suez and Democratic Diplomacy. «The Western Political Quarterly». Vol. XII, № 3, September 1959, p. 786.

¹⁵ «Daily Mail», 30.VII. 1956.

¹⁶ «Documents on the Suez Crisis...», p. 4.

стороне¹⁷. Поэтому на совещании в июле—августе 1956 г. Даллес заверил министров иностранных дел Англии и Франции, что США в случае выступления СССР окажут полную поддержку своим союзникам по НАТО, «раскроют над ними атомный зонтик», то есть пойдут на риск атомной войны¹⁸.

Предложение Даллеса было принято, тем более что Англия и Франция в тот момент не были готовы к военной экспедиции¹⁹. Планируемая конференция рассматривалась как средство международной поддержки ультимативных требований, предъявленных западными державами Египту.

Согласившись временно (до завершения своих военных приготовлений) вести переговоры по суэцкому вопросу, правительства Англии и Франции уже с конца июля — начала августа стали концентрировать войска в Восточном Средиземноморье. Передвижение английских и французских войск не было секретом для Вашингтона, и госдепартамент давал понять, что США не будут возражать против применения силы. Даллес, например, в разговоре с Иденом одобрительно отзывался о цели английских военных приготовлений, полагая, что они будут иметь положительный результат²⁰. Один американский исследователь указывает, что президент Эйзенхауэр и государственный секретарь Даллес «первоначально считали необходимыми военные меры против Насера., думая о Панамском канале»²¹.

В то время как правящие круги Англии, Франции и США повели борьбу против суверенного акта Египта, национализировавшего компанию Суэцкого канала, Советский Союз решительно поддержал действия египетского правительства. В Заявлении Советского правительства от 9 августа 1956 г. было подчеркнуто, что Египет предпринял вполне законные и справедливые действия, взяв на себя обеспечение нормального функционирования канала, проходящего по египетской территории и построенного руками египтян. Советское правительство резко осудило империалистическую политику западных держав, выразившуюся в грубом давлении на Египет, в применении к нему экономических репрессий, в приведении в боевую готовность военно-морских сил этих держав и в концентрации их вблизи Суэцкого канала и т. п. Правительство Советского Союза заявило, что «считает совершенно недопустимыми те меры, которые проводятся теперь английским и французским правительствами, и рассматривает их как вызов делу мира»²². Попытки вернуть посредством насилия утраченные привилегии и навязать Египту господство иностранного капитала под другой вывеской носят, как указывалось в советской ноте от 9 августа 1956 г., явно колониаторский характер.

Советский Союз согласился принять участие в созванной по инициативе Англии, Франции и США Лондонской конференции (16—23 августа 1956 г.), где вновь выступил борцом за справедливость, бескорыстным защитником суверенитета египетского народа. Что же касается Соединенных Штатов Америки, то они пытались навязать Египту империалистический контроль над Суэцким каналом, по-прежнему поддерживая Англию и Францию.

¹⁷ См. Н. С. Хрущев. Коммунизм — мир и счастье народов. Т. I. М. 1962, стр. 35.

¹⁸ M. Bromberger et S. Bromberger. Les secrets de l'expédition d'Egypte Paris. 1957, p. 61.

¹⁹ На подготовку Средиземноморского флота к операциям против Египта французский адмирал Баржо потребовал восемь недель (J. R. Tournoux. Les secrets d'Etat. Paris. 1960, p. 152).

²⁰ «Foreign Affairs», 1960, № 4, p. 600.

²¹ E. Lengyel. Op. cit., p. 109.

²² «Суэцкий канал». Сборник документов. М. 1957, стр. 123.

Незадолго до открытия Лондонской конференции было опубликовано заявление государственного департамента США, в котором подчеркивалось «полное согласие» трех западных держав относительно средств разрешения суэцкого вопроса²³. Это заявление, поощряя агрессивные намерения правящих кругов Англии и Франции, преследовало цель заставить египетское правительство согласиться с восстановлением в той или иной форме империалистического контроля над Суэцким каналом.

Во время работы конференции Д. Ф. Даллес не раз пытался оказать давление на Египет. Выступая 16 августа 1956 г. с резкими нападениями на законные действия египетского правительства, он заявил, будто Египет захватил «меч, который может нанести удар по экономике многих стран». Даллес потребовал принятия эффективных санкций против «нарушения» конвенции 1888 года и предложил американский план урегулирования суэцкого вопроса. План предусматривал создание международного органа, который должен был взять на себя управление каналом в административном, экономическом и техническом отношениях²⁴.

Разумеется, США намеревались обеспечить себе доминирующее положение в таком международном органе, который должен был быть создан вместо национализированной суэцкой компании. Фактически речь шла о восстановлении колониализма в новой форме, о лишении Египта суверенитета над важнейшей частью его территории. Полностью игнорируя национальные интересы Египта, американский делегат призывал участников конференции принять предложения США, не считаясь с тем, могут ли эти предложения быть приняты египетским правительством²⁵.

Советская делегация на Лондонской конференции подвергла уничтожающей критике американский план, показав, что он нарушает принципы Организации Объединенных Наций и суверенитет Египта. Делегация СССР солидаризировалась с индийским предложением, исходившим из принципа уважения суверенных прав Египта и необходимости разрешения суэцкого вопроса путем переговоров. Согласно индийскому предложению, управление Суэцким каналом признавалось правом Египта, а интересы пользователей канала должен был представлять специальный орган, носящий консультативный характер²⁶.

Западные державы попытались навязать Египту принятие американского плана, направив с этой целью в Каир миссию Мензиса. Одновременно продолжались военные приготовления Англии и Франции, в частности концентрация английских и французских войск на Кипре. И на этот раз правительство США не выступило против действий, угрожавших миру на Ближнем и Среднем Востоке. Отвечая на вопрос о том, как он рассматривает передвижение французских войск и судов на Кипр, Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции 31 августа 1956 г. (незадолго до отъезда миссии Мензиса в Каир): «Я не собираюсь комментировать действия какого-либо правительства, ибо мы сами преисполнены желанием использовать все мирные способы решения вопроса»²⁷. Как утверждает американский историк Фейс, заявление Эйзенхауэра свидетельствовало о наличии англо-франко-американских разногласий и дало возможность Насеру отвергнуть план 18 (американский план, получивший на Лондонской конференции поддержку восемнадцати стран)²⁸. Но в действительности дело обстояло иначе.

²³ В. Piter. Op. cit., p. 787.

²⁴ «Суэцкий вопрос». М. 1956, приложение V.

²⁵ «Foreign Affairs», 1960, № 4, p. 605.

²⁶ «Суэцкий канал», стр. 126—127.

²⁷ «New York Times», LIX.1956.

²⁸ H. Feis. Suez scenario: A Lamentable Tale («Foreign Affairs», 1960, № 4, pp. 603—604).

Только благодаря поддержке могучих миролюбивых сил, в первую очередь Советского Союза и всего социалистического лагеря, египетское правительство смогло, несмотря на угрозы и давление западных держав, в том числе США, занять твердую позицию в деле защиты национальных интересов страны. Еще 28 августа 1956 г. правительство СССР заявило о своем решении присоединиться к индийскому предложению по разрешению суэцкого конфликта, подчеркнув, что «любое урегулирование суэцкого вопроса в соответствии с принципами и Уставом ООН должно основываться на уважении суверенных прав Египта как полного хозяина, владельца и управителя каналом, при гарантировании свободы судоходства по каналу во все времена и для всех стран, пользующихся каналом»²⁹.

В ноте от 10 сентября 1956 г. Египет выразил свою готовность достичь соглашения по вопросам свободы судоходства по каналу и компенсации акционеров бывшей компании. Действия египетского правительства получили поддержку 25 стран.

Что касается позиции США в это время, то, как пишет египетский автор, «Америка жаждала осуществления идеи применения силы, однако она боялась последствий. Она стремилась вызвать еще большее обострение отношений между двумя своими союзниками, с одной стороны, и Египтом — с другой, вынудить их отказаться от покупки египетского хлопка, с тем чтобы они покупали хлопок у нее. Она хотела, чтобы в результате обострения конфликта возросла потребность этих стран в нефти, стремилась сделать их должниками, поработить их. Это была политика балансирования на канате с шестом в руках, политика двойной игры»³⁰.

После провала миссии Мензиса Соединенные Штаты выдвинули новый план «мирного» решения суэцкого вопроса: Даллес предложил Идену создать «добровольную ассоциацию по осуществлению прав пользователей каналом». Ассоциация должна была якобы временно, «до учреждения постоянной системы, приемлемой для всех заинтересованных сторон», взять в свои руки управление каналом. Она имела бы своих лоцманов, которые проводили бы суда, взимали бы сборы за пользование каналом, выплачивая Египту «надлежащую плату». Даллес в своем письме заверял Селвина Ллойда, что в случае создания ассоциации американские судовладельцы будут уплачивать пошлину за проход по каналу только этой ассоциации, а не Египту³¹. Американский план создания ассоциации являлся, по существу, планом самочинного захвата империалистами Суэцкого канала.

Египетское правительство, отвечая Даллесу, охарактеризовало план создания ассоциации пользователей как вопиющее покушение на суверенитет Египта, подчеркнув, что осуществление этого плана означает войну³².

Английская газета «Daily Sketch», называя план создания ассоциации «капитальным решением вопроса», писала: «Если Насер не примет организацию трех (ассоциацию пользователей каналом с участием США, Англии, Франции и других государств.— Н. Л.), то военные корабли и самолеты будут сопровождать наши суда, идущие через канал»³³. После телефонного разговора с Даллесом 10 сентября 1956 г., во время которого была сформулирована идея ассоциации пользователей Суэцким каналом, Иден, по словам Джонсона, воспрянул духом: «Он увидел впереди зеленый свет; его сомнения пропали. Америка ка-

²⁹ «Суэцкий канал», стр. 130.

³⁰ Ахмед Керума. Восставшие арабы в битве за Порт-Саид. М. 1958, стр. 91.

³¹ «Foreign Affairs», 1960, № 4, р. 605.

³² Ахмед Керума. Указ. соч., стр. 99.

³³ «Daily Sketch», 13.IX.1956.

питулировала. Она теперь с Англией и Францией. Она согласилась создать ассоциацию, которая силой оружия проложит себе путь через канал...»³⁴. Соответствующим было и выступление Идена в английском парламенте, где он сообщил о намерении правительства создать ассоциацию пользователей Суэцким каналом. Его речь неоднократно прерывалась возмущенными криками оппозиции: «Это провокация!», «Это означает войну!».

В «Заявлении Советского Правительства о необходимости мирного разрешения суэцкого вопроса», опубликованном 16 сентября 1956 г., план трех западных держав характеризовался «как опасная провокация, ведущая к тому, чтобы еще больше обострить обстановку вокруг Суэцкого канала и искусственно создавать инциденты, которые можно было бы использовать как повод для применения силы против Египта».

Разоблачая военные приготовления Англии и Франции против Египта, Советское правительство вместе с тем обращало внимание на то, «что, хотя в США немало говорят о мирном решении вопроса, на деле США не протестуют против концентрации войск и угроз их применения, что не может не поощрять в Англии и Франции сторонников применения силы в отношении Египта. Более того, в своем заявлении на пресс-конференции 11 сентября президент США Эйзенхауэр фактически признал допустимость применения Англией и Францией вооруженной силы против Египта. Еще более ясное представление о позиции США дает заявление государственного секретаря Даллеса на пресс-конференции 13 сентября, в котором он, во-первых, также допускал возможность применения Англией и Францией силы против Египта при прохождении судов через канал и, во-вторых, прямо заявил, что США являются инициаторами создания указанной «ассоциации пользователей каналом»³⁵.

В Заявлении подчеркивалось, что СССР как великая держава не может стоять в стороне и проявляет озабоченность по поводу положения, которое сложилось в результате действий западных держав.

Советское предупреждение возымело свое действие. Если с самого начала суэцкого кризиса американское правительство давало понять Англии и Франции, что США не будут возражать против применения силы, «если до этого будут использованы все мирные средства урегулирования», то в середине сентября, как свидетельствует Иден, ему было прямо заявлено, что «американское общественное мнение против применения силы»³⁶. Отмежевываясь от агрессивных планов членов ассоциации пользователей каналом, Даллес сделал заявление о том, что его идею будто бы неправильно поняли, что США, мол, не намерены с помощью оружия прокладывать путь для своих торговых судов через Суэцкий канал.

Взамен открытого применения оружия против Египта Даллес предложил своим союзникам по НАТО организовать бойкот египетского канала с целью утверждения ассоциации пользователей каналом. Если Египет не будет пропускать через канал суда членов ассоциации, отказывающихся платить ему пошлину за проход, говорил Даллес, то эти суда следует посылать, минуя Суэцкий канал, вокруг мыса Доброй Надежды. Он обещал добиться от конгресса США принятия закона о финансовой помощи союзникам США в размере 500 млн. долл. на покрытие расходов в связи с удлинившимся путем вокруг Африки³⁷. Империалистическая пресса стала грозить превращением Суэцкого канала в «сухую траншею», которая не будет больше приносить прибыли Египту.

³⁴ P. Johnson. Op. cit., p. 69.

³⁵ «Суэцкий канал», стр. 153.

³⁶ «Full Circle. The Memoirs of Antony Eden». Vol. II. Boston. 1960, p. 542—543.

³⁷ D. Fleming. Op. cit. Vol. II, p. 824.

«Ассоциация пользователей Суэцкого канала», созданная на так называемой второй лондонской конференции (19—21 октября 1956 г.) в составе 15 государств, в конце концов оказалась нежизнеспособной, а идея бойкота — неосуществимой. Европейские страны сочли, что бойкот Суэцкого канала принесет выгоду лишь Соединенным Штатам, которые увеличением экспорта своей нефти усилили бы контроль над экономикой стран Западной Европы. Боясь потерять доходные транзитные перевозки, Италия решила пользоваться каналом, выплачивая пошлину новой египетской администрации Суэцкого канала³⁸. Такую же позицию заняла Западная Германия и некоторые другие страны — участницы мертворожденной ассоциации.

Американские суда, вопреки заверениям Даллеса, регулярно с 4 августа 1956 г. платили пошлину за пользование Суэцким каналом Египту, а не ассоциации пользователей. А 26 сентября 1956 г. Даллес заявил об отказе от идеи финансирования плавания торговых судов ассоциации вокруг Африки, сославшись на то, что бойкот не даст желаемого результата, поскольку Суэцкий канал не является единственным источником доходов Египта³⁹. Неудача с организацией ассоциации пользователей вызвала крайнее раздражение в правящих кругах Англии и Франции; в адрес США раздавались упреки в предательстве, а пресса Англии и Франции запестрела сенсационными сообщениями о «кризисе НАТО» и «американского руководства».

Непоследовательность американской политики в суэцком вопросе, за которую английские и французские правящие круги критиковали США, определялась различными факторами. Во-первых, империалистическими противоречиями между США, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, стремлением американского империализма ослабить позиции старых колониальных держав на Среднем Востоке. Во-вторых, заинтересованностью реакционных, монополистических кругов США в подавлении борьбы народов Арабского Востока за полное освобождение от империалистического гнета. В-третьих, стремлением не допустить раскола в агрессивном союзе НАТО, который мог бы появиться в случае полного расхождения в суэцком вопросе между США, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой.

Важнейшим фактором, с которым не могли не считаться американские империалисты, была твердая позиция Советского Союза, стран социалистического лагеря, всех миролюбивых сил, настаивавших на мирном и справедливом решении суэцкого вопроса и выступивших в защиту независимости и суверенитета Египта.

Соединенные Штаты Америки, окончательно отказавшись от открытой поддержки агрессивных планов Англии и Франции, вновь заявили в демагогических целях о необходимости мирного урегулирования суэцкого вопроса. 2 октября 1956 г. Даллес еще раз подчеркнул, что у США свой, отличный от Англии и Франции подход к решению суэцкой проблемы. «Соединенные Штаты, — заявил он, — играют и будут играть независимую (от Англии и Франции. — Н. Л.) роль повсюду, где в той или иной форме затрагивается проблема так называемого колониализма». «Антиколониальные» речи Даллеса имели целью скрыть сущность американского неоколониализма, сделать США хозяином Суэца⁴⁰. Американское правительство вынуждено было открыто выражать несогласие с англо-французской политикой вооруженной интервенции против Египта еще и потому, что приближался срок президентских выборов, на которых никак нельзя было выступить под развернутыми знаменами агрессии и войны.

³⁸ «Documents on the Suez Crisis...», p. 20.

³⁹ «The Western Political Quarterly». Vol. XII. № 3, September 1959, p. 793.

⁴⁰ V. Z. Laqueur. The Soviet Union and the Middle East. New York. 1959, p. 116.

Завершая дипломатическую подготовку к нападению на Египет, правительства Англии и Франции в конце сентября 1956 г. обратились в Организацию Объединенных Наций с жалобой на действия египетского правительства. Хотя они и не возлагали больших надежд на это обращение, ибо большинство стран прямо или косвенно уже выразило поддержку Египту, однако самый факт обращения в ООН по суэцкому вопросу был необходим, чтобы создать видимость использования всех возможностей мирного решения этого вопроса и тем самым обосновать применение военных мер против Египта.

Одновременно в Совет Безопасности обратилось египетское правительство с жалобой на «действия некоторых держав, в частности Франции и Соединенного Королевства, которые представляют угрозу международному миру и безопасности во всем мире». Суэцкий вопрос рассматривался в Совете Безопасности с 26 сентября по 13 октября 1956 года. Правительства западных держав продолжали оказывать давление на Египет, пытаясь заставить его согласиться на создание ассоциации пользователей Суэцкого канала. Во время обсуждения вопроса в Совете Безопасности Даллес пророчествовал, что «силой вещей» политика Каира будет иметь «исключительно серьезные последствия» для Египта⁴¹. Иден угрожал прибегнуть к «другим средствам», если переговоры в ООН не дадут положительного результата. В обстановке откровенного давления со стороны западных держав на Египет Советское правительство сочло необходимым заявить главе английского правительства, что «обсуждение в Совете Безопасности ООН вопроса о Суэцком канале может помочь мирному его решению лишь в том случае, если Англия, Франция и США откажутся от попыток предъявлять ультимативные требования Египту и сопровождать их угрозами силы»⁴².

Голосование Советского Союза в Совете Безопасности против англо-французского предложения не позволило колонизаторам навязать Египту свою волю. «Советское вето,— писала одна из бирманских газет,— спасло Египет от международного заговора, имевшего целью ущемить суверенитет этой страны»⁴³. Совет Безопасности одобрил шесть принципов урегулирования суэцкого вопроса, выработанных в результате обмена мнениями между Египтом, Англией и Францией при активном содействии Советского Союза⁴⁴. Эти принципы исходили из признания суверенитета Египта и свободы международного судоходства по каналу. Совет Безопасности, кроме того, рекомендовал начать непосредственные переговоры между Египтом, Францией и Англией о мирном урегулировании суэцкого вопроса. 19 октября 1956 г. состоялись предварительные переговоры представителей этих стран. Через несколько дней должны были начаться переговоры в Женеве. Однако западные державы отказались от них, предприняв вооруженное нападение на Египет.

Таким образом, в то время как Советский Союз уже в период, предшествующий англо-франко-израильской агрессии против Египта, выступал на стороне египетского народа и боролся за мирное урегулирование суэцкого вопроса, Соединенные Штаты фактически поощряли агрессивные намерения Англии и Франции.

Подготовка к вооруженному нападению на Египет велась Англией и Францией с конца июля — начала августа 1956 года. Было создано объединенное англо-французское командование для руководства воен-

⁴¹ P. Camille. Suez ou la haute farce du Vaincu triomphant. Paris. 1957, p. 34.

⁴² «Суэцкий вопрос», стр. 140.

⁴³ См. «Суэцкий вопрос и империалистическая агрессия против Египта», стр. 87.

⁴⁴ «Суэцкий вопрос», стр. 160.

ными операциями против Египта. В процессе разработки плана совместного нападения обнаружились серьезные расхождения между Англией и Францией, отразившие их империалистические противоречия. «В то время как Англия устремляла взоры на Аман и Багдад,— пишет Бенуа-Мешен,— Франция глядела на Каир и Алжир»⁴⁵. Англия хотела восстановить положение на Ближнем Востоке путем использования Ирака в качестве военной силы. Французские правящие круги считали разгром Египта необходимым условием для обеспечения победы в колониальной войне против Алжира.

В октябре 1956 г. в Восточном Средиземноморье было сконцентрировано 18 англо-французских авиаэскадрилий (свыше 1 000 самолетов), 185 боевых кораблей, не считая мощных транспортно-десантных средств, бронетанковая дивизия, 5 отдельных бригад, 13 отдельных полков, 2 армейские артиллерийские группы и другие воинские соединения. Кроме того, в водах Персидского залива находилось девять английских эсминцев. К нападению на Египет готовился и Израиль, в связи с чем поставки вооружения ему увеличились. Франция с разрешения США передала в свое время Израилю партию истребителей «Мистер»⁴⁶. Соединенные Штаты Америки знали о готовившейся вооруженной агрессии против Египта, но ничего не делали, чтобы предотвратить ее.

10 октября в Париже был выработан текст секретного военного соглашения между Израилем и Францией. 16 октября Иден и Селвин Ллойд в течение 5 часов вели в Париже без секретарей, переводчиков и советников сугубо конфиденциальные переговоры с Ги Молле и Пино. Было решено, что Израиль нападет 6 ноября на Египет, что послужит поводом для вооруженной интервенции Англии и Франции якобы в целях обеспечения безопасности Суэцкого канала. 22 октября состоялась встреча Ги Молле с Бен-Гурионом, тайно прилетевшим в Париж, на которой были согласованы агрессивные действия Израиля против Египта.

Нападение на Египет было приурочено ко времени наиболее благоприятной, по мнению агрессоров, международной обстановки. Избирательная кампания и смена администрации в США, по мысли англо-французских правящих кругов, не дадут возможности американскому правительству выступить даже со словесным осуждением агрессии, а Советскому Союзу якобы будет не до этого в связи с обстановкой в Польше и Венгрии⁴⁷.

В полночь 24 октября в Лондон прилетел Пино для встречи с Иденом и Селвином Ллойдом. Исходя из того, что главное противодействие агрессии Англии и Франции может оказать только Советский Союз, было решено не дожидаться дня президентских выборов в США, а осуществить нападение на Египет как можно скорее⁴⁸. 25 октября Израиль объявил всеобщую мобилизацию, а 29-го израильские войска при поддержке французских самолетов повели наступление на Синайском полуострове, двигаясь в сторону Суэцкого канала.

План агрессии против Египта стал претворяться в жизнь. В своем выступлении в парламенте 29 октября — в день нападения Израиля на Египет — английский министр иностранных дел Селвин Ллойд ни словом не обмолвился о Ближнем Востоке, а разглагольствовал о событиях в Венгрии. Но уже 30 октября Англия и Франция направили ультиматум Египту и Израилю с требованием вывести войска воюющих государств на 10 миль (16 км) от канала. Они потребовали также согласия Египта

⁴⁵ J. Benoist-Mechin. Op. cit., p. 495.

⁴⁶ J. R. Beal. Op. cit., p. 257.

⁴⁷ J. Vaucher. Gamal Abdel Nasser et son équipe. Paris. 1960. p. 232.

⁴⁸ J. Connell. The most Important Country. The true Story of Suez Crisis and the events Leading to it. London. 1957, p. 183.

на временную оккупацию Суэца, Порт-Саида и Исмаилии англо-французскими войсками якобы в целях гарантии безопасности канала. Разумеется, египетское правительство отвергло этот ультиматум, принятие которого означало захват всей зоны канала войсками империалистов. Тогда Англия и Франция 31 октября 1956 г. начали военные действия против Египта.

Англо-франко-израильская агрессия, как указывал Н. С. Хрущев, имела своей целью «задушить Египет и тем запугать арабские страны, которые борются за независимость, а также устрасить другие народы Азии и Африки»⁴⁹. Она носила характер зверской колониальной войны.

Египетский народ, вставший на защиту своей независимости, сорвал планы интервентов, рассчитывавших окружить и ликвидировать вооруженные силы Египта на Синайском полуострове. Символом мужественной борьбы египетского народа за свою свободу стал непокоренный Порт-Саид, население которого не сложило оружия даже после оккупации города⁵⁰.

В своей борьбе против интервентов египетский народ опирался на поддержку миролюбивых, прогрессивных сил всего мира. «Демонстрация силы» не запугала народы Востока, они выступили с решительным осуждением империалистической агрессии против Египта. Антибританские и антифранцузские настроения охватили все арабские страны. На нефтепромыслах в Бахрейне имели место выступления не только против англичан, но и против американцев. Для «восстановления порядка» там были использованы английские войска. Сирия порвала дипломатические отношения с Англией и Францией, а сирийские патриоты вывели из строя нефтепроводы, по которым шла нефть из Ирака в порты Сирии и Ливана. Саудовская Аравия также порвала дипломатические отношения со странами-агрессорами и запретила поставлять им нефть по трансаравийскому нефтепроводу или иным путем. Даже правительство Ирака, связавшее свою страну путем багдадского пакта с политикой империалистов, было вынуждено выступить с осуждением империалистической агрессии против Египта. Лозунг «Руки прочь от Египта!» звучал повсюду в Азии и Африке. Премьер-министр Индии Неру выступил с заявлением, в котором предупредил, что Индия выйдет из Содружества, если Англия не прекратит агрессию. С требованием немедленного прекращения войны в Египте выступили трудящиеся Англии и Франции, в авангарде которых находились коммунисты. Опасаясь разрушения или вывода из строя на длительное время канала, что сказалось бы на экономическом положении европейских стран, Италия, Бельгия, Турция, ФРГ, а также другие государства — участники НАТО высказались против применения силы для разрешения суэцкого вопроса. Все это не могло не затруднять в известной степени действия государств-агрессоров.

Главным фактором, предопределившим провал империалистической агрессии, явилась твердая позиция Советского Союза и других стран мировой социалистической системы. «Представители империалистических государств, — писал Н. С. Хрущев, — нашептывали нам: у вас есть, мол, свои трудности в Венгрии, а у нас трудности в Египте, и потому вы не вмешивайтесь в наши дела. Но мы дали этим шептунам достойный ответ. Мы не стали сквозь пальцы смотреть на их разбойные дела. Мы вмешались и сорвали их агрессию»⁵¹.

Соединенные Штаты Америки во время англо-франко-израильской агрессии заняли двойственную позицию: с одной стороны, они поддер-

⁴⁹ Н. С. Хрущев. Коммунизм — мир и счастье народов, стр. 35.

⁵⁰ См. Ахмед Керума. Указ. соч.

⁵¹ Н. С. Хрущев. За новые победы мирового коммунистического движения. «Коммунист», 1961, № 1, стр. 19.

живали Англию, Францию и Израиль, а с другой,— желая занять место английских и французских колонизаторов на Среднем Востоке, пытались выступить в роли миротворца, защитника арабских народов. В условиях, когда весь мир гневно осудил англо-франко-израильскую агрессию против Египта, правящим кругам США пришлось поступиться солидарностью со своими главными союзниками по НАТО Англией и Францией и осудить их действия. Это было тем более необходимо, что интервенцию против Египта западные державы прикрывали ссылками на колониалистскую декларацию Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции от 25 мая 1950 года, единодушно отвергнутую тогда всеми арабскими государствами⁵². Кроме того, правительствами Англии и Франции были сделаны заявления о том, что они «полностью информировали» правительство США, на что Эйзенхауэр возразил, что Англия и Франция «никак не консультировались» с ним и не информировали заранее о своих действиях в Египте⁵³. Англия и Франция действительно направили ультиматум Египту 30 октября 1956 г. без предварительной консультации со своими союзниками по НАТО. Однако готовящееся нападение на Египет не было секретом для правительства США, о чем убедительно свидетельствует распоряжение госдепартамента об эвакуации американских граждан за день до нападения Израиля на Египет.

Если бы правительство Эйзенхауэра не отмежеввалось от агрессивных действий Англии и Франции, это могло бы подорвать позиции республиканской партии на выборах. Поэтому представители американского правительства выступили с критикой действий колониальных держав. Эти выступления не были доказательством принципиального отрицания колониализма Соединенными Штатами Америки, а являлись, по верному определению одного американского исследователя, результатом их боязни, что СССР окажется единственным защитником арабов от колониальной империалистической агрессии. «Это был последний шанс спасти некоторую веру в Запад у арабов, даже ценой выступления против своих союзников — Англии и Франции»⁵⁴.

Подтверждением того, что американское правительство лишь по тактическим соображениям выступило с осуждением агрессии против Египта, явилось обсуждение этого вопроса в Организации Объединенных Наций.

29 октября правительство США обратилось к председателю Совета Безопасности с письмом, в котором просило возможно скорее созвать заседание Совета Безопасности для рассмотрения следующего вопроса: «Палестинская проблема, шаги к немедленному прекращению военных действий Израиля в Египте». На состоявшемся на следующий день заседании Совета Безопасности американцы представили проект резолюции, сформулированный таким образом, что в нем отсутствовало осуждение Израиля за совершенную агрессию, хотя и содержался призыв к нему отвести войска за линию перемирия и призыв к другим странам воздержаться от применения силы в этом районе и оказания помощи Израилю⁵⁵. Англия и Франция голосовали против принятия даже такой малоэффективной резолюции.

Получив англо-французский ультиматум, правительство Египта обратилось в Совет Безопасности с просьбой рассмотреть вопрос об англо-

⁵² В этой декларации говорилось, что США, Англия и Франция предпримут совместное выступление «в рамках ООН и вне ООН для восстановления порядка в случае, если на Ближнем и Среднем Востоке будут нарушены статус-кво и мир». Освещая эти события, английская газета «Times» напоминала американскому правительству об этой совместной декларации 1950 г. («Times», 30. X. 1956).

⁵³ «Foreign Affairs», 1960, № 4, p. 609.

⁵⁴ J. Campbell. Defense of the Middle East. New York. 1958, p. 110.

⁵⁵ «Security Council. Official Records. 748, 749 Meetings», 30 October 1956.

французской агрессии. Советская делегация в Совете Безопасности предложила осудить агрессивные действия Англии и Франции в отношении Египта и потребовать от английского и французского правительств немедленного вывода вооруженных сил с египетской территории⁵⁶. В связи с тем, что англо-французское вето препятствовало принятию Советом Безопасности соответствующих мер к прекращению англо-франко-израильской агрессии против Египта, по предложению Югославии в Совете Безопасности была принята резолюция о созыве чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи.

Соединенные Штаты Америки и на этой сессии проводили лицемерную, двойственную политику, выступая на словах за прекращение огня и отвод англо-франко-израильских войск из Египта, а на деле всячески препятствуя принятию решительных и конкретных мер по пресечению агрессии. Газета «New York Times» признавала, что «основное беспокойство в Вашингтоне вызывала возможность того, что Ассамблея примет более решительную резолюцию, чем этого хотели Соединенные Штаты»⁵⁷.

2 ноября 1956 г. на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи была принята резолюция, предложенная США. В отличие от советского проекта, осуждавшего агрессию и требовавшего немедленного вывода англо-франко-израильских войск, американская резолюция носила половинчатый характер и не содержала радикального решения вопроса. В резолюции англо-франко-израильское нападение на Египет не квалифицировалось как агрессия, более того, там содержалось обращение к двум сторонам (которое ставило Египет — жертву агрессии — на одну доску с агрессорами) об отводе войск за демаркационную линию.

Уводя Генеральную Ассамблею в сторону от решения главной задачи — немедленного прекращения англо-франко-израильской агрессии в Египте, делегация США выступила 3 ноября с проектами двух резолюций: первой — о принятии мер к окончательному урегулированию «еще неразрешенных вопросов между правительствами и властями, заинтересованными в палестинской проблеме», второй — о «справедливом и окончательном разрешении Суэцкой проблемы»⁵⁸.

Ободренные позицией американского правительства, Англия и Франция отказались последовать призыву Генеральной Ассамблеи, содержащемуся в ее резолюции от 2 ноября 1956 г., и публично заявили, что будут продолжать военные действия против Египта.

Оказавшись в исключительно тяжелом положении вследствие англо-франко-израильской агрессии, Египет обратился ко всем государствам и народам с просьбой о помощи: «В этот исторический решительный час, ... когда Франция, Израиль и Соединенное Королевство ведут вероломное нападение против Египта и вызываяще несут знамя беззакония и позора, Египет просит помочь добровольцами, оружием и иными способами всех тех, кому дороги достоинство человека и правопорядок в международных отношениях»⁵⁹.

5 ноября по требованию СССР был созван Совет Безопасности. На его заседании советский делегат заявил, что, поскольку Великобритания, Франция и Израиль не выполнили резолюции Генеральной Ассамблеи от 2 ноября 1956 г., необходимо немедленно принять соответствующие меры. Советский Союз предлагал потребовать от стран-агрессоров

⁵⁶ Doc. S/PV, 751, 31 October 1956, p. 5.

⁵⁷ См. Е. Примаков, Р. Арутюнов. Указ. соч., стр. 43.

⁵⁸ Doc. A/3272, A/3273, 3 November 1956. Эти резолюции не получили поддержки других стран, они даже не были поставлены на голосование, что правильно расценивается английским исследователем Д. К. Уаттом как показатель известного падения престижа США в Организации Объединенных Наций (см. предисловие Д. К. Уатта к сборнику «Documents on the Suez Crisis...», p. 27, 28).

⁵⁹ Doc. A/3304, 6 November 1956.

прекращения в течение 12 часов военных действий и отвода в трехдневный срок войск с египетской территории. В случае отказа все члены ООН, в особенности США и СССР — постоянные члены Совета Безопасности, — должны оказать Египту военную помощь отправкой морских, воздушных и других формирований⁶⁰.

Советское предложение вызвало замешательство в правящих кругах США и западных держав. Бельгийский делегат, пытаясь найти выход из трудного положения, в котором оказались западные державы, предложил голосовать не советскую резолюцию, а повестку дня заседания, в которой фигурировало, в частности, и советское предложение. Повестка дня не была принята, и советское предложение оказалось автоматически отклоненным.

В тот же день, 5 ноября 1956 г., Советское правительство обратилось непосредственно к правительству Соединенных Штатов Америки с предложением совместно выступить против агрессоров. В послании на имя президента Эйзенхауэра указывалось, что обстановка в Египте требует немедленных и самых решительных действий. «Мы убеждены в том, — говорилось в советском послании, — что если правительства СССР и США твердо заявят о своей воле обеспечить мир и выступят против агрессии, то агрессии будет положен конец и войны не будет»⁶¹.

Одновременно с посланием президенту Эйзенхауэру Советское правительство направило ноты главам правительств Англии, Франции и Израиля, в которых отмечалось, что вопрос о Суэцком канале — это только предлог для агрессии, имеющей иные и далеко идущие цели: на деле разворачивалась агрессивная, разбойничья война против арабских народов в целях ликвидации национальной независимости государств Ближнего и Среднего Востока и восстановления отвергнутого народами режима колониального рабства. Осуждая вероломные действия против Египта, Советское правительство задавало вопрос правительству Англии: «В каком положении оказалась бы сама Англия, если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного истребительного оружия?»⁶². Руководствуясь интересами сохранения всеобщего мира, Советское правительство обращалось к парламенту, лейбористской партии, профсоюзам, ко всему народу Англии с призывом прекратить вооруженную агрессию, не дать войне в Египте перекинуться на другие страны и перерасти в третью мировую войну и предупреждало, что Советский Союз полон решимости сокрушить агрессию и восстановить мир на Востоке.

Нота Советского правительства от 5 ноября 1956 г. ясно показала колониалистам, что прошли те времена, когда империалисты решали судьбу мира⁶³.

Президент Эйзенхауэр отверг советское предложение о совместном выступлении в целях прекращения войны в Египте, а американский главнокомандующий силами НАТО генерал Грюнтер разразился угрозами в адрес СССР⁶⁴. Это было актом саморазоблачения правящих кругов США как пособников и покровителей англо-французской агрес-

⁶⁰ «Правда», 6 ноября 1956 года.

⁶¹ «Известия», 6 ноября 1956 года.

⁶² Там же.

⁶³ Пытаясь отрицать изменение сил на мировой арене в пользу социализма, Иден пишет, что упомянутые советские послания главам правительств западных держав якобы были результатом того, что США осуждали интервенцию в Египте. Если бы американское правительство, утверждает Иден, не заняло бы такой позиции, то поведение Советского Союза было бы иным. Но даже американские буржуазные историки не могут согласиться с подобным утверждением. «Я считаю, — подчеркивает Г. Фейс, — что если бы даже Соединенные Штаты держались в стороне, Советский Союз принял бы энергичные усилия и пошел бы очень далеко, чтобы остановить англо-французскую авантюру» («Foreign Affairs», 1960, № 4, p. 610).

⁶⁴ W. F. Longgood. Suez Story. Key to the Middle East. New York, 1957, p. 154

сии против египетского народа. Америка, пишет английский исследователь Уатт, оказалась в невыгодной позиции страны, отклоняющей предложение об окончании войны, которую арабский мир рассматривал как открытую агрессию⁶⁵.

В то же время американское правительство вынуждено было отмежеваться от Англии и Франции. Уже в час ночи 6 ноября американский посол в Париже Диллон отозвал Ги Молле с заседания французского кабинета, обсуждавшего советскую ноту, и предложил немедленно прекратить военную операцию в Египте⁶⁶. Ранним утром 6 ноября государственный департамент по дипломатическим каналам сообщил английскому и французскому правительствам, что американские гарантии помощи остаются в силе только для континента Европы, то есть США не выступают на стороне Англии и Франции в случае расширения войны на Ближнем Востоке.

Могущество Советского Союза и всего социалистического лагеря помешало империалистам развязать третью мировую войну осенью 1956 г. и явилось главным фактором сохранения мира.

В результате решительной позиции Советского Союза, стран мировой социалистической системы и всех миролюбивых народов агрессорам пришлось согласиться на прекращение огня к 24 часам 6 ноября 1956 года. Однако, сделав заявление о прекращении огня, французское правительство дало указание продолжать наступление. Главнокомандующему французскими экспедиционными силами адмиралу Баржо была послана следующая телеграмма от начальника французского генерального штаба: «Вам будет направлен приказ прекратить огонь, вероятно, к 24 часам 6 ноября. Нужно поступать так, чтобы, оставаясь в рамках этого приказа, захватить как можно большую территорию канала»⁶⁷. Английские войска также получили аналогичное предписание. Агрессоры лихорадочно спешили поставить мир перед совершившимся фактом — полным захватом Суэцкого канала к моменту прекращения огня. Они предприняли варварскую бомбардировку Порт-Саида с моря и с воздуха.

В полночь 6 ноября 1956 г. военные действия были прекращены, что, однако, еще не означало окончания империалистической агрессии, поскольку на египетской территории продолжали оставаться войска интервентов. Игнорируя решения Генеральной Ассамблеи ООН, правительства Англии, Франции и Израиля отказывались от вывода своих войск из Египта до подписания соглашений об интернационализации Суэцкого канала и территориальных уступках в пользу Израиля. Советское правительство вновь решительно выступило против незаконных притязаний империалистических агрессоров. Телеграфное агентство Советского Союза опубликовало заявление, в котором предупреждало, что «если Англия, Франция и Израиль, вопреки решениям ООН, не выведут всех своих войск с территории Египта и под различными предлогами будут затягивать осуществление этих решений, то соответствующие органы Советского Союза не будут препятствовать выезду советских граждан — добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за его независимость»⁶⁸. Готовность в случае необходимости разрешить добровольцам отправиться на помощь Египту выразили также правительства других миролюбивых государств.

Это предупреждение, так же как и нота 5 ноября 1956 г., возымело свое действие. Признавая свое полное военное и морально-политическое поражение, агрессоры были вынуждены согласиться на вывод своих во-

⁶⁵ См. предисловие к сборнику «Documents on the Suez Crisis...», p. 29.

⁶⁶ J. R. Tournoix. *Op. cit.*, p. 106.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 509.

⁶⁸ «Правда», 11 ноября 1956 года.

оруженных сил из Египта. Этот вывод был завершен к 22 декабря 1956 года. Израильские войска из района Газы и Марам аш-Шейх были выведены несколько позднее.

Таким образом, Советский Союз сыграл решающую роль и на этом этапе борьбы миролюбивых сил против империалистической агрессии в Египте ⁶⁹.

Даже апологеты империализма вынуждены признать, что именно выступление Советского Союза и других социалистических стран спасло Египет и восстановило мир на Ближнем и Среднем Востоке. Маргарита Хиггинс в газете «New York Herald Tribune» писала: «Подлинной причиной, побудившей Англию, Францию и Израиль принять решение уйти, была советская нота предупреждения. Русские, правда, не направили свои пушки и бомбы против Запада. Но одно лишь сознание того, что эта вооруженная мощь существует и может быть использована, изменило весь ход событий на Среднем Востоке» ⁷⁰.

Посол Соединенных Штатов Америки во Франции заявил в своем выступлении по радио в ноябре 1956 г., что советское предупреждение, а не критика со стороны ООН и США заставило отступить Англию и Францию. Это заявление, по сообщениям американских газет, вызвало досаду государственного департамента, ибо оно убеждало арабов, что СССР (а не США) являлся защитником Египта от англо-французского нападения ⁷¹.

Мощь социалистического лагеря и его единство сыграли решающую роль в провале империалистической агрессии против Египта, в предотвращении новой мировой войны. События рассматриваемого периода наглядно показали, что в расстановке сил на мировой арене произошел дальнейший сдвиг в пользу социалистической системы, превратившейся в определяющий фактор мирового развития.

⁶⁹ Тщетными являются потуги буржуазных авторов доказать, будто бы США добились от Англии, Франции и Израиля эвакуации войск из Египта. Так поступает, например, Бенуа-Мешен, замалчивая цитированное выше заявление ТАСС. США выступали за вывод англо-франко-израильских войск из Египта, но делали это отнюдь не по причине миролюбия или дружбы к египетскому народу. Их пугала перспектива разгрома агрессоров в Египте. Потому-то Идену было сообщено, что американская поддержка «не будет автоматической в случае высадки советских добровольцев на Ближнем Востоке» (G. Vaucher, Op. cit., p. 244). Угроза прибытия добровольцев заставила США и их союзников добиваться спешной отправки вооруженных сил ООН на смену англо-французским войскам в зоне Суэцкого канала.

⁷⁰ «New York Herald Tribune», 12.XI.1956.

⁷¹ В период суэцких событий престиж США среди арабских народов заметно упал в результате той двуличной политики, которую вели американские правящие круги. Журнал «Atlantik» в декабрьском номере за 1957 г. писал: «Многие на Западе, критически относящиеся к этому эпизоду американской политики по отношению к Египту (имеется в виду отказ США от финансирования строительства Асуанской плотины.— Н. Л.), считают, что мы восстановили доброе имя своей позицией в ООН во время англо-франко-израильской агрессии против Египта. Но очень немногие арабы согласятся с этим... Россия — справедливо или нет — рассматривалась как спасительница Египта» («Atlantik», December 1957).

ПРОНИКНОВЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ МОНОПОЛИЙ В КИТАЙ В ПЕРИОД ЯПОНО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА (1931—1933 гг.)

Рenate Вюнше

Одной из важнейших черт современной эпохи является глубокий революционный процесс распада империалистической колониальной системы. Империалисты, всячески стремясь вернуть утраченные позиции, прибегают к новым, более тонким, неоколониалистским методам. Западногерманские империалисты, пытающиеся под прикрытием так называемой экономической помощи сохранить или даже усилить свое политическое и экономическое влияние в Азии, Африке и Латинской Америке, отрицают, что их политике присущи захватнические цели. Они ссылаются на то, что уже свыше сорока лет Германия не владеет колониями и поэтому не проводит больше колониальной политики. Эта демагогия являлась и является неотъемлемой частью тактики германских монополий. Для разоблачения действительных планов западногерманского милитаризма необходимо исследовать не только его нынешние неоколониалистские устремления, но и воскресить правду о прошлом, в частности о политике Германии в отношении Китая в период японо-китайского конфликта 1931—1933 годов¹.

Хотя германский империализм в результате первой мировой войны потерпел поражение, ему, как известно, удалось после 1918 г. возродить свои основные силы с помощью и при поддержке империалистических держав и прежде всего США. Одним из проявлений внешнеполитической экспансии Германии явилась активная колониальная политика в период Веймарской республики. Однако если германские империалисты добились ревизии ряда положений Версальского договора, то в вопросе о колониях это им не удалось из-за противодействия западных держав.

Особенно активно германские монополии пытались утвердиться в Китае. После войны Германия потеряла в Китае колонию Цзяочжоу; кроме того, вследствие изменений, происшедших в результате первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции, она вынуждена была придать иную форму своим отношениям с Китаем. По «германо-китайским соглашениям о восстановлении мира» от 1 июля 1921 г.² Германия отказалась от всех особых прав

¹ При исследовании этого вопроса автор опирался в основном на еще не опубликованные материалы из Германского центрального архива в Потсдаме (Deutsches Zentral — Archiv Potsdam, далее — ГЦА), преимущественно из фонда документов «Германская миссия в Китае», а также из Германского центрального архива в Мерзебурге (далее — ГЦА, Мерзебург).

² «Reichsgesetzblatt». Т. II. Berlin. 1921, S. 830—838.

в Китае, в частности от консульской юрисдикции, то есть от того института, который служил важной опорой колониальной политики империалистических держав в этой стране. Германские империалисты пошли на этот шаг в надежде, что в будущем они смогут вернуть себе прежние позиции в Китае. Несмотря на «германо-китайские соглашения», германское правительство продолжало проводить по отношению к Китаю империалистическую, колониальную политику прежде всего в форме экономической экспансии. Заключив 17 августа 1928 г.³ торговое соглашение с Китаем, германское правительство официально признало режим Чан Кай-ши в Нанкине. Объем торговли между обоими государствами был немалым⁴, и Германия стремилась его еще больше увеличить. «Ввиду того, что наши прочие экспортные возможности сокращаются,— сообщала германская миссия в Китае,— Китай с его огромными потребностями и его относительно низкими таможенными барьерами останется в будущем важным фактором нашей торговой политики... Нашу главную задачу мы должны, однако, в настоящее время видеть в том, чтобы подготовить почву для использования этих будущих возможностей»⁵.

Главная цель, которую преследовали германские империалисты, заключалась не столько в расширении внешней торговли с Китаем, сколько во всестороннем проникновении в китайскую экономику (строительство промышленных объектов и т. п.). Для этого в 1930 г. в Китай была послана исследовательская комиссия имперского союза германской промышленности, в которую входили видные представители и специалисты определенных отраслей промышленности⁶. Опубликованный в ноябре 1930 г. доклад этой комиссии содержал подробный анализ экономического положения Китая⁷.

Вскоре после этого, в январе 1931 г., было основано общество по изучению Китая⁸, в первом отчете которого перечислялись его задачи: «Мы посвятили себя исключительно разработке отдельных крупных планов развития или планов индустриализации. Не имея возможности входить в подробности, мы можем здесь между прочим указать на переговоры о строительстве железнодорожных линий, о проектировании судов, о реорганизации судоходства и сооружении электростанций. При рассмотрении всех этих планов мы стремились объединить для совместной работы предприятия и отрасли промышленности,

³ 21 января 1929 г. договор вступил в силу («Reichsgesetzblatt», Т. II. 1929, S. 79); подробнее об этом см. W. Röser. Deutsch-Chinesische Wirtschaftsbeziehungen. Bückeburg. 1935.

⁴ В 1931 г. в Китае было 340 германских торговых фирм и постоянно проживали 3 444 германских подданных. Стоимость экспорта из Германии в Китай достигла в 1931 г. 141,7 млн. германских марок. Импорт в Германию из Китая в том же году составил 215 млн. германских марок. В 1931 г. Германия в общей торговле Китая шла впереди Франции, занимая четвертое место, после США, Японии и Англии, хотя в ценностном отношении доля трех главных стран в два—четыре раза превышала долю Германии. Подробнее об этом см.: ГЦА, ф. «Министерство иностранных дел», док. 66804, л. 47/48 (регистр); там же, ф. «Германская миссия в Китае», док. 2207 — «Внешняя торговля Китая в 1931 году»; ГЦА, Мерзебург, ф. «Прусское министерство торговли и ремесел», стеллаж 120, СХІІІ, 18, № 15, т. 6 — «Маньчжурия и германские торговые интересы».

⁵ ГЦА, ф. «Германская миссия в Китае», док. 3885, л. 141 (регистр).

⁶ В эту комиссию входили: Г. Ретцман (член президиума имперского союза германской промышленности, член имперского экономического совета) — руководитель комиссии; проф. Г. Деттмар (Высшая техническая школа в Ганновере); К. Вендт (с 1913 г. до 1925 г. старший технический руководитель всех заводов Круппа, член наблюдательных советов крупных промышленных компаний) (см. ГЦА, ф. «Германская миссия в Китае», док. 3883, лл. 1—5, 8; док. 3886, лл. 6, 7).

⁷ «Veröffentlichungen des Reichsverbandes der Deutschen Industrie», XI. 1930, № 57.

⁸ В правление общества входили: А. Фровейн — председатель (член президиума имперского союза германской промышленности), Якоби (Дармштадтский и Национальный банк), К. Гервин (Стальной концерн) (ГЦА, ф. «Имперское министерство хозяйства», док. 2591/2, лл. 36, 40).

о которых идет речь, и исключить конкуренцию германских фирм между собой»⁹.

Намеченные мероприятия свидетельствовали о том, что при данных обстоятельствах германские империалисты вынуждены были применять новые методы для достижения своих целей в Китае.

Совершенно иначе господствующие круги Германии расценивали свои политические и экономические¹⁰ отношения с Японией. Быстрое усиление японского империализма в результате первой мировой войны и его растущая агрессивность на Дальнем Востоке представлялись германским империалистам в известной степени поучительными, поскольку показывали, как можно бесцеремонно укреплять свои позиции. Тот факт, что японские империалисты при осуществлении своих планов должны были вести постоянную борьбу с другими великими державами и прежде всего с США, позволял реакционным кругам Германии считать, что в лице Японии они нашли союзника, который поддержит их реваншистскую политику. Журнал «Ostasiatische Rundschau»¹¹ писал: «У Германии нет никакого повода противопоставлять себя Японии. Разве поддержка Японией германского требования равноправия не дает желанного повода для того, чтобы перестроить германо-японские отношения в духе тесного сотрудничества?»¹².

Таким образом, уже в 20-е годы было положено начало тем тесным отношениям, которые позже привели к образованию фашистской оси Берлин — Токио.

Японо-китайский конфликт, начавшийся 18 сентября 1931 г. вторжением японских войск в северо-восточные провинции Китая и обстрелом Мукдена, был наглой попыткой колониального порабощения страны. По требованию китайского представителя Лига наций в конце сентября рассмотрела вопрос о японской агрессии.

С самого начала конфликта Германия старалась доказать, что она придерживается строгого нейтралитета. Орган германской тяжелой индустрии газета «Deutsche Allgemeine Zeitung», близкая к МИД, писала: «...позиция германского правительства ясна, она не может быть никакой другой, кроме как позицией строгого нейтралитета и крайней сдержанности»¹³. Эта якобы нейтральная позиция должна была служить прикрытием действительных целей Германии в Китае. Одновременно Германия надеялась переложить ответственность за решения Лиги наций на остальные империалистические великие державы.

Германия вынуждена была определить свою позицию прежде всего потому, что правительство Чан Кай-ши, несмотря на свою политику непротivления по отношению к агрессору, пыталось приобрести союзников как против Японии, так и против империалистических западных держав и США. Между прочим, китайское правительство обратилось за помощью также к германскому правительству. В самом начале дебатов в Лиге наций по поводу японской агрессии германская миссия в Китае довела до сведения министерства иностранных дел Германии просьбу китайского министра иностранных дел о поддержке в Женеве:

⁹ ГЦА, ф. «Германская миссия в Китае», док. 1569.

¹⁰ О германо-японском торговом соглашении от 17 апреля 1927 г. см. «Reichsgesetzblatt». T. III. 1927, S. 371; R. Kiehl. Die Entwicklung der handelspolitischen Beziehungen zwischen Deutschland und Japan bis zum Jahre 1938. Dresden. 1943; E. Kiehl. Die handelspolitischen Beziehungen zwischen Deutschland und Japan in der Nachkriegszeit. Münster i. W. 1934.

¹¹ Гамбургский журнал «Ostasiatische Rundschau» помещал на своих страницах материалы по общим вопросам, а также по вопросам политики, экономики и культуры в Юго-Восточной Азии.

¹² «Ostasiatische Rundschau», 1933, № 3, S. 50.

¹³ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 31.I.1932.

«Ссылаясь на дружественные отношения, министр иностранных дел просит германское правительство энергично поддержать относящиеся к этому шаги китайского представителя в Женеве»¹⁴.

Однако германское правительство и не думало выполнять эту просьбу; напротив, оно дало своей делегации в Женеве и миссии в Пекине указание о том, что в связи с японо-китайским конфликтом необходимо соблюдать величайшую сдержанность и не поддерживать образующийся антияпонский фронт, а также избегать каких-либо высказываний о позиции Германии¹⁵.

Эти инструкции ясно показывают истинную позицию германского правительства. И Германия и Лига наций отвергли просьбу китайского правительства о поддержке. В Женеве германская делегация заняла прояпонскую позицию. От германского посланника в Китае Траутманна китайское правительство узнало, что Германия «не может сделать ничего существенного для восстановления мира и прекращения японского нападения», так как «у нее нет силы, и поэтому она должна занять нейтральную позицию»¹⁶.

В связи с тем, что Лига наций создала комиссию Литтона¹⁷ для расследования японо-китайского конфликта, германским империалистам стало значительно труднее афишировать свою якобы нейтральную позицию по отношению к Китаю. Германия была представлена в этой комиссии доктором Шнее, занимавшим ранее пост губернатора «Германской Восточной Африки» — бывшей колонии германского империализма. Шнее получил подробные инструкции, которые были препровождены германскому посланнику в Китае в секретном письме руководителя отдела министерства иностранных дел Шёна: «Я прошу указать Его Превосходительству Шнее на то, что не в германских интересах проявлять в комиссии какую-либо инициативу с нашей стороны и выступать с предложениями о будущем решении маньчжурской проблемы... то, что будет происходить в комиссии, никогда не останется тайной, и возможные предложения будут лишь отклоняться, будь то китайцами или японцами, и будут ставить нас в нежелательное положение. По этой причине я настоятельно прошу Вас побудить Шнее к крайней сдержанности; всякую инициативу следует предоставить членам комиссии»¹⁸.

Эти инструкции позволяют дать правильную оценку политике германского правительства. В то время как указания, посылавшиеся ранее германской делегации в Лиге наций, носили явно прояпонский характер, секретное письмо выдержано в гораздо более осторожном тоне. Это объясняется тем, что в начале конфликта японские агрессоры пользовались поддержкой западных держав, и тем самым прояпонская позиция германских империалистов совпадала с позицией великих держав. В дальнейшем, вследствие того что японские милитаристы затронули интересы империалистических держав в Китае, противоречия между ними резко обострились. В ходе бесконечных переговоров США и Англия, делая вначале японским захватчикам компромиссные предложения с целью направить их против Советского Союза, затем, во время работы комиссии Литтона, заняли более жесткую позицию по отношению к Японии.

¹⁴ ГИА, ф. «Германская миссия в Китае», док. 3195, телеграмма Нанкин — Берлин от 21 сентября 1931 года.

¹⁵ Там же, док. 3185, радиограмма министерства иностранных дел миссии в Пекине от 24 сентября 1931 года.

¹⁶ Там же, ф. «Наследие Траутманна», т. 12, стр. 182.

¹⁷ Решение Совета Лиги наций от 10 декабря 1931 г. о посылке в Маньчжурию комиссии из пяти человек под руководством англичанина Литтона с тем, чтобы она на месте выяснила причины японо-китайского конфликта.

¹⁸ ГЦА, ф. «Наследие Траутманна», т. 15, л. 370.

Так как Германия не располагала так называемыми сферами влияния в Китае, а только собиралась их получить, японское вторжение в Центральную Азию не вызывало у нее неудовольствия. Напротив, она рассчитывала извлечь из нового передела Китая реальные преимущества для укрепления своих позиций в этой стране. Германские империалисты надеялись, что японская интервенция приведет к ликвидации или сокращению англо-американского и росту японского влияния в Китае и что в результате они получают такие возможности, которые им никогда не даст конкурентная борьба на китайском рынке, проводимая с помощью одних экономических средств. Германский посол в Токио писал в министерство иностранных дел: мы должны учитывать, «что в грядущие тяжелые годы мы можем ожидать от благодарной за нашу позицию Японии добрых услуг, в то время как Китай в политическом отношении ничего не может нам дать»¹⁹.

Поддержать Японию и с ее помощью укрепить свои позиции в Китае — такова была тактика германских монополий, направленная против интересов Китая, против интересов китайского народа.

В связи с образованием Маньчжоу-Го Шнее «совершенно доверительно» говорил германскому посланнику в Китае: «В Маньчжурии нет нигде самостоятельного, уходящего корнями в народ движения за новое государство. Новое государство создано японцами силой и будет существовать только благодаря поддержке японцев... Сопротивление в стране чувствуется всюду»²⁰. Тем самым он признал, что японские милитаристы повинны в агрессии против Китая и что они, применив грубую силу, отторгли от китайского государства часть его территории. Империалистическая Германия поддерживала японских агрессоров, втайне надеясь вместе с другими империалистическими державами на то, что японская агрессия в Китае впоследствии приведет Японию к конфликту с Советским Союзом.

Именно этой антикитайской и антисоветской цели в конечном счете служил доклад Литтона. Согласно предложению комиссии, «суверенитет» Китая в отношении Маньчжурии сохранялся, причем Маньчжурия должна была получить гарантированную империалистическими державами автономию. Фактически речь шла об установлении для Маньчжурии режима международного протектората в целях обеспечения интересов империалистических стран. Доклад Литтона был не чем иным, как коллективным санкционированием японской агрессии, соединенным с призывом к тому, чтобы совместно руководить всеми дальнейшими действиями, направленными против Советского Союза и революционного движения в Китае. В этом смысле доклад может рассцениваться как империалистическое компромиссное предложение; в нем признавались требования Японии и одновременно предусматривалось создание общего фронта против освободительного движения китайского народа и первого в мире социалистического государства. Под этим глубоко антисоветским и колониалистским документом Шнее поставил свою подпись от имени германского правительства.

Прояпонская политика германского правительства в период японской агрессии в Китае полностью соответствовала классовым интересам германской буржуазии, которая увидела в длительном и широком движении бойкота японских товаров в Китае благоприятную возможность для увеличения объема своей внешней торговли. Перед началом вооруженной антияпонской борьбы китайского народа под руководством его Коммунистической партии антияпонское движение бойкота было одним из важных событий в борьбе против агрессоров. Это массовое движение приняло в те годы небывалый размах и причиняло

¹⁹ Там же, т. 11, л. 62.

²⁰ Там же, т. 14, л. 81.

японским империалистам значительный экономический ущерб. Даже в тех областях, которые пострадали тогда от больших наводнений, движение бойкота не ослабевало. Директор торгового отдела министерства иностранных дел Японии Такетоми в беседе с одним из сотрудников германского посольства следующим образом оценил бойкот японских товаров в Китае: «Я настроен очень пессимистически, более пессимистически, чем когда бы то ни было. К нынешнему бойкоту надо относиться очень серьезно. По моему мнению, он будет продолжаться по крайней мере полтора-два года»²¹.

По германским подсчетам, общий годовой ущерб, нанесенный Японии в результате движения бойкота в Китае, достигал 125 млн. иен²². Бойкот распространился, по существу, на все товары, ввозившиеся в Китай из Японии. В связи с этим появился спрос на изделия из других стран. По мнению германских экономических кругов, «германская промышленность, работающая на экспорт, получила возможность заполнить дешевыми германскими товарами эту брешь, внезапно появившуюся в снабжении китайских масс»²³.

Как можно заключить из экономических докладов отдельных германских представительств в Китае, германские монополии действительно использовали эти возможности. Во многих случаях китайское население из патриотических соображений вместо японских товаров покупало именно германские. Данные, содержащиеся, например, в «Тяньцзиньском экономическом докладе», говорят об абсолютном росте импорта из Германии. Если в 1930 г. в Китай было ввезено германских товаров на 5 705 876 млн. таможенных лан, то в 1931 г. эта сумма возросла до 8 641 838 млн. таможенных лан²⁴. Импорт из Японии, наоборот, уменьшился. Что касается импорта из Англии и Франции, то он увеличился незначительно²⁵. Несмотря на мировой экономический кризис, сообщали составители доклада, «Германия в 1931 г. удержала свою долю, даже увеличила ее...»²⁶.

В условиях всеобщего упадка мировой торговли во время мирового экономического кризиса, германский экспорт в Китай по сравнению с экспортом из других стран имел тенденцию к увеличению. В одной из записок, посвященных анализу «культурных и экономических отношений с Китаем под влиянием маньчжурского кризиса», указывалось, что в 1931 г. наряду с Японией все страны, являвшиеся крупными экспортерами в торговле с Китаем, понесли чувствительные потери; экспорт США в Китай уменьшился, например, на 31 %, в то время как объем внешней торговли империалистической Германии с Китаем уменьшился лишь на 5,2%²⁷. В 1932—1933 гг. германские монополии смогли добиться новых успехов. По данным имперского министерства экономики, торговля между Германией и Китаем выросла в 1932 г. по сравнению с 1931 г. более чем на 15 млн. марок²⁸. Расширение германской торговли с Китаем подрывало позиции не только японских, но в значительной степени также американских и английских экспортеров. В упоминавшемся уже докладе об экономических отношениях Германии с Ки-

²¹ ГЦА, Мерзебург, ф. «Прусское министерство торговли и ремесел», стеллаж 120, CXIII, 18, № 7, т. 21, стр. 2—3.

²² Там же, стр. 8.

²³ Там же, стр. 6.

²⁴ ГЦА, ф. «Германская миссия в Китае», док. 843, л. 62 — «Тяньцзиньский экономический доклад за 1931 г.».

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ См. «Deutschlands Kultur- und Wirtschaftsbeziehungen zu China unter dem Einfluss der mandschurischen Krise» (далее — «Deutschlands Kultur- und Wirtschaftsbeziehungen...»). Mitteilungen der Industrie und Handelskammer. Berlin. Heft I. 1932. S. 7.

²⁸ «Übersicht über den Stand der wirtschaftlichen Beziehungen Deutschlands im Jahre 1932». Berlin. 1933, S. 15.

таем говорится: «Германская экспортная торговля на китайском рынке имеет тенденцию к вытеснению в равной степени Англии, Америки и Японии»²⁹.

Перед Германией, которая стояла на четвертом месте в торговле с Китаем и значительно отставала от указанных трех держав, открывались благоприятные внешнеторговые перспективы³⁰.

Эксплуатация народных масс Китая германскими империалистами возрастала. Однако Германия стремилась к тому, чтобы и после окончания конфликта сохранить возможность сбывать свои товары в Китай. Германские промышленники и финансисты считали, что «эти позиции, завоеванные в борьбе с японской промышленностью, работающей на экспорт, должны быть удержаны и после установления нормальных отношений между Китаем и Японией путем улучшения качества поставляемых товаров»³¹. Подобные рассуждения показывают, как энергично германские империалисты намеревались использовать благоприятные возможности.

Германские империалисты смогли в те годы укрепить свои позиции в торговле с Китаем и усилить зависимость экономики страны от своих поставок. В конце 1931 г. концерн «АЭГ» получил, например, от одной китайской фирмы заказ на строительство паровой турбины для цементного завода в Таньшани, а также должен был поставить оборудование, требовавшееся для расширения электростанции в Пекине. Тяньцзиньская мукомольная промышленность получала из Германии нужные ей электромоторы, локомобили и т. д.³². По поводу этого аспекта германских интересов в «Тяньцзиньском экономическом докладе» говорится следующее: «Фарфоровая фабрика «Чин Синь» в Таньшани, работающая под германским руководством, вследствие сократившегося в последнее время в связи с конфликтом японского экспорта в Китай смогла добиться увеличения сбыта изоляторов и фарфора, предназначенного для электротехнических целей, и успешно поставляет санитарно-техническое оборудование и выполняет заказы железных дорог»³³.

В провинции Юньнань германские электростанции также смогли использовать в своих интересах невыгодную для их японских конкурентов обстановку. Официальное представительство Японии в Юньнани должно было покинуть провинцию в 1931 г.; все японские магазины в административном центре провинции были закрыты по распоряжению властей, продажа японских товаров прекращена. Работы по расширению электростанции по этим мотивам были переданы не японским фирмам, а германскому акционерному обществу «Сименс», которое в 1932 г. поставило и смонтировало первую турбину, а в 1933 г. должно было поставить еще одну³⁴. В 1932 г. начались переговоры о строительстве металлургического завода в Китае. Тринадцать фирм германской тяжелой промышленности, в том числе фирмы Круппа, Маннесмана, Тиссена и «ИГ-Фарбениндустри», изъявили готовность взять на себя поставку материалов и машин. Предварительные переговоры затянулись, правда, до лета 1933 года³⁵. В 1932 г. начались также консультации о строительстве аммиачно-сульфатного завода. Из 15 млн. марок, необходимых для этого, половину суммы должно было предоставить германское акционерное общество по производству азота³⁶.

²⁹ «Deutschlands Kultur- und Wirtschaftsbeziehungen...», S. 4.

³⁰ Ibid., S. 7.

³¹ Ibid.

³² ГЦА, ф. «Германская миссия в Китае», док. 843, л. 63 — «Тяньцзиньский экономический доклад за 1931 г.».

³³ Там же.

³⁴ Там же, док. 3771, л. 35 — «Политическое и экономическое положение в провинции Юньнань».

³⁵ См. W. Röser. Op. cit., S. 135—136.

³⁶ Ibid., S. 136—137.

В начале 1932 г. стало известно о договоре между концерном «Гутэ-Хоффнунгс-Хютте» и китайским правительством о сооружении металлургического завода, стоимость которого должна была составить 16—20 млн. золотых долларов³⁷.

Приступая к осуществлению таких дорогостоящих проектов в то время, когда их собственная экономика находилась в тисках кризиса, германские монополии преследовали две цели. Во-первых, они надеялись, что вследствие обострения японо-китайского конфликта в 1932 г. их планы не привлекут к себе большого внимания остальных империалистических держав. Это открыто признается в письме германской миссии в Пекине, адресованном министерству иностранных дел. В нем говорится, что «нападение Японии на Шанхай, к счастью, не привлекло внимания к проекту «Гутэ-Хоффнунгс-Хютте», о котором сообщало агентство Рейтер»³⁸.

Во-вторых, германские монополии ни в коем случае не хотели упустить возможность на долгие годы закрепиться в Китае. «Риск, связанный с этими капиталовложениями,— пишет В. Резер,— при нынешней неясной обстановке в Китае велик. Однако на это нужно пойти с тем, чтобы... германская промышленность могла закрепиться и путем образцового выполнения подрядов на крупные промышленные объекты склонить китайцев к дальнейшему привлечению германской промышленности»³⁹.

Однако японо-китайский конфликт имел также и отрицательные последствия для германской торговли с Китаем. Нападение японских империалистов на Маньчжурию привело к быстрому уменьшению объема импортно-экспортных операций с этой частью Китая. В одном из исследований, посвященных германским торговым интересам в Маньчжурии, констатируется: «С началом китайско-японского конфликта прекратились операции с мукденским правительством. С 18 сентября 1931 г. торговля в Маньчжурии находится в упадке»⁴⁰. Это была чувствительная потеря, так как в 1930 г. ввоз соевых бобов в Германию в стоимостном выражении составлял свыше одного миллиона марок, причем Германия была «крупнейшим потребителем маньчжурских бобов»⁴¹.

В другом докладе о германских интересах в Северном Китае выражается недовольство тем, что не удалось «осуществить поставку четырех тяжелых товарных паровозов для Пекин-Суйюаньской железной дороги, а также пассажирских самолетов. В целом в связи с мукденскими событиями возник значительный ущерб»⁴².

Сокращение торговых операций остро отразилось на положении Германо-Азиатского банка, директор которого следил «с растущей озабоченностью за событиями на Дальнем Востоке»⁴³.

³⁷ ГЦА, ф. «Германская миссия в Китае», док. 3920, л. 97. В связи с этим договором сообщаются следующие подробности: «Для окончательного соглашения предусмотрены следующие главные условия: «Гутэ-Хоффнунгс-Хютте» предоставляет китайскому правительству семипроцентный заем в сумме 16—20 млн. золотых долларов, который должен быть погашен в соответствии с определенным порядком, начиная с четвертого года и кончая десятым годом. В качестве гарантии китайское правительство выдает «Гутэ-Хоффнунгс» долгосрочные облигации, которые должны приниматься к оплате китайским правительством и, в частности, китайскими банками» (там же, л. 98).

³⁸ Там же, л. 97.

³⁹ W. Röser. Op. cit., S. 137.

⁴⁰ ГЦА, Мерзебург, ф. «Прусское министерство торговли и ремесел», стеллаж 120, CXIII, № 15, т. 6, стр. 14.

⁴¹ M. Ilgner. Bericht über eine Reise nach Ostasien 1934/35. Band II, S. 259.

⁴² ГЦА, Мерзебург, ф. «Прусское министерство торговли и ремесел», стеллаж 120, CXIII, 18, № 15, т. 5, л. 15.

⁴³ «Deutsche Bank und Diskontogesellschaft» Deutsch-Asiatische Bank. Aktie № 5953/6 (Personalia). Brief von F. Urbig am 7.XI.1932 an den Direktor der Filiale Schanghai. Fotokopie des Originals befindet sich im Deutschen Wirtschaftsinstitut Berlin.

В этих условиях торгово-промышленные круги германской буржуазии не выступали безоговорочно за продолжение конфликта⁴⁴. Даже германский консул в Дайрене высказывался против образования Маньчжоу-Го, так как он опасался, «что в результате того, что все влиятельные должности в правительстве Маньчжоу-Го будут заняты японскими чиновниками, существовавший ранее свободный рынок будет ликвидирован»⁴⁵.

В то время как некоторые круги германской буржуазии высказывались за прекращение конфликта, крупные германские монополии (такие, как концерны Круппа, «ИГ-Фарбениндустри» и др.), заинтересованные в торговле с Японией, всеми средствами старались использовать конфликт в своих интересах.

При осуществлении внешней политики Германии влияние этих монополий было решающим. Как можно заключить из доклада германского посольства в Токио, озаглавленного «Будущее Маньчжурии», германские монополии, которые поддерживали тесные отношения с Японией, считали, что «с точки зрения экономической вопрос о том, окажется ли Маньчжурия в тесной связи с Японией (то есть будет оккупирована Японией.— *Р. В.*), не имеет для Германии большого значения. Принцип «открытых дверей» останется пустым словом, Япония будет претендовать на самую большую часть крупных заказов, которые, как можно предполагать, будут вначале финансироваться японскими деньгами. Но усиленная экономическая деятельность Японии в Маньчжурии вызовет в самой Японии большой спрос на заграничные товары, в частности на средства производства, так что возможные потери в прямой торговле с Маньчжурией были бы компенсированы. В конце концов Германия, как и весь мир, с экономической точки зрения заинтересована в том, чтобы по крайней мере одна часть Китая получила упорядоченное управление и развивалась как перспективный рынок, невзирая на то, что прямые выгоды при этом извлечет одно государство»⁴⁶.

Из этого высказывания видно, что германские монополии признавали возможным нарушение принципа «открытых дверей» японскими империалистами, однако считали это несущественным. Более важными им казались новые возможности. Старая колониалистская позиция Германии проявляется в данном случае вполне отчетливо. Для германских монополий важнее было, что из этой части Китая можно было бы извлечь соответствующие прибыли, в то время как факт японской оккупации и утрата Китаем государственного суверенитета имели для них второстепенное значение. Это еще раз разоблачало лживость тезиса о «нейтралитете» Германии. В записке германского посольства в Китае «Позиция германского экономического объединения Токио — Иокогама в отношении японо-китайского конфликта» сообщалось: «...если, напротив, Япония наведет порядок в маньчжурских провинциях, то возникнет большой массовый спрос, удовлетворение которого будет предоставлено японской промышленности. Однако германская промышленность может содействовать удовлетворению этого спроса по крайней мере в той степени, в которой она лишена этой возможности теперь»⁴⁷.

Для определенных кругов германской буржуазии в связи с японской агрессией в Китае открывался выгодный источник прибылей, связанный с тем, что резко возросли нужды японских империалистов в военных материалах, и в частности в химических продуктах. Боль-

⁴⁴ A. Wirth. Ostasien — ein Führer durch fernöstliche Probleme. Regensburg. 1934; V. Hundhausen. Schlaglichter auf China. Verlag der Pappelinsel-Werkstatt bei Peking. 1938.

⁴⁵ ГЦА, ф. «Германская миссия в Китае», док. 986, л. 9.

⁴⁶ Там же, ф. «Наследие Траутманна», т. 11, «Будущее Маньчжурии», л. 61.

⁴⁷ ГЦА, ф. «Министерство иностранных дел», док. 65405, л. 125.

шое количество этих материалов японские агрессоры получали из Германии. Значительную роль играл, например, концерн «ИГ-Фарбен-индустри», который поставлял японцам самую современную по тем временам военную продукцию, хотя при этом утверждалось, что в Японию отправляются грузы, предназначенные для гражданских целей. В брошюре П. Дитриха, изданной Коммунистической партией Германии в 1932 г., говорилось: «С некоторого времени на заводах «ИГ-Фарбен-индустри» наблюдается значительный рост производства, особенно химикалиев, которые находят применение в изготовлении взрывчатых веществ. Заводы в Хёхсте поставили до 10 февраля не менее 150 000 тонн селитры Франции, откуда она была переотправлена в Японию. Производство нитрита составляет 15 тонн в день. Нитрит, который раньше упаковывался мелкими партиями с указанием Иокогамы, крупного японского порта, теперь отправляется без всякого указания места назначения. Это делается для того, чтобы не привлекать внимания рабочих к грузам взрывчатых веществ»⁴⁸.

Эти цифры ясно говорят о размерах германских поставок японским агрессорам. О том, что поставки носили регулярный характер, видно из материалов газет «Die Rote Fahne» и «Der Klassenkampf», издававшихся КПГ, которые, особенно в 1932 г. почти ежедневно — благодаря бдительности рабочих, — могли сообщать о таких фактах. 24 февраля 1932 г. «Der Klassenkampf» опубликовала накладную, свидетельствующую об отправке 21 вагона аммиака (по 15 тонн в каждом) из Лейна в Иокогаму⁴⁹. Далее газета писала: «На заводе в Грисгейме вчера было установлено, что в Кобе были отправлены три платформы магния. Следовательно, речь идет о явном военном материале. Магний применяется для изготовления трассирующих пуль и ручных гранат... На заводе царило большое возбуждение, так как стало ясно, что заводы в Грисгейме поставляют военный материал японскому империализму»⁵⁰.

На отдельных заводах дело дошло до перестройки производства для выпуска военной продукции (вновь были пущены закрытые ранее цехи, сокращены сроки изготовления пороха, введены дневные и ночные смены); на заводах в Грисгейме в течение короткого времени были полностью исчерпаны запасы солей⁵¹, служащих для изготовления взрывчатых веществ. Выпуск военной продукции ускорился после того, как в середине марта 1932 г. заводы в Лейне посетила военная комиссия, состоявшая из офицеров рейхсвера и японских военных. Вскоре после этого в некоторых цехах были установлены новые машины с целью быстрого увеличения производства военных материалов⁵².

Несколько ранее «Die Rote Fahne» сообщала: «28 февраля 1932 г. из Лейна в Гамбург-южный отправлено 27 вагонов — в них находился аммиак. Их содержимое было погружено на пароход «Рур», принадлежащий компании «Хапаг». Место назначения: Кобе. На пароход «Тамер Мару» было погружено не менее 96 вагонов аммиака. Согласно накладным, места назначения — японские порты Кобе и Хакау»⁵³.

Ни одна буржуазная газета в Германии не пожелала опубликовать эти факты. Несомненной заслугой органов коммунистической печати является то, что они сообщили германскому народу правду; публиковавшиеся ими сведения, почерпнутые из документов и сообщений рабочих корреспондентов, разоблачали махинации концерна «ИГ-Фарбен-индустри», теснейшим образом связанного с империалистами США и

⁴⁸ P. Dietrich. Krieg in China. Hamburg-Berlin. 1932. S. 14.

⁴⁹ «Der Klassenkampf» («Классовая борьба») — коммунистическая газета округа Галле-Мерзебург. 24 февраля 1932 г., стр. 5.

⁵⁰ Там же, 28 февраля 1932 г., стр. 5.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, 21 марта 1932 г., приложение.

⁵³ «Die Rote Fahne», 1 марта 1932 года.

оказывавшего решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Германии.

Наряду с военными материалами японские агрессоры получали из Германии также оружие. Из Гамбурга в эти дни пришло сообщение, что по пути в Японию находится буксирный пароход «Альфред Нобель» с грузом, состоящим из 2 250 тыс. патронов, которые были изготовлены на заводе взрывчатых веществ в Геештахте⁵⁴, принадлежащем акционерному обществу «Крюммель». Германские империалисты поставляли в Японию минометы, которые изготавливались на заводе «Пинч» в Фюрстенвальде. Берлинский филиал этого завода производил для Японии регуляторы и зажимы для торпед, запускаемых с подводных лодок, а также запалы для гранат⁵⁵. В этой сделке участвовал также ряд других берлинских предприятий. Принадлежащий концерну «АЭГ» завод «Кабельверк-Обершпрее» поставлял полевые телефоны и кабель, а предприятие «Германия-Рейниккендорф» изготовляло по японскому заказу пулеметные замки⁵⁶.

Ряду других германских фирм также удалось получить выгодные заказы от японских организаций. На заводах Даймлер-Бенц производились санитарные автомобили⁵⁷; специальные германские заводы в Неймюнстере, работая в три смены, изготавливали военное сукно для Японии⁵⁸; химическая фабрика в Бейерсдорфе получила заказы на поставку перевязочных материалов для Японии⁵⁹.

Немецкие транспортные суда перевозили в Японию военные материалы из других стран. Например, чешские фирмы (прежде всего заводы Шкода) отправляли военные материалы по Эльбе через Германию в Гамбург. Отсюда грузы морским путем направлялись в Японию. Не только чешские, но и все северогерманские заводы отправляли свои грузы в Гамбург; гамбургский порт стал крупнейшим перевалочным пунктом в Европе, откуда производились отправки военных материалов в Японию. Одновременно «по германским железным дорогам шли из Чехословакии в Гамбург для отправки в Японию боеприпасы, гранаты и снаряды с ядовитыми газами, а в Гамбурге судоходные компании баснословно наживались на перевозках военного снаряжения в Японию»⁶⁰.

Несмотря на все заверения гамбургских судовых компаний в том, что им даны указания не производить подобных перевозок⁶¹, большая часть германского тоннажа использовалась для транспортировки военных грузов. Этим особенно активно занималась гамбургская судоходная компания «Риккмерс». Интересно отметить, что страховые ставки для торговых судов, направлявшихся в Тихий океан, повысились на 2000%⁶². «Die Rote Fahne» разоблачила эти махинации и привела многочисленные примеры, доказывающие соучастие германских монополий в японо-китайском конфликте на стороне Японии. Если учесть количество грузов, которые ежедневно перевозились германскими железными дорогами, автомобилями и судами, то станет ясно, какие огромные суммы текли в карманы причастных к этому германских капиталистов. Они действовали по принципу: «Чем больше разрывается гранат, бомб и чем больше гибнет рабочих и крестьян в Китае, тем выше прибыли»⁶³.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, 3 марта 1932 года.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, 10 февраля 1932 года.

⁵⁸ Там же, 23 февраля 1932 года.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, 23 февраля 1932 г.; см. также P. Dietrich. Op. cit., S. 14.

⁶¹ См., например, передовую статью журнала «Ostasiatische Rundschau», 1932, № 1.

⁶² См. «Мир вползает в новую империалистическую мировую войну». «Коммунистический Интернационал», 1932, № 3, стр. 177.

⁶³ P. Dietrich. Op. cit., S. 14.

Приведенный краткий обзор поставок оружия из Германии в Японию подтверждает выводы В. Д. Кульбакина⁶⁴ о том, что в последний период Веймарской республики многие заводы в Германии были заняты производством военных материалов. Во время японской агрессии в Китае еще более расширился круг тех германских капиталистов, которые участвовали в торговле оружием. Для них, особенно для «ИГ-Фарбениндурии» и гамбургских судовладельцев, война в Китае означала выгодные операции; поэтому они стремились к расширению конфликта.

В этой связи чрезвычайно красноречивы отдельные выступления буржуазной печати. «Deutsche Allgemeine Zeitung» 18 марта 1932 г. в статье, посвященной войне против Китая и ценам на мировом рынке, с явным сожалением констатировала, что «в противоположность привычным явлениям, наблюдавшимся ранее при военных событиях, сейчас не последовало значительного повышения цен на нефтепродукты, шелк-сырец, камфару и на изделия из железа и стали». Газета финансистов «Berliner Börsen Berichte» откровенно поведала о имеющихся на этот счет «заботах» германских финансовых кругов: «Если бои будут и в дальнейшем ограничены масштабом нынешних операций, то это не вызовет массового расхода военных материалов... Они широко расходуются только тогда, когда на фронте большей протяженности, как это было в свое время во Франции, в течение длительного времени энергично ведется огонь»⁶⁵. Вывод, который надлежало сделать из этого, напрашивался сам собой, и газета биржевиков совершенно откровенно изложила его: «По всем этим данным точка зрения, что имеются основания ожидать повышения цен, несколько наивна, во всяком случае, пока конфликт ограничивается Японией и Китаем»⁶⁶.

Таким образом, Германия продемонстрировала явное желание расширить конфликт, что при тех обстоятельствах могло означать только войну против Советского Союза. Наличие тесного сотрудничества германских империалистов с японскими агрессорами стало неопровержимым фактом. Об этом свидетельствуют доверительные доклады министерства иностранных дел о секретных переговорах между представителями германского военного министерства, японским военно-морским атташе в Берлине и фирмой «Шинцингер, Хакк и К°». В результате деятельности японского всенно-морского атташе в Берлине Японии удалось договориться о крайне выгодных, довольно стабильных заказах в Германии. Например, в 1927 г. Япония разместила среди различных германских фирм заказы на 876 550 марок; в 1929 г. эта сумма возросла до 1 776 210 марок. Несмотря на мировой экономический кризис, японские военно-морские заказы росли; они не уменьшились и во время конфликта. Названные выше организации и лица были единодушны в том, что германо-японское сотрудничество следует «поддерживать и развивать»⁶⁷.

О тесном сотрудничестве германских и японских военных кругов свидетельствует также запрос, направленный торгово-промышленной палатой в Берлине прусскому министерству торговли и ремесел. В нем говорится: «В настоящее время в Европе находятся некоторые господа из японского военного министерства. Они намерены собрать некоторые предложения о поставках военных материалов... Мы были бы вам чрезвычайно благодарны, если бы вы сообщили нам несколько адресов таких заводов, которые могли бы препроводить нам свои предложения для японских господ»⁶⁸.

⁶⁴ См. В. Ку л ь б а к и н. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. М. 1954.

⁶⁵ Цит. по журналу «Der Rote Aufbau», 1932, № 7, стр. 311 и сл.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ГЦА, ф. «Министерство иностранных дел», док. 65405, л. 110 (120).

⁶⁸ ГЦА, Мерзебург, ф. «Прусское министерство торговли и ремесел», стеллаж 120, CXIII, 18, № 7, т. 22, письмо от 5 октября 1932 года.

Прусское министерство торговли и ремесел предложило торгово-промышленной палате обратиться в техническое контрольное бюро по экспорту военного снаряжения при имперском союзе германской промышленности⁶⁹.

В соответствии с основным направлением своей внешней политики германские правящие круги активно поддерживали в союзе со всеми остальными империалистическими великими державами японских агрессоров; одновременно они стремились реализовать свои экспансионистские планы подавления и ограбления китайского народа и укрепить позиции германских монополий в Китае.

Правда, Германия по сравнению с остальными великими державами имела ограниченные средства и возможности для проведения активной империалистической внешней политики. Вследствие изменений, происшедших внутри Германии и в ее международном положении, в результате первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции германские правящие круги не могли применять те методы, которыми они пользовались при завоевании Цзяочжоу⁷⁰ или при подавлении революционного движения Ихэтуань в Китае⁷¹. Поэтому они были вынуждены действовать иначе. В этом отношении как раз типична политика германского правительства во время японского вторжения в Китай в 1931—1933 гг., видоизменявшаяся от лицемерных заявлений «о нейтралитете» до прямого содействия поставкам оружия японским агрессорам. В конечном итоге политика правительства в данном вопросе определялась интересами германского империализма. В основе усилий германских монополий, направленных на возвращение своих старых позиций в Китае, несомненно, лежали попытки проникнуть в китайскую экономику. Экономические, культурные, торговые и прочие отношения были направлены на то, чтобы, используя различные противоречия и сложившуюся обстановку, экономически закрепиться в этой стране и подготовить экспансию широкого масштаба. Посылка исследовательской комиссии имперского союза германской промышленности, а также организация общества по изучению Китая представляли собой новые методы экспансии германских монополий; с их помощью германские империалисты рассчитывали расширить свое экономическое и политическое влияние в Китае. При этом они действовали в теснейшем контакте с соответствующими отделами министерства иностранных дел. В ходе событий полностью обнаружилась лживость тезиса о «строгом нейтралитете» Веймарской республики во время китайско-японского конфликта и выявились действительные цели, которые преследовали германские империалисты в то время.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Спровоцировав кровавый инцидент, Германия в 1898 г. высадила войска в Китае и принудила его к заключению «германо-китайского договора», по которому Китай отдавал Германии в аренду на 99 лет порт Цзяочжоу на южной стороне Шаньдунского полуострова.

⁷¹ Движение ихэтуаней, развернувшееся в 1900 г., было направлено против раздела и ограбления Китая. 8 государств послали свои войска в Китай для его подавления. Эти войска находились под верховным командованием германского генерал-фельдмаршала фон Вальдерзее.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР и научных советах

В АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

На общем собрании Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР, проходившем 2—3 апреля с. г. под председательством акад. М. Н. Тихомирова, были обсуждены вопросы, связанные с составлением «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». Настоящее собрание, третье, посвященное работе по составлению Сводного каталога, имело своей целью ознакомиться с тем, как ведется описание рукописей в крупнейших хранилищах страны. Были заслушаны доклады Е. Э. Гранстрем (Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина — ГПБ) «Основные черты описания византийских рукописей», А. Д. Люблинско́й (Ленинградское отделение Института истории АН СССР—ЛОИИ) «Об изучении и описании латинских рукописей», Е. Ч. Скржинско́й (ЛОИИ) «Документы из архивов североитальянских городских коммун X—XV веков (собрание западноевропейской секции архива ЛОИИ)», И. М. Кудрявцева (Государственная библиотека имени В. И. Ленина — ГБЛ) «Научное описание рукописных книг (в том числе XI—XIV вв.) в Отделе рукописей ГБЛ», Н. Н. Розова (ГПБ) «Основные особенности описания славянских рукописей на примере Кирилло-Белозерской библиотеки в Отделе рукописей ГПБ». В работе собрания приняли участие представители Государственного архивного управления при Совете Министров СССР (ГАУ), хранилищ и научных учреждений Москвы и Ленинграда, а также высших учебных заведений.

В распоряжении исследователей есть значительное число (844) печатных каталогов и описаний, сообщила Е. Э. Гранстрем. Но многие из них устарели, труднодоступны или слишком кратки; некоторые собрания вовсе не описаны. Однако в целом византийские рукописи, хранящиеся в СССР, взяты на учет. В настоящее время закончено и частично опубликовано описание византийских рукописей из ленинградских собраний. А. Д. Люблинская отметила, что имеющиеся в нашей стране латинские рукописи в большинстве своем еще не описаны. Сейчас ведется подготовка к изданию нескольких каталогов и обзоров. ГПБ опубликован обзор части французских фондов, подготовлены обзоры итальянских рукописей, а также сочинений классических авторов; готовится к изданию второй выпуск описания древних латинских рукописей VII—VIII вв.; запланирована доработка каталога латинских рукописей, составленного О. А. Добиа́ш-Рождественско́й. В ЛОИИ, продолжала А. Д. Люблинская, все латинские рукописи описаны, ведется работа над составлением каталога папских булл (желательно также осуществить описание папских булл, имеющихся в собраниях Риги, Таллина, Вильнюса и Львова). Публикация документов и связанные с ней исследования, подчеркнула Е. Ч. Скржинская, один из путей научного каталогизирования рукописей. Е. Ч. Скржинская остановилась на специфике описания документов. В ЛОИИ, сказала она, подготовлен том документов североитальянских городских коммун XIV—XV вв., готовится том, содержащий архив Падуи XIII—XV веков.

Работа по составлению Сводного каталога, сказал И. М. Кудрявцев, приведет к выявлению еще неизвестных и к уточнению датировки и местонахождения многих описанных ранее рукописей, воссоединению распавшихся собраний, коллекций и отдельных рукописей. ГБЛ начала описание древнейших русских (и славянских) рукописей (все они учтены); первая часть «Каталога древнейших рукописей» (XI—XII вв.) уже опубликована; вторая его часть (XII—XIII вв.) подготовлена к печати; заплани-

ровано продолжение этой работы (описание рукописей XIII—XIV вв.), кроме того, намечается издать обзор фондов ГБЛ, в котором будут помещены указатели: хронологический, названий всех рукописей и наиболее значительных статей из рукописных сборников и др. Далее И. М. Кудрявцев подчеркнул необходимость тщательной проверки представляемых для Сводного каталога сведений о рукописях, особенно их названий и дат. Он высказал пожелание снабдить это издание фототипиями, что может сделать каталогическое пособие по палеографии. Н. Н. Розов рассказал о методике описания славянских рукописей ГПБ (на примере рукописных книг Кирилло-Белозерской библиотеки). Древнейшие же славянские рукописи ГПБ, сообщил он, уже давно описаны.

В прениях были подняты некоторые практические вопросы. Чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская сообщила, что продолжает работу над описанием сирийских рукописей из московских собраний (каталог сирийских рукописей, хранящихся в Ленинграде, издан ею в 1960 г.), и поставила вопрос об изучении рукописей на языках, которые менее распространены (эфиопских, самаритянских и др.). А. П. Каздан (Институт истории АН СССР) высказался за составление общего каталога греческих рукописей из московских собраний, так как имеющиеся дореволюционные описания устарели. М. В. Щелкина (Государственный исторический музей) заявила, что в музее составлена картотека всех 518 хранящихся здесь византийских рукописей. А. Л. Хорошкевич (Институт истории АН СССР) обратила внимание на русские и иностранные рукописи, имеющиеся в архивах прибалтийских республик, особенно в Рижском городском архиве.

Для составления Сводного каталога, сказала З. В. Удальцова (Институт истории АН СССР), имеет большое значение создание при Археографической комиссии секции греческой и латинской палеографии. Целесообразно было бы организовать и другие такого рода секции, чтобы они направляли работу по описанию определенных групп рукописей. В. И. Малышев (Институт русской литературы АН СССР) предложил составить в помощь работникам местных хранилищ методическую памятку по описанию рукописей и старопечатных книг. В. Н. Шумилов (Центральный государственный архив древних актов) сообщил, что у них все рукописные книги описаны, имеется машинописный указатель, и отметил, что в связи с огромным количеством рукописей следует делать машинописные описи, фотокопии которых могли бы в любое время получить научные учреждения.

Все выступавшие в прениях отмечали необходимость расширения подготовки специалистов — знатоков рукописей, введения в программы всех исторических факультетов вузов курса палеографии, а также целесообразность создания при Археографической комиссии аспирантуры по русской и греческой палеографии и другим специальным дисциплинам.

Подводя итоги общего собрания, акад. М. Н. Тихомиров отметил его плодотворность для ускорения работы по составлению Сводного каталога и освоению рукописных богатств нашей страны. Он подчеркнул, что ближайшей задачей является составление краткого каталога древнейших рукописей. Это поставит дело описания громадного числа разноязычных рукописей на реальную почву. М. Н. Тихомиров поддержал предложение о создании при Археографической комиссии аспирантуры по русской, греческой и, возможно, сирийской палеографии и другим специальным дисциплинам. Кроме того, он предложил созвать совещание представителей исторических факультетов вузов и обсудить на нем вопрос о преподавании специальных исторических дисциплин.

Н. Б. Шеламанова

Научно-исследовательская работа в высшей школе

К 10-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ В СТРАНЕ ВУЗОВСКОЙ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В мае этого года на историческом факультете МГУ было отмечено десятилетие кафедры истории СССР советского периода. До 1953 г. здесь была общая кафедра отечественной истории, в составе которой специалисты по истории советского общества были объединены в секторе XX века. Такое положение не отвечало потребностям расширения преподавания и более глубокого изучения истории первого в мире социалистического общества. В научной продукции кафедры преобладали работы, посвященные проблемам дореволюционной истории, это же было характерно и для учебного процесса.

В результате проведенной в 1953 г. реорганизации были созданы четыре самостоятельные кафедры: истории СССР советского периода, истории СССР периода капитализма, истории СССР периода феодализма, источниковедения истории СССР. Так впервые в системе вузовского исторического образования была организована специальная кафедра истории советского общества.

Перед коллективом кафедры (в 1953—1958 гг. ею заведовал М. И. Стишов, а с 1959 г. — С. Ф. Найда), пополненным молодыми специалистами — выпускниками МГУ, встали многообразные задачи: разработать программу и методику преподавания общего курса истории советского общества, подготовить учебные пособия по этому курсу, расширить специализацию студентов по послеоктябрьской тематике, активно включиться в исследование наиболее актуальных проблем истории СССР эпохи социализма.

Уже в первые годы работы новой кафедры было завершено издание курса лекций по истории СССР советского периода, авторами которого являлись Э. Б. Генкина, А. А. Матюгин, С. Ф. Найда, М. И. Стишов, Б. С. Тельпуховский, О. Н. Чаадаева и др. Публикация этих лекций сыграла положительную роль в разработке общего курса истории советского общества и в подготовке стабильного учебного пособия по истории СССР эпохи социализма, изданного в 1957 году. В его создании наряду с сотрудниками Института истории АН СССР активно участвовали преподаватели кафедры (М. П. Ким, Э. Б. Генкина, Г. Н. Голиков, Ю. А. Поляков, М. И. Стишов, Д. К. Шелестов). Появление этого труда как бы подвело итоги периода становления кафедры.

К этому времени был перестроен лекционный курс, читаемый теперь на протяжении целого учебного года, значительно расширена тематика специальных курсов и специальных семинаров. Молодая кафедра активно развернула научную работу. Ею был подготовлен ряд коллективных трудов. Так, 200-летие МГУ было отмечено изданием тома по истории университета в советское время и сборника статей¹. Специальный сборник статей, а также библиографический указатель, составленный совместно с Государственной библиотекой имени В. И. Ленина, были выпущены к 40-летию Октября². Вместе с тем вышли в свет монографии, подготовленные работниками кафедры³.

¹ «История Московского университета». Т. 1, М. 1955. (В подготовке тома принимали участие Е. Н. Городецкий, В. И. Бессонова, С. П. Зиновьева, Т. А. Логунова, М. Е. Найденов, М. И. Стишов, М. И. Федорова, М. И. Хейфец, В. Ф. Шарапов); «Из истории Московского университета». Сборник статей. М. 1955.

² «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». М. 1957. (В авторский коллектив входят М. И. Стишов, Е. Н. Городецкий, М. Е. Найденов, В. З. Дробижев, В. И. Бессонова, Б. Е. Штейн); «История советского общества в воспоминаниях современников». М. 1958. (Редакторы-составители В. З. Дробижев, В. А. Дунаевский, Ю. С. Кукушкин).

³ Л. М. Папин. Крах колчаковщины и образование ДВР. М. 1957; А. М. Панфилова. История завода «Красный богатырь». М. 1957; Д. К. Шелестов. Борьба за власть Советов на Алтае. М. 1958; А. Ф. Чмыга. Очерки по истории колхозного движения на Украине. М. 1958.

Важнейшими вехами в жизни кафедры, как и в развитии всей советской исторической науки, явились решения XX и XXII съездов КПСС. Решительная борьба партии с последствиями культа личности, курс на творческое изучение проблем новейшего периода истории — все это определило необходимость перестройки и дальнейшего улучшения учебной и научной работы коллектива.

В настоящее время кафедра предполагает расширить подготовку аспирантов. Необходимо, в частности, готовить специалистов по истории Советов, общественных массовых организаций и общественного движения в СССР, по вопросам взаимоотношений СССР со странами социалистического лагеря и по ряду других важнейших проблем. Кафедра также намерена оказывать еще более широкую помощь преподавателям университетов и неединствитетов, работающим над кандидатскими и докторскими диссертациями. Главной задачей коллектива кафедры остается подготовка высококвалифицированных учителей истории для средней школы⁴. Сейчас сотрудники кафедры совместно с работниками других вузов приступили к написанию нового учебника по истории СССР эпохи социализма для исторических факультетов университетов. Составлены проспект этого учебника и новая программа курса. Члены кафедры входят также в авторские коллективы, создающие учебные пособия по историографии и источниковедению.

Решая задачи, поставленные Коммунистической партией и Советским правительством перед исторической наукой, кафедра обновила тематику спецкурсов и спецсеминаров, курсовых и дипломных работ. С 1960 г. стали разрабатываться и читаться новые специальные курсы: «Укрепление союза рабочего класса и крестьянства в послевоенный период»; «Развитие социалистической культуры в послевоенный период»; «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в послевоенный период»; «Трудовой подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны»; «Внешняя политика СССР в период назревания второй мировой войны»; «Основные проблемы гражданской войны в связи с критикой культа личности» и др. Внесены изменения и в тематику специальных семинаров. Подготовка дипломных работ ведется теперь по следующим основным направлениям: «Формирование и развитие рабочего класса СССР», «История социалистического сельского хозяйства и колхозного крестьянства», «Местные Советы в период развернутого строительства коммунистического общества», «Организация управления промышленностью в СССР», «Трудовые подвиги рабочего класса в СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период», «Большевистское подполье и партизанское движение в годы Великой Отечественной войны», «Внешняя политика СССР», «Культурное строительство в СССР». Актуализация тематики дипломных работ позволила организовать защиту некоторых из них непосредственно на предприятиях, истории которых эти работы были посвящены. Выездные заседания кафедры проходили, как правило, успешно. В текущем году ряд дипломных работ защищен на заводе «Серп и молот», в подмосковных колхозах и совхозах. Рабочие и колхозники с интересом выслушивали доклады дипломантов и принимали активное участие в их обсуждении.

Важным стимулом привлечения студентов к научной деятельности является публикация их лучших работ. Кафедра подготовила к изданию сборник студенческих работ «Из истории рабочего класса СССР». Ряд исследований студентов опубликован в журналах⁵.

В учебной работе кафедры есть и значительные недостатки: до сих пор не завершена перестройка общего курса истории СССР советского периода с целью выделения в нем наиболее важных проблем, не до конца продумано распределение в учебном плане специальных дисциплин, медленно удовлетворяются запросы студентов и особенно заочников в учебно-методических пособиях и т. д.

В области научной работы кафедра по-прежнему придает большое значение созданию коллективных трудов. В 1960 г. ею был подготовлен сборник статей к

⁴ За 10 лет кафедрой выпущено 534 студента и окончило аспирантуру более 40 человек.

⁵ Например, В. В. Гришаев. Создание волостных Советов крестьянских депутатов (ноябрь 1917—май 1918 г.); Т. К. Козлова. Значение I Всероссийского съезда совнархозов для хозяйственного строительства в Поволжье в 1917—1918 гг. «Вестник МГУ». 1957, № 1.

90-летию со дня рождения В. И. Ленина⁶. Он получил положительную оценку общественности и был удостоен Ломоносовской премии. Наряду с созданием коллективных трудов преподаватели кафедры исследуют отдельные проблемы отечественной истории⁷. Над изучением истории рабочего класса и развития социалистической промышленности работают А. П. Алексашенко, Б. Г. Верховень, И. М. Волков, В. З. Дробижев, Н. С. Мутовкин, А. М. Панфилова. Значительная часть преподавателей (Ю. С. Кукушкин, Ю. А. Мошков, А. Ф. Чмыга и др.) исследует историю советского крестьянства и социалистического сельского хозяйства. Т. А. Логунова разрабатывает историю партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Большую работу по изучению истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны ведут С. Ф. Найда, М. Е. Найденов, В. П. Наумов, М. И. Стишов и др.

План научно-исследовательской работы кафедры предусматривает изучение истории Советов и общественных организаций в СССР; истории советского рабочего класса, его героического труда, основных этапов индустриализации страны; истории советского крестьянства, социалистического переустройства сельского хозяйства и его развития на современном этапе; истории социалистической интеллигенции и культурного строительства. Преподаватели, занимающиеся разработкой каждой из этих проблем, объединены в творческие группы. Кафедра наметила издание сборников статей к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Ее работники принимают также участие в подготовке межкафедральных сборников, приуроченных к этим юбилеям. К 1967 г. готовится издание ряда книг, раскрывающих основные закономерности социалистического и коммунистического строительства в СССР.

В научной работе кафедры имеются и недостатки. Пока не подготовлено ни одной крупной исследовательской монографии по истории СССР послевоенного периода. Некоторые просчеты были допущены и в планировании научной работы (распыление сил по многочисленным объектам). Публикация выполненных работ сильно затягивается. Усложняет, а порой и срывает выполнение планов научной работы учебная перегрузка. Кроме того, некоторые виды работ (внешнее рецензирование, руководство прикрепленными аспирантами и т. д.) вообще не включаются в нагрузку.

Требуют дальнейшего совершенствования организация и особенно координация научных исследований кафедр истории СССР различных вузов и академических учреждений. За последние годы кафедра укрепила свои связи с рядом научных институтов и высших учебных заведений страны. Ее работники оказывают регулярную помощь многим ученым в подготовке к защите кандидатских и докторских диссертаций, рецензируя и обсуждая их труды. Члены кафедры принимают активное участие в научных сессиях и конференциях по различным проблемам отечественной истории, в написании ряда многотомных изданий, читают лекции для учителей и т. д.

Итоги десятилетней работы одной из первых в нашей стране специальных кафедр истории советского общества убедительно показывают, что создание такой кафедры вполне себя оправдало.

С. Ф. Найда, Л. М. Папин

⁶ «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина». Сб. статей. М. 1960. Авторы: В. И. Бессонова, Е. Н. Городецкий, В. З. Дробижев, В. В. Кузин, Ю. С. Кукушкин, М. Е. Найденов, Ю. А. Поляков, А. Ф. Чмыга, Д. К. Шелестов.

⁷ За последние два года преподаватели кафедры опубликовали десятки научных статей. Кроме того, вышли книги, написанные по плану научной работы кафедры (Д. К. Шелестов *Девятнадцатый год*. М. 1961; Ю. С. Кукушкин. *Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни*. М. 1962; М. И. Стишов. *Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири*. М. 1962).

Обзоры и рецензии

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Огромный интерес народов Азии и Африки к опыту экономического и культурного строительства советских республик Средней Азии и Казахстана серьезно тревожит империалистическую буржуазию, и она все чаще прибегает к фальсификации, стремясь опорочить достижения народов советского Востока. Важную роль в разоблачении апологетов империализма должны сыграть историки союзных республик. Примечательным событием в этом отношении является выход в свет книг Х. Ш. Иноятова, К. Н. Новоселова и А. Б. Турсунбаева¹. Авторы предприняли попытку вскрыть основные направления, по которым идет фальсификация истории республик Средней Азии и Казахстана, и дать отпор клевете, распространяемой реакционными буржуазными историками.

Достоинство книг заключается прежде всего в том, что это, по существу, первые обобщающие работы, направленные против фальсификаторов истории Средней Азии и Казахстана. Все три книги содержат научную критику сочинений ряда буржуазных историков и написаны на основе изучения ряда материалов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, архивов республик Средней Азии и Казахстана (ЦГАОР УзССР, ЦГАОР КазССР, ЦГА ТССР и др.), а также документальных сборников и прессы. К сожалению, авторы недостаточно использовали материалы Турккомиссии, Туркбюро и Средазбюро ЦК РКП(б), хранящиеся в ЦПА ИМЛ и очень важные с точки зрения разоблачения измышлений буржуазной пропаганды. В своих книгах

они опираются также на исследования советских ученых по истории Средней Азии и Казахстана. Однако от авторов следовало бы ожидать не только умелого обобщения уже накопленного и опубликованного материала и противопоставления его писаниям фальсификаторов истории, но и привлечения новых фактов, не введенных еще в научный оборот. К сожалению, таких фактов приведено все же сравнительно мало.

В той или иной форме и степени авторы рассматривают конкретное содержание работ зарубежных историков О. Кэроу, Дж. Уилера, У. Коларза, Р. Пайпса, Ч. Хостлера, А. Парка и многих других и характеризуют применяемые последними методы фальсификации истории. Во всех трех книгах подчеркивается, что беззастенчивое искажение исторической действительности реакционными буржуазными историками ведет к тому, что они не могут создать подлинно научных исследований. Если у них и возникают трудности, то эти трудности заключаются вовсе не в сложности избираемой темы, а в том, как доказать недоказуемый тезис о существующем якобы в Советском Союзе угнетении и порабощении народов Средней Азии и Казахстана. Нельзя не согласиться и с обоснованным Х. Ш. Иноятовым, К. Н. Новоселовым и А. Б. Турсунбаевым выводом о том, что цель, которую ставят перед собою фальсификаторы, определяет и выбор источников. Это прежде всего мемуары непосредственных организаторов шпионажа и антисоветских заговоров и всевозможные пасквили, исходящие из контрреволюционного националистического лагеря.

В настоящее время, пожалуй, нет ни одной значительной проблемы истории Средней Азии и Казахстана, которую в буржуазной литературе не пытались бы фальсифицировать в тех или иных формах. Автор каждой из рецензируемых книг, конечно, не претендует на исчерпывающее освещение всех проблем, связанных с разоблачением буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии и Казахстана. Но в книгах правильно определены основные направления критического разбора буржуазных работ, а именно разоблачение из-

¹ Х. Ш. Иноятов. *Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана*. Госиздат. УзССР. Ташкент. 1962. Тираж 5 000. 199 стр. Цена 50 коп.

К. Н. Новоселов. *Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии*. Туркменское государственное изд-во. Ашхабад. 1962. Тираж 3 000. 319 стр. Цена 45 коп.

А. Б. Турсунбаев. *Против буржуазной фальсификации истории Казахстана*. Казахское государственное изд-во. Алма-Ата. 1963. Тираж 4 100. 112 стр. Цена 13 коп.

вращений марксистско-ленинского учения о возможности некапиталистического пути развития некоторых народов, характера Великой Октябрьской социалистической революции, политики партии в области национально-государственного строительства, борьбы партии за социалистическое преобразование республик советского Востока.

О. Кэроу, Дж. Уилер, У. Коларз, Р. Пайпс и другие буржуазные историки стремятся представить социалистическую революцию в Средней Азии и Казахстане как нечто чуждое и даже враждебное местному населению². Некоторые из них, например А. Парк, пытаются или делают вид, что пытаются, разобраться в сложных перипетиях революционной борьбы, развернувшейся в Средней Азии и Казахстане, но при этом остаются на антинаучных позициях. Другие не могут, а подчас даже и не хотят прикрыть маской объективизма свое озлобление против народов Советского Союза. Эти люди яростно клеветают на большевизм и прежде всего на ленинскую национальную политику Коммунистической партии и Советского государства, не скрывают своих симпатий к контрреволюционным группам и скорбят об их гибели. Они всячески восхваляют буржуазных националистов и стремятся выдать их действия за «национально-буржуазную революцию»³. Вопреки истине они силятся доказать, будто буржуазные националисты выступали от имени всего коренного населения и пользовались его поддержкой⁴. При этом старательно замалчиваются классовые противоречия, отрицается участие местных трудящихся в Великой Октябрьской социалистической революции и в борьбе за упрочение Советской власти. Реакционные буржуазные историки стараются скрыть факт соединения борьбы пролетариата России за социализм с национально-освободительным движением народных масс Средней Азии и Казахстана, отрицают наличие боевого союза русских и мест-

ных трудящихся в борьбе против контрреволюционного блока русских и зарубежных колонизаторов и местных националистов.

Х. Ш. Инояттов и К. Н. Новоселов вскрывают несостоятельность теоретических упражнений буржуазных фальсификаторов, искажающих объективные условия победы социалистической революции в Средней Азии и Казахстане (см. Х. Ш. Инояттов, стр. 37—63; К. Н. Новоселов, стр. 40—99). Ими сделан совершенно правильный вывод о том, что исходные положения реакционной историографии находятся в разительном противоречии с подлинным ходом развития революционного движения в Средней Азии и Казахстане. Кроме того, К. Н. Новоселов (стр. 21) подчеркивает, что реакционные историки очень поверхностно знают проблемы, за «освещение» которых они берутся, и не слишком склонны утруждать себя изучением исторических фактов.

Особенно выделяется в этом отношении изменник Родины Б. Хаит. Стремясь поразить читателей своей «эрудицией», он допускает грубые ошибки чуть ли не на каждой странице своего «сочинения». Так, касаясь истории Закаспийской области в 1917—1918 гг., он путает селение Кеши (под Асхабадом) с городом Керки на Амударье; разоружение туркменского эскадрона (у Хаита — дивизиона), осуществленное Колесовым в феврале 1918 г., этот «знарок» истории приписывает Шасталу и относит к началу марта. При этом Хаит обманывает читателя, утверждая, что в операции по разоружению эскадрона участвовали русские дивизионы, якобы стоявшие в Кушке, Асхабаде и Мерве. В действительности ничего подобного не было. Таким же образом Хаит выдумывает расстрел А. И. Фроловым демонстрации в Кызыл-Арвате, искажает ряд фамилий и т. д. Эти ошибки и нелепости он ухитрился нагромоздить всего лишь на двух страницах своей клеветнической книжонки (см. К. Новоселов, стр. 21—22). И таких примеров в рецензируемых работах приводится очень много. Можно лишь посочувствовать зарубежному читателю, который попытается изучать историю Советской Средней Азии и Казахстана по туманной и невежественной «маленькой энциклопедии о Туркестане», как рекламируется сочинение Хаита в предисловии к его немецкому изданию⁵. Естественно, что многие из этих грубых искажений пере-

² См. О. Caroe. *Soviet Empire*. London — New York. 1954; C. W. Hostler. *Turkism and the Soviets*. London. 1957; W. Kolarz. *Russia and her Colonies*. London. 1953; A. Park. *Bolshevism in Turkestan*. New York. 1957; R. Pipes. *The Formation of the Soviet Union*. Cambridge, Massachusetts. 1957; G. Wheeler. *The Russians in Central Asia*. «History Today». London. March 1956, etc.

³ См. А. Park. *Op. cit.*, p. 22.

⁴ См. О. Caroe. *Op. cit.*, p. 95; R. Pipes. *Op. cit.*, p. 88—89.

⁵ B. Hayit. *Turkestan im XX. Jahrhundert*. Darmstadt. 1956.

кочевали в книги американских, английских, западногерманских и других буржуазных историков, доверившихся Б. Хаити, М. Чокаеву, З. Валидову и другим националистам и белоэмигрантам.

В книгах Х. Ш. Иноятова, К. Н. Новоселова и А. Б. Турсунбаева обстоятельно разоблачаются буржуазные фальсификаторы в области истории национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане. Критический анализ работ реакционных историков подкрепляется показом достижений социалистических республик советского Востока. В рецензируемых книгах раскрыты условия национально-государственного строительства в этих районах и организационные мероприятия, связанные с ним (Х. Ш. Иноятов, стр. 91—131; К. Н. Новоселов, стр. 249—280; А. Б. Турсунбаев, стр. 46—102). Авторы подчеркивают, что образование Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских республик являлось крупнейшей победой ленинской национальной политики, началом создания советской государственности народов Средней Азии и Казахстана. Буржуазная же историография, извращая принципы создания Советского многонационального государства на федеративных началах, боится признать, что в основе политики Коммунистической партии лежит искреннее стремление обеспечить равноправие всех народов нашей страны и создать наиболее благоприятные условия для их социально-экономического и культурного развития. Именно этими соображениями руководствовался В. И. Ленин, когда отверг проект автономизации⁶.

В истории построения социализма и начала коммунистического строительства в Средней Азии и Казахстане, указывают Х. Ш. Иноятов, К. Н. Новоселов и А. Б. Турсунбаев, реакционеры от науки тщетно ищут «советский колониализм». Ради этого им приходится прибегать к пустым декларациям и необоснованным утверждениям, к сочинению разного рода небылиц и обвинений в адрес советского строя и политики Коммунистической партии. Дж. Уилер, например, не останавливается даже перед такого рода измышлениями: рост экономики Средней Азии, по его словам, был достигнут методами, которые «независимое государство не допустит»⁷.

Буржуазные историки под давлением очевидных фактов вынуждены все же признавать успехи экономического развития Средней Азии и Казахстана, достигнутые в советское время. Так, в объемистой книге «Изменившаяся карта Азии», вышедшей в Лондоне в 1958 г., говорится, что «в азиатской части России произошла экономическая революция»⁸. Американский экономист В. Вильгельм оценивает развитие Средней Азии как «взрыв экономического прогресса»⁹. Правда, чаще бывает так: буржуазные авторы, говоря о развитии экономики республик Средней Азии и Казахстана, стремятся всячески принизить его значение, дать ему заведомо ложное объяснение и таким путем опорочить опыт социалистического преобразования бывших колониальных окраин царской России.

Х. Ш. Иноятову, К. Н. Новоселову и А. Б. Турсунбаеву следовало бы, на наш взгляд, подробнее остановиться на разоблачении буржуазных фальсификаций в этой области истории Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Туркмении и Таджикистана. Это особенно важно, поскольку политические и общественные деятели молодых афро-азиатских государств искренне стремятся понять причины стремительного экономического развития народов Средней Азии и Казахстана, в недавнем прошлом находившихся на стадии феодально-патриархальных отношений.

Авторы рецензируемых книг правильно выделяют две характерные черты, присущие работам буржуазных фальсификаторов истории социалистических преобразований в Средней Азии и Казахстане. Во-первых, реакционные историки умалчивают о том, что успехи народов этих районов в развитии экономики и культуры достигнуты только благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции и братской взаимопомощи других народов СССР. Во-вторых, они тщательно избегают каких-либо конкретных данных, фактов и цифр, которые хотя бы отдаленно свидетельствовали об огромном прогрессе советских республик Востока. Но сила революционного примера СССР поистине неодолима. Недаром передовые политические деятели стран Азии и Африки начинают все чаще обращаться к первоисточникам, к до-

⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 553—559.

⁷ «History Today», 1956, № 3, p. 180.

⁸ См. «The Changing Map of Asia». Ed. W. Gordon, O. Spate. London. 1958, p. 361.

⁹ См. W. Wilhelm. Soviet Central Asia: Development of Backward Area. Foreign Policy Papers. 1950, p. 222.

кладам и статьям людей, побывавших в СССР, в которых дается объективная оценка советской действительности, к непосредственному знакомству с нею. Поэтому главное внимание советских ученых, выступающих с критикой буржуазных историков, должно быть привлечено не столько к прошлому, сколько к настоящему.

Между тем в рассматриваемых нами книгах явно несоразмерно освещается прошлое и настоящее народов Средней Азии и Казахстана. Х. Ш. Иноят, К. Н. Новоселов и А. Б. Турсунбаев, как нам представляется, уделяют недостаточное внимание раскрытию величественных перспектив коммунистического строительства, осуществляемого на основе Программы партии, принятой XXII съездом КПСС.

Досадно, конечно, что усилия авторов всех трех книг, посвященных одной теме, имеющих общую цель, не были скоординированы. Это привело, в частности, к повторениям. В рецензируемых работах есть и стилистические погрешности. Но эти недо-

статки не снижают положительной оценки проделанного труда, имеющего большое научное и политическое значение. Работа эта должна быть продолжена и расширена. В условиях обострения борьбы между социалистической и буржуазной идеологиями одной из важнейших задач советских историков, работающих в Средней Азии и Казахстане, должно стать глубокое позитивное исследование истории Октябрьской революции и социалистического строительства, ибо именно эти вопросы подвергаются наиболее грубой фальсификации со стороны реакционных буржуазных авторов. Коллектив историков Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Таджикистана и Киргизии, вооруженный передовой марксистско-ленинской методологией и богатым опытом советской исторической науки, располагающий прекрасной источниковедческой базой, несомненно, справится с этим ответственным делом.

В. М. Устинов

Р. Х. АМИНОВА. *Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.)*. Изд-во АН Узбекской ССР. 1963. 343 стр. Тираж 650. Цена 1 руб. 37 коп.

История борьбы Коммунистической партии за разрешение аграрного вопроса в Средней Азии и Казахстане затрагивается в той или иной мере в ряде книг¹. Особое внимание привлекают работы самаркандского историка Х. Ф. Чикаева². Однако до по-

явления в свет рецензируемой монографии не было исследования, в котором всесторонне рассматривались бы не только закономерности и особенности аграрных преобразований в Туркестане в первые годы Советской власти, но и происходившие здесь социальные и классовые изменения. Автор охватил широкий круг вопросов: начало осуществления в Узбекистане ленинского декрета о земле, создание классовых организаций дехкан, первые шаги Советской власти в области землеустройства, мероприятия Советского государства по сохранению и восстановлению хлопководства и др. Таким образом, наша литература пополнилась новым глубоким исследованием по истории советского крестьянства.

¹ М. Х. Давлят-Юсупов. Союз «Кошчи» и его роль в укреплении Советской власти в Туркестане. Ташкент. 1956; Г. Р. Ризаев. Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет. Ташкент. 1957; А. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата. 1957; П. И. Ухванов. Земельно-водная реформа в Киргизии в 1921—1922 гг. Фрунзе. 1957; Е. Н. Куприкова. Союз русского рабочего класса и туркменского трудового дайханства в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1920). Ашхабад. 1960, и др.

² Х. Ф. Чикаев. Из истории борьбы Коммунистической партии за разрешение земельно-водного вопроса в основных хлопководческих районах Туркестанской республики (октябрь 1917—1925 гг.). «Труды» Узбекского государственного универ-

ситета им. А. Навои. Новая серия. Вып. 61. 1956; -его же. Некоторые вопросы из истории разрешения ленинского декрета о земле и коллективизации земледелия в Туркестанской АССР. Там же. Вып. 101. 1960, и др.

Р. Х. Аминова неоднократно подчеркивает, что в конкретно-исторических условиях Туркестана в 1917—1920 гг. Основной закон о социализации земли не был осуществлен в такой мере, как в центральных областях России: он не затронул «массу байских и кулацких хозяйств» и не был распространен «на большую часть нетрудовых частновладельческих хозяйств» (стр. 113). Этот вывод уже формулировался в работах других историков³. Но Р. Х. Аминова впервые глубоко вскрыла объективные и субъективные причины, приведшие к такому своеобразному положению. И в этом одно из достоинств монографии. Кроме того, Р. Х. Аминова установила, что наряду с национализацией земельной собственности царской фамилии, отдельных сельскохозяйственных и промышленных капиталистических объединений, принадлежавших русским колонизаторам, были национализированы и земли крупных местных феодалов и предпринимателей (стр. 82—83); выявила, что «больше всего в первые годы Советской власти национализации подвергались сады промышленного значения» (стр. 85). Но значение социалистической революции для трудового дехканства определялось еще и тем, что в Средней Азии было прекращено изъятие земель в пользу русского переселенческого кулачества. В книге обращено внимание и на эту важную сторону. Содержащийся в ней материал дал автору возможность сделать обоснованный вывод: «Уже только это означало конец колониальной политики (царизма.—А. З.) в земельном вопросе» (стр. 87).

Второй, не менее важной положительной стороной работы является освещение истории создания и деятельности земельно-водных комитетов и классовых организаций дехкан (комбеды и союзы бедноты), сыгравших большую роль в проведении национализации земли, укреплении союза рабочего класса и трудового дехканства, вовлечении последнего в социалистическое строительство. Некоторые историки (И. Гороховодатский и др.) в свое время утверждали, что на значительной территории Казахстана не было комбедов. Этот тезис был распростра-

нен и на Туркестан. Первым с его критикой выступил П. И. Тугов⁴. Р. Х. Аминова, изучив большой архивный материал, касающийся территории современного Узбекистана, расширила и углубила выводы этого исследователя. Она охарактеризовала особенности деятельности комбедов в Туркестане, показала, что здесь в отличие от русской деревни они начали создаваться тогда, когда в центре страны такие органы были уже ликвидированы, и задачи, выполненные ими в РСФСР, предстояло еще решить в Туркестане.

С большим интересом читаются страницы, рассказывающие о борьбе комбедов с голодом, о создании сельскохозяйственных артелей и коммун (стр. 152—160). В книге ставится вопрос и о переходе от комбедов к союзам бедноты (в последние включались также середняки). Р. Х. Аминова справедливо заключает: «Хотя комитеты и союзы бедноты Узбекистана по своей массовости и влиянию на массы дехканства были гораздо слабее, чем в центральных губерниях России, все же они сыграли немалую роль в объединении бедноты сел, кишлаков и аулов, в обострении классовой борьбы в кишлаке и в упрочении в нем Советской власти» (стр. 160). В Узбекистане существовала еще одна массовая организация дехканства — союзы «Кошчи». К сожалению, автор пишет о них мимоходом, не показывая их специфики.

Специальная глава книги посвящена истории возникновения социалистического уклада в узбекской деревне. Здесь подробно говорится о том, как создавались первые коммуны и сельскохозяйственные артели.

Заслуживает одобрения попытка Р. Х. Аминовой охарактеризовать на основе редко используемых в литературе материалов сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. изменения, происходившие в экономике дехканских хозяйств и в социальном составе дехканства почти по всем областям Туркестана. Поскольку в Ферганской области из-за напряженной борьбы с басмачеством перепись в 1920 г. не производилась, автору пришлось вычислить средние показатели по Самаркандской и Сыр-Дарьинской областям и выведенные коэффициенты применить к итоговому данным переписи, проведенной в Ферганской области в 1917 году. Полученные таким путем данные

³ См. Х. Ф. Чикаев. Указ. соч.; А. И. Зевелев. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент. 1959, стр. 104—106; Г. Желтова. Из истории осуществления национальной политики партии в области аграрных отношений в Туркестане. «Ученые записки» Ташкентского государственного педагогического института им. Низами. Вып. 23, ч. III. 1960.

⁴ П. И. Тугов. К вопросу о комитетах бедноты в Казахстане. «Вестник» АН Казахской ССР. 1958, № 6, стр. 41—52.

по всему Узбекистану в целом умело проанализированы в книге (стр. 245—249).

Изучение конкретного материала позволило автору прийти к выводу, что для Туркестана 1917—1920 гг. было характерно своеобразное смешение двух этапов аграрной революции: буржуазно-демократического и социалистического (стр. 330—331). Ликвидация помещичьего и частично феодального землепользования являлась, по мнению Р. Х. Аминовой, осуществлением первого (буржуазно-демократического) этапа революции, а создание социалистических очагов в земледелии, следовательно, и начало формирования социалистических отношений в кишлаке,— началом второго (социалистического). С таким заключением вполне можно согласиться. Спорна, на наш взгляд, лишь попытка установить четыре подэтапа этого процесса (стр. 320—321). Очевидно, нельзя было в основу периодизации класть только законодательную деятельность Советской власти, возникновение тех или иных комитетов или союзов. В равной мере наше замечание относится и к стремлению Р. Х. Аминовой выявить этапы землеустройства узбекского кишлака (стр. 237—239). Словом, эти вопросы нуждаются еще в дальнейшем изучении.

В монографии дан обстоятельный историографический обзор основной литературы вопроса и содержится убедительная критика буржуазных фальсификаторов истории.

Один из недостатков работы состоит в том, что аграрные преобразования рассматриваются в ней в известной мере изолированно от других социалистических преобразований, осуществленных в 1917—1920 гг. в Туркестане, от процесса формирования коммунистических ячеек в кишлаках, кыштаках, аилах и деревнях. Автора можно упрекнуть также в непоследовательности и противоречивости при трактовке значения и сущности некоторых сторон аграрных преобразований. Так, вопреки своему правильному тезису, что понадобилась земельно-водная реформа 1921, а затем и 1926—1927 гг., чтобы ограничить не только кулацкие, но даже байские хозяйства, Р. Х. Аминова допускает формулировки, заставляющие думать о ликвидации байского землепользования уже в 1917—1920 гг.

(стр. 115, 330 и др.), о «крупной революционной волне захватов байских земель, инвентаря и имущества» (стр. 320) и т. д. Здесь явно сказалось преувеличение автором степени классового самосознания трудового дехканства в рассматриваемое время.

Некоторые возражения вызывают изложенные в монографии положения об особенностях политики военного коммунизма в Туркестане. Не соглашаясь с В. П. Шерстобитовым, утверждающим, что «в Средней Азии в это время существовала неограниченная торговля продуктами и товарами, которая имела то важное политическое и экономическое значение, что она дополняла военно-политический союз рабочего класса и крестьянства хозяйственным союзом» (стр. 43), Р. Х. Аминова, однако, не до конца решает этот вопрос. По имеющимся у нас данным, ряд важных мероприятий политики военного коммунизма был осуществлен в Туркестане начиная с лета 1918 г., то есть еще до ее декларирования. Это было вызвано тяжелой обстановкой, сложившейся в результате того, что Туркестан оказался в кольце фронтов гражданской войны⁵.

В монографии недостаточно показана помощь народов и правительства РСФСР осуществлению аграрных преобразований в Туркестане. Этот пробел объясняется тем, что автор далеко не полностью использовал материалы ряда московских архивов (ЦГАОР СССР, ЦГАНХ и др.). Встречаются в книге и отдельные фактические ошибки (стр. 72, 153, 278 и др.).

Наши критические замечания сводятся главным образом к соображениям по ряду спорных или же требующих дальнейшего изучения вопросов. Книга Р. Х. Аминовой, основанная на богатом фактическом материале и отличающаяся глубиной анализа поставленных автором проблем, займет достойное место в ряду исследований об аграрных преобразованиях, проведенных в первые годы Советской власти на бывших национальных окраинах России.

А. И. Зевелев

⁵ А. И. Зевелев. Указ. соч., стр. 254—256.

Ц. П. АГАЯН. *Великий Октябрь и борьба трудящихся Армении за победу Советской власти*. Изд-во АН Армянской ССР. Ереван. 1962. 449 стр. Тираж 1 000. Цена 1 руб. 58 коп.

История социалистической революции в Армении давно привлекает внимание исследователей. Значительное число работ по этой тематике опубликовано после XX съезда КПСС. Это монографии, охватывающие все стороны изучаемого процесса¹ или отдельные его проблемы², в том числе такой важный вопрос, как борьба Коммунистической партии за победу социалистической революции в Армении³. Однако в литературе последних лет, в целом представляющей собой крупный шаг вперед в разработке рассматриваемой проблемы, к сожалению, еще не преодолены до конца ошибки, связанные с культом личности Сталина. К тому же не все вопросы в равной и достаточной степени исследованы. Поэтому следует приветствовать выход в свет работы Ц. П. Агаяна.

Книга построена на солидной источниковедческой базе. Автор широко использовал партийные документы, работы выдающихся деятелей большевистской партии, осуществлявших ленинскую политику в Закавказье (С. Г. Шаумяна, Г. К. Орджоникидзе, А. Ф. Мясникяна и других), материалы, извлеченные из центральных и армянских партийных и государственных архивов, а также из опубликованных сборников документов, многочисленные периодические издания, воспоминания участников революционных событий. В книгу включена обстоятельная историография вопроса. Обзор литературы дает возможность установить наличие двух точек зрения при оценке ре-

волюционных событий в Армении в 1917—1921 годах. Одна из них — субъективистская, буржуазно-националистическая, нашедшая отражение в писаниях дашнакских и других буржуазных авторов, — построена на тенденциозном извращении фактов. Другая — объективная, научная, на которой стоят советские исследователи.

Ц. П. Агаян дает всестороннее освещение революционной борьбы в Армении в 1917—1921 годах. При этом в книге показ революционных событий в центре страны и во всем Закавказье удачно сочетается с анализом борьбы трудящихся Армении. В пестрой картине классовых схваток, происходивших здесь, автор выделяет общие закономерности социалистической революции и те специфические особенности, которые были присущи ее развитию в этой части страны. Как и в целом в Закавказье (исключая Баку), осуществление социалистической революции в Армении сталкивалось с трудностями, порожденными слабым развитием промышленности, малочисленностью пролетариата, многонациональным составом населения с различным уровнем экономического и политического развития, наличием множества мелкобуржуазных партий и организаций, стремившихся увести трудящихся в сторону от революционного пути, межнациональной борьбой, которую разжигали в Закавказье царизм, имущие классы и мелкобуржуазные националистические партии. Вследствие этих причин революционные события развивались здесь медленнее, чем в центре страны.

Буржуазные фальсификаторы истории и поныне упорно твердят, что в таких отсталых, с небольшим числом рабочих крестьянских районах, каким была Армения, будто бы не было почвы для пролетарской революции и строительства социализма. Ц. П. Агаян убедительно опровергает эту лживую версию, показывая, что развитие социалистической революции в Армении явилось результатом обострения здесь внутренних классовых противоречий. К тому же противоречия нарождавшегося капитализма усугублялись наличием пережитков крепостничества, гнетом царизма. Конечно, Армения была отсталой окраиной России, и Советская власть не могла победить в этом районе без поддержки русского рабо-

¹ А. М. Эльчибекян. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Ереван. 1957; Г. А. Галоян. Борьба за Советскую власть в Армении. М. 1957; С. А. Вартанян. Победа Советской власти в Армении. Ереван. 1959.

² А. Н. Мнацаканян. Посланцы Советской России в Армении. Ереван. 1959; С. Карапетян. Вооруженное восстание в Лори в 1921 году. Ереван. 1954 (на арм. яз.); С. Г. Согомонян, Гражданская война в Зангезуре. Ереван. 1958.

³ Г. Б. Гарибджанян. Коммунистические организации Армении в борьбе за Советскую власть. Ереван. 1956; его же. Большевистские организации Александрополя 1917—1920 гг. Ереван. 1953; С. Х. Карапетян. Коммунистическая партия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении. Ереван. 1959.

чего класса. Но эта помощь не дала бы реального результата, если бы не созрели благоприятные условия для победы революции в самой Армении. Работа Ц. П. Агаяна хорошо показывает роль В. И. Ленина в определении путей освобождения народов России и социалистического строительства на ее национальных окраинах. Автор обстоятельно прослеживает борьбу классов и партий в Армении в годы социалистической революции и гражданской войны.

Исследование отличается не только продуманной систематизацией и логичным изложением материала, но и полемическим тоном. В частности, автор полемизирует с теми исследователями (Ш. Амирханян, А. Эльчибекян и др. По существу, такой же оценки придерживался ранее и автор в одной из своих работ⁴), которые преувеличивали ошибки местных партийных организаций в руководстве майским восстанием 1920 г., не учитывая в достаточной мере чрезвычайную сложность условий классовой борьбы в Армении в тот период. Он отмечает, что в период культа личности отдельные недостатки и ошибки Арменкома и партийных организаций Армении расценивались как акты вредительства. В книге опровергается имевшее хождение в годы культа личности мнение, будто установление Советской власти в Армении в ноябре 1920 г. являлось «ноябрьской революцией». Такая точка зрения объективно вела к рассмотрению событий, происходивших в крае, в отрыве от общероссийских. В действительности, справедливо считает Ц. П. Агаян, победа Советской власти в Армении в ноябре 1920 г. была продолжением Великой Октябрьской социалистической революции, победное шествие которой в силу ряда внутренних и внешних обстоятельств осуществилось на армянской земле с некоторым опозданием.

Уязвимым местом книги, на наш взгляд, являются те ее части, где речь идет о борьбе армянских большевиков с мелкобуржуазными партиями и организациями. Особенный упор совершенно правильно делается здесь Ц. П. Агаяном на проблеме борьбы с дашнаками. (Правда, автор почему-то считает их партией буржуазии и помещиков). Но ведь большевикам Арме-

нии приходилось бороться и с рядом других мелкобуржуазных партий и организаций. Правда, на стр. 76—77 говорится о размежевании большевиков и меньшевиков после решений Апрельской конференции, но затем меньшевики просто исчезают со страниц книги. На стр. 15 упоминается партия «Гичак» («Армянская социал-демократическая партия»), подчеркивается, что это была мелкобуржуазная националистическая организация, но ее последующая деятельность и борьба большевиков против нее не раскрыты. То же самое можно сказать в отношении «спецификов» («Армянской социал-демократической рабочей организации»).

На основе обильного фактического материала Ц. П. Агаян вскрывает предательскую политику дашнаков, их политическое лицемерие, жестокость, угодничество перед иностранными империалистами и русскими белогвардейцами. Однако он не дает ответа на вопрос: почему же за дашнаками пошла определенная часть трудящегося населения? Ведь без этого они не могли бы в течение двух с половиной лет держаться у власти. Даже после установления Советской власти, как пишет сам автор, дашнаки «пользовались некоторым влиянием в массах» (стр. 347). Невольно возникает вопрос: как же могли дашнаки сохранить это влияние после более чем двухлетнего режима кровавого террора и насилия, который они навязали армянскому народу? Обходит автор и другой не менее важный вопрос. Если вслед за Ц. П. Агаяном считать дашнаков партией буржуазии и помещиков (стр. 16), то как объяснить неоднократные попытки со стороны Советского правительства, советских и партийных органов Закавказья установить Советскую власть в Армении мирным путем, добиться отстранения дашнаков от власти путем дипломатических переговоров с ними?

Думается, что все эти вопросы возникают прежде всего потому, что в книге не совсем правильно определена социальная сущность партии дашнакцутюн как буржуазно-помещичьей. На самом деле это была мелкобуржуазная партия. В период Великой Октябрьской социалистической революции подобные партии оказались на стороне контрреволюции. Единственной подлинной выразительницей интересов трудящихся масс стала ленинская партия. Но учитывая, что дашнаков, помимо эксплуататорских элементов, некоторое время поддерживала и политически отсталая

⁴ См. Ц. П. Агаян. Октябрьская революция и освобождение армянского народа. Ереван, 1957 (на арм. яз.).

часть трудящихся, большевики шли на переговоры с главарями дашнаков, чтобы разоблачить их и завоевать на свою сторону эту часть народа. В книге следовало бы рассмотреть программу и тактику дашнаков, вскрыть сущность их социальной демагогии. С помощью последней, а также путем разжигания национализма они и привлекали на свою сторону какую-то часть масс. Правильно отметив это обстоятельство, автор не подверг критике лжесоциалистические лозунги дашнаков. В ходе развития революции реакционный характер их деятельности все более усиливался, от социальной демагогии они перешли к методам прямого насилия и массового террора, прибегая к помощи наемных хмбапетов (атаманов), банды которых вырезали лучших представителей армянских революционных рабочих и крестьян. Однако эволюция дашнаков в книге фактически не прослежена, хотя в целом реакционность этой партии показана Ц. П. Агаяном убедительно.

Такой подход к освещению вопроса о борьбе большевиков против дашнаков и других мелкобуржуазных партий объективно представляет эту борьбу более простой и легкой, чем она была в действительности.

Нельзя забывать, что большевикам было гораздо легче разоблачать буржуазно-помещичьи партии, открыто стоявшие на позициях защиты эксплуататорского строя, чем мелкобуржуазные партии, маскировавшиеся, по существу, те же идейные позиции криками об интересах народа. Исследование вопроса о борьбе большевиков против мелкобуржуазных партий — нелегкое дело. Неправильный подход к решению этого вопроса может привести либо к упрощенчеству, либо к объективизму. Нам представляется, что научная разработка данной проблемы требует показа исторических условий возникновения мелкобуржуазных течений, партий и организаций, критического рассмотрения их программ, социального состава, методов воздействия на массы, разоблачения их социальной демагогии, вскрытия политической эволюции этих партий. Только при таком подходе станет очевидно, насколько сложной была борьба большевиков против мелкобуржуазных партий, без разоблачения истинной сути которых и последующей изоляции их от масс невозможна была победа социалистической революции.

Г. А. Арутюнов,
О. К. Поселянина

Х. ТУРСУНОВ. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. Госиздат Узбекской ССР. Ташкент. 1962. 428 стр. Тираж 3 000. Цена 77 коп.

Монография Х. Турсунова является плодом его многолетних исследований. Автору удалось обстоятельно осветить историографию восстания 1916 г., объективно оценить достоинства и недостатки советских работ по этой проблеме и убедительно разоблачить лживые утверждения буржуазно-националистических зарубежных фальсификаторов истории, стремящихся извратить характер народных движений, происходивших в Средней Азии и Казахстане накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Чрезвычайно широк круг вопросов, изученных Х. Турсуновым. В книге подробно рассматриваются исторические предпосылки и причины восстания, его характер и движущие силы, особенности этого движения применительно к отдельным районам Средней Азии и Казахстана. В центре вни-

мания автора — роль народных масс в восстании, охватившем в течение двух-трех месяцев огромную территорию с населением свыше 10 миллионов человек.

Исследование основано на большом фактическом материале, почерпнутом в архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Ашхабада, Алма-Аты и других городов. Широко использованы также специальная литература, мемуары участников революционных событий в Средней Азии и Казахстане, материалы научных дискуссий и сборники документов. В работе приведено немало ценных архивных документов и других материалов, до настоящего времени неизвестных или мало известных историкам.

Одно из достоинств монографии состоит в том, что в ней охарактеризованы социально-экономические и политические предпосылки восстания. Основываясь на анали-

зе социально-экономических отношений в Средней Азии и Казахстане в начале XX в., автор усматривает его исторические корни прежде всего в русском военно-феодалном империализме и его колониальной политике, в первой мировой войне, ускорившей вызревание революционного кризиса в царской России в целом и на ее окраинах в частности. «Жестокий социальный и национальный гнет, еще более усилившийся в годы первой мировой войны,— по справедливому замечанию Х. Турсунова,— явился основной предпосылкой и глубокой причиной роста революционного освободительного движения, в том числе такого крупного восстания, каким является восстание 1916 года» (стр. 177).

Большую и плодотворную работу проделал автор, собрав и изучив много новых данных об антифеодалном движении в национальной деревне, о борьбе крестьян против баев, феодалов, манапов, об участии трудящихся Казахстана и Средней Азии в первой русской революции, об усилении классовой борьбы в аулах и кишлаках перед первой мировой войной. Именно эта борьба придала восстанию не только антиколониальную, но отчасти и антифеодалную окраску.

Как известно, в ходе многочисленных обсуждений и дискуссий по вопросу о характере и движущих силах восстания выявились две противоположные точки зрения. Выступая в 1954 г. на объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Т. Н. Колесникова заявила: «Нужно сказать, что восстания были реакционными. Народные волнения в строго научном смысле нельзя назвать ни революционными, ни национально-освободительными»¹. Подобную же точку зрения пытался защищать тогда Ю. М. Тарасов². Некоторые историки (А. Ф. Якунин, И. М. Мавлян и др.) объявляли движение 1916 г. прогрессивным, национально-освободительным во всех без исключения районах Средней Азии и Казахстана³, хотя факты свидетельствуют о том, что в отдельных местностях оно все же было реакционным.

Х. Турсунов, всесторонне проанализировав конкретные условия восстания в пяти областях Туркестанского и четырех обла-

стях Степного края, рассмотрев все сложные и противоречивые моменты самого восстания, правильно оценил характер восстания. Оно, пишет автор, «является революционным национально-освободительным массовым народным движением. Оно было одним из ярких проявлений назревшего в России революционного кризиса» (стр. 212—213). Восстанию были присущи все общие черты крестьянских выступлений: стихийность, неорганизованность, раздробленность, отсутствие единого централизованного, а также пролетарского руководства; во многих местах движение носило локальный характер. В монографии вскрыта роль феодално-клерикальных элементов в восстании. В частности, Х. Турсунов считает, что в Теджене, Гюргене, Джизаке и в ряде местностей Северного Семиречья, где им удалось спровоцировать националистические выступления, восстание приобрело реакционную направленность. Но кратковременные вылазки реакционных элементов не могли изменить общий народно-освободительный характер движения в остальных районах Средней Азии и Казахстана.

В книге решен и другой спорный вопрос — о движущих силах восстания. Убедительно показано, что не только у кочевых народов Степного края, но и у оседло-земледельческих народов Средней Азии (за исключением вышеуказанных районов) движущей силой восстания всюду являлись трудящиеся крестьяне (середняки и бедняки), батраки и отчасти ремесленники. Обобщая данные об участии в движении разных слоев населения, Х. Турсунов приходит к следующему важному выводу: «Дехкане и скотоводы, составлявшие большинство населения края, являлись основной движущей силой восстания 1916 года. Восстание приобретало характер крестьянского революционного движения, хотя в нем принимали активное участие также трудящиеся города — рабочие, полупролетарские элементы, ремесленники местных национальностей, а также представители демократической интеллигенции» (стр. 213).

В книге верно, на наш взгляд, оценена роль национальной буржуазии в движении. Автор пишет, что узбекская и иная местная национальная буржуазия не ставила перед собой задачи осуществления антиимпериалистической, антифеодалной революции, не была способна решить задачу демократического преобразования общества во имя интересов большинства народа. Боясь народного движения, эта буржуазия поддер-

¹ «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент. 1955, стр. 355.

² Там же, стр. 402—405.

³ Там же, стр. 356—361, 363—365.

живала царизм, открыто призывала массы беспрекословно выполнять волю царя, ревностно помогала местным властям в мобилизации трудящихся на прифронтовые работы. В целом автору удалось убедительно показать предательскую роль местной национальной буржуазии в восстании 1916 года.

Х. Турсунов подчеркивает, что восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане — одно из крупных политических событий в жизни народов края в дореволюционный период — явилось частью общего революционного освободительного движения в России, одним из ярких проявлений назревшего в годы первой мировой войны кризиса и предвестником буржуазно-демократической революции в России. Опыт восстания помог народным массам на втором этапе национально-освободительного движения — в октябре 1917 г. — совместно с русским рабочим классом и крестьянством успешно бороться с империалистической буржуазией и баями-феодалами. В этом, подчеркивается в книге, и состоит историческое значение восстания 1916 года.

Книга Х. Турсунова не лишена недостатков. Прежде всего автор не дал четкой периодизации, не определил этапы восстания, особенно в тех районах, где оно продолжалось до Февральской революции. На стр. 48 автор справедливо пишет, что «...восстание имело известное влияние и на соседние районы, в частности на Бухарское

и Хивинское ханства». Однако отклики на восстание в этих ханствах в работе, к сожалению, не прослеживаются. Нельзя полностью согласиться и с утверждением автора, что «восстание перерастало в антифеодальное движение» (стр. 213). Национально-освободительное движение народов Средней Азии и Казахстана стало перерастать в антифеодальное только на втором этапе его развития, в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. В 1916 г. оно было направлено против царского самодержавия, империалистической войны и лишь отчасти — против феодально-байских элементов.

Досадно, что из поля зрения Х. Турсунова выпал такой важный вопрос, как отношение местных социал-демократических организаций к восстанию. Известны, например, такие факты: одним из руководителей тургайского очага восстания являлся большевик А. Джангильдин, на Среднеазиатской железной дороге во второй половине 1916 г. было разгромлено несколько социал-демократических организаций за причастность к «бунтам туземцев». В ряде случаев материал в книге распределен неравномерно. Велика первая глава, посвященная развитию социально-экономических отношений народов Средней Азии и Казахстана (88 стр.), в то время как вторая и третья — неоправданно кратки.

Т. Елеуов

МИНИСТЕРСКИЙ ДНЕВНИК И РЕАЛЬНОСТЬ

Время, отраженное в дневнике П. А. Валугина*, составляет переломную, насыщенную важными событиями полосу в истории России. П. А. Валугин принадлежал к числу сановников царствования Александра II, которые, по словам В. И. Ленина, прошли «длинный курс николаевской службы и полицейской выучки, прошли, можно ска-

зать, огонь и воду и медные трубы»¹. В течение двадцати лет, с 1861 по 1881 г., он находился в центре правительственных дел, фракционных конфликтов в правящей верхушке и закулисных интриг придворной камарильи, играя видную роль в государственной жизни царской России. Политические воззрения Валугина не отличались ни глубиной, ни сложностью. Он проявил себя (особенно в годы первой и второй революционных ситуаций) мастером «в искусстве внутренней дипломатии»², что нашло отражение как в его практической деятельности, так и на страницах дневника. Занимая пост

* «Дневник П. А. Валугина». Редакция, введение, биографический очерк и комментарии П. А. Зайончковского. Изд-во АН СССР. Т. I. 1861—1864 гг. Текст подготовлен к печати М. Г. Вандалковской и К. М. Платоновой. М. 1961. 421 стр. Тираж 8 000. Цена 1 руб. 90 коп.; т. II. 1865—1876 гг. Текст подготовлен к печати М. Г. Вандалковской и Г. М. Лифшицем. М. 1961. 587 стр. Тираж 8 000. Цена 2 руб. 68 коп.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 28.

² Там же, стр. 42.

министра внутренних дел, П. А. Валуев многое видел, но он не понимал сущности событий, взаимозависимости социально-политических факторов, «механизма» пореформенных процессов. Несмотря на это, его дневник является важным историческим источником. Не только факты и события, запечатленные в нем, но даже сама ограниченность и тенденциозность автора, показывающие как личные качества Валуева, так и особенности всей правящей клики и самодержавного режима, интересны и должны быть объектом изучения. Дневники царских министров, в том числе и Валуева,— это «кривое зеркало», в котором своеобразно отразилась одна из сторон реальной истории. Оно помогает пониманию прошлого, если при этом учитывается характер и размер его «кривизны».

Что же может дать и дает валуевский дневник современному историку? Прежде всего перед ним разворачивается картина репрессивно-реформаторской деятельности царского правительства, отразившего в начале 60-х годов первый натиск революционной волны и общественного возбуждения, но не сумевшего предотвратить нарастание к концу 70-х годов второго демократического подъема в России. При проведении реформы 1861 г. министерство внутренних дел, как писал Валуев, осуществляло политику ограждения помещичьих интересов (т. I, стр. 294), решительного прекращения беспорядков и подавления крестьянской борьбы за землю и подлинную волю (т. I, стр. 72, 102, 317). Но через пятнадцать лет после грабительского «освобождения», в 1876 г., Валуев вынужден был признать: «Обеднение крестьян наводит на мысль, что общественная безопасность не обеспечена» (т. II, стр. 339).

Другим объектом репрессивной деятельности министерства внутренних дел вместе с III отделением было революционное движение. Валуев с тревогой сообщает о выходе революционных прокламаций, об умножающихся фактах антиправительственных выступлений и пропаганды, о волнениях в университетах и студенческом движении, об арестах Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, М. И. Михайлова, П. Г. Заичневского и др. С удивлением и страхом констатирует он в 1862 г., что «в разных губерниях обнаруживаются злонамеренные кружки» (т. I, стр. 187). Валуев, этот ярый сторонник репрессий, вынужден был признать крах драконовской политики царизма. В 70-х годах он с тревогой замечает новый

подъем революционного движения, а в 1876 г. пишет о казанской демонстрации 6 декабря: «Третьего дня в Николин день после обедни, красный флаг поднят на площади перед собором. Да,— красный флаг» (т. II, стр. 399).

Предметом особой заботы Валуева, министерства и всего правительства была печать. Изыскивались всевозможные средства, чтобы «противодействовать современному направлению прессы» (т. I, стр. 183). Валуев подробно рассказывает о разработке нового цензурного устава, о систематических репрессиях против прогрессивной печати, особенно против «Современника», о своих усилиях создать репрессивную прессу. Он часто жалуется на трудности, связанные с обузданием Каткова, который, присвоив «Московским ведомостям» монопольное право на «патриотизм», шел впереди правительства, критикуя с позиций реакционной ортодоксальности его отдельных членов. Но это была мелкая домашняя ссора; по большим политическим вопросам Валуев быстро находил общий язык с Катковым и другими реакционными публицистами, которых А. И. Герцен метко назвал ярыгами патриотизма и содержанцами III отделения³. Валуев являлся вдохновителем инквизиционной цензуры и одним из организаторов репрессий против передовой русской литературы и журналистики.

Репрессивная деятельность правительства, распространявшаяся на все стороны общественной жизни России, нашла яркое отражение в дневнике. И хотя Валуев в 1861 г., за несколько месяцев до своего назначения министром, писал: «У нас опять готовы впасть в старые ошибки и считать полицейские строгости или преследования политическою премудростью и государственною силой» (там же, стр. 58),—в своей министерской практике он последовательно осуществлял именно эту линию. Вместе с тем он понимал необходимость сочетать репрессии с реформами, «подкупать небольшими уступками массу недовольных»⁴. Валуев не раз высказывал мысль, что общественное развитие выдвигает перед властью имущими альтернативу: «переворот или поворот» (там же, стр. 119). Реформы, осуществленные и задуманные в это время, были направлены на укрепление существовавшего порядка, на предотвращение назревавшей народной революции. Это начинал понимать

³ См. А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. XVII. М. 1959, стр. 296.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 27.

все больший круг правящих лиц. Даже императрица, как записал Валуев, видела в земстве «средство откупиться от «конституции»» (там же, стр. 241). Этого не понимали лишь либеральные политики и историки, восторгавшиеся «эрой прогресса».

Валуев подробно описывает, как разрабатывался им проект совещательно-земского представительства («съезд государственных гласных»), которое должно было получить место на задворках слегка реформированной старой системы государственного управления. Этот проект был отклонен и в 1863 г. и в 1880-м. Даже на основании записей в дневнике ясно видно, что движущей силой политического прогресса, источником реформ была классовая борьба эксплуатируемого народа, а не государственная мудрость либеральствующих сановников. Страх перед угрозой революции, охвативший господствующий класс и правящую клику, сознание шаткости существовавшего режима, недовольство общим ходом правительственной политики ярко отразились в дневнике Валуева. «В сущности у нас везде оптический обман,— писал он в 1866 г.— И сила, и единство, и верноподданническая преданность и покорность, все более кажется, чем есть» (т. II, стр. 118).

Много интересного сообщает Валуев в дневнике о закулисной стороне правительственной жизни, об интригах придворной камарильи, составлявшей влиятельную силу в царской России. Он ярко показывает характерные черты представителей правящей верхушки, глубоко враждебных народу, охваченных стремлением к наживе, погрязших в разврате, интригующих друг против друга, и самого Александра II, ненавидевшего все подлинно прогрессивное, достойно возглавлявшего сановную свору «звездоносных» управителей России. Пристрастность Валуева в оценках отдельных лиц и событий не только не снижает ценности его дневника, но, наоборот, делает его особенно интересным. «Какие иногда меткие слова бросают нечаянно наши министры, когда они хотят подставить ножку какому-нибудь коллеге и выказать свое глубокомыслие»⁵,— писал В. И. Ленин, и это вполне можно отнести к валуевскому дневнику, в котором дана характеристика высших сановников, членов, как замечает Валуев, «министерской олигархии» (т. I, стр. 100).

Показателен общий тон валуевского дневника. Все записи в нем проникнуты страхом

перед неумолимо приближавшейся катастрофой, чувством обреченности и ощущением своего бессилия. Эти настроения никогда не покидали Валуева и еще более обострились к концу 70-х годов. В апреле 1879 г. он записал: «Не сегодня, то завтра, не завтра, то послезавтра,— так чувствуется или чудится — струны начнут обрываться... А между тем живу и работаю, как будто бы верил в будущность»⁶.

Именно поэтому между деловыми записями о знаках «высочайшего» внимания, о балах и раутах, о назначениях и перемещениях, о заседаниях и проектах повторяется постоянный скептически-безнадежный рефрен о гибельном ходе дел. Эти настроения не были индивидуальной особенностью Валуева; ими были охвачены многие министры и сановники царской России; они складывались в сознание господствующего класса и правящей верхушки и поэтому, несомненно, представляют большой интерес. Стремясь отделить себя от правящей клики, Валуев писал в дневнике: «Я чувствую, что правительственное дело идет ошибочной колеєю, ...идет не к лучшему, а к кризису, которого исход неизвестен. Но я сам часть этого правительства. На меня ложится доля нравственной ответственности. Я принимаю на себя ношу солидарности с людьми, коих мнений не разделяю, коих пути — не мои пути, коих цели — не мои цели» (т. I, стр. 252).

Как нельзя судить о человеке на основании того, что он сам о себе думает, так нельзя судить о государственном деятеле по тому, что он пишет в дневнике. На страницах своих дневников и мемуаров многие царские сановники порой критиковали и обличали существовавший режим и решительно отмежевывались от тех дел, которыми исправно занимались по долгу службы. Дневники и мемуары эти писались для потомков, для того, чтобы уйти от «собственной своей нравственной ответственности перед судом истории»⁷, как признавался в своем дневнике коллега Валуева военный министр Д. А. Милютин, для «самообеления», как писал всероссийский диктатор 1880—1881 гг. М. Т. Лорис-Меликов⁸. Сама

⁶ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 544, оп. 1, д. 208, л. 73.

⁷ Д. А. Милютин. Дневник. Т. I. М. 1947, стр. 77.

⁸ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. Белоголового, д. 6, письмо от 20.X. 1886 года.

⁵ Там же, стр. 32.

по себе потребность министров царского правительства «самообеляться» — весьма знаменательный факт. Все эти качества, присущие министерским дневникам, не умаляют, однако, их значения как источников. В них более или менее откровенно, в рамках, доступных для сановных авторов, освещается положение вещей и раскрываются истинные мотивы фракционной борьбы в правящей верхушке и истоки правительственной политики. Разумеется, в дневниках много лживой фразеологии и бюрократического фарисейства.

Сложный исторический процесс на страницах валуевского дневника предстает перед читателем сквозь призму взглядов, убеждений и настроений сановника, который даже в записях, сделанных наедине с самим собой, в тиши своего кабинета, оставался верным слугой царизма. Но его политика составляет часть истории России второй половины XIX века. Для современного историка дневник Валугева представляет несомненный интерес как важный источник именно для изучения истории господствующего класса, его государства, его политики. Еще А. И. Герцен писал о способности истории отражаться «в человеке, случайно попавшемся на ее дороге»⁹, и в связи с этим отмечал значение мемуарных произведений. Реальная история сложна, многогранна и противоречива; на ее пути попадают люди разного типа и калибра: и такие, как Герцен, и такие, как Валугев. Поэтому и отражение, естественно, получается отнюдь не равноценное. Валугевский дневник мелочен по сравнению с герценовскими мемуарами. Но и в нем косвенно отражается борьба классов, борьба России революционной против России самодержавно-помещичьей. Кроме того, он является ценным источником для изучения ряда важных вопросов русской общественной жизни 60—70-х годов XIX в. и прежде всего правительственной политики. Таким образом, и «кривое зеркало» валуевского дневника отражает некоторые существенные стороны исторического процесса, и поэтому при умелом обращении

оно может помочь понять правду и вскрыть сущность событий и явлений целой эпохи русской истории.

Следует отметить большую работу, сделанную публикаторами при подготовке текста к печати. Издание включает как дневниковые записи, так и мемуарно-разъяснительные примечания, составленные Валугевым спустя 5—7 лет после описанных в дневнике событий. Биографический очерк Валугева, написанный П. А. Зайончковским, является полезным введением к дневнику. Из обстоятельных комментариев читатель узнает много интересных сведений о правительственной политике 60—70-х годов. Но, как нам представляется, в ряде случаев можно было бы обойтись без справок «официально-ведомственного» характера (например, многократно и педантично приведенные результаты поименного голосования в Государственном совете по некоторым вопросам (т. I, стр. 363, 365; т. II, стр. 521 и др.).

В связи с изданием двухтомного дневника Валугева, охватывающего 1861—1876 гг., закономерно возникает вопрос о переиздании и его продолжения за 1877—1884 годы. Текст валуевского дневника за указанное время был опубликован в 1919 году. При этом издатели допустили ряд ошибок, научный аппарат далеко не соответствует нынешнему уровню советской исторической науки, к тому же книга стала библиографической редкостью. Кроме того, дневник был опубликован, как отметил в свое время А. Пресняков, по списку, сделанному с сокращенной автором редакцией, а не по оригиналу, писанному в переплетенных томах небольшого формата *in quarto*¹⁰. Подлинник дневника за эти годы хранится в ЦГИАМ (ф. 544, оп. I, дд. 208, 209). Изданный в 1919 г. текст содержит существенные разночтения с подлинником, а в ряде случаев и большие пропуски, вплоть до целых дневных записей. Между тем валуевский дневник за 1877—1884 гг. является одним из важных источников по истории второй революционной ситуации.

М. И. Хейфец

⁹ А. И. Герцен. Былое и думы. Л. 1946, стр. 842.

¹⁰ «Дела и дни». 1921, кн. 2, стр. 228.

В. БАБКИН. *Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года.*
Соцэкгиз. М. 1962. 212 стр. Тираж 25 000. Цена 68 коп.

В книге В. Бабкина предпринята попытка восполнить существенный пробел в историографии Отечественной войны 1812 г., воссоздать полную, основанную на изучении документов историю народного ополчения, показать величественную роль народа в борьбе за независимость страны.

Обобщая литературу (относящуюся главным образом к истории отдельных губернских ополчений), автор привлек новый архивный материал из центральных и местных хранилищ, на котором преимущественно и строит свое исследование. В работе рассматриваются социально-политические и стратегические причины организации народного ополчения; патриотический подъем среди населения, делавшего щедрые пожертвования в пользу ополчения и охотно вступавшего в его ряды; формирование ополченских частей и соединений, их героические военные действия в ходе Отечественной войны 1812 г. и во время заграничных походов 1813—1814 годов.

Не задаваясь целью аннотировать содержание книги, рассмотрим лишь те ее положения, которые представляются спорными или вызывают некоторые соображения.

Знакомство с проектами ополчения, которых автор совсем не коснулся, показывает, что царское правительство и дворяне видели в ополчении средство не только защиты страны, но и предотвращения крестьянских волнений во время войны. Однако последние не были многочисленны, а из-за недостатка резервов в ходе войны сразу же определилась действительная роль ополчения. В книге ничего не говорится о высшем распорядительном органе ополчения — Главном комитете. Хотя он и не имел отношения к военным действиям ополчения, но осуществлял общее руководство его организацией. От него исходили указания о структуре ополчения, принципах комплектования, снабжения и т. п.

В. Бабкин пытается уточнить численность ополчения. Но его апелляция к цифрам не всегда безупречна. Например, численность Московского ополчения в Бородинском бою он определяет в 21 тыс. (не считая ратников, строивших укрепления, выносивших раненых, конвоировавших пленных). Цифра эта получена на основании списочного состава ополченских полков (стр. 122), хотя точно не установлено, все ли 8 полков Московского ополчения, участвовавших в Боро-

динском сражении, были полностью укомплектованы (ведь их формирование к тому времени еще не окончилось). Так, при выступлении к Можайску 17 августа 1-го и 3-го егерских и 1-го пешего полков в них было всего 4 363 ратника¹ вместо 7 357 человек списочного состава². Цифра, предложенная В. Бабининым, в полтора раза превосходит данные (около 15 тыс.), которые мы находим в бумагах М. Б. Барклая де Толли³, А. П. Ермолова⁴, М. И. Кутузова⁵ и начальника Московского ополчения И. И. Маркова⁶. При передаче Московского ополчения в регулярные полки (с 28 по 30 августа) ратников оказалось в нем не 20 тыс., как должно бы получиться по подсчетам В. Бабкина, а всего около 14 тысяч⁷.

Нам кажется, что автор не всегда прав и при рассмотрении вопроса о вооружении ополчения. Признавая, что вначале оно было плохо вооружено, В. Бабкин пишет: «В ходе войны Кутузов принял меры к тому, чтобы ополчения были полностью вооружены ружьями». «К тому времени (к началу контрнаступления.— Б. Л.) большинство ратников ополчения имело огнестрельное оружие» (стр. 100). Однако дело обстоит иначе. Не говоря уже о резервном ополчении Поволжья, не участвовавшем в кампании 1812 г., даже действовавшие Рязанское и Владимирское ополчения вплоть до своего роспуска вовсе не имели ружей. В Калужском ополчении вначале насчитывалось всего 600 ружей на 15 тыс. ратников, и лишь 9 октября было получено еще 1 920 ружей⁸. Ярославское ополчение только 14 ноября получило 2 тыс. ружей на 11 тыс. ратников⁹. О прибывшем в мае 1813 г. к блокадному корпусу под Замостье Черниговско-

¹ «Московское дворянство в 1812 г.». М. 1912, стр. 83.

² «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.». М. 1962, стр. 64.

³ «Отечественная война 1812 г.». Материалы Военно-ученого архива (ВУА). Т. 18. СПб. 1911, стр. 184.

⁴ ЦГВИА, ф. 103, оп. 209а, св. 5, л. 159.

⁵ «М. И. Кутузов». Сборник документов. Т. 4, ч. 1. М. 1954, стр. 129.

⁶ «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.», стр. 70—71.

⁷ «М. И. Кутузов». Т. 4, ч. 1, стр. 181.

⁸ ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 0, л. 107, ч. 13, лл. 5—6; «Отечественная война 1812 г.». Материалы ВУА. Т. 20. СПб. 1912, стр. 55; ЦГВИА, ф. ВУА, 1817, д. 580, л. 46.

⁹ «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.», стр. 253.

Полтавском ополчении (13 тыс.) командующий корпусом писал: «Кавалерия не имеет пистолетов, а пехота ружей»¹⁰. «Во вверенных мне войсках, при блокаде Данцига состоящих, имеется в С.-Петербургском и Новгородском ополчениях недостаток ружей, особенно в Тульском ополчении находится только по 25 ружей в роте, остальные люди все с пиками»¹¹. Три ополченских конных башкирских полка, выступивших в поход в ноябре 1812 г., по свидетельству Аракчеева, «не имеют при себе оружия, кроме лука и стрел»¹².

Описание военных действий ополчения — наиболее удавшаяся часть книги. Из донесений, строевых рапортов, наградных списков, походных записок В. Бабкин извлек все, что относится к ополчению, и на основе этих отрывочных сведений обобщенно и вместе с тем без утраты конкретных особенностей охарактеризовал боевой путь каждого из губернских ополчений и роль народного ополчения в целом. Особенно подробно описано им участие Московского и Смоленского ополчений в Бородинском сражении. Отметим тем не менее неубедительность суждений автора по такому существенному вопросу, как оценка М. И. Кутузовым боевых качеств ополчения. На основании того, что Московское ополчение в Бородинском бою было придано корпусу генерала Н. А. Тучкова, выполнявшему важную боевую задачу, В. Бабкин заключает, что М. И. Кутузов особенно высоко ценил боевые качества ополчения (стр. 127). Но об оценке М. И. Кутузовым боевых качеств ополчения, вооруженного в основном пиками и топорами (на Бородинском поле у ополченцев-москвичей одно ружье приходилось на четверых), следует судить по прямым указаниям главнокомандующего: «Чтобы их употреблять можно там было иногда к составлению с пиками третьей шеренги или употреблять их за батальонами малыми резервами для отвода раненых или для сохранения ружей после убитых, для делания редутов и других полевых работ, наипаче замещать нужные места при обозах, дабы уже там ни одного солдата держать нужды не было»¹³.

Вызывает сомнение утверждение В. Бапкина (встречающееся, впрочем, и у других

авторов) о «разгроме» Владимирским ополчением совместно с партизанами «в сражении за город Богородск» корпуса Даву. Прежде всего корпусом в Богородске командовал не Даву, а Ней. Несомненно, стычки с Владимирским ополчением и особенно с партизанским отрядом Герасима Курина стоили французам жертв. Мнение же автора о «разгроме» французов у Богородска никак не согласуется с донесениями начальника Владимирского ополчения Б. А. Голицына. Отчитываясь об операциях, он писал: «Я сделал распоряжение к преграде вторжения его (врага.— Б. Л.) во Владимирскую губернию, беспокоил его фуражирование, имел отрядами конницы сшибки, о которых доносил Вашей светлости»¹⁴. В хронике партизанского отряда Герасима Курина говорится, что когда отряд беспрепятственно подошел к Богородску 1 октября, то «тамо также не оказалось ни одного злодея»¹⁵.

При повествовании о «разгроме» (стр. 95 и 149) французского корпуса у Богородска и «боях на улицах» (стр. 148) В. Бабкин не ссылается на источники и тем самым лишает нас возможности проверить правильность сообщаемых им сведений. Дело в том, что существует и иная, правда, менее эффективная версия освобождения Богородска. «Готовясь к походу (из Москвы на Калугу.— Б. Л.), — пишет М. Богданович, — Наполеон сосредоточил свои силы: корпус Нея, стоявший в Богородске, и дивизия Дельзона... находившаяся в Дмитрове, получили приказание 1 (13) октября возвратиться в Москву...»¹⁶. Документально эта версия подкрепляется и донесением начальника Рязанского ополчения, посылавшего 1 октября разведку к Богородску: «...с вечера в 9 часов неприятель получил от своего начальства курьера, и не более как через час после того выступил к Москве поспешным маршем как из Богородска, так и из Касимовской дороги...»¹⁷.

Приведенные нами факты говорят о том, что автор не всегда критически относился к используемым материалам.

Б. Ф. Ливчак

¹⁴ «Отечественная война 1812 г.». Материалы ВУА. Т. 18, стр. 124.

¹⁵ «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.», стр. 117.

¹⁶ М. Богданович. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. СПб. 1860, стр. 1; см. также А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны 1812 г. Ч. III. СПб. 1839, стр. 109.

¹⁷ «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.», стр. 170.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 198, д. 21, лл. 103—105.

¹¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3127, л. 21.

¹² «Отечественная война 1812 г.». Материалы ВУА. Т. 20, стр. 246.

¹³ «М. И. Кутузов». Т. 4, ч. 1, стр. 97.

А. Г. МАНЬКОВ. *Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века*. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1962. 422 стр. Тираж 1 600. Цена 1 руб. 96 коп.

За последние годы советские историки уделяют серьезное внимание анализу процессов социально-экономического развития России того периода, который, по характеристике В. И. Ленина, начинается «примерно с 17 века»¹. Правильно оценивая это время как исходный рубеж для складывания буржуазных связей в стране, отдельные исследователи, однако, пытаются все происходившие тогда явления объяснить ростом общественного разделения труда, расширением внутреннего рынка и развитием товарного производства. Даже такой факт, как усиление крепостнической эксплуатации, они склонны связывать исключительно с названными причинами и тем самым, по существу, сводят на нет значение социальных и надстроечных моментов. Нет сомнения в том, что уже в XVII в. рост общественного разделения труда, торговли, промышленности и складывание всероссийского рынка вели к зарождению и развитию буржуазных отношений в экономике феодальной России. Но на этом основании нельзя отрицать, что в XVII в. продолжали господствовать феодальные отношения, что крепостническая эксплуатация крестьян приобрела в то время наиболее грубые формы, когда, по словам В. И. Ленина, «не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами производители очень мало отличались от какого-нибудь «средства производства»².

Отсутствие анализа противоречивости и сложности процессов, имевших место в XVII в., препятствовало правильной и всесторонней оценке социально-экономического развития страны в то время. Поэтому следует приветствовать стремление А. Г. Манькова показать динамику развития феодальной собственности в России и внутреннюю политику, проводимую самодержавием во второй половине XVII века.

В рецензируемой монографии обстоятельно исследован вопрос о борьбе государства с бегством крепостных крестьян. Впервые в советской историографии автор прослеживает организацию сыска беглых и, в частности, рассматривает, как в ответ на требования дворян-крепостников сыск беглых был организован в общегосударственном

масштабе (стр. 82). На огромном архивном материале в книге выявлена прямая связь действий крепостников и самодержавия с происходившей в изучаемый период классовой борьбой крестьянства (стр. 113). А. Г. Маньков подчеркивает, что эта связь делает необходимым тщательное исследование мероприятий царского правительства по борьбе с побегами крестьян.

Именно эту задачу и поставил перед собой автор монографии. Он подробно анализирует такие явления, как прикрепление крестьян и сыск беглых. Убегая от своих владельцев, крепостные стремились избавиться не только от власти того или иного помещика, но и от всякого гнета вообще. Они рассчитывали найти желаемую свободу на окраинах России. Но обрести ее здесь, как показывает А. Г. Маньков, во второй половине XVII в. было уже невозможно. На основе новых источников автор прослеживает, как быстро распространялось крепостное право на эти еще совсем недавно свободные «окраинные» территории. Своеобразным итогом развития классовой борьбы и крепостнических отношений в России конца XVII в. он справедливо считает распространение на территорию Дона норм сыска и прикрепления беглых, которые до этого применялись только в пределах «черты», то есть основной территории Российского государства того времени (стр. 170—171).

Тщательно исследуя многообразные крепостные акты, А. Г. Маньков всесторонне раскрывает значение их в процессе закрепления крестьян. Впервые в нашей литературе автором выявлена в этом плане роль переписных и писцовых книг (стр. 183—187), послужных грамот (стр. 188—191), раздельных мировых, данных, купчих и т. п. документов второй половины XVII века. Столь же глубоко анализируется значение жилых, порядных, ссудных и поручных записей в ходе закрепощения сельского населения. Изучение этих актов приводит А. Г. Манькова к убедительному выводу, что распространенная до середины XVII в. «старина» все более становилась пережитком и сводилась на нет законом и крепостным актом.

Большой интерес представляет исследование автором положения посадских людей. Известно, что русские города второй

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137.

² Там же, стр. 406.

половины XVII в. до сих пор изучены очень мало. Монография в значительной степени заполняет этот пробел. А. Г. Маньков прав, когда в прикреплении городского населения к посаду (вторая половина XVII в.) видит выражение общего процесса развития крепостничества. В то же время он показывает, как с развитием производительных сил и ростом общественного разделения труда посады укреплялись и вступали в борьбу с феодалами, оспаривая у них права на крестьян, перешедших на жительство в города. Эта борьба, по справедливому мнению автора, в конце века закончилась, по существу, победой посадов.

Рассматривая постановку крестьянского вопроса в Палате об Уложении, А. Г. Маньков приходит к заключению, что основным результатом работы Палаты явилась выработка новой, XI главы Уложения, которая должна была стать сводным законодательным установлением по крестьянским делам. Эта глава давала правовую основу для урегулирования отношений между беглыми крестьянами и холопами, с одной стороны, и крепостниками — с другой.

А. Г. Маньков тщательно и кропотливо исследовал разнообразные источники, многие из них впервые ввел в научный оборот. Его книга вносит много нового в изучение эволюции крепостного права в России во второй половине XVII века. Однако она не свободна от недостатков и спорных положений, наличие которых не может, впрочем, повлиять на высокую оценку монографии.

Как нам представляется, автору необходимо было больше внимания уделить судьбе посадских людей во второй половине XVII века. Он решительно выступает против тезиса П. П. Смирнова, утверждающего, что «главной задачей городской реформы была задача окончательного раскрепощения городского населения по земле и тяглу от феодальной зависимости» (стр. 257). Для обоснования своей точки зрения он приводит материал XIX главы Соборного Уложения 1649 г. и последующих законодательных актов. Но этого, как мы полагаем, недостаточно. Во-первых, следовало бы использовать и другие главы Соборного Уложения, в которых имеются свидетельства о тормозящем влиянии крепостнической политики на развитие русского города, а во-вторых, не мешало бы шире привлечь и актовый материал, как это сделано в других местах книги. Выполнить все это было особенно важно еще и потому, что точка зрения П. П. Смирнова до сих пор

находит немало сторонников. Опираясь лишь на законодательный материал, А. Г. Маньков критикует и другое положение П. П. Смирнова — о прогрессивном характере посадского строения как решающего этапа в развитии буржуазных отношений (стр. 250). Но если на основе юридических актов возможно показать направление политики правительства и условия жизни городов, то, руководствуясь одними законодательными актами, нельзя выяснить степень развития буржуазных отношений. А. Г. Манькову хорошо известно, что эти явления развивались в силу объективных закономерностей, сплошь да рядом в обход всяких юридических установлений.

В некотором противоречии с общей линией монографии находится оценка автором отдельных мероприятий, проводившихся самодержавием в середине XVII века. Так, конфискация в городах у бояр и церкви слобод, поместий и вотчин, по мнению А. Г. Манькова, проводилась «в интересах посада и государственного фиска» (стр. 259). Мы полагаем, что она проводилась не только поэтому. Поместное дворянство видело в данном мероприятии продолжение политики, направленной на ограничение привилегий крупных феодалов и церкви, и накануне принятия Соборного Уложения охотно поддержало эту меру, выдвинутую верхушкой посада.

Распространение крепостнических норм сыска беглых на территорию Дона автор относит только к самому концу XVII в., связывая это с боярским приговором 1698 г. (стр. 174). Но приговор датирован августом 1698 г.³, а еще в марте того же года, как отмечается в книге, Петр I подписал указ о посылке на Дон правительственных сыщиков для ловли беглых. Дело, однако, не только в этом противоречии, которое А. Г. Маньков пытается устранить ссылкой на то, что августовский приговор 1698 г. в книге указов Поместного приказа датирован 23 марта 1698 года. Как свидетельствуют документы, уже в 1673 г. были отправлены на Дон две царские грамоты, требовавшие не принимать беглых крестьян, солдат и матросов, а в 80-х годах XVII в. все случаи укрытия на Дону беглых рассматривались правительством как нарушение закона, и виновные подлежали наказанию⁴. Это дает нам основание считать, что

³ См. «Полное собрание законов Российской империи». Т. 3, № 1644.

⁴ А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. 1961, стр. 219.

крепостнические нормы сыска беглых стали распространяться на Дон значительно раньше — сразу же после подавления крестьянской войны 1670—1671 годов.

В интересно написанном А. Г. Маньковым историографическом очерке, на наш взгляд, следовало бы несколько более подробно остановиться на характеристике литературы 20—30-х годов. Не желая, по-видимому, повторять то, о чем уже писали другие, автор отсылает читателей к статье И. И. Смирнова (стр. 12). Но в ней, как известно, рассматриваются работы историков, исследовавших преимущественно более ранний период — XVI в., в частности вопрос о роли «заповедных лет» в развитии крепостного права. В то же время в 20—30-е годы публиковались книги по темам,

непосредственно примыкающим к исследуемой А. Г. Маньковым проблеме, например, о городских восстаниях середины и второй половины XVII в., об экономическом и социальном развитии России накануне и после крестьянской войны под предводительством С. Разина и по ряду других вопросов⁵, которые совсем не затронуты в статье И. И. Смирнова.

А. Г. Задера,
А. П. Пронштейн

⁵ М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.-Л. 1935; К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л. 1936; Б. Тихомиров. Разинщина. М.-Л. 1930; С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. Исторический очерк. Птгр. 1923, и др.

«Международные отношения после второй мировой войны». Т. I (1945 — 1949 гг.). М. Госполитиздат. 1962. 759 стр. Тираж 26 000.

Цена 1 руб. 80 коп.

Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР приступил к изданию трехтомного труда, посвященного международным отношениям после второй мировой войны*.

В советской исторической литературе уже предпринимались попытки создания систематизированных курсов по послевоенной

истории международных отношений¹. Не умаляя значения этих работ, следует сказать, что авторы их преследовали ограниченные цели, ибо речь шла об учебных пособиях. Кроме того, в них не всегда уделялось должное внимание экономическому и юридическому анализу международных отношений. Рецензируемый том написан большим коллективом, в который входят наряду с известными историками-международниками экономисты, юристы и специалисты по другим отраслям знаний. Это позволило всесторонне исследовать современные международные отношения. Читатель найдет здесь систематизированные сведения по истории внешней политики разных стран; многие из приводимых в книге фактов впервые вводятся в научный оборот.

ва, Е. Н. Новосельцев, Л. А. Салычева, Г. К. Селезнев, Е. И. Селезнева, Г. Г. Чумалова, О. В. Шаргородская, Э. А. Шмуйлович.

¹ «Международные отношения и внешняя политика СССР. 1945—1949 гг.». М. 1958; «Международные отношения и внешняя политика Советского Союза. 1950—1959». I полутом. М. 1960; II полутом. М. 1960; «Международные отношения и внешняя политика СССР (1917—1960)». М. 1961.

* Авторы первого тома: Р. М. Аваков, Ю. А. Арбатов, В. И. Гантман, Н. Н. Иноземцев, В. Л. Исраэлян, М. С. Капица, В. Б. Княжинский, Л. Н. Кутаков, А. А. Лаврищев, Л. И. Львов, К. Л. Майданик, Д. Е. Мельников, Ю. М. Мельников, С. А. Микоян, А. Г. Милейковский, Н. Н. Молчанов, Г. И. Морозов, В. П. Нихамин, И. И. Орлик, Н. Г. Павленко, Ш. П. Санакоев, О. Э. Туганова, Т. Т. Тимофеев, Д. Г. Томашевский, В. Г. Трухановский, В. М. Хайцман, Я. М. Шавров, А. И. Шапиро, А. Ф. Шульговский. Научные редакторы: В. И. Гантман, Ю. М. Мельников, С. А. Микоян, Н. Н. Молчанов. Редактор тома — А. Г. Милейковский. Главная редакция: Н. Н. Иноземцев (главный редактор), А. А. Арзуманян, А. А. Лаврищев, И. М. Лемир, Д. Е. Мельников, А. Г. Милейковский, И. И. Орлик, В. В. Размеров, Н. А. Таленский, Д. Г. Томашевский, П. Н. Федосеев, М. А. Харламов, В. М. Хвостов. В работе над томом участвовали также: М. Д. Важнин, Ю. В. Емельянов, И. М. Иванова, Е. П. Кассиро-

Две отличительные черты являются характерными для рецензируемого издания. Во-первых, его высокий теоретический и научный уровень. В книге вскрыты основные тенденции исторического развития в 1945—1949 гг.; содержатся глубокие исторические обобщения; освещены новые явления международной жизни; показаны решающие успехи социализма в экономическом соревновании двух систем; разоблачен агрессивный внешнеполитический курс империалистических держав во главе с США. Особенно следует отметить «Введение», в котором раскрыты основные закономерности развития международных отношений после второй мировой войны и дана научно обоснованная периодизация истории международных отношений после 1945 года. Второй отличительной чертой книги является присущий ей глубокий экономический анализ событий и явлений. Ряд глав посвящен характеристике экономических последствий второй мировой войны для капиталистических стран и внешнеэкономической политике СССР и капиталистических стран в первые послевоенные годы. Специальная литература иногда ограничивает описание англо-американских отношений этого времени одним лишь фактором — экспансией США и ответными действиями Великобритании. В рассматриваемой книге показан и другой аспект взаимоотношений двух капиталистических хищников: не только «оборона» британского империализма от натиска США, но в ряде случаев и его наступление, причем достаточно успешное.

Авторы отмечают, что одним из основных процессов, происходивших во время войны и продолжавшихся быстрыми темпами после нее, явилось небывалое усиление государственно-монополистического капитализма. Важен и другой вывод: в отличие от периода, наступившего вслед за первой мировой войной, буржуазия, подготавливая программы послевоенного империалистического мира, пыталась учесть опыт истории и наметила такие мероприятия, которые помогли бы ей избежать опасных для капитализма социальных потрясений, хозяйственного хаоса и инфляции (стр. 52). В специальной главе тома рассмотрены основные черты послевоенного экономического развития капиталистического мира. Авторы подметили следующее интересное обстоятельство: связанные с военными кругами монополисты, сумев затормозить перевод экономики на мирные

рельсы и оставить в значительном объеме военное производство и милитаризацию хозяйства, тем самым добились сохранения за собой господствующих позиций (стр. 311).

Много любопытного материала найдет в книге читатель, интересующийся ролью международных капиталистических экономических организаций. Все эти наднациональные организации стали сферой межимпериалистического соперничества. США стремились и стремятся использовать их как средство контроля над мировой капиталистической экономикой. Но они содействовали не только упрочению позиций Соединенных Штатов. В рамках этих экономических организаций складывались новые группировки стран с противоположными локальными интересами (стр. 330). Так, усилиями Англии и США в 1949 г. был образован Европейский совет 15 государств, но его многочисленные проекты оказались мертворожденными из-за непреодолимых противоречий между его участниками (стр. 332—333).

Большое место в книге уделено внешней политике Советского Союза. Красной нитью проходит через все изложение мысль о том, что если в прошлом международные отношения определялись в основном силами капитализма, то после второй мировой войны они в огромной степени стали развиваться под воздействием сил социализма. В книге приведено много фактов, свидетельствующих о бескорыстной помощи СССР другим странам социалистического лагеря, о совершенно новом типе отношений, сложившихся между странами социализма. Например, по подсчетам польских экономистов, советские инвестиционные кредиты, полученные Польшей до 1949 г., достигли суммы в 2,2 млрд. руб. и сравнялись со стоимостью машин и оборудования, поставленных из США по плану Маршалла 11 странам Западной Европы (стр. 102). Благодаря усилиям Советского Союза были созданы необходимые внешнеполитические условия для развития стран, вступивших на путь социализма. Авторы правильно отмечают, что содружество социалистических стран развивается на основе принципов пролетарского интернационализма и полного равноправия. В результате миролюбивой политики СССР и других социалистических стран, подчеркивается в книге, была резко сокращена сфера действия сил капитализма, навсегда положен конец империалистической политике

в тех районах, где она в течение многих лет вызывала вражду и конфликты между народами. Так, Балканы перестали быть пороховым погребом Европы. Авторы напоминают, что СССР оказал активное содействие национально-освободительному движению в колониальных и зависимых странах, в частности, эффективно поддерживал требования правительств Сирии и Ливана о выводе с их территории французских и английских войск, энергично выступил в защиту Индонезийской республики, ставшей осенью 1945 г. жертвой агрессии английских и голландских войск, и т. д. Положительной стороной книги является показ отрицательных последствий культа личности в области внешней политики. Культ личности, подчеркивают авторы, не мог, однако, изменить сущности советской внешней политики.

Буржуазная историография пытается, как известно, отрицать ту очевидную истину, что СССР последовательно борется за проведение в жизнь принципа мирного сосуществования. Она утверждает, будто советская дипломатия отстаивает этот принцип, исходя из тактических соображений, но «не всегда руководствовалась» им; в частности, так было будто бы в 1945—1949 годах. Буржуазные фальсификаторы договариваются до того, что объявляют СССР виновником развязывания «холодной войны»², и т. п. В книге собран убедительный материал, начисто опровергающий эти фальсификаторские упражнения. Одним из блестящих примеров последовательного осуществления советской дипломатией принципа мирного сосуществования авторы правильно считают борьбу СССР за заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией и настойчивое стремление СССР подписать мирный договор с Японией. В соответствующем разделе, написанном живо и интересно, подчеркивается, что именно в результате деятельности советской дипломатии заключенные с этими странами договоры носили справедливый характер и способствовали возрождению национальной независимости Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии (стр. 524).

² См., например, W. Walsh. *Russia and the Soviet Union*. «Michigan Univ. Press». 1958, p. 554; R. Strauss-Hupe, S. F. Possony. *International Relations. In the Age of Conflict between Democracy and Dictatorship*. 2nd ed. New York—Toronto—London. 1954, chap. XXV.

В то же время в книге показано, что еще в конце войны американские правящие круги провоцировали различные американско-советские конфликты. Авторы приводят множество фактов о том, что уже тогда политика США в отношении СССР характеризовалась, как признавал Трумэн, «недружественным отношением» (стр. 358). Именно этот американский президент прервал в конце 1945 г. переписку, которая велась во время войны между главами правительств СССР и США и приносила определенную пользу (стр. 359). Провозглашение весной 1946 г. государственным секретарем США Бирнсом «жесткого курса» в отношении СССР, попытки осуществить доктрину Трумэна, создание НАТО привели к значительному обострению международной напряженности и к возрастанию военной угрозы. Читатель узнает из книги, что термин «холодная война» был изобретен реакционным американским публицистом Гербертом Своупом при подготовке им проекта публичного выступления Бернарда Баруха в начале 1946 года. Однако тогда Барух и Своуп решили несколько обождать с формальным объявлением такой войны. Официально уже в апреле 1947 г. Барух заявил, что Америка находится «в разгаре холодной войны» (стр. 685—686). Политику США поддерживала и Англия. Как указывают авторы, английские правящие круги поставили перед собой явно нереальную цель — предотвратить победоносное шествие социалистических революций в Европе и Азии, восстановить капиталистические порядки в Восточной Европе и упрочить колониальный режим в странах Британской империи (стр. 382—383). На основании глубокого анализа английской внешней политики в книге сделан вывод, что в 1947—1948 гг. Англия сама просила США взять на себя ту роль «лидера», которая была сформулирована в доктрине Трумэна, и отошла от своей традиционной политики «равновесия сил», связав себя с агрессивными военными блоками, возглавляемыми США.

Значительная часть работы посвящена распаду колониальной системы империализма и изменению после 1945 г. роли стран Азии, Африки и Латинской Америки в международных отношениях. Особенно ценным является то, что авторы подробно рассмотрели международные отношения в Африке и Латинской Америке, вскрыли причины, в силу которых были не одинаковы темпы национально-освободительного

движения в различных районах Африки. Это явление объясняется в книге прежде всего тем, насколько быстро в том или другом районе африканского континента происходил процесс формирования наций. В Северной Африке (Алжир, Тунис, Марокко) он уже завершился. Иным было положение южнее Сахары, где еще сохранялась этническая раздробленность. Кроме того, тормозом для развития национально-освободительного движения в странах Южной Африки авторы справедливо считают отсутствие здесь (кроме ЮАР) коммунистических партий.

Новый и полезный материал читатель найдет также в главах, посвященных вопросам послевоенного мирного урегулирования на Дальнем Востоке, национально-освободительной и революционной борьбе китайского и корейского народов, завоеванию независимости Индией, Индонезией, Бирмой и Пакистаном.

Одно из центральных мест в книге занимают проблемы разоружения и запрещения атомного оружия. Приведенные авторами данные показывают, что Советское правительство с самого начала выступало за эффективный и строгий контроль над разоружением, за запрещение атомного оружия. Детально рассмотрены в книге предложения СССР (осень 1947 г.) о создании международной контрольной комиссии с предоставлением ей права на ознакомление с любым атомным предприятием, на проверку отчетов об их деятельности и т. д. (стр. 557). Даже делегации ряда капиталистических стран (Канады, Англии, Бразилии) вынуждены были признать положительный характер предложений СССР, и только под давлением делегации США Комиссия по атомной энергии отклонила советский проект контроля.

В работу включены специальный раздел о роли идеологической борьбы на современном этапе международных отношений и критический очерк буржуазной историографии международных отношений в 1945—1949 годах. Обрисованы также цели, на-

правления и методы работы современных буржуазных авторов, пишущих о внешне-политических проблемах.

В заключение нам хотелось бы высказать несколько пожеланий, учитывая, что вскоре должны выйти и последующие тома рецензируемого издания. Глубокое исследование международных отношений в настоящее время невозможно без разработки не только исторического, но также экономического, военного, юридического и дипломатического аспектов. Если анализ экономического аспекта проблемы является сильной стороной книги, то этого нельзя сказать о правовом исследовании в ней ряда международных событий.

Хорошо написан раздел о фальсификации буржуазными идеологами характера и сущности международных отношений в 1945—1949 годах. Но читателя, несомненно, заинтересовал бы обзор советской литературы по этим вопросам, в котором было бы показано, что нового внесли наши исследователи в изучение событий первых послевоенных лет. К сожалению, такого обзора в работе нет.

Досадно, что около четверти книги напечатано петитом. Это затрудняет чтение. Распределение материала кажется иногда неоправданным: в ряде случаев наиболее интересные и свежие сведения почему-то набраны петитом.

Как известно, на Всесоюзном совещании историков подчеркивалась необходимость комплексного исследования крупнейших проблем, коллективной их разработки. Рассматриваемая книга является наглядным примером плодотворности и перспективности подобных форм работы. Выход в свет первого тома серии «Международные отношения после второй мировой войны» является значительным событием в научной жизни нашей страны. Новая работа содействует углубленному изучению широкого круга проблем современных международных отношений.

В. И. Попов

Р. Г. ЛАНДА. *Национально-освободительное движение в Алжире (1939—1962 гг.)*. М. Изд-во восточной литературы. 1962. 290 стр. Тираж 3 400. Цена 1 руб.

Книга Р. Г. Ланды — первая серьезная и, надо сказать сразу, удачная попытка монографического изучения героической борьбы алжирского народа против империализма в период от начала второй мировой войны до наших дней. У автора почти не было предшественников в разработке этой проблемы. Основные материалы для своего исследования он извлек из документов братских компартий, трудов алжирских и французских коммунистов, официальных публикаций, решений международных конференций, прессы и специальной литературы (включая работы на французском, английском, итальянском и арабском языках).

Однако бросается в глаза, что Р. Г. Ланда не использовал ряд важных источников: мемуары де Голля, материалы процессов над Петэном и Лавалем и другие данные, которые пролили бы дополнительный свет на отношение к алжирскому вопросу (в период второй мировой войны) США и Англии, с одной стороны, держав «оси» — с другой.

Условия, в которых алжирскому народу приходилось бороться за свою независимость, исключительно тяжелые и сложные, во многом отличались от тех, в которых находились в большинстве своем другие колониальные и зависимые страны. Тем не менее автор сумел дать глубокий анализ алжирской действительности. В книге доказано, что независимо от внешних и внутренних социальных и политических потрясений, которые переживала Франция за последнюю четверть века и которые привели к банкротству трех режимов (Третьей республики, режима Виши и Четвертой республики), все французские буржуазные партии, правящие группировки и правительства, сменявшие друг друга, проводили в алжирском вопросе, по существу, единую политическую линию — империалистическую, колониаторскую, диктуемую интересами монополий. В то же время в книге подчеркивается тезис о полной обреченности всех попыток сохранения «французского Алжира», предпринимавшихся вопреки неумолимому ходу событий колонизаторами разных мастей.

Р. Г. Ланда характеризует Эвианские соглашения как признание краха обанкротившейся политики «французского Алжира». Но для правящих кругов Франции эти

соглашения означали также переход на рельсы неоколониализма, попытку увековечить систему колониальной эксплуатации Алжира при помощи иных, «мирных» методов. Этот переход был вынужденным, однако в связи не только с военными обстоятельствами, но и с политическими. Хотелось бы, чтобы для обоснования данного положения автор не ограничился одним лишь высказыванием де Голля (стр. 271—272), а привел более убедительные материалы¹. Ведь борьба против колониализма в его различных обликах остается первоочередной задачей и для молодой Алжирской республики.

Следует упрекнуть автора и в других упущениях. Экономические аспекты изучаемой им проблемы отражены в книге гораздо слабее, чем политические, и даны они не в развитии, а статично (к началу второй мировой войны и затем к 1948—1954 гг.). Отсутствует попытка глубоко разобраться в вопросе о колониальной «дани», получаемой французскими монополиями с Алжира. В первых трех главах, повествующих о событиях предреволюционной эпохи (до ноября 1954 г.), весьма скупо говорится о колониальной эксплуатации алжирского народа, о его отношении к политике колониальных властей и борьбе национальных партий с ними, о формах массового движения в стране. Подчас создается впечатление, что в некоторые периоды в Алжире вообще не существовало массового движения (см. особенно главу первую). Может быть, автору стоило привлечь для доказательства своих тезисов больше источников статистико-экономического характера и местных материалов. Правда, в заключительных главах, где речь идет об алжирской революции 1954—1962 гг. и ее победе, этот недостаток преодолен. Более того, здесь хорошо показан массовый героизм алжирского народа, всенародный характер его самоотверженной борьбы за освобождение из-под колониального гнета. К сожалению, в книге не раскрыт процесс классовой дифференциации европейского меньшинства и не приведены факты солидарности трудящихся-европейцев с алжирцами.

¹ Их можно найти, в частности, в книге J. Moch. *En 1961 paix en Algérie*. Paris. 1961.

Деятельности национальных партий Алжира, детальной характеристике сил антиколониальной борьбы посвящены основные, наиболее удачно написанные разделы книги. Одна из особенностей национально-освободительного движения в Алжире состояла в том, что здесь в отличие от многих других колониальных стран (например, Индии, Туниса, Марокко) не было партии, играющей роль гегемона в движении, а в разное время роль лидера играли различные партии: Партия алжирского народа, Демократический союз алжирского манифеста (УДМА), Движение за торжество демократических свобод; большим влиянием пользовались также различные религиозные группировки, например, улемы. Острые противоречия, носившие объективный характер, существовали как в отношениях между партиями, особенно до образования Фронта национального освобождения, так и внутри самих партий. Лишь Алжирская коммунистическая партия оставалась единой и монолитной, последовательно и решительно отстаивала дело национального освобождения и социального прогресса.

Р. Г. Ланда разобрался в сложной внутриполитической обстановке в Алжире и показал, как различным местным политическим организациям, несмотря на все их разногласия и огромные трудности внутреннего и внешнего порядка, удалось выработать единую линию по главному вопросу и привести национально-освободительное движение к победе. Разработку этой про-

блемы для периода 1954—1960 гг. Р. Г. Ланда осуществил с полным учетом своеобразия алжирской действительности. Тем досаднее, что в конце книги содержится торопливое перечисление событий, без попытки проанализировать важные явления, имевшие место в алжирском национально-освободительном движении на его самом последнем этапе (например, причины реорганизации Временного правительства в августе 1961 г., стр. 266—267, и др.).

Отметим некоторые спорные положения. Нам представляется, что автор несколько преувеличивает роль улемов (представителей мусульманской интеллигенции и духовенства) в движении (стр. 74—76, 157—159 и др.), действия которых в общем не выходили за рамки просветительства на религиозной основе. Вряд ли можно называть УДМА периода первых послевоенных лет выразителем интересов «радикального крыла национальной буржуазии», если эта партия выступала не за независимость Алжира, а только за его автономию (стр. 74).

Отсутствие карты затрудняет усвоение материала, особенно когда автор рассказывает о действиях повстанцев. Следовало бы дать разъяснение по тексту ряда специфических местных терминов и снабдить книгу указателями.

В заключение подчеркнем, что книга Р. Г. Ланды может послужить надежной основой для дальнейшей разработки новейшей истории Алжира.

М. С. Лазарев

«История профсоюзного движения за рубежом (с 60-х гг. XVIII века до 1939 года)». М. Профиздат. 1962. 590 стр. Тираж 8 000. Цена 93 коп.

За последние годы исследователей (как в СССР, так и за рубежом) все больше привлекает история профсоюзного движения. Большим вкладом в разработку этой проблемы явился фундаментальный труд известного деятеля американского и международного рабочего и коммунистического движения У. Фостера, в котором был дан глубокий анализ возникновения, развития и борьбы профсоюзов в международном масштабе¹. Вслед за тем советские историки выпустили в свет учебное пособие, охва-

тывающее историю профсоюзного движения за рубежом в военный и послевоенный периоды². Наконец, была опубликована и рецензируемая книга, являющаяся плодом коллективного труда³ работников кафедры

² «История профсоюзного движения за рубежом (1939—1957 гг.)». М. 1958.

³ Авторы: Н. Д. Боголюбов, К. П. Вощенко, И. Н. Жмыхов, И. И. Жмыхова, М. А. Заборов, Е. П. Заказникова, М. И. Иляхин, В. А. Корольков, П. А. Крайнов, С. Н. Ростовский, Л. Ф. Хитров. Хронологическую таблицу составил М. Я. Домнич. Редколлегия: И. Н. Жмыхов (отв. ред.), М. А. Заборов, В. А. Корольков, П. Т. Пименов, С. Н. Ростовский.

¹ У. З. Фостер. Очерки мирового профсоюзного движения. М. 1956.

истории профдвижения за рубежом Высшей заочной школы профдвижения ВЦСПС и представляющая собой учебное пособие.

В вводной части книги изложены некоторые общие проблемы зарубежного профсоюзного движения, показаны место и роль профсоюзов в классовой борьбе пролетариата. В сжатой форме приведены здесь теоретические положения о профсоюзах, развитые в трудах основоположников научного коммунизма, а также в решениях КПСС и зарубежных братских компартий. Введение подводит читателя к пониманию сущности ленинского вывода о том, что «профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к началкам классового объединения»⁴. Профсоюзы на этом этапе, как правильно отмечают авторы, являются лишь первоначальной школой классовой борьбы пролетариата. Они ведут партизанскую, преимущественно экономическую борьбу против следствий, но не против самих основ системы наемного труда. Сама же эта система может быть уничтожена лишь в результате политической борьбы пролетариата, возглавляемого марксистской партией. Профсоюзы «как организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала»⁵ могут сыграть важную роль только в том случае, если они будут действовать под руководством революционной партии пролетариата.

Значительное место во введении отводится критике оппортунистических теорий о профсоюзах. Здесь изложены принципы взаимоотношений марксистской партии и профсоюзов, показаны предмет истории профсоюзного движения, пути развития профсоюзов в различных странах, их роль в классовой борьбе пролетариата, организационная структура и методы деятельности профсоюзов.

При освещении истории возникновения и развития профсоюзного движения в эпоху утверждения и победы капитализма в Англии, Франции, Германии и США авторы раскрывают процесс формирования пролетариата в передовых странах того времени и дают характеристику форм его борьбы, обстоятельств появления первых профсоюзных организаций в Англии в 60-х годах XVIII века. Здесь намечены также этапы

той длительной и упорной борьбы, которую вели трудящиеся различных стран против антипрофсоюзного законодательства и которая вынудила буржуазию признать право рабочих на создание профессиональных союзов. Значительный интерес представляет та часть книги, где рассматривается деятельность профсоюзов и их роль в общедемократической борьбе периода чартистского движения в Англии и буржуазно-демократических революций 1848 г. во Франции и Германии.

Удачно раскрыта авторами деятельность I Интернационала. В его программных документах, как известно, были четко определены стратегия и тактика борьбы рабочего класса вообще и профсоюзного движения в частности. Руководимое К. Марксом и Ф. Энгельсом Международное Товарищество Рабочих вело упорную борьбу с оппортунизмом в рабочем и профсоюзном движении. Это способствовало укреплению единства рядов пролетариата, росту его профсоюзных организаций и объединению их в национальные профсоюзные центры. К сожалению, данный раздел книги излишне перегружен общеисторическим материалом в ущерб истории непосредственно профсоюзного движения. Поэтому деятельность самих профсоюзных организаций на начальной стадии их развития, структура и методы их борьбы так же, как и вопрос о причине недолговечности первых профсоюзов, не нашли в учебном пособии достаточно глубокого освещения.

Особый раздел пособия посвящен истории зарубежного профсоюзного движения в 1871—1917 годах. После Парижской коммуны, которая, будучи первой в истории пролетарской революцией, обогатила международный рабочий класс новым опытом борьбы за свержение власти капитала, международное рабочее и профсоюзное движение неуклонно развивалось. В большинстве стран Запаदा трудящиеся отвоёвывали право на легальную деятельность своих политических и профсоюзных организаций. В этих условиях буржуазия стала все чаще практиковать подкуп оппортунистической верхушки рабочих организаций. Наряду с этим буржуазные правительства продолжали политику репрессий, особенно усилившихся в конце XIX—начале XX века.

В книге приведены данные о быстром росте рядов профсоюзов и политических партий рабочего класса в эпоху империализма. Наряду с цеховыми профсоюзами в Англии, Франции, Германии и США создаются мас-

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 32.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 200.

совые профсоюзы, объединяющие как квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих. Появляются производственные профсоюзы. В рядах профсоюзов и рабочих партий усиливается борьба революционного марксизма с оппортунистически-реформистским крылом. Авторы обстоятельно показали борьбу во II Интернационале левого крыла, возглавляемого В. И. Лениным, против правых оппортунистов и их теории «нейтральности» профсоюзов. В результате этой борьбы Штутгартский конгресс II Интернационала (1907 г.) осудил теорию «нейтральности» профсоюзов; была признана необходимость тесной связи профсоюзов с социалистическими партиями. В книге приведен также материал о борьбе революционных сил против «левых» оппортунистов в лице анархо-синдикалистов, которые возобладали в профсоюзном движении ряда стран в тот период.

Один из основных недостатков рассматриваемого раздела состоит в том, что характеристика империализма дается здесь лишь в самом конце, а сведения по истории профсоюзного движения в отдельных странах слабо увязаны с особенностями и закономерностями эпохи империализма в целом. Именно поэтому такие явления в рабочем и профсоюзном движении, как подкуп верхушки рабочего класса, раскол его рядов и крах II Интернационала, не нашли в книге четкого объяснения. Странно, что материал о профсоюзном движении Японии до 1917 г. передвинут в следующий раздел книги, что никак не согласуется ни с особенностями, ни с хронологическими рамками рассматриваемого в нем периода.

В последнем разделе пособия освещена история профсоюзного движения за рубежом на первом этапе общего кризиса капитализма (до начала второй мировой вой-

ны), раскрыто значение Великой Октябрьской социалистической революции для международного профсоюзного и рабочего движения, показан бурный рост профсоюзов. В ряде стран под руководством компартий возникли самостоятельные революционные профсоюзные центры, которые в 1921 г. объединились в Профинтерн. Особенно ценно то, что в книге содержится анализ истории профдвижения не только в Западной Европе и США, но и в странах Латинской Америки и Азии. Профсоюзному движению в колониальных и зависимых странах в литературе по рабочему движению обычно уделялось весьма скромное место. Этот недостаток в значительной мере устранен авторами пособия. Много внимания уделено также показу борьбы трудящихся против угрозы войны и фашизма, подвергнуты глубокой критике реакционные теории «классового сотрудничества» и раскольническая политика реформистских лидеров профсоюзов, входивших в Амстердамский Интернационал.

Серьезным недостатком книги является чрезвычайно слабое внимание к деятельности Профинтерна, а также к работе Коминтерна, направленной на обеспечение единства рабочего и профсоюзного движения, на превращение профсоюзов в мощное оружие рабочего класса в борьбе против капитализма. Между тем громадный опыт, накопленный Коминтерном и Профинтерном в период между двумя мировыми войнами, представляет ныне чрезвычайную ценность для компартий и зарубежных прогрессивных профсоюзных деятелей. Думается, что история руководства профсоюзным движением со стороны Коминтерна, а также деятельность Профинтерна еще ждут своих исследователей.

Б. Ф. Пичугин

«История древней Греции». М. Изд-во «Высшая школа». 1962. 502 стр.
Тираж 25 000. Цена 74 коп.

Новый вузовский учебник по истории древней Греции¹ отличается от предыду-

¹ Авторы: Т. В. Блаватская, В. Д. Блаватский, А. Г. Бокшанин, Л. Н. Казаменова, С. И. Ковалев, К. М. Колобова, Я. А. Ленцман, Н. Н. Пикус, О. И. Савостьянова. Под редакцией В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса.

щих прежде всего наличием многих новых сведений: в нем учтены последние достижения исторической, археологической и филологической науки, например, данные по истории крито-микенской эпохи и Северного Причерноморья; использован материал надписей недавно расшифрованного критского линейного письма «Б», а также эпи-

графики (при изложении политической истории Греции в IV в. до н. э.). Авторами умело выявлена органическая связь между греческой и восточной культурами и (что очень важно) обособлен в специальные главы материал по истории Северного Причерноморья.

Обширный раздел учебника посвящен источникам и историографии. Кроме того, каждой главе предпослан краткий обзор источников, что, несомненно, обогащает изложение. Говоря об источниковедческой базе курса, авторы рассказывают сначала о памятниках материальной культуры и археологических письменных источниках и лишь затем подвергают рассмотрению литературные памятники. Этим учебник также выгодно отличается от предыдущих², где источники характеризуются в обратном порядке. По сравнению с прежними учебниками³ в новом гораздо отчетливее представлена историография, в частности, больше места отведено работам ученых социалистических стран, в первую очередь советских; показан приоритет нашей науки в разработке таких вопросов, как развитие древнегреческих колоний в Причерноморье, аграрные отношения в эллинистическом мире, социальные конфликты, формы рабовладения и др.; подвергнуты критике реакционные концепции ряда буржуазных историков.

Авторы дают следующую, на наш взгляд правильную, периодизацию древнегреческой истории: эгейский, или крито-микенский, период (III—II тыс. до н. э.); гомеровский (XI—IX вв. до н. э.); архаический (VIII—VI вв. до н. э.); классический (V—IV вв. до н. э.) и эллинистический (вторая половина IV — середина I в. до н. э.). Авторами выявляется специфика каждого из них, причем на первый план выдвигаются вопросы экономики, рассматриваемые в тесной связи с социальными отношениями. Экономика V и IV вв. до н. э. анализируется не суммарно, как это сделано в других учебниках⁴, а отдельно. В книге прослежено развитие рабства от его примитивных до позднейших форм, охарактеризованы основные черты античного

типа собственности и пути эволюции рабовладельческого полиса (от собственно полиса к симмахии, а затем к федерации). Большое внимание уделено показу народа как творца истории, восстаниям угнетенных против эксплуататоров, различным социально-политическим движениям.

Идеологическую борьбу авторы рассматривают как отражение борьбы социально-политической, причем греческую культуру V и IV вв. до н. э. показывают отдельно, что позволяет лучше выявить конкретную специфику культурной жизни и быта древних греков на протяжении каждого из этих столетий. Полнее, чем в предыдущих учебниках, освещен и период эллинизма: изложение доведено до I в. до н. э. включительно⁵.

Привлекает в учебнике систематичность, последовательность и внутренняя согласованность изложения, сочетание научности с популярностью, живой язык, удачно подобранные иллюстрации, в ряде случаев впервые приводимые в учебном издании. К сожалению, в целом иллюстраций все же мало. Несомненную пользу студентам принесет синхронистическая таблица и приложенная к учебнику библиография (стр. 497—500).

Отметим наиболее существенные недочеты книги. Авторы слабо осветили важный вопрос о возникновении и развитии греческой народности. Правда, эта проблема относится к числу спорных и малоисследованных⁶, тем не менее она заслуживает более обстоятельного изложения. Как нам кажется, историографический обзор выиграл бы от включения в него ряда советских работ, опубликованных в 1950-е годы⁷. Больше места следовало бы отвести анализу классовой сущности религии древних греков. Когда студент приступает к изучению истории Греции, он уже знаком с историей древнего Востока и с такими понятиями, как фетишизм и тотемизм. В настоящем учебнике там, где идет речь о религиозных

⁵ Ср. В. С. Сергеев. История древней Греции. М. 1939, стр. 291—371.

⁶ См. А. И. Тюменев. К вопросу об этногенезе греческого народа. «Вестник древней истории» (ВДИ), 1953, № 4; П. Олива. К вопросу о возникновении и развитии эллинской народности в древней Греции. ВДИ, 1954, № 1.

⁷ А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. М. 1960; Т. В. Блаватская. Западнопонтские города в VII—I веках до нашей эры. М. 1952; А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М. 1957, и др.

² См., например, «История древнего мира». Под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева. М. 1962.

³ С. И. Ковалев. История античного общества (Греция). Л. 1936, стр. 42—56; «История древнего мира», стр. 250—255.

⁴ Например, «История древнего мира», стр. 325—335.

верованиях критян и греков, эти термины не встречаются, хотя у древних греков существовали многочисленные следы фетишизма, а также элементы тотемизма⁸. В учебнике, к сожалению, не проведено сравнение культа героев с культом богов. Между тем это позволило бы ярче выявить особенности религии древних греков в VIII—VI вв. до н. э. Ряд претензий вызывают и параграфы, посвященные греческой философии. Так, в изображении авторов Ксенофан предстает перед нами лишь как идеалист, основатель школы элейцев. По нашему мнению, при изложении взглядов этого философа надо было отметить, что он сыграл важную роль в развитии древнегреческой атеистической мысли, будучи одним

⁸ См. А. Ф. Лосев. Указ. соч., стр. 14—16, 37—47, 93—96, 122, 428—431; Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М. 1958, стр. 111—120; Г. М. Лившиц. Религия и церковь в прошлом и настоящем. Минск. 1961, стр. 13—15.

из первых борцов против религиозных предрассудков. Следовало учесть и то обстоятельство, что некоторые ученые считают Ксенофана не основателем школы элейцев, а лишь ее ближайшим предшественником⁹. Говоря о взглядах Демокрита и Эпикура, авторы должны были бы подчеркнуть атеистические тенденции в их учении, обстоятельнее показать, что Эпикур являлся «подлинным радикальным просветителем древности, он открыто нападал на античную религию, и от него ведет свое начало атеизм римлян...»¹⁰.

Г. М. Лившиц

⁹ См. М. А. Дынник. Очерк истории философии классической Греции. М. 1936, стр. 84—86; «История философии». Т. I. М. 1957, стр. 85—86; Ю. П. Францев. У истоков религии и свободомыслия. М.-Л. 1959, стр. 14; Г. М. Лившиц. Атеизм в древности и в средние века. Минск. 1959, стр. 11; М. М. Кубланов. Мыслители древности о религии. М. 1960, стр. 62—68.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 127.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Арутюнов Г. А. *Рабочее движение в Закавказье в период нового революционного подъема. 1910—1914 гг.* Москва — Баку. Изд-во АН АзССР. 1963. 463 стр. 1 500 экз. 1 руб. 80 коп.

Археографический ежегодник за 1962 год. К 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. Отв. ред. В. И. Шунков. М. Изд-во АН СССР. 1963. 499 стр. с илл.; 1 л. портр. 1 200 экз. 2 руб. 80 коп.

Бережков Н. Г. *Хронология русского летописания.* М. Изд-во АН СССР. 1963. 376 стр. 1 600 экз. 2 руб. 26 коп.

Борисковский П. И. *Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизуч. поселения древнего каменного века в Костенках.* М.-Л. Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние. 1963. 231 стр. с илл.; 3 л. илл. 1 300 экз. 1 руб. 66 коп.

Бурятия шагает в будущее. Сборник статей. Улан-Удэ. 1963. 140 стр. 1 500 экз. 26 коп.

Ватейшвили Д. П. *Рабочая печать Грузии в 1910—1914 годах.* Тбилиси. Изд-во АН Груз. ССР. 1963. 90 стр. 1 000 экз. 35 коп.

Веселовский С. Б. *Исследования по истории опричнины.* М. Изд-во АН СССР. 1963. 539 стр.; 1 л. портр. 2 000 экз. 2 руб. 37 коп.

Воеводин П. И. *Под ленинским стягом. Воспоминания старого большевика.* Са-

ратов. 1963. 43 стр. 5 000 экз. 5 коп. Воспоминания охватывают период 1901—1905 гг., когда автор участвовал в революционном движении в Екатеринославе и Саратове.

Генезис капитализма в промышленности. Сборник статей, подгот. Науч. советом по проблеме «Генезис капитализма». М. Изд-во АН СССР. 1963. 430 стр. 1 500 экз. 1 руб. 90 коп.

Гончаренко Н. *Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе.* Луганск. 1963. 211 стр. 2 000 экз. 73 коп.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. I. Февраль 1917 г.—ноябрь 1918 г. М. Изд-во АН СССР. 1963. 547 стр. 1 500 экз. 1 руб. 23 коп.

За победу социализма и коммунизма в СССР. Из истории Челяб. обл. парт. организации. Сборник статей. Челябинск. 1963. 307 стр.; 1 л. портр. 2 000 экз. 41 коп.

Золотов В. А. *Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века.* Ростов н/Д. Изд-во Рост. ун-та. 1963. 192 стр. 1 000 экз. 53 коп.

Кабузан В. М. *Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. По материалам ревизий.* М. Изд-во АН СССР. 1963. 230 стр. 1 500 экз. 1 руб. 40 коп.

Козлов А. *Рабочие-революционеры Алтайа.* Барнаул. 1963. 71 стр. с илл. 5 000 экз. 11 коп. Историко-биографические очерки об алтайских революционерах-большевиках Т. Ф. Фофанове и А. А. Селезневе.

Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857—1867. Лондон — Женева. Факсимильное изд. Вып. 7. 1864. Лондон. М. Изд-во АН СССР. 1963. 1445—1580. 3 стр. 6 700 экз. 1 руб. 35 коп.

Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. Сост. П. И. Якир и Ю. А. Геллер. М. Воениздат. 1963. 247 стр.; 6 л. илл. 6 500 экз. 61 коп.

Компартия Казахстана в борьбе за дальнейший подъем сельского хозяйства. Сборник статей. Сост. З. А. Голикова. Алма-Ата. 1963. 210 стр. 4 000 экз. 41 коп.

Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М. «Высшая школа». 1963. 288 стр. 9 000 экз. 40 коп.

КПСС о профсоюзах. Сборник документов. Вып. 2. 1956—1962. Сост. Н. Я. Копылов и А. П. Трошина. М. Профиздат. 1963. 535 стр. 26 000 экз. 92 коп.

Ларина В. и Бежанов И. Город Моздок. Ист. очерк к 200-летию со дня основания. Орджоникидзе. 1963. 92 стр. с илл. 1 000 экз. 11 коп.

Лепешинская О. Б. Путь в революцию. Воспоминания старой большевички. Ч. 1. Пермь. 1963. 118 стр. с илл.; 1 л. портр. 10 000 экз. 30 коп. В книге рассказано о детстве и юности автора, начале революционной борьбы, сибирской ссылке, о встречах с В. И. Лениным.

Моисеев П. И. Город Плес. Ист.-экон. очерк. Изд. 2-е, доп. Иваново. 1963. 135 стр. с илл. 15 000 экз. 12 коп.

Народное хозяйство Грузинской ССР в 1961 г. Стат. ежегодник. Тбилиси. Госстатиздат. 1963. 568 стр. 2 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Некоторые вопросы истории народного хозяйства Туркменистана. Сборник статей. Ред. О. Кулиев и И. Л. Сосонкин. Ашхабад. Изд-во АН Туркм. ССР. 1963. 136 стр. 1 000 экз. 43 коп.

Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке. 1917—1922 гг. М. Госполитиздат. 1963. 287 стр.; 1 л. портр. 23 000 экз. 75 коп.

Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. Материалы к древней истории Дальнего Востока. М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1963. 355 стр. с илл.; 4 л. илл. 1 200 экз. 2 руб. 46 коп.

Онешкин В. В. Вольное экономическое общество в России. 1765—1917. Ист.-экон. очерк. М. Изд-во АН СССР. 1963. 195 стр. 2 000 экз. 60 коп.

Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. Ижевск. 1963. 388 стр. с илл. 4 000 экз. 1 руб. 63 коп.

Пассек Т. С. и Черныш Е. К. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. М. Изд-во АН СССР. 1963. 44 стр. с илл.; 26 отд. л. илл. в папке. 1 200 экз. 91 коп.

Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М. Изд. вост. лит. 1963. 484 стр. с илл.; 1 л. портр. 1 200 экз. 3 руб. 10 коп.

Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. 4. 1895—1900. Под ред. Л. М. Иванова. Ч. 2. 1898—1900. Сост. Е. К. Барштейн и др. М. Соцэкгиз. 1963. 918 стр. 2 500 экз. 1 руб. 50 коп.

Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Под ред. В. С. Флерова. Вып. 2. Томск. 1963. 199 стр. 1 000 экз. 95 коп. Сборник статей по вопросам истории партийных организаций Сибири и Дальнего Востока.

Романов В. Я. Дедушка Слышко и его внуки. Свердловск. 1963. 190 стр. с илл. 5 000 экз. 39 коп. Очерки истории Гумешек — древнейшего уральского рудника.

Саратовская партийная организация в годы борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Документы 1933—1937 гг. Сост. И. Бибилов и др. Саратов. 1963. 375 стр. 2 000 экз. 77 коп.

Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. Изд. подгот. И. Б. Володарский и Г. А. Кайкова. М. Изд-во АН СССР. 1963. 432 стр. с илл.; 1 л. портр. 5 000 экз. 2 руб. Н. А. Серно-Соловьевич (1834 — 1866) — революционер-демократ, один из руководителей тайного общества «Земля и Воля».

Смоленские грамоты XIII—XIV веков. Под ред. Р. И. Аванесова. М. Изд-во АН СССР. 1963. 139 стр. с илл.; 5 отд. л. илл. 1 500 экз. 1 руб. 5 коп.

Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России. Предисл. М. Нечкиной. М. Соцэкгиз. 1963. 287 стр. 4 500 экз. 68 коп.

Средневековые памятники Северной Осетии. Труды Сев.-Кавказской экспедиции 1958—1960 гг. Отв. ред. Е. И. Крупнов. Т. 2. М. Изд-во АН СССР. 1963. 163 стр. с илл.; 2 л. илл. 1 500 экз. 1 руб. 31 коп.

Травушкин В. Болград. Одесса. 1963. 103 стр. с илл. 3 000 экз. 9 коп. О прошлом и настоящем города Болграда.

Триумфальное шествие Советской власти. Под ред. Д. А. Чугаева и др. Ч. 2. М. Изд-во АН СССР. 1963. 495 стр. 3 200 экз. 1 руб. 14 коп.

У истоков партии. Рассказы о соратниках В. И. Ленина. Сост. Л. Давыдов. М. Госполитиздат. 1963. 575 стр. с портр. 100 000 экз. 95 коп.

Украинцев В. В. КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы. М. «Высшая школа». 1963. 298 стр. 3 000 экз. 1 руб. 17 коп.

Умецкий Б. Речица. Минск. 1963. 72 стр. с илл. 3 500 экз. 9 коп. Краткий историко-экономический очерк.

Участники польского восстания 1863—1864 гг. в тобольской ссылке. Под ред. Д. И. Копылова. Тюмень. 1963. 76 стр. 2 500 экз. 23 коп.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты рассказывают. М. Изд-во АН СССР. 1963. 136 стр. с илл. 50 000 экз. 21 коп.

Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов 1816—1825 гг. М. Изд-во Моск. ун-та. 1963. 208 стр. 2 250 экз. 70 коп.

Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI—XIX ве-

ках. Архангельск. 1963. 139 стр. 3 000 экз. 25 коп.

Чистяков Э. В. *Василий Ус — сподвижник Степана Разина*. Пособие для учителей. М. Учпедгиз. 1963. 78 стр. с илл. 21 000 экз. 11 коп.

Шорников М. М. *Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции*. Новосибирск. 1963. 647 стр. 2 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Щербань А. Н. и Рутенко А. А. *Страница летописи Донецкой*. Киев. Изд-во АН УССР. 1963. 171 стр. с илл. 150 000 экз. 52 коп. Книга об истории Рутченковки, связанной с трудовой и революционной деятельностью Н. С. Хрущева.

Эдлинский С. Ф. *Северный транспортный флот в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг.* М. 1963. 252 стр. с илл. 3 000 экз. 1 руб. 26 коп.

Всесообщая история

Антюхина-Московченко В. И. *История Франции. 1870—1918*. М. Изд-во ИМО. 1963. 812 стр. 1 700 экз. 2 руб. 50 коп.

Германское рабоче-крестьянское государство. Сборник статей. Пер. с нем. Под ред. и с послесл. Н. А. Сидорова. М. Изд. иностр. лит. 1963. 482 стр. 1 руб. 72 коп.

Кондратьев В. А. *Промышленность Индии. Основные тенденции развития после 1947 г.* М. Соцэкгиз. 1963. 247 стр. 2 000 экз. 80 коп.

Новичев А. Д. *История Турции. Т. 1. Эпоха феодализма. XI—XVIII вв.* Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1963. 314 стр. с илл. 1 800 экз. 1 руб. 42 коп.

Нуньес Хименес А. *Республика Куба*. Ист. очерк. Пер. с испан. Вступит. статья С. С. Михайлова. М. Соцэкгиз. 1963. 136 стр. 40 000 экз. 19 коп.

Осадчая И. М. *Критика современных буржуазных теорий экономического роста*.

М. Изд-во ИМО. 1963. 199 стр. 2 500 экз. 65 коп.

Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник статей памяти акад. А. И. Тюменева. М.-Л. Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние. 1963. 375 стр. с илл.; 1 л. портр. 1 300 экз. 1 руб. 71 коп.

Селезнев Г. К. *Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917—1920 гг.* М. Изд-во АН СССР. 1963. 151 стр. с илл. 35 000 экз. 23 коп.

Социалистические преобразования в сельском хозяйстве европейских стран народной демократии. Общая ред. А. Д. Стунова и др. М. Соцэкгиз. 1963. 336 стр. 4 000 экз. 1 руб. 3 коп.

Уорсли П. *Когда вострубит труба. Исследование культов Карго в Меланезии*. Пер. с англ. Предисл. С. А. Токарева. М. Изд. иностр. лит. 1963. 358 стр. с илл.; 3 л. илл. 1 руб. 43 коп.

Фомин Б. С. *Главная угроза миру в Европе. Очерк послевоенного развития западногерманского милитаризма*. М. Изд-во ИМО. 1963. 255 стр. 8 250 экз. 55 коп.

Фонер Ф. С. *История Кубы и ее отношений с США. 1492—1845 гг. От завоевания Кубы до «эскалеры»*. Пер. с англ. Вступит. статья А. М. Зориной. М. Изд-во иностр. лит. 1963. 303 стр. 81 коп.

Хрестоматия по новой истории. В 3 т. Под ред. А. А. Губера и А. В. Ефимова. Т. 1. 1640—1815. М. Соцэкгиз. 1963. 767 стр. 30 000 экз. 1 руб. 13 коп.

Шушарин В. П. *Крестьянское восстание в Трансильвании 1437—1438 гг.* М. Изд-во АН СССР. 1963. 226 стр. 1 000 экз. 86 коп.

Эквадор. Ист.-этногр. очерки. Под ред. А. В. Ефимова и др. М. Изд-во АН СССР. 1963. 224 стр. с илл.; 7 л. илл. 5 500 экз. 1 руб. 15 коп.

Эпиграфика Востока. Сборник статей. Под ред. В. А. Крачковской. Сб. 15. М.-Л. Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние. 1963. 180 стр. с илл.; 8 л. илл. 1 300 экз. 88 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«История СССР» № 3, 1963. П. И. Кабанов, А. В. Ушаков. О советском историческом краеведении; А. Е. Иоффе. Деятельность американского «Комитета помощи Ближнему Востоку» в Закавказье (1921—1930 гг.); И. Ф. Гиндин. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности; А. И. Зевелев. Гражданская война в Туркестане в советской исторической литературе; Н. Н. Воронин. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор; А. А. Зимин. Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни; О. Ф. Соловьев. Из истории империалистических планов

расчленения Советской России (англо-французское соглашение от 23 декабря 1917 г.); Л. М. Зак. Борьба советской интеллигенции против фашизма и войны (1933—1937 гг.); В. А. Дьяков. Еще одна неизвестная прокламация Комитета русских офицеров в Польше; Е. Г. Плимак. Злоключения буржуазной компаративистики (к вопросу о характере политических концепций А. Н. Радищева и Г. Рейналя); Отпор лживым версиям (американские авторы о Великой Отечественной войне (от редакции); Г. Алтекер. Блокада Ленинграда и мировой кризис.

«Военно-исторический журнал» № 6, 1963. И. Тимошенко. Военно-организаторская работа Коммунистической партии в период Великой Отечественной войны; М. Захаров. О советском военном искусстве в битве под Курском; М. Рудakov, В. Лунин. Партийно-политическая работа в битве под Курском; Ф. Цуканов. Маневр силами и средствами Воронежского фронта в оборонительной операции под Курском; Г. Нехонов, В. Борисов. Как разведчики увели немецкий танк; В. Назаров. Мужество и мастерство в обороне; Я. Гаврилов. Работа парторга танкового батальона в бою; А. Веденин. Начало освобождения Чехословакии; Н. Рыбалко. В первый день войны на Черном море; Г. Ворожейкин, Л. Сандалов, Д. Никишев, Г. Седых. Революцией призванный (к 70-летию со дня рождения командарма 1 ранга И. П. Белова); «Курская битва и положение в Италии»; В. Кулиш. Второй фронт в Европе (Обзор исторической литературы США и Великобритании).

«Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. АН СССР. Отделение исторических наук. 1963. Академик М. Н. Тихомиров; Труды академика М. Н. Тихомирова; М. П. Алексеев. «Пренне земли и моря» в древнерусской письменности; Н. В. Пигулевская. К хронологии славянских передвижений VI в.; И. А. Голубцов. О термине «Склавины»; П. Н. Третьяков. Древнерусский город Клещин; А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в.; Н. К. Гудзий. О сочинениях Феодосия Печерского; Ю. В. Бромлей. К вопросу о сохранении семейных общин в Далматинской Хорватии XI в.; Ш. А. Месхиа. К вопросу о характере социальной борьбы и городского строя средневекового Тбилиси; Ю. П. Глушакova. О путешествии игумена Даниила в Палестину; Н. Н. Воронин. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса; А. П. Каждан. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Босфора в конце XII в.; В. Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории; А. В. Арциховский. Письма Онцифора; В. Л. Янин. Из истории высших государственных должностей в Новгороде; Л. С. Гапоненко. Положение крестьян Юго-Западной Руси по Вислицкому статуту; М. Г. Рабинович. Софийская казна и оборона Новгородской земли; П. Б. Греков. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I; Ю. А. Лимонов. О южнорусском источнике Московского летописного свода конца XV в.; Н. А. Казакова. Ганзейская политика русского правительства в последние годы XV в.; В. И. Буганов. О списках Вологодско-пермского летописного свода конца XV — начала XVI в.; А. А. Сидоров. К изучению русских первопечатных книг;

И. И. Смирнов. Максим Грек и митрополит Макарий; С. О. Шмидт. О дьячестве в России середины XVI в.; Н. Е. Носов. Губные старосты как агенты правительства Ивана Грозного по земельным делам; В. П. Андрианова-Перетц. Из истории русской повести XVII в.; А. А. Зимин. К изучению восстания Болотникова; А. И. Копанев. Восстание в Холмогорах в 1608 г.; А. А. Преображенский. О земельных сделках уральских крестьян в XVII в.; Б. Ф. Поршнев. Развитие «балашовского» движения в феврале — марте 1634 г.; В. А. Александров. Русские промышленники в Якутии до образования Якутского коведства (1641 г.); Е. В. Чистякова. Летописные записи о народных движениях середины XVII в.; А. К. Касименко. Из истории русско-украинских взаимоотношений в 1651 г.; А. Н. Мальцев. Наказы белорусских и литовских шляхетских сеймиков 1657 г.; Ю. А. Тихонов. Крестьянская война 1670—1671 гг. в лесном Заволжье; А. Г. Маньков. Эпизод из истории борьбы посад с феодалом во второй половине XVII в.; М. Я. Волков. Стекольные заводы Юго-Западной России в первой четверти XVIII в.; П. П. Епифанов. «Рассуждение» П. П. Шафирова о войне со Швецией; Е. П. Подъяпольская. К вопросу о русско-чешских культурных связях в первой четверти XVIII в.; Е. И. Индова. Торгово-промышленная деятельность и предпринимательство дворцовых крестьян черноземного центра в 20—60-х годах XVIII в.; Н. И. Павленко. Монастырское хозяйство XVIII в. по вотчинным инструкциям; М. Т. Белявский. Представительство крестьян в Уложенной комиссии 1767—1768 гг.; Ф. П. Шевченко. Свообразная «археографическая экспедиция» на Украине в XVIII столетии; А. И. Андрущенко. Первые призывы повстанцев крестьянской войны 1773—1775 гг. (К вопросу об идеологии восстания); В. В. Мавродин. Об откликах в России и за рубежом на восстание Пугачева; Ю. Р. Клокман. Учреждение городов в Ярославской губернии по областной реформе 1775 г.; М. М. Штранге. Историк и археограф XVIII в. Семен Башилов; П. Г. Рындзюнский. Новые города России конца XVIII в.; В. В. Зеленин. Русская политика в Восточном вопросе и борьба сербского народа за автономию в конце XVIII — начале XIX в.; Н. Н. Улащик. Опубликованные материалы шестой и седьмой ревизий как источник по истории населения Литвы и Западной Белоруссии; Б. Б. Кафенгауз. Первые шаги золотопромышленности на Урале; В. К. Яцунский. Первые шаги промышленного переворота на Урале; А. В. Фадеев. Передовая русская интеллигенция и царский колониализм в дореформенный период; И. Ф. Бэлза. Пушкин в кругу польских друзей; С. А. Никитин. Нота А. М. Горчакова об отмене условий Парижского мира и русская общественность; В. П. Неупокоев. К вопросу о восстановлении инвентарных наделов крестьян Литвы в результа-

те восстания 1863 г.; Л. Н. Кутаков. Русская буржуазия и вопрос о войне и мире в 1905 г.; Е. Н. Кушева. Один из неизданных документов 1905 г.; Н. А. Халфин. Из истории железнодорожного строительства в дореволюционном Туркестане; Ю. А. Писарев. Распространение русской революционной и переводной марксистской литературы в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии накануне первой мировой войны; П. В. Волобуев. О государственном долге дореволюционной России; А. Л. Сидоров. Отречение Николая II и Ставка.

«Средние века». Вып. XXIII. 1963. А. Р. Корсунский. О развитии феодальных отношений в готской Испании (Рост частной власти и политической самостоятельности крупных землевладельцев); А. И. Неусыхин. Из истории земельной собственности в Боцене и его окрестностях в X—XII вв. (До превращения Боцена в город); В. Л. Романова. К вопросу о номенклатуре так называемого готического письма рукописных книг XIII—XV вв.; А. Н. Чистозвонov. Вопросы морали и семьи у анабаптистов XVI в.; Ю. М. Сапрыкин. Начало Ирландского восстания (1641—1652 гг.); М. А. Заборов. Из истории международных отношений в Западной Европе в конце XII — начале XIII в.; Е. П. Наумов. К истории церковного и монастырского землевладения в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV в.; Я. С. Зингер. Плебейские массы Мюнстера у власти; А. Д. Ролова. К вопросу о состоянии промышленности Флоренции во второй половине XVI в. и в первой половине XVII в.; П. Ф. Лаптин. Проблемы общины в трудах И. В. Луцицкого; Н. А. Сидорова.

Основные проблемы истории университетов в средние века в освещении современной буржуазной историографии; Б. И. Рыськин. Вопросы происхождения средневекового европейского города в современной западногерманской буржуазной историографии; Ю. Л. Бессмертный. Проблема западноевропейской торговли IX—XIII вв. в современной западной медиэвистике (К обсуждению концепции Анри Пиренна); С. М. Раскина. Оккам как политический мыслитель в оценке буржуазной историографии.

«Материалы и исследования по археологии СССР» № 112. 1963. А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. Материалы к древней истории Дальнего Востока. Приложение: «Археологические раскопки на полуострове Песчаном, произведенные В. К. Арсеньевым в 1921 г.»; Е. А. Цепкин. Остатки рыб из археологических раскопок на полуострове Песчаном; И. М. Мещеряков. Предварительные данные о результатах обследования раковинных куч на полуострове Песчаном; Н. М. Ермолова. Остатки млекопитающих из раковинных куч полуострова Песчаного; Г. М. Ковнурко. О горных породах, использованных древними обитателями

полуострова Песчаного для изготовления орудий труда; И. В. Богданова-Березовская, Б. Б. Гинцбург, Д. В. Наумов. Железные кельты из поселения на полуострове Песчаном.

«Доклады АН Азербайджанской ССР». Т. XIX, № 1, 1963. Ф. Л. Османов. О стеклянных браслетах из Кабалы (на азерб. яз.).

«Доклады АН Азербайджанской ССР». Т. XIX, № 2, 1963. С. Д. Керимзаде. Из памятников сел. Раманы «Мечеть Халифа Али» (на азерб. яз.).

«Доклады АН Азербайджанской ССР». Т. XIX, № 3, 1963. Р. А. Гусейнов. Бар Эбрей и Азербайджан (из истории сирийско-кавказских связей); Г. П. Кесаманлы, И. А. Бабаев. Археологические находки из Али-Байрамлинского района (на азерб. яз.).

«Известия АН Азербайджанской ССР». Серия общественных наук № 2, 1963; И. А. Гусейнов. Новая жизнь и новые задачи историков (на азерб. яз.); Н. М. Михайлов. Защита и пропаганда некоторых вопросов исторического материализма в большевистской печати Азербайджана (1905—1910 гг.) (на азерб. яз.); Сулдуз Рустамов. Испанский революционер Ван Гален об Азербайджане.

«Историко-филологический журнал АН Армянской ССР» № 1(20), 1963. А. С. Бабаян. 450-летие армянского книгопечатания (на арм. яз.); А. С. Амбарян. Из истории крестьянских движений в Апаране (на арм. яз.); С. М. Акопян. Геноцид армян в Османской империи и ответственность империалистической Германии (на арм. яз.); А. Р. Патмагрян. Армянская народная песня (на арм. яз.); М. О. Косвен. Патронимия у народов Кавказа (на арм. яз.); Джинно Арриги. Акоп Клайеци в городе Лукка (на арм. яз.); К. Г. Кафадарян. Некоторые архитектурные памятники Ахпатского монастыря (на арм. яз.); И. П. Крипьякевич. К вопросу о начале армянской колонии во Львове; С. Е. Акопян. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в древней и средневековой Армении (на арм. яз.); Г. В. Ширмазян. Фритьоф Хансен в Армении (на арм. яз.); «Из неопубликованных писем Акопа Акопяна».

«Известия АН Армянской ССР». Общественные науки № 3, 1963. Ш. Р. Арутюнян. Армянская советская историография в 1920-х годах (на арм. яз.); Н. О. Оганесян. Некоторые вопросы национально-освободительного движения Ирака в буржуазной историографии (на арм. яз.); Р. Г. Хачатрян. Первая конференция коммунистов-армян Болгарии (1921 г.) (на арм. яз.); Р. Г. Отян. Сведения о ношении очков в средневековье (на арм. яз.).

«Известия АН Армянской ССР». Общественные науки № 4, 1963. А. Б. Каринян. Исторический документ (на арм. яз.); Г. Б. Гарибджанян. Революционная деятельность В. Каспарова в эмиграции; Э. Т. Карапетян. О некоторых пережитках родового строя у армян (на арм.

яз.); А. Саакян. Странана из истории армянской Красной Армии (на арм. яз.). «Сообщения АН Грузинской ССР». Т. XXX, № 2, 1963. С. А. Ципкишвили. Материалы о борьбе грузинских революционеров на фронтах гражданской войны в Туркестане.

«Сообщения АН Грузинской ССР». Т. XXX, № 4, 1963. К. И. Бердзенишвили. Привозная глиняная посуда из культурных слоев Самтавро.

«Общественные науки в Узбекистане». АН Узбекской ССР № 4, 1963. По заветам Ленина; А. Д. Джуроев. О сближении социалистических наций в области материального производства; М. Г. Пикулин. Советский Союз — верный друг народов, борющихся против империализма и колониализма; М. Абдураимов. К вопросу о феодальном институте дарбаст (дарубаст) в Узбекистане в XVI—XVII вв.; В. С. Тен. В. И. Ленин на Кинтальской конференции (из истории борьбы В. И. Ленина за создание III Интернационала); Г. Рашидов. Первый университет в Средней Азии; Г. А. Пугаченкова. К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 года.

«Общественные науки в Узбекистане» АН Узбекской ССР № 5, 1963. Х. М. Милыткбаев. Строительство коммунизма и стирание классовых различий в СССР; Г. Абдурашидов, А. Касымов. Солидарность народов Азии и Африки — антиимпериалистическая сила наших дней; З. Мирзаев. К вопросу об укреплении колхозов, совхозов и МТС Сурхандарьинской области кадрами специалистов (1953—1958 годы); М. Х. Хакимов. Об установлении и упрочении федеральных отношений между РСФСР и ТАССР (1918—1920 годы); М. Ю. Юлдашев. Новые данные о хозяйстве джуйбарских шейхов; Р. Бешимов. О ликвидации неграмотности сельского населения Узбекистана в 1933—1940 годах (по материалам Бухарской и Самаркандской областей); Н. Юлдашев. О политико-просветительной работе в Хорезмской НСР (1920—1924); А. Р. Мухамеджанов. Новый архитектурный памятник XIV века в Багимазаре.

«Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР» № 4, 1962; С. У. Татыбаев. Решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС и задачи работников Каракалпакского филиала АН УзССР; А. В. Гудкова. Раскопки городища Ток-Кала в 1960—1961 гг.; С. У. Татыбаев. Итоги второй пятилетки и победа социализма в Каракалпакии; У. Калниязов. Деятельность Ревкома Каракалпакской автономной области (ноябрь 1924 — февраль 1925 г.).

«Известия АН Таджикской ССР». Отделение общественных наук № 1 (28), 1962. Н. Акрамов. О некоторых материалах по биографии В. В. Бартольда; А. М. Беленицкий. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии; М. А. Бубнова. Извлечение серебра купелированием в Средней Азии в IX—XI вв.; Т. И. Зеймаль, Е. В. Зеймаль. Еще

раз о месте находки Аму-Дарьинского клада; Б. А. Литвинский, Э. Гулямова, А. Е. Павлова. Из истории ткачества в Западной Фергане (до арабского завоевания); Н. П. Негматов. К истории Холженской цитадели; В. А. Ранов. Стоянка на озере Кара-Куль; Э. В. Сайко. Некоторые вопросы технологии ангоба средневековой среднеазиатской керамики; А. М. Мухтаров. Гребень Фетх Али шаха иранского.

«Известия АН Таджикской ССР». Отделение общественных наук, № 2 (29), 1962. А. Е. Бертельс. Отчет о работе Памирской экспедиции Отдела востоковедения и письменного наследия Академии наук Таджикской ССР; А. Е. Маджи. К истории двух последних десятилетий Бухарского ханства; К. Асадуллаев. К вопросу о свержении династии Каджаров и установлении династии Пехлеви в Иране.

«Известия АН Таджикской ССР». Отделение общественных наук № 3 (30), 1962. Р. Г. Аvezбаева. Воззрения Ахмада Дониша на государство; З. М. Шевченко. Из истории библиографической работы в Таджикистане.

«Известия АН Таджикской ССР». Отделение общественных наук № 4 (31), 1962. З. Раджабов. За дальнейшую разработку истории таджикского народа; Я. Шарипов. К вопросу об исторических особенностях перехода таджикского народа от докапиталистических отношений к социализму; Ю. Исламов. Организация и деятельность Коммунистического союза молодежи в Таджикистане (1918—1925 гг.); С. Хамидов. Народное скоростное ирригационное строительство в Таджикистане в 1939—1942 гг.; Ш. Султанов. Развитие народного образования в Таджикской ССР в первой послевоенной пятилетке (1946—1950 гг.).

«Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького». Т. XXV, вып. 3. Из истории Урала. 1963. Л. М. Гантман. Экономическое положение Пермской губернии накануне Февральской буржуазно-демократической революции; Т. Л. Левина. Из истории борьбы партии большевиков за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в годы мировой империалистической войны; К. Я. Вотникова. Социалистические преобразования в промышленности на Урале в первый период Советской власти (октябрь 1917 г. — июнь 1918 г.); А. Н. Фалеев, И. В. Гусельников. К вопросу об использовании на хозяйственном фронте частей Первой трудовой армии; В. Ф. Попов. Борьба партийных организаций за электрификацию промышленности Западного Урала в годы Великой Отечественной войны; М. А. Чугаев. К вопросу о создании местных кадров в Коми-Пермяцком национальном округе; А. Г. Гонцова. Из опыта работы партийной организации Ординской МТС по организации социалистического соревнования (1953—1957 гг.); А. Г. Гонцова. К вопросу о деятельности комиссий партийного контроля в партийных организациях города Перми;

Н. Б. Оконская. К вопросу о значении перестройки школы для подъема культурно-технического уровня трудящихся; А. Д. Шелепнев. Из опыта работы партийных организаций г. Перми по привлечению трудящихся к охране общественного порядка.

«Тезисы докладов научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии». Тартуский государственный университет, 1963. В. И. Загорский. Северные страны и «общий рынок»; Н. П. Шаскольский. Основные проблемы периодизации истории скандинавских стран; О. К. Тимашкова. Критика шведского реформизма и «демократического социализма»; Г. Н. Пирогов. Рабочее движение в Норвегии на третьем этапе общего кризиса капитализма; А. С. Кан. Шведский нейтралитет в годы второй мировой войны; Г. И. Анохин. Общинные традиции норвежского крестьянства; В. Б. Вилинбахов. Существующие теории и проблема происхождения Старой Ладogi; А. Я. Гуревич. О некоторых особенностях норвежского феодализма; Х. А. Пийримяэ. Некоторые проблемы развития торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII в.; Г. А. Некрасов. Проблема русско-шведского союза во второй четверти XVIII в.; Л. К. Роотс. О работах датских историков по шлезвиг-гольштинскому вопросу; Л. А. Лооне. О политических связях эстонских и финских общественных деятелей в период эстонского национального движения (1878—1882); М. Х. Киуру. Ленинская «Искра» и Финляндия; П. И. Ихалайнен. Советско-финляндские отношения в период от Октябрьской революции до признания независимости Финляндии (7 ноября — 31 декабря 1917 г.); Г. А. Панкрушев. Черты культур Аскола и Суомус-Ярви в мезолитических памятниках Карелии; Л. А. Голубева. Белозерская весь и ее западные соседи в X—XI вв.; Г. Ф. Корзухина. Находки скандинавских вещей в районе г. Торопца Калининской области; Ф. Д. Гуревич. Древние пруссы и норманны; К. Д. Лаушкин. О мифологической основе легенды о призвании варягов.

«Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков им. М. Ф. Ахундова». Вып. XIV. (Серия общественных наук). 1962. А. О. Петросян. Новый этап в развитии мировой системы социализма; А. А. Смелов. Советы народного хозяйства — ленинский тип экономических органов государства диктатуры пролетариата и общенародного государства в СССР; И. С. Муслимов. Бакинская коммуна в борьбе за повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся; О. М. Рзакулиев. Роль

стачечного движения в деле мобилизации широких народных масс в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане; Б. Н. Мангасарян. Участие комсомола Азербайджана в подъеме общеобразовательного уровня молодежи и подготовке молодых кадров в годы второй пятилетки.

«Материалы XVIII научной конференции Волгоградского педагогического института им. А. С. Серафимовича». 1963. Б. С. Абалихин. Воины-украинцы в Бородинском сражении; Б. С. Абалихин. Материально-техническая помощь Украины русской армии в 1812 г.; В. И. Бабкин. К вопросу о специфике классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 г.; М. Я. Бромберг. Коммунисты — организаторы социалистического соревнования на стройках и предприятиях Волгограда в первой пятилетке; П. А. Бутылкин. Революционные действия крестьянских земельных комитетов Нижнего Поволжья в 1917 г.; Г. С. Каден. Из истории борьбы партии с царицынской группой «военной оппозиции»; А. Н. Климов. Преступления немецко-фашистских захватчиков в Волгограде и районах области, подвергавшихся оккупации; В. А. Козюченко. Политический кризис в Германии осенью 1918 г. и позиция правого руководства социал-демократии; В. А. Козюченко. Восстание 9 ноября 1918 г. в Берлине; В. А. Козюченко. Предательство реформистского руководства профсоюзов в Ноябрьской революции 1918 г. в Германии; В. А. Козюченко. Первые отклики трудящихся Советской страны на Ноябрьскую революцию 1918 г. в Германии; С. А. Коломейцева. Деятельность Волгоградской партийной организации по повышению квалификации рабочих и созданию инженерно-технической интеллигенции на предприятиях тяжелой индустрии в 1928—1932 гг.; А. М. Криштоп. Развитие общественных начал на промышленных предприятиях Волгограда и области 1959—1961 гг.; И. Е. Круцко. В. И. Ленин о выдвижении трудящихся в советский государственный аппарат (1917—1918 гг.); С. П. Люшин. Особенности идеологической работы на этапе развернутого строительства коммунизма; Н. А. Милованов. Деятельность В. И. Ленина по созданию и совершенствованию органов государственного и партийного контроля (1917—1923 гг.); Д. И. Нудельман. Археологическое изучение Ольвии; В. Н. Попов. Борьба рабочих Рура против капповского путча (март 1920 г.); Б. М. Чигиринский. «Комсомольский прожектор» — действенное средство партийно-государственного контроля; З. М. Шарпова. К вопросу о связях западных славян с Русью; Н. И. Штыменко. Волгоградская партийная организация в борьбе за наивысшую производительность труда.

Хроника научной жизни

ВСТРЕЧА С ХУЛИО ЛЕ РИВЕРЕНДОМ

3 мая с. г. в секторе новой и новейшей истории стран Латинской Америки Института истории АН СССР состоялась встреча с директором Института истории и Государственного Национального архива Кубы Хулио Ле Риверендом Брусоне. Он рассказал собравшимся о задачах Института истории (Гавана). Важнейшая из них заключается в том, чтобы создать исследования, правдиво освещающие историю Кубы. Предстоит также серьезная работа по разоблачению буржуазных фальсификаторов истории. Кубинские историки будут при этом активно использовать опыт своих советских коллег.

В настоящее время большое внимание уделяется также воспитанию марксистски подготовленных научных кадров историков, сбору и классификации материалов и документов. Революционное правительство Кубы в апреле с. г. передало в полное распоряжение Института истории, созданного в июне прошлого года, Государственный Национальный архив. В нем сосредоточены ценные материалы по истории Кубы XVI—XIX вв.; к сожалению, там мало документов, относящихся к периоду после 1898 года. Источники по новейшей истории Кубы пока еще хранятся в основном в архивах различных министерств и организаций. Многие материалы по истории Кубы до 1935 г., в частности документы, освещающие деятельность Народно-социалистической партии, погибли или были уничтожены в результате репрессий и преследований, которым она подвергалась до победы народной революции.

В соответствии с планом научно-исследовательской работы института наряду с проблемами колониального периода изучается и новейшая история страны. Институт готовит издание двух многотомных сборников документов по истории рабочего класса и пролетарского движения на Кубе, а также по аграрной истории. В текущем году выйдут в свет первые тома обеих серий. Видные историки Хосе Лусиано Франко и Хосе Риверо Муньис разрабатывают ряд проблем национально-освободительной борьбы в зоне Карибского моря, а также рабочего движения на Кубе до 1911 года.

Институт поддерживает связи с теоре-

тическим журналом «Cuba Socialista» и со специалистами, работающими в иных научных учреждениях. Так, директор Школы истории при Гаванском университете, ректором которого является известный писатель и общественный деятель Хуан Маринельо, Серхио Агирре завершает учебное пособие по истории Кубы с доколумбовых времен до 1933 г., в котором дано марксистское освещение важнейших вопросов национальной истории. В связи с приближающимся в 1966 г. четырехсотлетием со дня смерти известного гуманиста, обличителя конкистадоров Бартоломео де Лас Касаса институт особое внимание уделит изучению его деятельности.

Касаясь подготовки научно-исследовательских кадров, Х. Ле Риверенд сообщил, что этим делом занимается главным образом Школа истории при Гаванском университете, работающая в тесном контакте с Институтом истории и Национальным архивом. Занятия по технике научного исследования и работы над документами проводятся преподавателем Школы истории Гортензией Пичардо непосредственно в Национальном архиве. Значительная часть обучающихся в этой школе студентов уже приступила к написанию работ по новейшей истории Кубы. При институте создан специальный консультативный орган, в состав которого входят известные историки: Серхио Агирре, Фернандо Портуондо дель Прадо (возглавляет отдел преподавания истории в Гаванском университете), Карлос Фунтанельяс (директор библиотеки Гаванского университета), Элиас Энтральго и другие.

Далее кубинский ученый остановился на некоторых спорных или еще не разработанных проблемах истории своей страны. Он подчеркнул, в частности, необходимость анализа социальной сущности собственников предприятий по переработке сахарного тростника в XIX веке. Есть ученые, которые безоговорочно относят их к классу буржуазии, не учитывая того, что эта группа до 1886 г. эксплуатировала труд рабов, а не наемных рабочих. К тому же надо иметь в виду, что многие собственники сахарных заводов одновременно были владельцами

больших земельных угодий, вследствие чего их можно считать и помещиками. Х. Ле Риверенд охарактеризовал плодотворную деятельность старейшего прогрессивного историка Кубы Эмилио Роига де Леученринга¹, возглавляющего исследовательскую организацию «*Oficina del historiador de la Habana*», ставящую своей целью изу-

чение истории кубинской столицы, имеющую свой план научно-исследовательской работы и непосредственно подчиняющуюся Национальному совету культуры.

В заключение Х. Ле Риверенд указал на полезность плодотворных связей и научных контактов между кубинскими и советскими историками. В тот же день он посетил редакцию журнала «Вопросы истории», где имел дружескую беседу с ее сотрудниками.

А. М. Зорина

¹ См. И. Р. Лаврецкий. Кубинский историк Роиг де Леученринг. «Вопросы истории», 1962, № 5.

ЮБИЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В июне этого года исполнилось 80 лет со дня основания Государственного исторического музея (ГИМ). Инициатива его создания принадлежала Севастопольскому отделу Политехнической выставки, открытой в Москве в 1872 году. 14 февраля 1872 г. было принято решение об учреждении музея. В работу по его организации включились крупные русские историки С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин и другие. Здание музея было заложено в августе 1875 г., но так как царское правительство отпускало недостаточно средств, строительство растянулось на многие годы. В связи с этим Управление музея провело сбор пожертвований. Открытие Исторического музея состоялось 8 июня 1883 г. (к этому времени была готова только часть здания).

Экспозиция музея охватывала историю страны с древнейших времен до XII века. В последующие годы усилия его коллектива были направлены на создание фондов и расширение экспозиций. Фонды комплектовались по преимуществу за счет дарений. В общей сложности накануне Великой Октябрьской социалистической революции в музее насчитывалось около 300 тыс. экспонатов. В дореволюционный период в музее бывало очень мало посетителей: в 1905 г., например, — немногим более 24 тыс., а в последующие годы — по 39—40 тыс. человек.

Содержание и масштаб работы Исторического музея, как и всех музеев страны, коренным образом изменились после Октябрьской революции. Коммунистическая пар-

тия и Советское правительство, придавая музеям огромное значение, создали для их развития все необходимые условия. Богатства музеев были объявлены народным достоянием. 5 декабря 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет «Об охране научных ценностей». В 1920 г. Историческому музею были переданы фонды музеев «Старая Москва», «Военно-исторического», «Румянцевского», «Музея мебели» и др. Начался период бурного развития Исторического музея, превратившегося в один из центров широкой пропаганды исторических знаний и воспитания трудящихся на ярких примерах героического прошлого народов нашей страны.

В настоящее время ГИМ, помимо главного здания на Красной площади, имеет шесть филиалов, представляющих собой замечательные памятники русской архитектуры XVI—XVIII веков. Среди них уникальное произведение русского зодчества — храм Василия Блаженного на Красной площади, построенный в 1555—1560 годах. Каждый год его посещает свыше полумиллиона человек. Филиалом музея является также историко-архитектурный ансамбль бывшего Новодевичьего монастыря, основанного в 1524 году. Этот комплекс зданий, в состав которого входят замечательные памятники XVII в., ежегодно осматривают около 300 тыс. человек. В число филиалов ГИМ входят также Музей в Коломенском под Москвой (здания XVI—XVII вв.), бывшая церковь Троицы в Никитниках (Москва), построенная в 1634 г.; бывшая церковь в Острове; недавно реставрирован-

ные помещения «боярского быта» (на ул. Разина в Москве) и «Парышкинские палаты» бывшего Высокопетровского монастыря (на ул. Петровке в Москве). В II залах «Парышкинских палат» открыта выставка «Русское народное декоративно-прикладное искусство».

Широко развернулась собирательская работа. ГИМ ежегодно организует археологические и историко-бытовые экспедиции в разные районы страны. Всего проведено около 370 археологических и более 100 историко-бытовых экспедиций. В результате музей превратился в крупнейшее хранилище памятников истории народов СССР с древнейших времен и до наших дней. Ныне его фонды насчитывают 3105 тыс. предметов и 44 тыс. единиц хранения архивных материалов.

В музее хранятся огромные археологические коллекции. Его нумизматическое собрание по количеству и составу не уступает крупнейшим в мире. Среди рукописей и старопечатных книг, имеющих в ГИМ, такие уникальные памятники русской культуры, как Изборник Святослава 1073 г., Сказ Афанасия Никитина, греческие грамоты IX—XVII вв., новгородские грамоты на бересте X—XIII веков. Документальные фонды содержат крупные вотчинные архивы России XVII—XIX вв.; материалы по истории науки и культуры; документы по истории революционного движения. В музее хранятся полотна многих русских художников; коллекция графики известного собирателя XIX в. П. Я. Дашкова; собрание лубков; огромное число фотографий; коллекции и отдельные предметы высокой художественной ценности и большой исторической значимости (орудия труда, одежда, оружие, знамена и т. д.). В фондах музея немало вещей, история которых связана с жизнью выдающихся деятелей прошлого.

За годы Советской власти ГИМ, используя свои богатейшие коллекции, развернул экспозицию, охватывающую историю народов СССР с древнейших времен до Октябрьской революции. В свете решений XX, XXI и XXII съездов КПСС коллектив музея ведет работу по улучшению экспозиции и повышению ее идейно-теоретического уровня. Наибольшее внимание уделяется показу роли народных масс как подлинных творцов истории; развитию производительных сил; классовой борьбе; героическому прошлому нашего народа, его борьбе за

свободу и независимость Родины; революционному движению и созданию В. И. Лениным марксистской партии, победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Научно-исследовательская работа музея в дореволюционное время не получила широкого развития. Тогда было написано несколько работ, посвященных в основном систематике и описанию музейных коллекций. Они печатались в выпусках «Описание памятников» в качестве приложений к годовым отчетам музея. В числе этих работ наибольшее значение имеют труды В. А. Городцова «Культуры бронзовой эпохи Средней России» и «Классификация погребений Одесского кургана», И. Е. Забелина и В. Н. Щелкина — по систематике рукописного фонда; А. В. Орешникова «Русские монеты до 1547 года».

За годы Советской власти объем научных исследований, проводимых силами ГИМ, неизмеримо вырос. Сотрудники музея ведут исследования (главным образом основываясь на материалах ГИМ) отдельных вопросов истории народов СССР, создают новые экспозиции и работают над улучшением существующих, проводят учет и описание экспонатов, составляют различные справочники и указатели, пишут пособия по экскурсионно-массовой работе; обобщают опыт консервации и реставрации памятников материальной культуры. Результаты этих исследований публикуются в «Трудах» ГИМ и его «Ежегодниках». Кроме того, издаются отдельные монографии, путеводители, альбомы, буклеты, листовки. Ряд работ сотрудников музея напечатан в сборниках Института истории АН СССР, Академии художеств, Научно-исследовательского института музееведения, в журналах и газетах.

Первый выпуск «Трудов» ГИМ вышел в свет еще в 1926 году. С тех пор было издано 38 выпусков. Среди работ, помещенных в них, отметим следующие: А. Я. Брюсов — «История древней Карелии» (вып. IX, 1940); Е. И. Крупнов — «Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи» (вып. XVII, 1948); А. П. Смирнов — «Волжские булгары» (вып. XIX, 1951); «Из истории крестьянства XVI—XIX вв.» (вып. XXVII, 1955); «Материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX — начала XX в.» (вып. XXVIII, 1955); «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», чч. 1 и 2 (вып.

XXXII и XXXIII, 1956, 1959); Д. И. Тверская — «Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка» (вып. XXXIV, 1959); Э. С. Коган — «Очерки истории крепостного хозяйства по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII в.» (вып. XXXV, 1960).

Параллельно начиная с 1949 г., в серии «Трудов» ГИМ под рубрикой «Памятники культуры» издано 33 выпуска. Среди них работы О. А. Кривцовой-Граковой — «Бессарабский клад» (вып. 1, 1949); Н. В. Пятышевой — «Таманский саркофаг» (вып. 2, 1949); М. Н. Тихомирова и М. В. Щепкиной — «Два памятника новгородской письменности» (вып. 8, 1952); О. Н. Бадера и А. П. Смирнова — «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение» (вып. 13, 1954); Н. П. Сорокиной — «Тузлинский некрополь» (вып. 26, 1957); «Памятники Пугачевского восстания, хранящиеся в Государственном историческом музее» (вып. 32, 1961) и ряд других. Кроме того, вышли отдельными изданиями: «Письменные источники в собрании Государственного исторического музея», ч. 1 (1958); Г. М. Лебедева — «Сатирический журнал «Искра» (1959), и др. С 1958 по 1962 г. изданы четыре «Ежегодника» ГИМ.

Коллектив ГИМ оказывает большую научно-методическую помощь музейным работникам страны. Ежегодно проводятся занятия по методике экспозиционной и хранительской работы, по учету, хранению и реставрации музейных предметов. Кроме того, музей ведет широкую и разнообразную консультационную работу.

ГИМ и его филиалы посещает огромное число людей (в 1961 г. — свыше 1 380 тыс., а в 1962 г. — 1 443 тыс. человек), ежегодно проводится около 11 тыс. экскурсий. В музее систематически организуются «Дни бри-

гад коммунистического труда», «Дни войны», «Дни колхозника», встречи посетителей со старыми коммунистами, ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн, с Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда. Сотрудники ГИМ ведут занятия с учителями, студентами и школьниками, читают лекции и организуют тематические вечера на предприятиях, в колхозах, учреждениях, школах, воинских частях, клубах и парках столицы. Недавно при музее начал работать лекторий.

Музей располагает значительным книжным фондом. На основе его в 1930-х годах была создана в Москве Государственная историческая библиотека. В настоящее время в книгохранилище музея насчитывается свыше 150 тыс. томов; в их числе немало редких изданий. Библиотека обменивается книгами с научными учреждениями и музеями 27 стран.

В ГИМ и его филиалах трудится около 150 научных сотрудников, в том числе 30 кандидатов и 2 доктора наук. Многие из них являются крупными специалистами, известными в Советском Союзе и за рубежом (А. Я. Брюсов, А. П. Смирнов, М. В. Щепкина, М. М. Постникова, А. Б. Закс, З. А. Огризко и другие). Коллектив ГИМ стремится постоянно улучшать экспозиции с тем, чтобы они глубже раскрывали историю нашей страны, способствовали коммунистическому воспитанию трудящихся.

8 июня 1963 г. общественность отметила 80-летие Государственного исторического музея. Ученый Совет ГИМ на специальном заседании заслушал доклады о научно-исследовательской и массовой работе музея. Многие научные и культурно-просветительные учреждения страны прислали приветствия коллективу музея.

В. Г. Вержбицкий

СПИСОК ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ, УТВЕРЖДЕННЫХ В 1962 ГОДУ

История СССР

Абилов А. А. *Очерки советской культуры народов Дагестана.* Азербайджанский гос. ун-т.

Азизбекова П. А. *Роль В. И. Ленина в социалистических преобразованиях в Азер-*

байджане (1920—1923 гг.). Азербайджанский гос. ун-т.

Айрапетян М. Э. *Этапы внешней политики СССР.* Отделение общественных наук АН УССР.

Акопян Т. Х. *История Еревана. (1801—1879 гг.).* Ин-т истории АН Армян. ССР.

Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (этнографическое развитие абхазов и грузино-абхазские отношения). Ин-т народов Азии АН СССР.

Арутюнов Г. А. Рабочее движение в Закавказье в период нового революционного подъема (1910—1914). Азербайджанский гос. ун-т.

Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых. Ин-т этнографии АН СССР.

Березняков Н. В. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. ЛГУ.

Брегадзе Г. В. Формирование и развитие грузинской социалистической нации. Ин-т истории АН Груз. ССР.

Ванеев З. Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение Юго-Осетии в XIX веке. Ин-т истории АН Груз. ССР.

Вартанян С. А. Победа Советской власти в Армении. Тбилисский гос. ун-т.

Воронина В. Л. Проблема раннесредневекового города Средней Азии. Ин-т этнографии АН СССР.

Галстян А. Г. Труды армянского полководца XIII века Смбата Спарапета и их историческое значение. Ин-т народов Азии АН СССР.

Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. Ин-т этнографии АН СССР.

Гоцадзе М. К. История грузинской журналистики. (Журналистика как источник изучения социально-политического положения Грузии и грузинской общественно-политической мысли). Тбилисский гос. ун-т.

Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья. Ленинградское отделение Ин-та истории АН СССР.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки VI—VIII вв. ЛГУ.

Довженок В. И. Земледелие древней Руси до XIII ст. Отделение общественных наук АН УССР.

Досумов Я. М. Очерки истории Кара-Калпакской АССР (1917—1927 гг.). Объединенный совет отделения общественных наук АН Узбек. ССР.

Егорова А. Г. Руководство большевистской партии деятельностью профсоюзов и фабзавкомов в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции (март—октябрь 1917 г.). АОН при ЦК КПСС.

Елеуов Т. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. Объединенный совет отделения общественных наук АН Узбек. ССР.

Игнатьев В. Л. Проблемы союза рабочего класса с крестьянством и разработки программ нашей партии. АОН при ЦК КПСС.

Иллерицкий В. Е. Революционно-демократическое направление в русской историографии 40—60-х годов XIX века. Ин-т истории АН СССР.

Карасев А. В. Ленинград в годы Великой Отечественной войны. ЛГУ.

Кашкаев Б. О. Коммунистическая партия — организатор борьбы трудящихся за

власть советов в Дагестане (1917 г. — март 1920 г.). ИМЛ при ЦК КПСС.

Клибанов А. И. Реформационные движения в России. Ин-т славяноведения АН СССР.

Компаниен И. И. Положение и борьба трудящихся Галиции, Буковины и Закарпаття в начале XX столетия (1900—1919 гг.). ЛГУ.

Конкс Я. Ю. Эстляндское феодально-крепостническое сельское хозяйство и положение крестьянства в конце XVIII и первом десятилетии XIX. Тартуский гос. ун-т.

Конюховский В. Н. Борьба Коммунистической партии за укрепление Красной Армии в годы мирового социалистического строительства (1921—1941 гг.). ВПА.

Кузьмин Н. Ф. Организация Коммунистической партией разгрома последнего антисоветского похода Антанты (апрель — ноябрь 1920 г.). АОН при ЦК КПСС.

Медведев В. К. Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства в Нижне-Волжском крае (1928—1932 гг.). МГПИ.

Мелкадзе И. Я. «Имеретинско-мингрельский комитет РСДРП и революция 1905—1907 гг. в Западной Грузии». Тбилисский гос. ун-т.

Монгайт А. Л. Рязанская земля. Ин-т этнографии АН СССР.

Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. Ин-т археологии АН СССР.

Полевой Ю. З. Рабочее движение 80-х — начала 90-х годов XIX века и первые марксистские организации в России. Ин-т истории АН СССР.

Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в XVI—XVII вв. Ин-т археологии АН СССР.

Стишов М. И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). МГУ.

Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. Ин-т истории АН СССР.

Шкляр М. Е. Борьба Компартии Белоруссии за укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в восстановительный период (1921—1925 гг.). ИМЛ при ЦК КПСС.

Шишкин В. А. «Варахша» (опыт историко-археологического исследования). Объединенный совет Отделения общественных наук АН Узбек. ССР.

Шиян К. К. Борьба рабочего класса Украины за восстановление промышленности 1921—1925 гг. Отделение общественных наук АН УССР.

Хачикян Л. С. Памятные записки армянских рукописей XV века. Ереванский гос. ун-т.

Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья. Ин-т этнографии АН СССР.

Церцвадзе М. В. Революционное движение в Грузии в 1914—1917 гг. Тбилисский гос. ун-т.

Чахвашвили Н. А. *История рабочего движения в Грузии во второй половине XIX — в начале XX веков (1870—1904 гг.)*. Тбилисский гос. ун-т.

Якобсон А. Л. *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) и раннесредневековый Херсонес*. Ленинградское отделение ин-та истории АН СССР.

Всеобщая история

Брюнин В. Г. *Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Германии (конец 1917 — начало 1918 гг.)*. МГУ.

Волков Ф. Д. *Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. Англо-советские отношения в 1924—1929 гг.* МГИМО.

Ганевич И. В. *Борьба болгарского народа под руководством Коммунистической партии за национальное и социальное освобождение (1941—1944)*. Отделение общественных наук АН УССР.

Грекул Ф. А. *Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII вв.* Ин-т славяноведения АН СССР.

Гуревич А. Я. *Очерки социальной истории Норвегии IX—XII веков*. Ин-т истории АН СССР.

Жебокрицкий В. А. *Болгария накануне и во время Балканских войн 1912—1913 гг.* Ин-т славяноведения АН СССР.

Златкин И. Я. *История Джунгарского ханства*. Ин-т народов Азии АН СССР.

Иноземцев Н. Н. *Внешняя политика США в эпоху империализма*. МГИМО.

Кертман Л. Е. *Рабочее движение в Англии и борьба двух тенденций в лейборист-*

ской партии (1900—1914 гг.). Пермский гос. пед. ин-т.

Клоков В. И. *Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945 гг.)*. Отделение общественных наук АН УССР.

Кутаков Л. Н. *История советско-японских дипломатических отношений 1925—1945 гг.* МГИМО.

Мельникова И. Н. *Классовая борьба в Чехословакии в период временной, частичной стабилизации капитализма (1924—1929 гг.)*. Отделение общественных наук АН УССР.

Николаев П. А. *Политика США, Англии, Франции в германском вопросе*. ЛГУ.

Петрова-Аверкиева Ю. П. *Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений индейцев северо-западного побережья Северной Америки*. Ин-т этнографии АН СССР.

Писарев Ю. А. *Освободительное движение югославских народов Австро-Венгрии. 1905—1914 гг.* Ин-т славяноведения АН СССР.

Розанов Г. Л. *Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.)*. МГИМО.

Сапожников Б. Г. *Вторая гражданская война в Китае (1927—1937 гг.)*. Ин-т народов Азии АН СССР.

Скржинская Е. Ч. *Иордан. О происхождении и деятельности гетов*. Ин-т археологии АН СССР.

Фомин В. Т. *Агрессия фашистской Германии в Европе (1933—1939 гг.)*. МГПИ.

Халфин Н. А. *Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857—1876)*. МГПИ.

Яковлев Н. Н. *Новейшая история США (1917—1960 гг.)*. МГИМО.

Хроникальные заметки

◆ 60-летию II съезда РСДРП была посвящена состоявшаяся 29 июля в Москве объединенная научная сессия Института марксизма-ленинизма, Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. На сессии собрались ветераны революционного движения в России, ученые-историки, партийные работники столицы. С докладом «Историческое значение II съезда РСДРП» выступил директор Института марксизма-ленинизма акад. П. Н. Поспелов. На сессии были заслушаны также доклады заместителя руководителя кафедры партийного строительства ВПШ В. Ф. Ключко «Ленинские организационные основы марксистской партии и творческое развитие их в условиях развернутого строительства коммунизма» и чл.-корр. АН СССР Ю. П. Францева «Международное значение исторического опыта КПСС». Воспоминаниями на сессии

поделились старые коммунисты Н. А. Алексеев, Н. П. Растопчин.

◆ Научная сессия, посвященная 60-летию II съезда РСДРП, была организована в Киеве Институтом истории партии ЦК КП Украины — филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Отделением общественных наук АН УССР и Высшей партийной школой при ЦК КП Украины.

◆ Институт истории партии при ЦК КП Эстонии 27 июня провел теоретическую конференцию, посвященную 60-летию II съезда РСДРП. Ее участники заслушали ряд докладов, в которых подверглись рассмотрению различные этапы деятельности русских и эстонских большевиков в борьбе за Советскую власть. Академик АН ЭССР И. Саат выступил с докладом о II съезде РСДРП и его историческом значении.

◆ Свердловский областной краеведческий музей в связи с 240-летием Свердловска созвал 30—31 мая научную конференцию. Конференция заслушала и обсудила 16 докладов и сообщений. В ее работе приняли участие научные сотрудники четырех свердловских вузов, ряда музеев и архивных учреждений, журналисты, работники библиотек, преподаватели средних школ краеведы. Н. А. Финкельштейн в своем докладе уделил особое внимание важности опубликования сравнительных статистических данных. Конференции были представлены новые материалы Л. Д. Голендухина по истории Уктусского завода, сыгравшего важную роль в строительстве Екатеринбургского завода. Истории сооружения плотины Екатеринбургского завода, заложенной в мае 1723 г., посвятил свое сообщение А. К. Воронихин. Проблемам застройки и архитектуры города были посвящены доклады Н. С. Алферова и В. А. Пискунова. Вызвали дискуссию вопросы, поставленные в сообщении В. Я. Кривоногова об особенностях Екатеринбурга XIX в. как «горного города». Заслушаны были также сообщения Л. М. Зборовской по истории Верх-Исетского завода эпохи феодализма, А. И. Серова — об исторических памятниках Свердловска, В. И. Бубнова и В. А. Сивкова — о материалах по истории города, которые хранятся в архивных учреждениях. Г. А. Паченкова ознакомила слушателей с новыми документами, поступившими в музей Я. М. Свердлова.

◆ Интересные доклады были зачитаны на 4-й областной научной конференции по истории Московского края, состоявшейся 26—27 марта. На пленарном заседании с докладами выступили В. Т. Круть (Московский областной педагогический институт—МОПИ) — «Некоторые итоги краеведческой работы за истекший год и задачи краеведов-историков в свете решений ноябрьского Пленума ЦК КПСС»; К. В. Крестовская (Главное архивное управление при Совете Министров СССР) — «Помощь архивов Москвы учителям-краеведам»; П. Г. Резников (Московский областной краеведческий музей) — «Музей и школа»; С. Д. Васильев (член ученого совета музея в Переяславле-Залесском) — «Из опыта работы краеведов по собиранию исторических материалов». На секционных заседаниях были заслушаны доклады: А. М. Конторшиков (Электрогорск) — «В. И. Ленин и электрификация Московского края»; В. И. Энский (Клин) — «Город Клин с древнейших времен и до XIX века»; В. И. Адюшкин (Раменское) — «Трудящиеся Раменского района в борьбе за осуществление 7-летнего плана»; В. Г. Тишечкин (Наро-Фоминск) — «Из истории революционного движения наро-фоминских текстильщиков (1898—1917 гг.)»; П. И. Шапиро (Раменский краеведческий музей) — «Участие трудящихся Раменского района в революции 1905—1907 гг.»; Л. А. Семенова (Архив Октябрьской революции и социалистического

строительства) — «Материалы Архива Октябрьской революции и социалистического строительства о коллективизации сельского хозяйства в Московской области»; Н. В. Шлычков (село Родовицы Шатурского района) — «Положение сельского населения Мещеры в XVI—XVII веках»; С. Ф. Афонин (МОПИ) — «Отклики крестьянской войны под предводительством Степана Разина в Московском крае»; Г. В. Ильин (Московский государственный библиотечный институт) — «Партизанское движение осенью 1812 г. к северу от Москвы»; Н. Е. Кокушев (МОПИ) — «К критике приспособленческих тенденций в современной религии».

◆ На третьей зональной научной конференции кафедр истории СССР педагогических институтов городов Горького, Иванова, Ярославля, Кирова и Костромы, проходившей в Иванове и посвященной истории рабочего класса СССР, были заслушаны доклады по истории рабочего движения в Центральной России в конце XIX в., рабочего класса Вятской губернии в годы первой мировой войны, борьбы иваново-вознесенских рабочих за упрочение Советской власти, участия московских текстильщиков в коллективизации сельского хозяйства Средней Азии, производственно-технической подготовки новых рабочих в годы первой пятилетки, борьбы промышленных предприятий страны за технический прогресс.

◆ В отделе старопечатных и редких книг Харьковской государственной научной библиотеки имени В. Г. Короленко находится редчайшее издание — экземпляр протоколов II съезда РСДРП, — подаренное библиотеке профессором русской литературы Манчестерского университета П. Д. Костелло, который приобрел его у парижского букиниста. На обложке издания значится: «Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия. Пролетарии всех стран соединяйтесь! Полный текст протоколов II очередной съезд Росс. Соц. Дем. Рабочей Партии. Издание Центрального Ком. Типография партии. Женева». Это первое издание протоколов II съезда вышло в январе 1904 года. В книге помещены протоколы всех 37 заседаний съезда, Программа и организационный Устав РСДРП, резолюции съезда. В конце книги даны девять приложений, список участников съезда. В. И. Ленин в работе «Шаг вперед, два шага назад» ссылался на страницы именно этого издания. Экземпляр, о котором идет речь, примечателен и тем, что он принадлежал ЦК РСДРП.

◆ Найденный недавно в Пензенском областном государственном архиве «Список лиц, подлежащих розыску по делам политическим», от 30 октября 1899 г. дает возможность пополнить сведения о побеге в 1899 г. Ф. Э. Дзержинского из вятской ссылки, куда он был сослан царскими властями. В документе говорится: «Дзержинский Феликс Эдмундов., дворянин, родился в 1877 г. в Велеской губернии. Привлекался к дознанию по делу о революционной пропаганде среди ковенских рабочих и по высочайшему повелению, последовавшему

в 12 день мая 1898 г., по вменению в наказание предварительного заключения, выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губернию сроком на три года, где водворен был в селе Кайгородском, Слободского уезда. По полученным ныне сведениям, Дзержинский скрылся из места жительства». После подробного перечня примет Дзержинского в документе давалось предписание полиции и жандармерии: в случае обнаружения беглеца «обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение вятского губернатора».

◆ Широко известно имя пламенного революционера-ленинца Н. Э. Баумана. В циркуляре департамента полиции, обнаруженном сотрудниками Архивного отдела Северо-Осетинской АССР, в списке лиц, подлежащих розыску по делам политическим, значится: «Бауман Николай Э., ветеринарный врач, из мещан, родился 17 мая 1873 года в городе Казани, вероисповедания лютеранского, немец, русский подданный, по окончании семи классов второй Казанской гимназии в 1891 году поступил в Казанский ветеринарный институт, где окончил курс в 1895 году, холост... Привлекался к дознанию по делу о С.-Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и по высочайшему повелению, последовавшему в день 12 декабря 1898 года по вменению в наказание предварительного содержания под стражею, выслан под гласный надзор полиции сроком на четыре года в Вятскую губернию, где и водворен в г. Орлове, но 15 октября 1899 года скрылся с места жительства». Резолюция: «Арестовать и препроводить в распоряжение вятского губернатора, уведомив о сем департамент полиции. Обратить особое внимание».

◆ Кубинские пролетарии вопреки запретам буржуазного правительства впервые отправили своих делегатов в Советскую страну еще в ноябре 1927 года, чтобы узнать правду о первом государстве рабочих и крестьян. В Ленинграде, в архиве Октябрьской революции и социалистического строительства удалось обнаружить документы, рассказывающие о встрече кубинцев с ленинградскими рабочими. Свидетельством тех дней является неопубликованная стенограмма речи одного из посланцев Кубы, Леонарда Санчеса, в Ленинградском Дворце труда. «Сознательный пролетариат Южной и Средней Америки,— говорил он,— всей душой был с вами в тяжелые годы... Мы побывали у вас, и видим ваши успехи. Но, еще не зная их, еще до того, как мы увидели своими глазами все, что нам здесь показали, мы пришли к заключению, что буржуазная пресса распространяет о Советском Союзе ложь... Ваши достижения, к которым вы пришли после ужасной нищеты и голода, после бесчисленных атак, экономических и военных, со стороны окружавших вас белогвардейцев и империалистов, эти достижения поистине достойны восхищения и уважения. Мы приехали сюда для того, чтобы посмотреть, как выглядит страна, которая сделала то,

что сделали вы, мы приехали сюда учиться у вас».

◆ Уникальный документ обнаружен в Отделе редких и рукописных книг Государственной публичной библиотеки имени А. М. Горького в Перми. Научный сотрудник Института русской литературы АН СССР Ю. К. Бегунов, просматривая рукописи, обратил внимание на сборник первой четверти XVII в., содержащий произведения Филофея, Максима Грека, Иосифа Волоцкого. Между страницами книги оказалось неизвестное произведение древней русской публицистики XVI в.—«Слово иное». В нем от лица представителя воинствующих церковников рассказывается о неизвестных науке фактах борьбы Ивана III за секуляризацию части церковной земли. Найденный текст написан сочным языком начала XVI в., без витиеватых фраз и ссылок на богословские тексты. Его автор, очевидно, принадлежал к среде высшего духовенства, находившегося во враждебных отношениях с Иваном III.

◆ Сотрудникам Института рукописей имени К. Кекелидзе АН Грузинской ССР удалось реставрировать и прочитать страницы одного из уникальных экземпляров списка поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Пролежав более четырех веков, они слиплись и окаменели. Рукопись была передана правительством Армянской ССР в дар грузинскому народу в ознаменование 1500-летия Тбилиси. Академик АН Грузинской ССР А. Барамидзе описал ее и по имени одного из владельцев назвал «Гургеновской».

◆ Известно, что русские солдаты — участники русско-японской войны 1904—1905 гг., попавшие в плен, издавали рукописную газету. Считалось, что сохранился лишь один ее экземпляр, который находится в Государственном историческом музее в Москве. Недавно в адрес Липецкого областного музея из Стерлитамака пришла подшивка «Вестника военнопленных». В ней оказалось более тридцати рукописных газет, «печатавшихся» в японском городе Сидзуока. Большинство сообщений в них — это сводки с фронта, заимствованные из иностранных газет, короткие рассказы о жизни в России. Характерно, что в «Вестнике» давалась информация о революционных событиях. В июльском номере 1905 г. помещена перепечатка из английской газеты о восстании на броненосце «Потемкин».

◆ Под землей в устье исчезнувшей реки Риги, по имени которой названа латвийская столица, обнаружен поселок раннего средневековья, относящийся к XI веку. Это подтвердило предположение археологов о том, что первое поселение на месте Риги было заложено не в 1201 г., как записано в летописи, а двумя столетиями раньше. Его жителями являлись древние латыши и ливы, обитавшие здесь задолго до появления немецких рыцарей. Археологи отмечают большую плотность застройки. Деревянные дома, сараи и клетки хорошо сохранились. Улицы, проулки и дворы вымощены деревянными настилами. Уцеле-

ли остатки мастерских по обработке металла, янтаря, дерева. Плавильные печи, обилие шлака и окалины свидетельствуют о том, что железо добывалось из местной болотной руды.

◆ Более ста лет ученые разыскивали города Диоскурию и Севастополис, по сведениям греческих географов, являвшиеся торговыми центрами Черноморского побережья Кавказа. И вот при реконструкции Сухумской набережной строители нашли остатки мощных крепостных стен. Абхазский институт истории имени Д. Гулиа приступил к исследованию залива. С помощью спортсменов-подводников ученые осмотрели значительную площадь морского дна. Установлено, что на месте нынешнего Сухумского залива некогда находилась обширная низменность. Дельты рек Келасури и Гумисты образовывали удобную бухту. Здесь в VI—V вв. до н. э. и была основана древнегреческими купцами колония, названная Диоскурией. В I в. н. э. сильное землетрясение изменило русло многих рек, а море затопило низменность. Так погибла Диоскурия. Такая же судьба постигла построенную во II в. н. э. римскую крепость Севастополис.

◆ Интересное открытие было сделано и на Каспийском море. Строители дамбы между островом Артема и материком увидели на дне Каспийского моря какие-то продолговатые предметы. Когда их подняли на берег, оказалось, что это гробницы. В девяти каменных саркофагах были захоронены воины. Судя по предметам, обнаруженным на дне, древний поселок и могильник принадлежали скифам и относились к I в. до н. э. Каспийское море, изменив свой уровень, затопило этот поселок.

◆ В районе Старого Термеза, около мавзолеев Али Хакима Термези, найден вход в подземный пещерный буддийский

монастырь. Это уже третий подземный монастырь, обнаруженный на территории древнего города. Открытие подтверждает письменные свидетельства о том, что вокруг Термеза существовало 20 таких монастырей. В только что обнаруженном монастыре был наземный храм, скорее всего, на месте мавзолеев Али Хакима. Археологические раскопки обещают дать интересные материалы об истории города, существовавшего здесь в начале нашей эры и выполнявшего роль перевалочного пункта на торговых путях, ведущих из Индии и Ирана через Среднюю Азию в Европу.

◆ Институт истории АзССР уже несколько лет ведет раскопки на городище Кабала — древней столицы Кавказской Албании. Данные раскопок свидетельствуют о том, что жизнь на территории городища началась во II—I вв. до н. э. Около цитадели жили ремесленники и мастера. В восточной части города располагались храмы и другие большие здания. Во время обследования городища обнаружено двенадцать монет разных периодов, два клада: аршакидские и римские монеты I—II веков н. э., сасанидские V—VI веков н. э. Эти клады говорят о том, что уже с I в. н. э. Кабала имела торговые связи с Востоком и Западом. При раскопках был найден бронзовый светильник с крышкой, на ручках которого изображена исполненная в греческой манере женская головка. В слоях, где был обнаружен светильник, находились также бронзовая фигурка птицы и крест. Предполагается, что светильник был привезен в Кабалу в V—VII вв. из Византии. Глубокие каналы и туннели с остатками глиняных труб указывают, что город имел водопровод уже в VII веке. Раскопки дали очень много интересных сведений для изучения материальной культуры Кавказской Албании.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры и рецензии

ЗАПАДНОГЕРМАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

На книжном рынке ФРГ за последние годы возросло количество книг о международных отношениях послевоенного времени. Западногерманские буржуазные историки, работающие в этой области, уже давно отбросили в сторону догму, что историю можно писать лишь тогда, когда описываемые события отстоят от историка на многие годы. Это объясняется не только влиянием современной прогрессивной науки. При рассмотрении современных проблем они учитывают прежде всего специфические запросы правящих кругов своей страны. Руководителям нынешнего милитаристского внешнеполитического курса боннского государства, курса, противоречащего национальным интересам германского народа и диктуемого агрессивными замыслами монополистического капитала, хочется иметь «серьезное» обоснование действий ФРГ на международной арене и объяснение ее взаимоотношений с другими странами. Исследование послевоенных международных отношений поставлено в ФРГ под контроль государственных органов. Вслед за образованием западногерманского государства были созданы многочисленные, располагающие большими штатами, щедро субсидируемые монополиями научные центры по разработке проблем современной истории. Значительное число этих учреждений финансируется частично американским капиталом (фонды Форда, Рокфеллера, Карнеги), что накладывает определенный отпечаток на их продукцию. Все эти центры так или иначе связаны с боннским министерством внутренних дел или с особым ведомством «психологической войны», функционирующим при министерстве обороны; некоторые институты контролируются министерством иностранных дел. Наиболее крупные учреждения подобного типа — это Институт современной истории в Мюнхене, Институт по изучению Восточной Европы в Мюнхене, Институт мировой экономики в Киле, Институт международных отношений в Штутгарте. Сочинения, написанные сотрудниками названных институтов, насквозь пропитаны антикоммунизмом и реваншизмом. Это не научные труды в прямом смысле слова, а тщательно продуманные и систематизированные, претендующие на «беспартийность», «беспристрастие» и «объективность» фальсификации. Как правило, уже на суперобложках книг, в аннотациях читателю стремятся внушить мысль о «солидности» и «фундаментальности» этих работ.

Несмотря на щедрые субсидии монополий и правительства, удельный вес исследований по современным проблемам по сравнению с исследованиями, ведущимися в других областях истории, в ФРГ все же невелик. Западногерманские буржуазные историки ищут «обоснований» для нынешнего курса Бонна главным образом в прошлом, особенно в событиях второй мировой войны и довоенного периода. На помощь им мобилизованы распространяемые большими тиражами мемуары военных и политических деятелей. Литература же, посвященная послевоенным проблемам, издается сравнительно малыми тиражами и рассчитана в основном на узкий круг специалистов. Читающая публика довольствуется обычно газетами и иллюстрированными журналами.

Все это, конечно, отражается на характере изучения современных проблем западногерманскими реакционными историками. Зная, что их работы не дойдут до широкого читателя, эти авторы порою выбалтывают то, о чем умалчивают официальные круги.

Именно с этой точки зрения и представляют определенный интерес все эти внешне фундаментальные (по количеству приведенных фактов, дат, цифровых данных, разного рода справок) книги. Скрупулезно отделяя фактический материал от антикоммунистических и фальсификаторских оценок, можно извлечь из него полезные сведения.

Специфика западногерманской историографии международных отношений послевоенного периода отразилась и на многочисленных публикациях дипломатических документов, в том числе договоров и соглашений. Включаются в эти издания далеко не все документы. Отсутствуют в них материалы правительственных переговоров и переписки с правительствами различных стран. Из появившихся в свет серий отметим многотомные издания договоров ФРГ с иностранными государствами и внешнеполитических документов, являющиеся продолжением веймарского и фашистского изданий¹. Напечатаны отдельными выпусками также многосторонние договоры, в которых участвует ФРГ (о создании «Европейского объединения угля и стали», «Европейского оборонительного сообщества», «Общего рынка», «Евратома» и т. д.)². Опубликованы тенденциозно подобранные и не включающие в себя важнейших документов СССР, ГДР и других социалистических стран материалы по германскому вопросу³. До сих пор в Западной Германии не опубликован ни один документ СССР или ГДР о германском мирном урегулировании. Хотя прошло уже 8 лет со времени установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ, в Западной Германии не печатаются документы советско-западногерманских отношений⁴. Не публикуются в ФРГ и тексты посланий, нот и обращений Советского правительства. Все это придает резко выраженный тенденциозный характер той документальной базе, на которой строят свои изыскания западногерманские реакционные историки.

Наряду с этим в изданиях ФРГ, особенно в прессе, широко представлены мало что дающие историку документы протокольного характера: коммюнике о встречах и переговорах, официальные заявления и декларации. Они помещаются в таких органах, как «Бюллетень ведомства печати и информации федерального правительства»⁵, ежегодные отчеты правительства⁶, а также в крупных западногерманских газетах⁷. Некоторые материалы подобного рода печатаются в журнале «Внешняя политика» (Штутгарт)⁸, в бюллетене «Документы недели» (Мюнхен)⁹, а также в экономическом еженедельнике «Der Volkswirt» (Франкфурт)¹⁰. Многие документы послевоенных международных отношений публикуются в «Европейском архиве»¹¹. С 1959 г. выпускается специальный международно-политический «Ежегодник внешней политики»¹². Заслужи-

¹ «Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte». Berlin—München. Bd. 7, etc. 1950, etc.

² H. Berlé, R. Müller. Gemeinsamer Markt und Euratom. Vertragswerk vom 25. März 1957 mit Kommentar. Berlin. 1957; «Verträge der Bundesrepublik Deutschland». Serie A: Multilaterale Verträge. Bd. 1—12. Bonn. 1949, etc.; «Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland mit Vertrag über die Beziehungen zu den drei Mächten...». München. 1955.

³ «Die Bemühungen der Bundesregierung um Wiederherstellung der Einheit Deutschlands durch gesamtdeutsche Wahlen». Dokumente und Akten. Bonn. 1958; E. Jäckel. Die deutsche Frage 1952—1956. Notenwechsel und Konferenzdokumente der vier Mächte. Frankfurt a/M. 1957.

⁴ Некоторые документы, опубликованные в книге Э. Александера (E. Alexander. Adenauer und das neue Deutschland. Recklinghausen. 1956), не в счет, так как здесь идет речь о вещах, освещавшихся всей мировой печатью.

⁵ Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. Bonn. 1949.

⁶ «Deutschland im Wiederaufbau». Tätigkeitsbericht der Bundesregierung für das Jahr 1950, etc. Bonn. 1951, etc.

⁷ «Die Welt». Hamburg; «Frankfurter Allgemeine Zeitung», Frankfurt a/M; «Bonner Korrespondenz», Bonn; «Industriekurier», Düsseldorf; «Deutsche Zeitung mit Wirtschaftszeitung», Köln; «Bundesanzeiger», Bonn; «General-Anzeiger», Bonn.

⁸ «Außenpolitik». Stuttgart. Между прочим, в № 1 за 1961 г. опубликована статья вице-канцлера ФРГ Л. Эрхарда «Внешняя политика и внутренний порядок как руководящие начала».

⁹ «Dokumentation der Woche», München.

¹⁰ «Der Volkswirt», Frankfurt a/M.

¹¹ «Europa-Archiv», Frankfurt a/M. См., например, «Probleme der internationalen Abrüstung. Eine Darstellung der Bemühungen der Vereinten Nationen 1945—1955». «Europa-Archiv». 1956.

¹² «Jahrbuch für Auswärtige Politik», Frankfurt a/M. 1959.

зает внимания справочное издание по международным отношениям, выпущенное издательством «Плётц»¹³.

Особую группу источников образуют сборники выступлений руководящих деятелей правительства и ведущих политических партий Западной Германии, безудержно воспевающих политику «с позиции силы»¹⁴.

Наибольший интерес для исследователя могут представить стенограммы заседаний бундестага и бундесрата ФРГ¹⁵ (до середины 1963 г. вышло в свет более 60 томов), а также стенографические отчеты партийных съездов. Отчеты о внешнеполитических дебатах содержат тексты выступлений как представителей правительственной коалиции, так и официальной оппозиции. Хотя в ФРГ, по сути дела, нет серьезных разногласий между партиями коалиции и оппозиции в проведении внешнеполитического курса, обсуждение вопросов внешней политики часто срывает покров с некоторых действий правительства, как это имело место, в частности, во время дебатов в бундестаге о ратификации Парижских соглашений. Интересны стенограммы 1949—1953 гг., когда в бундестаге еще существовала фракция Коммунистической партии Германии (КПГ). Коммунисты делали все возможное для разоблачения с парламентской трибуны той зловещей роли, которую играли в международных отношениях правящие круги Западной Германии. Выступления депутатов фракции КПГ освещают участие ФРГ в осуществлении «плана Маршалла», в организации «Европейского экономического сообщества» и других союзах империалистов.

При всей принципиальной унифицированности и антикоммунистическом характере буржуазных работ по проблемам послевоенных международных отношений в ФРГ можно все же уловить отличия во взглядах их авторов. Эти отличия позволяют говорить о существовании нескольких направлений (или тенденций) в современной западногерманской историографии: правосоциалистского, буржуазно-либерального, официально-правительственного и, наконец, откровенно фашистского. Названные направления отражают в какой-то мере межпартийную борьбу в ФРГ и основываются на некотором различии в тактике отдельных группировок западногерманского монополистического капитала и поддерживаемых ими буржуазных партий.

Правосоциалистские историки группируются вокруг руководства Социал-демократической партии (СДПГ). Оппортунизм — вот идейная основа всех их писаний. Во многих случаях они решаются критиковать внешнюю политику западных держав и даже ФРГ за «негибкость», «несговорчивость», «непоследовательность» и т. д., делают попытки на словах поддерживать идею мирного сосуществования. Однако в целом они содействуют проведению аденауэровской линии «с позиции силы». Примерами книг, в которых развиваются правосоциалистские концепции, могут служить работы одного из лидеров СДПГ, К. Шмида, «Что такое внешняя политика?»¹⁶ и Г. Дейста «Свободная экономическая политика на рубеже между Западом и Востоком»¹⁷.

Вместе с тем в самом правосоциалистском направлении можно различить несколько течений — от явно реакционного¹⁸ до относительно прогрессивного¹⁹. Если представители первого повторяют аденауэровские разглагольствования об «атлантической солидарности», «силе» и «твердости», то представители второго выступают за достижение соглашения между обоими германскими государствами, за принятие совет-

¹³ H. K. G. Rönnefahrt, H. Euler. Konferenzen und Verträge. Vertrags-Ploetz, ein Handbuch geschichtlich bedeutsamer Zusammenkünfte und Vereinbarungen. Bd. IV. (Neueste Zeit. 1914—1959). 1959.

¹⁴ T. Heuß. Würdigungen (Reden, Aufsätze und Briefe 1919—1955). Tübingen. 1955; E. Gerstenmaier. Deutschland in der weltpolitischen Situation der Gegenwart. Bonn. 1958; e j u s d. Reden und Aufsätze. Stuttgart. 1956; e j u s d. 10 Jahre Politik für Deutschland. Bonn. 1956.

¹⁵ «Verhandlungen des Deutschen Bundestages». Bd. I, etc. Bonn. 1948, etc. См. также бюллетень «Das Parlament» и «Verhandlungen des Bundesrates». Bd. I, etc. Bonn. 1949, etc.

¹⁶ C. Schmid. Was ist Außenpolitik? Laupheim. 1955.

¹⁷ H. Deist. Freiheitliche Wirtschaftspolitik an der Grenzscheide zwischen West und Ost. Köln. 1959.

¹⁸ W. Brandt. Von Bonn nach Berlin. Eine Dokumentation zur Hauptstadt-Frage. Berlin. 1957; e j u s d. My Road to Berlin. New York. 1960.

¹⁹ G. Heinemann. Deutsche Friedenspolitik. Reden und Aufsätze. Darmstadt. 1952.

ских предложений по германскому вопросу и доказывают необходимость переориентации внешнеполитического курса ФРГ.

Сочинения историков правосоциалистского толка, по сути дела, смыкаются с книгами официально-правительственной историографии, хотя они всячески стараются подчеркнуть отличие своих концепций.

Представители буржуазно-либерального направления по ряду конкретных вопросов занимают порой более разумную или, во всяком случае, несколько иную позицию по сравнению с проправительственной. Это объясняется противоречиями, которые существуют между правящим блоком Христианско-демократического и Христианско-социального союза (ХДС—ХСС) и Свободной демократической партией (СвДП). В последней представлены те монополистические группы, которые заинтересованы в экономических связях со странами Восточной Европы, прежде всего с СССР. Историки буржуазно-либерального направления, несмотря на свои антикоммунистические настроения, в ряде случаев пытаются трезво рассматривать опыт советско-западногерманских отношений. Подчас, волей или неволей, они вынуждены указывать на положительные стороны торгово-экономических связей между СССР и Германией в прошлом и подчеркивать желательность развития таких отношений в наше время. Характерными в этом смысле являются книги П. Зете «Между Бонном и Москвой» и А. Ворличека «Бонн — Москва. Восточная политика Аденауэра»²⁰.

Идеи этих авторов находят свое отражение и на страницах близкого к СвДП экономического журнала «Ost-West-Handel»²¹. Буржуазные либералы объективно сыграли определенную положительную роль, выступая за установление советско-западногерманских дипломатических и торгово-экономических отношений. В большей мере, чем представители других направлений, вскрывают эти авторы разногласия и противоречия, существующие между ФРГ и другими западными державами. В этом плане интересна книга Г. Александера «Между Бонном и Лондоном»²². Перу буржуазно-либеральных историков принадлежит несколько работ, специально посвященных послевоенным международным отношениям. Среди них — объемистая книга В. Корнидеса «Мировые державы и Германия», охватывающая период с 1945 по 1955 год²³, исследование Г. Фолле по вопросу о разоружении²⁴. Предметом изучения М. Шмитта, В. Гута и Г. Гросса стала западногерманская политика неокOLONиализма²⁵. Духом ненависти к освобождающимся от колониального ига народам пропитана работа Хильтебрандта «Борьба за Средиземное море»²⁶, однако она насыщена фактическим материалом. Р. Шмидтом написана книга по саарскому вопросу²⁷. В. Шмитт опубликовал работу о послевоенных франко-западногерманских отношениях²⁸. Единственной в ФРГ книгой о политике западных держав в германском вопросе в 1945—1950 гг. является хроника Е. Шефера²⁹, во многом перекликающаяся с работой Г. Зиглера «Путь Германии в 1945—1955 гг. От капитуляции до посздки Аденауэра в Москву»³⁰.

²⁰ P. S e t h e. Zwischen Bonn und Moskau. Frankfurt a/M. 1956; A. W o r l i c z e k. Bonn—Moskau. Die Ostpolitik Adenauers. München. 1957.

²¹ «Ost-West-Handel». Frankfurt a/M.; см. также W. T r a u t m a n n. Osthandel. Ja oder Nein? Stuttgart. 1954.

²² H. A l e x a n d e r. Zwischen Bonn und London. Mißverständnisse und Hoffnungen. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Düsseldorf. 1959.

²³ W. C o r n i d e s. Die Weltmächte und Deutschland. Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1945—1955. Tübingen. 1957.

²⁴ H. V o l l e. Probleme der internationalen Abrüstung. Eine Darstellung der Bemühungen der Vereinten Nationen 1945—1955. Frankfurt a/M. 1956.

²⁵ M. S c h m i t t. Partnerschaft mit Entwicklungsländern. Stuttgart. 1960; W. G u t h. Der Kapitalexport in unterentwickelte Länder. Basel—Tübingen. 1957; H. G r o s s. Neue Märkte. Chancen in Übersee. Düsseldorf. 1953.

²⁶ H i l t e b r a n d t. Der Kampf ums Mittelmeer. Stuttgart. 1953.

²⁷ R. S c h m i d t. Saarpolitik 1945—1957. Frankfurt a/M. 1960.

²⁸ W. S c h m i t t. Zwischenrufe von der Seine. Die Entwicklung der Europapolitik und das deutsch-französische Verhältnis. Stuttgart. 1958.

²⁹ E. S c h ä f e r. Von Potsdam bis Bonn. Fünf Jahre deutsche Nachkriegsgeschichte 1945—1950. Schauenburg. 1950.

³⁰ H. S i e g l e r. Deutschlands Weg 1945—1955. Von der Kapitulation bis zur Moskau-Reise Adenauers. Köln. 1955.

Ведущие позиции в западногерманской историографии занимает официально-правительственное направление. К нему принадлежат прежде всего ультрареакционные историки, близко стоящие к правящим кругам; здесь депутат бундестага Г. Лёвенштейн³¹, биографы Аденауэра П. Веймар, Э. Александер и М. Хейнце-Мансфельд³², американско-западногерманский профессор К. Миш³³ и другие. Все они принадлежат к числу адвокатов политики «с позиции силы» и защитников антикоммунистических доктрин, прокламируют необходимость гонки вооружений, открыто выступают с реваншистских позиций. В книгах этих авторов много места занимают попытки защитить курс ФРГ на проведение политики «атлантической солидарности» с империалистическими державами Запада. В основе их концепции лежит проповедь голый силы в международных отношениях³⁴ и прославление «личной дипломатии» Аденауэра.

К этому кругу историков примыкает боннский дипломат и историк В. Греве, автор работы «Германская внешняя политика послевоенного периода»³⁵. Сюда же относятся две книги вице-канцлера ФРГ Л. Эрхарда, в которых специально рассматриваются проблемы международных экономических отношений после второй мировой войны под углом зрения участия ФРГ в конкурентной борьбе на капиталистическом рынке³⁶, и сочинение военного преступника, а ныне боннского дипломата Г. Бройтигама³⁷. Участие ФРГ в «плане Шумана» — предмет изысканий другого западногерманского дипломата, В. Халыштейна³⁸. За последнее время МИД ФРГ начал издавать со своим грифом некоторые работы, претендующие на «научную объективность». Такова, например, книга В. Вез «Становление Европы»³⁹.

Наконец, все более и более активным становится фашистское направление; его представители служат реваншистским реакционным силам, которые возрождались в Западной Германии на протяжении всего послевоенного периода и объединились ныне вокруг различных милитаристских союзов, неофашистских партий, землячеств переселенцев и т. д. Бросается в глаза их стремление восстановить в «правах» гитлеровскую геополитику как одно из средств идеологической подготовки новой войны. В г. Бад Годесберге регулярно выходит «Журнал геополитики», проповедующий идеи завоевания «жизненного пространства»⁴⁰. В нем подвизаются многие бывшие пропагандисты «Великой Германии», выступающие теперь за расширение колониальной экспансии ФРГ. Таков, например, А. Цишка (автор книг «Африка. Первая задача единой Европы»; «Война или мир. Шансы на мир в нашу эпоху»)⁴¹. Его главный тезис сводится к утверждению: «Восток закрыт для нас; продвижение на Запад уже давно достигло своих пределов; следовательно, нам остается исключительно Юг, только Африка». Сходные мысли развиваются в книгах Э. Кирстена «Пространство и население во всемирной

³¹ H. Löwenstein, V. Zühlsdorff. Deutschlands Schicksal 1945—1957. Bonn. 1957; H. Löwenstein. Deutsche Geschichte. Der Weg des Reiches in zwei Jahrtausenden. Frankfurt a/M. 1954; H. Löwenstein, V. Zühlsdorff. Die Verteidigung des Westens. Bonn. 1960.

³² P. Weymar. Konrad Adenauer. Die autorisierte Biographie. München. 1955; E. Alexander. Adenauer und das neue Deutschland. Einführung in das Wesen und Wirken des Staatsmannes. Recklinghausen. 1956; M. Heinze-Mansfeld. K. Adenauer und die deutsche Zukunft. Wiesbaden. 1954.

³³ K. Misch. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Massen (von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart). Stuttgart. 1952.

³⁴ F. R. Allemann. Bonn ist nicht Weimar. Köln—Berlin. 1956.

³⁵ W. Grewe. Deutsche Außenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart. 1960.

³⁶ L. Erhard. Deutschlands Rückkehr zum Weltmarkt. Düsseldorf. 1954; e j u s d. Wohlstand für Alle. Düsseldorf. 1957.

³⁷ H. Bräutigam. Konjunktur. Wirtschaftsordnung. Wiedervereinigung. Die Koinzidenz der wirtschafts- und außenpolitischen Aufgaben. Bad Godesberg. 1956.

³⁸ W. Hallstein. Der Schuman-Plan. Frankfurt a/M. 1951.

³⁹ W. Wehe. Das Werden Europas. Zeittafel der europäischen Einigungsbestrebungen 1846—1955. Frankfurt a/M. 1955.

⁴⁰ «Zeitschrift für Geopolitik». Hrsg. vom Institut für Geozologie und Politik (Bad Godesberg). Подробнее о западногерманской геополитике см. G. Heyden. Geopolitik—ideologische Kriegsvorbereitung in Westdeutschland. Berlin. 1958; e j u s d. Kritik der deutschen Geopolitik. Berlin. 1958.

⁴¹ A. Zischka. Afrika: Europas Gemeinschaftsaufgabe № 1. Oldenburg. 1951; e j u s d. Krieg oder Frieden. Die Chancen des Friedens in unserer Zeit. Gütersloh. 1961.

истории»⁴² и Г. Бакхауза «Народ без руководства»⁴³. Впрочем, история заставляет даже этих авторов пересматривать в какой-то степени свои концепции. Так, А. Цишка в книге «Война или мир» под давлением непреложных фактов вынужден в какой-то мере признать положительную роль социалистических стран в международных отношениях.

Ряд книг написан бывшими гитлеровцами. Здесь и военный преступник фон Папен («Европа. Что же теперь?»), поучающий западную дипломатию, как ей действовать, и злобно клеветующий на социалистические страны⁴⁴; здесь и В. Эрфурт и Б. Мейсснер, авторы пасквильных изданий о политике СССР в германском вопросе⁴⁵; здесь и личный переводчик Гитлера П. Шмидт, автор дурно пахнущих «наблюдений и размышлений» — «Статист на галерке 1945—1950 гг.»⁴⁶.

Реакционной буржуазной историографии противостоят прогрессивные силы ФРГ, ратующие за переориентацию ее внешнеполитического курса, проведение политики мирного сосуществования, борющиеся за мир и демократию. В выступлениях первого секретаря ЦК КПГ М. Реймана, в материалах съездов и конференций КПГ дана принципиальная оценка международного положения и характеристика той роли, которую играет сейчас западногерманский империализм в агрессивных планах западных держав. Западногерманские прогрессивные авторы активно выступают за установление дружественных отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами, за разоружение и справедливое мирное разрешение германского вопроса⁴⁷. Немало фактического материала, разоблачающего сговор правящих кругов ФРГ и западных держав, содержится в документах процесса против КПГ, инспирированного в Карлсруэ в 1955—1956 годах⁴⁸. Ряд документов опубликовал действующий в ФРГ «Союз немцев, борющихся за единство, мир и свободу»⁴⁹. В брошюре Б. Бонина, одного из участников движения сторонников мира в ФРГ, показана гибельность для немецкого народа атомного вооружения⁵⁰. Характерно, что авторы, выступающие за мир и демократию, подвергаются в боннском государстве ожесточенным нападкам вплоть до судебного преследования⁵¹. Но никакие гонения не могут помешать сплочению сил мира и прогресса, активизации представителей передовой историографии, ибо за ними будущее. Немаловажное значение для победы прогрессивной историографии в Западной Германии имеют исследования историков ГДР, разоблачающие агрессивный германский империализм. Эти работы являются значительным вкладом в общие усилия ученых социалистических стран, отстаивающих идеи мира, демократии и социализма.

В. Б. Ушаков

⁴² F. Kirsten. Raum und Bevölkerung in der Weltgeschichte. Bd. 1—2. Würzburg. 1955.

⁴³ H. Backhaus. Volk ohne Führung. Göttingen. 1955.

⁴⁴ F. von Papen. Europa. Was nun? Betrachtungen zur Politik der Westmächte. Göttingen. 1954.

⁴⁵ W. Erfurt. Die sowjetrussische Deutschland-Politik 1945—1955. Esslingen. 1956; B. Meissner. Rußland, die Westmächte und Deutschland. Die sowjetische Deutschland-Politik 1943—1953. Hamburg. 1953.

⁴⁶ P. Schmidt. Der Statist auf der Galerie 1945—1950. Bonn. 1951.

⁴⁷ «35 Jahre Kommunistische Partei Deutschlands». Thesen. Berlin. 1957 (русский перевод: «35 лет Коммунистической партии Германии. М. 1958); M. Reimann. Die nationale Bedeutung der Volksbewegung in Westdeutschland. Berlin. 1958; e j u s d. Wir Deutsche und das Ruhrstatut. Berlin. 1949; «Die Lage in der Bundesrepublik und der Kampf für Frieden». Protokoll der Parteidelegiertenkonferenz der KPD. Berlin. 1960.

⁴⁸ G. Pfeiffer, H. Strickert. KPD-Prozess. Dokumentarwerk. Karlsruhe. 1955—1956. Bd. 1—2. Berlin. 1956; W. Fisch, F. Rische. Zum Programm der nationalen Wiedervereinigung Deutschlands. Dokumente aus dem Prozeß gegen die KPD. Bremen. 1955; F. K. Kaul. Ich fordere Freispruch. Berlin. 1955; «Weißbuch über das Verbot der KPD». Berlin. 1956.

⁴⁹ «Neue Deutsche Politik. Vorschläge und Aufruf des Bundes der Deutschen». Düsseldorf. 1956.

⁵⁰ B. Bonin. Atomkrieg — unser Ende. Düsseldorf. 1956.

⁵¹ См., например, «Staatsgefährdung? Ein dokumentarischer Bericht über den Düsseldorf-Prozeß gegen Angehörige des Friedenskomitees der Bundesrepublik Deutschland». Hrsg. von H. Kraschutski. Hannover. 1961.

G. BEZVICONI, *Contribuții la istoria relațiilor romîno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea)*. București. Academia RPR. Institutul de studii romîno-sovietic. 1962. 347 p.

Г. БЕЗВИКОНИ. *Исследование по истории румыно-русских отношений* (с древнейших времен до середины XIX века).

Румынские историки придают важное значение изучению дружеских связей румынского народа с народами Советского Союза. Ведь историография буржуазно-помещичьей Румынии за редкими исключениями либо обходила молчанием многочисленные факты, свидетельствующие об этом, либо давала им превратное истолкование, основательно пропитанное националистическим духом. Многие аспекты румыно-русских отношений уже получили освещение в ряде работ румынских историков П. Константинеску-Яшь, А. Оцети, П. П. Панаитеску, А. Виану, Е. Станеску, В. Костакел, Д. Богдана, С. Калимаки, К. Шербана, Тр. Ионеску-Нишкова и других. Но до последнего времени отсутствовал обобщающий труд, в котором нашли бы достойное отображение политические, экономические и культурные связи между Румынией и Россией.

Первый серьезный шаг по ликвидации этого пробела сделан автором рецензируемого труда, являющегося плодом многолетних кропотливых изысканий. Хронологические рамки монографии очень широки — с древнейших времен, когда в нижнем Подунавье и в Прикарпатье появились славянские племена, и до 1859 г., когда многовековая национально-освободительная борьба румынского народа привела к образованию Румынского государства. Автору удалось нарисовать яркую картину развития румыно-русских отношений.

Главное внимание, что вполне естественно, Г. Безвикони обращает на политические связи вообще и межгосударственные в частности. Он исследует такие кардинальные вопросы, как военно-политический союз господарей Молдавии Стефана III (Великого) и Петра Рареша с Русским государством; участие запорожского казачества в национально-освободительной борьбе молдавского и валахского народов на рубеже XVI—XVII вв.; возросшее в 30—40-х годах XVII в. значение Молдавии как своеобразного дипломатического форпоста России в Османской империи; стремление молдаван пойти по пути братского украинского народа, нашедшее воплощение в об-

ращениях молдавских господарей с просьбами принять их в русское подданство; русско-турецкие войны XVIII — начала XIX вв., которые привели к ослаблению турецкого гнета в Молдавии и Валахии; деятельность русской военной администрации в княжествах в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. и, наконец, роль России в историческом акте 1859 года.

Должное место уделено в книге доселе наименее изученным экономическим связям. Автор подчеркивает благотворное влияние, которое эти связи оказывали на экономику Дунайских княжеств. Буквально по крупицам Г. Безвикони собирает документально засвидетельствованные факты торгового обмена между княжествами и Россией и делает первую попытку рассмотрения процесса развития экономических румыно-русских отношений в целом. В этом одно из главных достоинств монографии. Начиная с XV в., когда устанавливаются торговые связи княжеств с Львовом, Г. Безвикони прослеживает далее их экономические взаимоотношения с Россией в XVII в., определяет контингент находившихся в обороте товаров, подчеркивает пагубное воздействие турецкой монополии на внешнюю торговлю княжеств. Оживление обмена, отмечается в книге, началось после русско-турецких войн XVIII в., приведших к ослаблению турецкого гнета в княжествах. Автор приводит выдержки из таможенных книг, откуда следует, что уже в XVIII в. в румынские земли начали поступать изделия русской промышленности (железо, сталь, скобяные товары, ткани).

С большим знанием дела освещает Г. Безвикони культурные связи княжеств с Россией. Он рассматривает связи Молдавии с Львовом, открытие Греко-славяно-латинской академии в Яссах (Молдавия) и типографий в Яссах и Тырговиште (Валахия), распространение русских книг в княжествах в XVII в., деятельность русских печатников в Молдавии и Валахии в XVIII в., увеличение количества переводов с русского языка, благотворное влияние на творчество выдающихся культурных деятелей Молдавии Николая Спафария Милеску

и Дмитрия Кантемира их продолжительного пребывания в России, прогрессивную роль передовой русской культуры в культурном развитии княжеств в первой половине XIX в., воздействие русской литературы на классиков румынской литературы. Читая эти разделы книги, убеждаешься в правоте древнего молдавского книжника Досифея, с любовью говорившего о том, что свет идет к нам из Москвы.

Ознакомление с монографией свидетельствует о широкой эрудиции автора. Им критически использована богатейшая литература, как румынская, так и русская, дореволюционная и советская. Приложенный к монографии на 33 страницах убористого шрифта список использованных работ является, пожалуй, наиболее полным библиографическим указателем литературы по проблеме и представляет сам по себе ценный справочник, к которому специалисты будут неоднократно обращаться. Впервые столь широко вводится в научный оборот и архивный материал о румыно-русских отношениях в XVII—XVIII вв., хранящийся в библиотеке Академии РНР.

Г. Безвикони умело сочетает показания источников с данными литературы, рисуя живую, впечатляющую картину зарождения и развития румыно-русской дружбы, прошедшей испытание временем. Ценность его монографии заключается, во-первых, в том, что она является первой попыткой осветить румыно-русские отношения на протяжении столь продолжительного периода, подвести итоги разработке этой проблематики румынскими историками. Во-вторых, она содержит наиболее полную из имеющихся сводку литературных и архивных источников о путях складывания и процессе развития связей между русским и румынскими народами с древнейших времен до конца 50-х годов XIX столетия. В-третьих, автор привлекает богатейший документальный материал, доселе мало использованный исследователями. В-четвертых, в монографии, как правило, дана верная оценка описываемых событий и убедительно доказано (вопреки утверждениям буржуазных историков), что румыно-русские связи сыграли положительную роль в политической, экономической и культурной жизни княжеств. Эта идея, проходящая красной нитью через всю книгу, придает ей большую политическую актуальность. И, наконец, в-пятых, рецензируемая работа представляет интерес не только для специалистов, но и для широких читательских

масс, она вполне доступна им, поскольку изложение ведется в живой форме.

Конечно, монография Г. Безвикони не лишена и отдельных недостатков.

Приведенная в конце ее библиография не может, разумеется, заменить историографического обзора. Во введении автор ограничивается лишь несколькими общими замечаниями относительно предшествующей литературы по проблеме. Но этого явно недостаточно, если учесть, что речь идет об итоговом исследовании. Более того, оно значительно выиграло бы, если бы автор по ходу изложения или хотя бы в подстрочных примечаниях полемизировал со своими предшественниками.

Во введении недостает также источниковедческого анализа архивного материала, который столь щедро вводится в научный оборот.

Стремясь выявить положительную роль России в судьбах княжеств, в борьбе молдавского и валашского народов за свободу и независимость, Г. Безвикони склонен в некоторых случаях сводить мотивы политики царизма только к побуждениям чисто альтруистского характера. Например, обстоятельно рассмотрев союзнические отношения между молдавским господарем Стефаном III и великим князем Иваном III (стр. 34—44), автор даже не упоминает о политической заинтересованности складывавшегося Русского централизованного государства в установлении такого союза. А ведь Стефан своими действиями в отношении Польши и Литвы в известной мере облегчал московскому великому князю проведение политики собирания русских земель и установления дипломатических контактов с Западной Европой. Четкое определение причин, побуждавших Ивана III вести именно такую, а не какую-либо иную линию в отношениях с Молдавией, отнюдь не умаляет положительного значения, которое имел для нее союз с Русским государством.

Элементы идеализации политики царизма на Балканах еще явственнее проступают в тех разделах книги, где Г. Безвикони пишет о русско-турецких войнах XVIII — начала XIX веков. Касаясь причин военно-политических акций царизма и справедливо отмечая наличие противоречий между Австрией и Россией, автор заявляет, что в XVIII в. «Габсбургский двор стремился компенсировать свои дипломатические неудачи захватом территорий, освобожденных из-под оттоманского владыче-

ства, что не могло не вызвать противодействия со стороны России. И все же на протяжении веков русско-турецкие войны сохраняют характер освобождения народов, покоренных турками» (стр. 141). Получается, что политика царизма на Балканах являлась не чем иным, как противодействием захватническим устремлениям Австрии, а если Россия и преследовала какие-то иные цели в войнах с Турцией, то они заключались лишь в освобождении балканских народов. Здесь Г. Безвикони четко не различает агрессивных устремлений царизма и объективно-прогрессивных последствий этих войн для судеб балканских народов.

Не вполне удовлетворяет нас и оценка, даваемая автором, деятельности русской военной администрации в княжествах на рубеже XVIII—XIX веков. При всем значении, которое имела эта деятельность для упорядочения управления и финансов Молдавии и Валахии, нельзя все же забывать, что командование царской армии стояло на страже интересов господствующих классов и действия его далеко не всегда являлись благом для широких народных масс. Достаточно упомянуть подавление классовой борьбы в княжествах, которая в ходе русско-турецких войн оживлялась. Документально засвидетельствованы, в частности, расправы царских войск с гайдуками. Местное население видело перед собой в данном случае две России: одну — эксплуататор-

скую (в лице царского командования), другую — эксплуатируемую, представляемую широкими солдатскими массами, с которыми трудящиеся Молдавии и Валахии устанавливали самые дружеские связи. Характерно, что в рядах гайдуцких отрядов бок о бок с беднотой княжеств сражаются за лучшую долю румынского народа и русские.

В этом, как и в других фактах проявлялась классовая солидарность эксплуатируемых масс России, Молдавии и Валахии. Вообще эта тема должна была, на наш взгляд, получить более широкое освещение в книге. Такие события, как совместная борьба молдавского и украинского крестьянства под водительством Мухи против феодального гнета в конце XV в., как участие трудящихся Молдавии в гайдамацком движении на Украине в XVIII в., являются ярким свидетельством классового союза социальных низов наших народов в их борьбе против общих врагов. Нам представляется также, что автору надлежало осветить и вопрос об отношении руководителей Южного общества декабристов к положению в Дунайских княжествах, к движению гетеристов и к крестьянскому восстанию в Валахии под руководством Тудора Владимиреску в 20-х годах XIX века.

Акад. АН Молдавской ССР
Я. С. Гросул,
член-корр. АН Молдавской ССР
Е. М. Руссев

«БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ ПОЛИТИКА БЕКА» *

Так называется новая книга польского историка С. Станиславской, посвященная малоизученным проблемам польско-чешских отношений в начальный период предвоенного политического кризиса в Европе. Изучив документы польских и чешских архивов, советские, польские, чешские, английские и немецкие публикации, прессу, мемуарную и специальную литературу, автор вводит в научный оборот многие неизвестные до сих пор документы, сообщает новые факты, дает стройный анализ событий, с

большой полнотой раскрывает антинациональный характер политики одного из ведущих лидеров предвоенной польской правящей клики. Научность сочетается в книге с публицистической манерой изложения. В первых разделах книги речь идет о периоде, непосредственно предшествовавшем событиям весны 1938 года. Здесь излагается история польско-чехословацких отношений начиная с 1918 года. Переговоры в конце 1932 г. о заключении польско-чехословацкого союза, пишет С. Станиславская, не дали положительного результата. Более того, втайне от Чехословакии была подготовлена и 26 января 1934 г. подписана Польшей и Германией декларация о неприменении силы, представлявшая фактически сго-

* S. Stanisławska. *Wielka i mała polityka Józefa Becka (marzec—maj 1938)*. Warszawa. PISM, 1962. 236 s. С. Станиславская. Большая и малая политика Юзефа Бека (март — май 1938).

вор санации и германского фашизма против сил демократии. Ю. Бек надеялся таким путем не только «обезопасить Польшу», но и получить в будущем территориальные выгоды (стр. 13) за счет Чехословакии (Тешинскую Силезию). Анализируя действия польского правительства, античешскую кампанию в польской прессе и действия польских дипломатов в Чехословакии, подстрекавших польское меньшинство к выступлениям, автор делает вывод, что, возможно, в январе 1934 г. было заключено германо-польское соглашение о разделе Чехословакии (стр. 13, 16, 36).

Касаясь начального периода польско-германского сговора против Чехословакии, автор рассматривает следующие сюжеты: планы германской агрессии против малых стран Европы; отношение к ним правительств Англии и Франции; завершение польско-германского сговора против Чехословакии. Нам представляется, однако, что позицию Англии и Франции и их партнера США следовало в этой связи осветить более обстоятельно (в особенности это относится к показу политики США в Европе). Кстати, этот недостаток свойствен и некоторым другим разделам работы. Важным моментом является вопрос об отношении санационной Польши к аншлюсу Австрии и о попытке Польши захватить в то время Литву (стр. 43). Здесь автор особенно ярко показывает, что политика по отношению к Литве (да и по другим вопросам) не творилась Ю. Бекем самолично: последний лишь выражал и проводил в жизнь стремления и интересы определенной буржуазно-помещичьей группировки (стр. 39—40).

Ход борьбы польской реакции против Чехословакии С. Станиславская исследует по трем основным направлениям: антикоммунизм, национализм и диверсии. В книге раскрываются прямые связи польских националистов в Тешинской Силезии с генлейновцами и приводятся факты, свидетельствующие о том, что деятельностью «Польского фронта» руководили послы Польши и Германии в Праге. Автор исследует также вопрос о связях и сотрудничестве «Польского фронта» с клерикалами-глинковцами. Жаль только, что в работе ничего не говорится об отношении Ватикана и католической церкви в целом к «чехословацкому кризису». Заслуживает внимания вывод автора о том, что целью польской ноты от 22 марта 1938 г. было, во-первых, парализовать деятельность «брестской»

и коммунистической эмиграции в Чехословакии чешскими руками и, во-вторых, доказать Германии, что Польша и без формального присоединения к антикоминтерновскому пакту (что было бы крайне трудно сделать по внутривластным причинам) может осуществлять антикоммунистическую деятельность.

С интересом читаются те страницы книги, где речь идет о реакции польских оппозиционных буржуазных партий и некоторых кругов армейской верхушки на «чехословацкую политику» Бека. Все они, особенно Стронництво народов, несмотря на нюансы в оценке польско-чехословацких и чехословацко-советских отношений, жаждали односторонних чехословацких «жестов» в вопросе о Тешинской Силезии (стр. 110—111, 119). Фактически поддерживали античехословацкие выступления и руководители Стронництва людового и ППС (стр. 113—114). Оппозиция эта, по справедливому замечанию С. Станиславской, была бессильной и все более сползала на позиции самого Бека (стр. 125—127). К сожалению, в книге почти ничего не сказано об отношении польских трудящихся к политике Бека, об их сопротивлении прогитлеровской линии санационных правителей Польши. Слишком кратко излагается и точка зрения компартии, а ее заявления приводятся вне связи с конкретными действиями масс (см. стр. 121—122).

Выясняя позицию Польши в отношении англо-американской конференции, состоявшейся в Лондоне 29—30 апреля 1938 г., С. Станиславская показывает, как польская дипломатия, введенная первоначально в заблуждение действиями Англии и Франции (что привело к нескольким дням более или менее нормальных отношений с Чехословакией), возвратилась затем к прежнему курсу и начала готовиться к активному участию в «дозревающем чехословацком кризисе» (стр. 158—159). Можно лишь пожалеть, что, затронув вопрос об оборонноспособности Чехословакии, автор не использовал некоторые новейшие данные по этому вопросу для разоблачения капитулянтской политики западных держав¹.

Состояние источников не дает возможности определенно решить в книге важный вопрос о том, концентрировала ли Польша

¹ Можно было бы, в частности, привести соответствующие сведения из «Истории Коммунистической партии Чехословакии» (Русс. пер.: М. 1962, стр. 434—435).

в то время свои войска на чехословацкой границе. Однако, анализируя противоречивые сведения различных материалов, рассказывающих о «майском кризисе», С. Станиславская приходит к заключению, что в тот момент Польша ограничивалась скорее ролью внимательного наблюдателя за разворачивавшимся германо-чехословацким конфликтом (стр. 174—175, 178). После кризиса, пишет автор, Англия и Франция, используя вынужденное отступление Германии, попытались изменить в выгодном для себя направлении политику Польши. Однако Бек решил, что лучше всего придерживаться «нейтральной позиции» (стр. 184). В книге этот шаг правильно оценивается как акция, фактически спасавшая Германию от возможного удара со стороны СССР, который готовился выступить в защиту Чехословакии (ср. стр. 187, 193—194). Более того, санационная Польша старалась воспрепятствовать стремлению СССР оказать помощь Чехословакии (стр. 194, 195). Период колебаний Бека и ставка его «на обе группировки» продолжались, впрочем, очень недолго, и «линия сотрудничества с Германией по отношению к Чехословакии,— подчеркивается в книге,— стала доминирующей в польской политике» (стр. 202).

Подводя итоги своему исследованию, С. Станиславская отмечает, что проводимая под флагом «реализма» политика Бека «оказалась реализмом малым, неглубоким, ведущим к катастрофе». Действительно реалистической политикой в 1938 г. могло быть лишь включение Польши в существующую систему союзов СССР — Чехословакия — Франция, которая могла бы создать преграду для фашистской экспансии, даже

если бы французские правящие круги продолжали свою двусмысленную политику. В рамках такого союза, несомненно, был бы решен и заользинский вопрос. Если бы Германия в этих условиях начала войну, ей пришлось бы вести ее в положении, худшем для себя, а для Польши — намного лучше, чем это было в сентябре 1939 года. Автор подчеркивает, что именно такая программа внешней политики настойчиво двигалась польскими коммунистами (стр. 209—210). Обстановка в тогдашней Европе была такова, что никакая европейская система безопасности не могла быть осуществлена без участия СССР. Непонимание этого факта, отказ от сотрудничества с Советским Союзом привели буржуазно-помещичью Польшу к полному краху.

Хотелось бы пожелать, чтобы при дальнейшей разработке темы С. Станиславская обратила больше внимания на анализ причин второй мировой войны, прелюдией к которой были исследуемые в работе события, шире показала действия народных масс и полнее раскрыла предательскую роль правых социалистов, позиция которых мешала коммунистам создать единый антифашистский народный фронт. При избранном же автором способе показа событий только через призму дипломатических документов верный вывод о программе Компартии Польши как о действительно реальной альтернативе антинародной политике Бека не вытекает из всего содержания монографии. Нам кажется, что освещение дипломатических акций следует в принципе давать на более широком фоне гражданской истории.

В. С. Парсаданова

F. L. SCHUMAN. *The Cold War: Retrospect and Prospect*. New Orleans (Louisiana). «State University Press». 1962. XV, 104 p.

Ф. ШУМАН. *Холодная война: ее прошлое и будущее*.

Агрессивный внешнеполитический курс реакционных кругов США, проводимая ими политика «холодной войны» и гонки вооружений в значительной степени способствовали ослаблению позиций Соединенных Штатов на международной арене. Американская внешняя политика переживает ныне глубокий кризис. Это вынуждены

признать многие буржуазные историки и публицисты, причем все большее их число не ограничивается одной лишь критикой послевоенной внешней политики США, а делает попытку более или менее объективно рассмотреть сложившееся в мире положение, проанализировать состояние советско-американских отношений, наметить пути

и способы скорейшей ликвидации «холодной войны», таящей в себе угрозу термоядерной катастрофы.

Именно к числу работ такого рода относятся двухтомное исследование американского историка-международника Д. Флеминга «Холодная война и ее происхождение. 1917—1960 гг.»¹, монография профессора Калифорнийского университета Дж. П. Моррея «От Ялты к разоружению. Дебаты холодной войны»², книга философа и историка Э. Фромма «Уцелсет ли человечество?»³, а также последние работы У. Дугласа⁴, А. Этциони⁵ и др. К категории таких работ относится и монография Фредерика Льюиса Шумана, американского историка-международника, перу которого принадлежит не одно исследование по истории международных отношений, внешней политики СССР, США и других государств⁶. В течение многих лет он читал курсы лекций по новейшей истории и политическим наукам в таких крупнейших американских университетах, как Гарвардский, Калифорнийский, Чикагский и др.

Как и ранее написанные, рецензируемая книга, в основу которой положены лекции, прочитанные автором в университете штата Луизиана, свидетельствует о том, что он остается на прежних позициях защиты буржуазного мировоззрения и капиталистического строя. В книгах нет признания, что источником военной опасности в современном мире является империализм, а не «изъяны человеческой психики» и не «симпатии» и «антипатии» политических лидеров обеих сторон, что агрессивная природа империализма — главная причина существующей международной напряженности. Как и подавляющее большинство буржуазных авторов, Шуман рассматривает дея-

тельность отдельных личностей с идеалистических позиций и, по существу, игнорирует роль народных масс, роль внутренних, объективных закономерностей развития общества. Его отдельные исторические параллели и аналогии, оценки и характеристики, касающиеся главным образом истории советского общества и марксистско-ленинской идеологии, попросту несостоятельны. Отдает автор и определенную дань трафаретным вымыслам тех, кто раздувает «холодную войну», хотя на страницах своей книги он не раз поднимает голос против их опасной для мира деятельности.

Тем не менее работа Шумана заслуживает внимания специалистов по истории международных отношений. Книга интересна прежде всего тем, что в ней поставлена важная и актуальная задача: «исследовать возможности и перспективы мира между Америкой и Россией» (стр. 6). Рассматривая эти возможности, автор выступает как человек, верящий в победу разума, и в отличие от многих других зарубежных буржуазных историков, стремящихся запутать вопрос о происхождении «холодной войны», использует приводимые им факты для того, чтобы попытаться разобраться в причинах напряженного положения в мире и наметить пути и средства его ликвидации.

Вначале Шуман останавливается на некоторых вопросах истории СССР. Он считает, что угроза интервенции заставляла советских людей решительно форсировать индустриализацию, ибо она являлась лучшей гарантией того, что страна сможет дать отпор любым агрессорам (как это и имело место в годы второй мировой войны), а затем, несмотря на колоссальный материальный ущерб и громадные людские потери, быстро восстановить хозяйство и добиться новых успехов (стр. 52). Значительное внимание уделяет Шуман развитию советского общества после 1953 года. Он приводит данные, свидетельствующие о непрерывном росте экономики СССР и успехах советского народа в различных отраслях науки, культуры и техники за последние годы. Автор подчеркивает, что некогда слабая и отсталая Россия стала сегодня «мощной, процветающей и передовой страной» (стр. 26, 60). Следует оценить признание автора, что Советское государство никогда не начинало войны первым, что утверждения официальной американской пропаганды о «военной угрозе» Западу со стороны Советского Союза, по существу, никогда не основывались на фактах. Шуман напоми-

¹ D. Fleming. The Cold War and Its Origins. 1917—1960. London. 1961.

² J. P. Murray. From Yalta to Disarmament. Cold War Debate. New York. 1961.

³ E. Fromm. May Man Prevail? An Inquiry into the Facts and Fictions of Foreign Policy. New York. 1961.

⁴ W. O. Douglas. Democracy's Manifesto. New York. 1962.

⁵ A. Etzioni. The Hard Way to Peace. A New Strategy. New York. 1962.

⁶ Назовем некоторые из них: «American Policy towards Russia since 1917». New York. 1928; «The Nazi Dictatorship». New York. 1935—1936; «Europe on the Eve». New York. 1939; «Night over Europe». New York. 1941; «The Commonwealth of Man». New York. 1952; «Russia since 1917». New York. 1957; «International Politics». New York. 1958.

нает читателям, что сразу же после победы Октябрьской революции молодая Советская республика обратилась к Западу с предложением о мире, на что последний ответил войной (стр. 80).

В 20-е годы, после краха иностранной интервенции, отмечает автор, Советская Россия, проводя последовательную мирную политику, добилась нормализации отношений с капиталистическими государствами и мирного сосуществования с ними (стр. 82). Такую же политику Советский Союз проводил и в последующие годы. Шуман решительно отвергает вымыслы фальсификаторов истории из стана американо-английской реакции о том, что Ф. Рузвельт «отдал» в Ялте Советскому Союзу Восточную Европу. Автор считает, что Ялтинское и Потсдамское соглашения лишь отразили результаты войны, новое соотношение сил на мировой арене, усиление мощи и укрепление международных позиций СССР. Как подчеркивается в книге, корни ялтинских решений следует искать в политике «умиротворения» фашистских агрессоров и подталкивания их на Восток, которую последовательно вели западные державы в предвоенные годы и которая нашла свое завершение в позорных мюнхенских соглашениях 1938 года. «Западные державы предали Чехословакию,— пишет автор,— и, по сути дела, предоставили Гитлеру свободу рук в Восточной Европе и на Балканах в явной надежде, что он нападет на Россию и оставит Западную Европу в покое. Западные державы не отдавали Восточную Европу в Потсдаме или Ялте... Они сдали ее в Мюнхене в 1938 г.» (стр. 85).

В подтверждение своей мысли о том, что Советский Союз никогда не представлял угрозы для Запада, Шуман приводит высказывание Дж. Ф. Даллеса, сделанное им в самый разгар «холодной войны», в марте 1949 г., и преднамеренно «забываемое» официальной американской пропагандой, о том, что СССР не собирается нападать на США или на какую-либо другую страну и что правительство США абсолютно убеждено в отсутствии подобной «опасности». Отметив, что эти слова, будучи верными 13 лет назад, полностью справедливы и сегодня, автор подчеркивает, что главная опасность для Запада — это не коммунизм, а политика «с позиции силы», политика войны, которая в конечном итоге может привести к термоядерной катастрофе. Отвергая военные методы разрешения существующих раз-

ногласий, автор решительно выступает за путь переговоров, взаимных уступок и компромиссов. Главная ответственность за обострение международной обстановки, начавшееся осенью 1955 г., возлагается в книге на тогдашнего государственного секретаря США Даллеса, который, как язвительно замечает автор, «страдал одним пороком — стремлением . противодействовать любому прекращению холодной войны путем переговоров» (стр. 89).

Шуман считает, что ныне существуют благоприятные возможности для скорейшего прекращения «холодной войны». Однако вопреки утверждению автора о том, что все люди в США поняли необходимость нормализации международного положения и урегулирования спорных международных вопросов мирным путем, приводимые в книге факты показывают, что обстоятельства складываются далеко не всегда так, как того хотелось бы автору. Сам Шуман должен признать, что реакционные круги США продолжают держать курс на обострение международной напряженности, враждебно относятся к политике нейтралитета, проводимой подавляющим большинством молодых национальных государств, упорно противодействуют решению коренных международных проблем путем переговоров. Компактно изложенная в книге история американского вмешательства в дела Лаоса в 1954—1961 гг.—суровый обвинительный акт в адрес правящих кругов США (стр. 95—97). Шуман выражает надежду, что нынешние руководящие деятели США встанут на путь проведения такого внешнеполитического курса, который уже в ближайшем будущем даст возможность ликвидировать «холодную войну» и установить подлинно мирные и дружественные отношения с Советским Союзом. Сделать это, подчеркивает автор, американцы в силах, и они должны это сделать, ибо альтернативой может быть только новая и чудовищная по своим последствиям война (стр. 98).

Опубликование в США книги Шумана, так же как и упомянутых выше работ Флеминга, Моррея, Фромма, Этциони и ряда других историков и публицистов,—свидетельство серьезных сдвигов в настроениях американского народа за последние годы. Эти авторы представляют те круги общественности США, которые все более четко осознают, что политика «с позиции силы» терпит крах, что жизненные интересы всех

народов повелительно диктуют необходимость раз и навсегда отказаться от этой политики. Далеко не все вышеупомянутые авторы оперируют термином «мирное сосуществование», и даже не всем им он нравится, но фактически все они так или иначе склоняются к мысли, что мирное сосуществование — это «единственная, отвечающая историческим условиям нашего ве-

ка доктрина отношений между государствами с разным социальным строем, на основе которой можно сохранить мир»⁷.

В. Г. Поляков

⁷ Н. С. Хрущев. Всеобщее и полное разоружение — гарантия мира и безопасности всех народов. «Известия», 10 июля 1962 года.

J. ROMEIN. *The Asian Century. A History of Modern Nationalism in Asia.* In Collaboration with J. E. Romein. With a Foreword by K. M. Panikkar. Berkeley — Los Angeles. «University of California Press». 1962. 448 p.

Я. РОМЕЙН. *Век Азии. История нового национализма в Азии.*

Книга голландского буржуазного историка Яна Ромейна является как бы продолжением другой его работы, «Эра Европы»¹. Впервые рецензируемая книга появилась на голландском языке еще в 1956 г.; затем она была переведена на немецкий². В нынешнем, английском издании добавлен раздел, охватывающий 1955—1960 годы. Таким образом, книга освещает теперь историю азиатских государств за 60 лет XX столетия.

В начале книги Ромейн ставит некоторые теоретические проблемы применительно к истории Азии в целом. Не претендуя на полноту изложения истории азиатских стран в XX в., Ромейн касается лишь событий, которые он считает наиболее важными с точки зрения национально-освободительного движения.

Периодизация истории этого движения в книге такова. «Пробуждение» Азии, характерное для начала XX в. (до первой мировой войны), автор оценивает как период, когда ненависть к европейцам уступала якобы место «уважению» к ним. Касаясь времени первой мировой войны (до подписания Версальских соглашений), автор пишет, что в эти годы был нанесен непоправимый удар по престижу Запада. Однако падение престижа он пытается объяснить в основном чисто эмоциональными факторами, считая, что в глазах азиатских народов

братоубийственная война европейцев между собой за власть была явлением аморальным. Межвоенный период (1919—1941 гг.) характерен, по словам Ромейна, напряженностью, вызванной распространением революционных идей. Большое внимание автор уделяет Великой Октябрьской социалистической революции. В книге подчеркивается ее огромное значение для роста революционного сознания широких народных масс во всем мире, и особенно в Азии. Описывая особенности социалистической революции в отличие от революций буржуазно-демократических, автор правильно оценивает первую как движение масс, направленное на завоевание власти для самих масс, на справедливое распределение национального продукта. Новым стимулом к подъему освободительного движения явились события четвертого периода — от нападения Японии на азиатские колонии других держав до конца второй мировой войны. Война штормом пронеслась над континентом, пишет автор, и за ее время политическая обстановка в Азии изменилась так, как не изменялась она за все предыдущее столетие. Колониальные державы оказались настолько ослабленными, что были уже не способны «владеть» Азией; обещаний о предоставлении «независимости», данных и на этот раз, уже нельзя было не выполнить. Отказываясь «делать какие-либо выводы» о событиях, последовавших после войны (на том основании, что это «скорее современность, чем история»), Ромейн ограничивается лишь «некоторыми суждениями», суть которых сводится к тому, что достиже-

¹ Английское и голландское издания: «Aera van Europa»; «The Era of Europe».

² «De eeuw van Azië». 1956; «Das Jahrhundert Asiens». 1958.

ние независимости само по себе еще не решает всех проблем, ибо на смену борьбе за национальное освобождение пришли конфликты внутренние: с одной стороны, между национальной буржуазией и феодальной верхушкой, с другой — между правящими классами и трудящимися массами.

Книга Ромейна во многом противоречива. Нельзя не отметить сочувственное отношение автора к национальным интересам азиатских народов, понимание им ряда проблем, которые встают перед молодыми независимыми странами, а также его критику современных неоколониалистских устремлений империалистических государств. В то же время ему присуще неверное, путаное освещение мотивов и движущих сил происходивших в Азии выступлений против империалистического гнета. Ромейн признает, что коммунистическая идеология находит искренних сторонников среди трудящихся Азии; что вообще никакая идеология не в состоянии проникнуть глубоко в сознание масс ни при каком давлении извне, если она не отвечает чаяниям самих масс; что революционная ситуация в Азии возникла в результате самой безудержной эксплуатации ее народов со стороны империалистов. Однако он преувеличивает роль колонизаторов в процессе национального развития азиатских стран. Уводя читателя постоянными экскурсами в более ранние периоды истории, Ромейн выдвигает тенденциозные положения, что будто бы лишь европейская колонизация создала предпосылки для дальнейшего развития Азии, которой в противном случае грозил бы «застой»; что завоевание ее можно в какой-то степени объяснить «более развитым духом» предпринимательства у европейцев. Здесь Ромейн явно находится в плену концепций реакционной буржуазной историографии.

Если свести воедино основные рассуждения автора по вопросам развития Азии, то получится следующая картина: исторические процессы здесь отличались тем, что они «не глубоки», влияли лишь на высшие слои населения, оставляя безучастными низшие, и сводились к войнам и смене правящей верхушки. Неэффективность «азиатских методов» производства, «неспособность» населения к самостоятельному развитию создавали условия для господства наиболее деспотических режимов и делали невозможным появление «средних слоев» населения — «главных двигателей» общественного развития. Сельское хозяйство Азии, по мнению автора, отличается от европейского, как

нечто статичное от динамичного. Если в Европе для представителя низшего класса все же существовала какая-то возможность проникнуть в высший, то в азиатских обществах подобная социальная мобильность была «совершенно исключена». Признавая существование древних цивилизаций на азиатском континенте, Ромейн заявляет, что до прихода европейцев Восток «не имел» своей истории и что положение, при котором можно говорить о таковой, создалось лишь в XIX веке.

Ромейн сбивается иногда на рассуждения о «превосходстве» европейцев. Он пространно пишет о быстром развитии европейского капитализма, о его «исключительности», но лишь вскользь упоминает, что такое развитие стало возможным благодаря эксплуатации колоний. Вместе с тем в книге высказывается верная мысль (причем она неоднократно фигурирует в тексте), что вовсе не стремление развивать колонии, а страсть к наживе и экономическая необходимость были основными побудительными мотивами действий колонизаторов. Нельзя назвать оригинальными и рассуждения Ромейна о «выдающейся культуртрегерской роли» европейских колонизаторов в Азии; он сокрушается лишь о том, что в погоне за выгодой европейцы не думали, смогут ли азиаты с такой быстротой «перенять» европейскую культуру; при этом в книге сделан даже такой нелепый вывод, что стремление народов Азии «приспособиться» является одним из важнейших факторов, революционизирующих эти народы.

Далее Ромейн уверяет читателя, будто в истории нет ничего «исключительно реакционного» и ничего «исключительно прогрессивного». Этот тезис служит ему в качестве основного критерия для оценки капиталистической формации: «капитализм является злом в такой же степени, в какой он является благом» (стр. 28), причем из дальнейших рассуждений видно, что это положение используется автором для того, чтобы защитить изжившую себя капиталистическую систему.

Говоря о массовости движения на азиатском континенте за социальное переустройство, Ромейн отмечает великое значение примера социалистического лагеря. Ромейн считает беспрецедентным и факт огромных перемен в экономической и культурной жизни и темпы развития стран, вступивших на путь социализма. Он открыто признает, что историю Азии уже нельзя изучать, видя в этом континенте лишь «придаток» Европы,

что буржуазное общество не способно ныне обеспечить темпы развития, необходимые для быстрого подъема благосостояния народных масс Азии. Правда, в книге говорится о необходимости «предварительной психологической подготовки» населения в течение длительного переходного периода к новым формам общественного устройства.

Ромейн стоит как бы на перепутье. Его книга своими корнями еще крепко связана со старыми концепциями буржуазной исто-

риографии Запада. И в то же время нозы всеяния (неумолимый ход истории), несомненно, повлияли на автора. Работа Ромейна принадлежит к той, пока еще сравнительно незначительной серии книг, выходящих на Западе, авторы которых уже не считают возможным закрывать глаза на перелом, начавшийся после Октября 1917 г. в жизни народов Азии.

С. И. Королев

B. GRAFENAUER. *Zgodovina slovenskega naroda*. Ljubljana. Založba «Kmečka knjiga». Zv. I—175 s. 1954; zv. II—219 s. 1955; zv. III—175 s. 1956; zv. IV—137 s. 1961; zv. V—204 s. 1961.

Б. ГРАФЕНАУЭР. *История словенского народа*. Тт. I—V.

Профессор Люблянского университета Б. Графенауэр — один из крупных современных югославских историков. Им написано более десятка книг и множество статей, в которых он освещает историю словенского народа, начиная со времени прихода славян на Балканский полуостров и кончая революцией 1848 года.

Главным трудом Б. Графенауэра является «История словенского народа». Подводя итоги многолетним исследованиям автора, этот труд во многом базируется на его предшествующих монографиях. Всего Б. Графенауэр задумал издать восемь томов, охватывающих историю словенских земель с древнейших времен до Народно-освободительной войны 1941—1945 гг., а также специальный том с обзором использованных им источников и литературы.

В предисловии к первому тому Б. Графенауэр отмечает, что основной задачей его исследования является создание истории Словении, отвечающей современному уровню развития науки и вместе с тем доступной и понятной рядовому словенцу, ибо «понимание прошлого учит человека, как нужно смотреть на настоящее».

Первый том посвящен периоду доклассового и рабовладельческого общества в Словении. Он делится на два примерно равных раздела: история народов, населявших западную часть Балканского полуострова до прихода славян; история славян до их появления на Балканском полуострове, переселе-

ние славян на Балканы и возникновение первых славянских племенных союзов и государственных объединений на восточно-альпийских землях. Во втором томе рассматривается эпоха зрелого феодального общества, начиная от подавления восстания Людевита Посавского франками и кончая первыми турецкими набегами на словенские земли. Третий том охватывает один из самых интересных периодов истории словенского народа — эпоху крестьянских войн и Реформации, когда словенский народ с оружием в руках поднялся против своих угнетателей и когда появились первые признаки национального возрождения словенцев (XVI в.). В четвертом томе исследуется период с конца XVI по середину XVIII в. — период временной стабилизации феодализма на словенских землях, наступившей после победы феодалов и поражения крестьян, а также победы римско-католической церкви над Реформацией. Наконец, в пятом томе автор касается событий эпохи разложения феодального строя на словенских землях, начала развития здесь капиталистических отношений и подъема национального самосознания словенцев (середина XVIII в. — 1848 год).

Б. Графенауэр хорошо знаком с готскими, лангобардскими, франкскими, византийскими и другими источниками. Особенно важно, что в отличие от ряда других словенских историков, которые широко использовали источники, написанные на латинском языке,

ке, но довольно слабо — на греческом, автор опирается и на те и на другие. Помимо сведений о славянах из дошедших до нас письменных источников, Б. Графенауэр использует археологические, этнографические и фольклорные данные, которые проясняют отдельные стороны экономической и политической жизни древних славян.

Некоторые вопросы, связанные с переселением славян на Балканы, Б. Графенауэр ставит по-новому, в частности вопрос о роли авар в истории древнего славянства. По его мнению, в союзе аварских и славянских племен, нападавших на Византию, авары были организующей силой, в чем проявилась их «великая роль» в истории южных славян. Эта же точка зрения высказывается Б. Графенауэром в специальной статье, посвященной славянскому переселению на Балканы, только в менее категорической форме¹. Подобное освещение роли авар в истории южных славян кажется нам преувеличением. Вероятно, многие набеги на Византию славяне делали действительно совместно с аварами, а часть славянских племен находилась при этом в союзе или в подчинении у авар. Однако вряд ли можно ствести аварам (или любому другому кочевому народу, вторгавшемуся в то время на Балканы) роль организатора славянских походов. Славяне в период переселения на Балканский полуостров находились на последней стадии развития первобытнообщинного строя, как и германцы, разрушившие несколько ранее Западную Римскую империю, и являлись воинственными и многочисленными племенами, способными самостоятельно нанести удар по Восточной Римской империи. Не случайно византийские авторы той эпохи уделяли столь большое внимание славянам. К тому же авары далеко не всегда выступали в борьбе против Византийской империи союзниками славян. Так, в конце 70 — начале 80-х годов VI в., когда огромные массы славян заполнили Фракию, Македонию и Элладу, византийское правительство обратилось за помощью к аварам, и те совершили нападение на славян, что, однако, не принесло Византии ожидаемых результатов.

Б. Графенауэр при рассмотрении истории западных и южных славян после вторжения их на Балканы особое внимание уделяет союзу племен под руководством Само, во-

сточноальпийскому княжеству Карантания и Блатенскому княжеству (Нижняя Паннония). Излагая историю союза Само, Б. Графенауэр не развивает сколько-нибудь оригинальной концепции. Зато проведенное им детальное исследование истории Карантании интересно. Опираясь на многие источники и этнографический материал, ему удалось воссоздать слабо изученную историю славянского княжества VII—VIII веков. Он описывает ряд таких моментов из ранней истории славян, воспоминание о которых удалось сохранить только словенцам, — например, характерный обряд возведения князя на престол. Б. Графенауэр осуществил специальное исследование этого обряда, которому он ранее посвятил особую книгу², и пришел к выводу, что данный обычай сохранился у словенцев еще со времен независимой Карантании как уступка, сделанная завоевателями (немцами) покоренному народу.

В качестве такой же уступки Б. Графенауэр отмечает и некоторые привилегии особой прослойки крестьян на словенских землях — косезов. В число этих привилегий наряду с правом иметь свой суд и носить оружие входило право возведения князя на престол. Б. Графенауэр высказывает мнение, что косезы в свободной Карантании являлись, возможно, дружинниками князя, его ближайшим окружением, и именно поэтому германские завоеватели пытались найти в них свою опору. Данная гипотеза весьма правдоподобна. В связи с этим проясняется еще одна деталь в истории славяно-германских отношений: как видно, не всегда немецкое завоевание славянских земель в раннее средневековье носило форму истребляющих все и вся военных походов. Иногда (например, в Карантании) завоеватели предпочитали заключать сделки со славянской знатью, которая за полученные ею уступки шла в подчинение к более сильным соседям. Ряд этнографических свидетельств, зафиксированных позднейшими источниками, наполняет в этой связи новым содержанием договор 745 г., в результате которого карантанский князь Борут отдал себя и свой народ под покровительство баварского герцога. Именно в соглашении между карантанской и немецкой знатью состоит причина того, что карантанцы не подверглись такому поголовному

¹ B. Grafenauer. Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov. «Zgodovinski časopis». Ljubljana. 1950.

² B. Grafenauer. Ustoličevanje koroških vojvod in država Karantanskih Slovencev. Ljubljana. 1952.

истреблению, как полабские славяне. Правда, нужно помнить, что полабские славяне размещались на пути германской экспансии на Восток, в то время как карантанцы находились как бы «в стороне». Поэтому мнение Б. Графенауэра о том, что принятие христианства спасло словенцев от истребления, на наш взгляд, не совсем верно, ибо принятие христианства само по себе явилось лишь одним из последствий договора карантанских и баварских верхов.

Преувеличение роли внешнего фактора в историческом процессе заметно у Б. Графенауэра и в главах о возникновении феодальных отношений в Карантании. Указывая, что на словенских землях еще до завоевания их франками начали развиваться феодальные отношения, автор вместе с тем подчеркивает: «Феодализм у нас (в Словении.—И. Ч.) не вырос из полного внутреннего распада предфеодального и раннефеодального общества, но был внесен в уже зрелой форме извне» (т. II, стр. 149). Несомненно, завоевание франками словенских земель ускорило процесс феодализации местного общества, но основы этого процесса сложились еще на словенской почве, косвенным доказательством чего является факт принятия христианства словенцами за 70 лет до того, как франки ликвидировали у них остатки самостоятельности. Отметим, что когда словенские народные массы восставали против христианских проповедников, в их подавлении принимали участие местные феодалы во главе с князьями Хотимиром и Вальтунком. Восстание же против франков в 819 г. возглавлялось хорватской и словенской феодальной знатью. Нужно принять во внимание еще и тот факт, что феодальные отношения во Франкском государстве окончательно торжествуют лишь в VIII—IX веках. Наконец, приведенная выше точка зрения Б. Графенауэра противоречит его же выводу о том, что дофранкская Карантания уже являлась государственным объединением. Государственное же объединение возможно только на базе классового общества.

Нельзя вполне согласиться и с тезисом автора о том, что Карантания была старейшим славянским государственным объединением (т. I, стр. 150). Если даже не считать таковым союз племен Само, то вспомним, что в VII в. на востоке Балканского полуострова уже существовали государственные объединения Славиния и Болгария, а в VIII в. имелись независимые княжества в Моравии и на Нитре. Поэтому вернее бы-

ло бы назвать Карантанию «одним из первых» самостоятельных славянских государственных объединений.

Не можем мы согласиться с Б. Графенауэром и в вопросе о причине перенесения в 60—70-х годах IX в. центра политического развития словенцев из Карантании в Паннонию: эту причину автор усматривает прежде всего в большем влиянии Великой Моравии на паннонские земли, чем на восточноальпийские. По нашему мнению, истинная причина заключается в том, что Паннония в то время еще сохранила свою относительную независимость (во главе государства стоял славянский князь Коцель), а Карантания уже с первой четверти IX в. находилась под управлением франкских феодалов. Понятно, почему именно Паннония в 60—70-е годы IX в. стала центром самостоятельного развития словенцев и оставалась им вплоть до разгрома ее франками и последующего опустошения венграми.

Вызывает также сомнение утверждение Б. Графенауэра, что известный юридический памятник «Закон Судный людям» был создан в Паннонии или в Моравии. В свете последних исследований акад. М. Н. Тихомирова можно считать доказанным, что краткой редакции «Закона» присущи черты как болгарского, так и западославянского происхождения³. Что же касается его пространной редакции, то родиной ее является Русь⁴.

По-новому ставит Б. Графенауэр вопрос о начале образования словенской народности, которое он относит к IX в., связывая его совершенно справедливо с установлением феодальных отношений на восточноальпийских землях. Следует добавить, что формирование словенской народности началось именно в то время, когда нарождавшийся класс словенских феодалов под натиском франков частично был лишен прежних привилегий, а частично слился с господствовавшим классом завоевателей. По своей культуре, языку, политическим тенденциям класс феодалов в словенских землях был неславянским. Вот почему позднее национальные и классовые группировки в словенских землях в основном совпадали:

³ См. «Закон Судный людям краткой редакции». Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М. 1961, стр. 25.

⁴ См. «Закон Судный людям пространной и сводной редакции». Под ред. и вступит. статьей акад. М. Н. Тихомирова. М. 1962, стр. 13, 21.

крестьяне были по преимуществу словенцами, феодалы — немцами.

Две трети второго тома, третий, четвертый и пятый тома книги посвящены исключительно истории словенского народа. Автор подходит к последней весьма определенно. «Я вижу в истории словенского крестьянина, — пишет он, — главный предмет словенской истории в период феодального общества». Такая постановка вопроса вполне закономерна.

Отметим некоторые существенно важные выводы автора. Исследуя изменение земельной ренты, Б. Графенауэр определил, что к середине XV в. произошел переход от отработочной к натуральной и денежной рентам, чему немало способствовала колонизация словенцами пустовавших территорий. Массовая немецкая колонизация, а также венгерское вторжение, в результате которых $\frac{2}{3}$ этнической территории было потеряно словенцами, падают на X—XV века. Причины колонизации Б. Графенауэр видит в экономических интересах немецких феодалов, стремившихся заселить свои владения в Словении выходцами из немецких земель. Но, справедливо ставя на первое место экономические интересы феодалов, автор упускает из виду их политические цели: ведь поселения немецких крестьян порождали в Словении особую социальную прослойку. Будучи иноязычными, обладая привилегиями по сравнению с местным крестьянством, немецкие колонисты становились политической опорой своего сеньора.

О словенских городах, возникших в XI—XII вв., писали многие историки, в том числе буржуазные немецкие авторы. Большинство последних подчеркивало «немецкий характер» городов Словении, а их возникновение считало делом рук немецких колонистов. Б. Графенауэр выступил против этой точки зрения и показал, что местный город — это результат развития производительных сил на словенских землях; вместе с тем он не отрицает влияния, оказанного на словенские города притоком колонистов и немецким городским правом. Однако не со всеми утверждениями Б. Графенауэра, в целом правильно освещающего историю города XII—XV вв., можно согласиться. Так, он считает, что «уже в XIV в. городские поселения в Словении приблизились к той грани своего развития, которая была возможна для них при феодальной системе хозяйства» (т. III, стр. 10), обосновывая свой вывод тем, что с конца XIV в. словенские города

почти перестают расти. Однако нельзя упускать из виду и такие факторы, как возникновение в XV—XVI вв. некоторых новых ремесел (литейного, стекольного и др.) и интенсивного развития торговли. Со второй половины XIV в. появляются первые цехи, массовое развитие которых приходится на XV—XVI века. Тогда же оформляется городское самоуправление. Таким образом, если до конца XIV в. росло количество городов и число жителей в них, то в XV—XVI вв. шло интенсивное внутреннее социально-экономическое развитие городов. Поэтому, на наш взгляд, следует говорить о восходящей линии развития средневекового словенского города вплоть до 70-х годов XVI века.

Третий том охватывает последнюю четверть XV в. и XVI век. Этот период словенской истории насыщен важными событиями: происходят крупнейшие крестьянские восстания; в городах распространяются идеи Реформации; появляются первые ростки капиталистических отношений. Центральное место в томе занимает крестьянский вопрос — давняя и излюбленная тема исследований Б. Графенауэра. Его первой книгой, появившейся сразу же после освобождения Словении от немецкой оккупации, была монография «Борьба за старую правду»⁵ — страстный рассказ о восстаниях словенских крестьян против гнета немецких феодалов. Может быть, этой книге еще не хватало подробного разбора социально-экономического развития Словении в рассматриваемое время, но самая тема ее живо перекликалась с борьбой словенских партизан против фашистских оккупантов. Изложение крестьянского вопроса в третьем томе «Истории словенского народа» осуществлено гораздо более обстоятельно. Здесь правильно намечены общие тенденции развития ренты в словенских землях. Теперь при дальнейших исследованиях предстоит выяснить особенности перехода к барщинной системе в различных районах страны, поскольку общие выводы Б. Графенауэра проиллюстрированы данными лишь по отдельным поместьям. Отмечая появление нового дворянства в конце XV и в XVI в., автор упустил из виду социально-экономическую сущность данного явления. В своем большинстве новые дворяне были разбогатевшими на торговой и предпринимательской деятельности горожа-

⁵ B. Grafenauer. *Boj za staro pravdo*. Ljubljana, 1944.

нами, получившими дворянство за свою государственную службу и скупавшими земли у разорившейся старой знати. К новому дворянству должно отнести также некоторых представителей древних феодальных родов, например, Иоганна Унгнада, владевшего предприятиями горнорудной промышленности; семейство Экк, тоже имевшее предприятия и занимавшееся откупам и торговлей, и т. д. Частично можно причислить сюда же Ауэрспергов, Дитрихштейнов и других пайщиков одного из крупнейших раннекапиталистических предприятий, Идрийского ртутного рудника. Таким образом, хозяйство новых дворян оказалось тесно связанным с ранним развитием капитализма; большинство этих дворян приняло затем активное участие в реформационном движении.

Словенская Реформация (т. IV) рассматривается Б. Графенауэром весьма обстоятельно. Приведено много данных о таких ее деятелях, как Примож Трубар, Юрай Далматин и другие; по крупицам собраны сведения о представителях левого крыла протестантов. Автором изложена также история борьбы протестантов с центральной властью. Вместе с тем Б. Графенауэр видит в Реформации прежде всего попытку крупных феодалов отстоять свою политическую независимость от посягательств со стороны Габсбургов. По нашему мнению, местная Реформация как социальное явление была глубже и многограннее: здесь имели место и борьба сословий за увеличение своих прав, и попытка феодалов и горожан лишить церковь ее богатств, прежде всего земель, и пробуждение национального самосознания среди городского населения. Несмотря на резкое выступление большинства ее деятелей против крестьянских восстаний, объективно она явилась ударом по всей феодальной системе и имела большое значение для дальнейшего развития страны.

Приходится заметить, что однобокая оценка Реформации как борьбы внутри класса феодалов (между феодальными условиями и центральной властью) сказалась на определении Б. Графенауэром сущности Контрреформации, с описания которой начинается IV том. По мнению автора, она являлась только борьбой «против всего нового, что ввела в религиозную жизнь и церковную организацию Реформация» (т. IV, стр. 5). При таком определении Контрреформации совершенно игнорируется ее классовое содержание. Ведь последняя была на-

ступлением и на права бюргерства, представители которого уже в XVII в. почти исчезают из сословных представительных органов; она способствовала, далее, консолидации господствовавшего класса феодалов, что упрочило его позиции в деревне. Таким образом, Контрреформация укрепила феодальные порядки, расшатанные крестьянскими войнами и реформационным движением в XVI веке.

Значительную работу пришлось проделать Б. Графенауэру при решении вопросов социально-экономического развития словенских земель в XVII — первой половине XVIII в., почти не освещенных в монографической литературе. Основные черты развития словенских земель в этот период — упадок городов, усиление феодальной эксплуатации крестьянства, рост абсолютистских устремлений центральной власти — раскрыты автором весьма убедительно. К сожалению, мало сказано им относительно судеб раннего капитализма, а положение крестьян раскрыто только на примере Шкофьелокского поместья, что сужает историковедческую базу авторских выводов.

Со второй четверти XVIII в. на словенских землях появляются первые мануфактуры. Но капиталистические элементы в то время развиваются уже не только в горнорудной, но и в текстильной промышленности. Начальному этапу капиталистической формации посвящен пятый том. Излагая содержание реформ эпохи «просвещенного абсолютизма», Б. Графенауэр правильно оценивает мероприятия Марии-Терезии и Иосифа II как политику в интересах прежде всего центральной власти и класса помещиков в условиях развития капиталистических отношений. Однако, как нам представляется, Б. Графенауэр недооценивает германизаторскую сущность политики Иосифа II в области просвещения. Указывая, что эта политика способствовала росту образованности словенцев, автор не подчеркивает, что она вела в то же время к онемечиванию местной интеллигенции, способствовала отходу последней от национальных обычаев и языка и включению ее в орбиту преимущественно немецкой культуры.

Б. Графенауэр верно трактует наступление реакции после смерти Иосифа II не как результат личных качеств его преемника Леопольда II, а как следствие резкого поправления всей социальной верхушки, наступившего в связи с Французской буржуазной

революцией. Однако автором несколько преувеличено значение преобразований Наполеона в Иллирийских провинциях. В частности, Б. Графенауэр считает, что такие реформы, как отмена судебной и административной власти феодалов, изменили характер самого феодального землевладения. Но ведь сущность поземельной собственности определяется прежде всего поземельными отношениями и теми повинностями, которые должны нести крестьяне в пользу помещика. Повинности же остались здесь в основном прежними.

Значительный шаг вперед по сравнению с прежними исследователями (И. Мал, Ф. Гестрин, В. Мелик) сделал Б. Графенауэр при рассмотрении перемен в социально-экономических отношениях в Словении второй половины XVIII — первой половины XIX века. В частности, он впервые поднял вопрос

о начале промышленной революции в Словении и о характере изменений в технике земледелия, явившихся в дальнейшем основой развития капитализма в сельском хозяйстве. Ряд интересных страниц посвящен деятелям словенского Возрождения — А. Линхарту, В. Воднику, Е. Копитару, Ф. Прешерну. Правда, хотелось бы увидеть в пятом томе при описании национального движения словенцев первой половины XIX в. более подробную характеристику расстановки классовых сил перед революцией 1848 года.

Судя по первым томам «Истории словенского народа», проделанная автором работа значительна и полезна. Хочется пожелать, чтобы Б. Графенауэр успешно довел эту работу до конца.

И. В. Чуркина

P. H. SAWYER. *The Age of the Vikings*. London. «Edward Arnold». 1962. 254 p., 10 pl., 17 fig.

П. СОЙЕР. Век викингов.

В истории Англии скандинавские вторжения сыграли значительную роль, и интерес к ним не угасает у англичан до сих пор. Лишь за последние два года в Англии издано несколько книг, посвященных этому вопросу. Среди них — исследование молодого английского историка Питера Сойера, работающего в Бирмингемском университете. Вопрос о походах викингов П. Сойер берет в рамках не только Англии, но и Скандинавии и Руси. Во введении он указывает на три наиболее интересующие его стороны проблемы: критический пересмотр источников; объяснение причин набегов скандинавов в VIII—X вв.; изменение характера и цели походов викингов.

Рассмотрев историю скандинавских набегов на Англию начиная с 793 г. (это время называют в специальной западноевропейской литературе периодом викингов), П. Сойер переходит к критике письменных и археологических источников. Он предпочитает изучать поставленную проблему по материалам, преимущественно современным

«веку викингов». Особенно он выделяет Англосаксонскую хронику и Бертинские анналы. Использует он и рунические надписи, и археологические материалы, и данные топонимики. Однако, по его мнению, наиболее важны не скандинавские, а христианские и арабские источники. П. Сойер недостаточно привлекает данные ирландских саг, чем лишает себя возможности определить истинную причину походов скандинавов, так как ее следует искать внутри их общества, а не вне его.

Касаясь источников о варягах на Руси, автор, как и в ряде других случаев, принимает некоторые положения норманистов. Он, например, выводит термин «Русь» от финского «Ruotsi», пишет о том, что скандинавы захватили власть в Киеве и установили контроль над местными племенами (стр. 166). Анализируя в одной из глав книги состав кладов, П. Сойер заметно следует мнению шведского археолога М. Стенбергера, который искажает и гиперболизирует роль скандинавской торговли с Востоком. Таким образом, автор фактически разделяет и це-

верный тезис, будто волжский торговый путь был открыт скандинавами¹.

Однако в книге нет утверждений о якобы организующей роли варягов в образовании Древнерусского государства, об их определяющем влиянии на культуру Руси. Автор считает, что варяги быстро ославянились (стр. 44). Особый интерес представляет его мнение о ненаучности подхода норманистов к изучению русских древностей, подкрепляемое критикой в адрес шведского археолога Х. Арбмана, объявившего без достаточных на то оснований одно из черниговских погребений скандинавским (стр. 62). П. Сойер не считает также наличие скандинавских вещей в могилах решающим аргументом в пользу шведского происхождения группы гнездовских курганов (там же). Не отрицая, что в смоленских курганах встречаются отдельные скандинавские погребения, он справедливо полагает, что имеющийся здесь северный элемент сильно преувеличен скандинавскими археологами и что никакой шведской колонии под Смоленском не было². В этом отношении рецензируемая работа является исключением в западноевропейской литературе, пронизанной норманистскими взглядами³.

П. Сойер считает, что размах набегов викингов был сильно преувеличен другими авторами. Этот вывод опирается, между прочим, на проведенное им исследование кораблей и лодок скандинавов, на которых обычно совершались последними походы. Автор обратил внимание и на то, что в летописях прежде всего говорится о разграблении скандинавами монастырей. А поскольку летописи составлялись часто монахами, то их

пристрастность сказывалась в характере изложения ими событий, связанных с язычниками-скандинавами.

Касаясь вопроса о поселениях викингов в Англии, П. Сойер рисует картину проникновения скандинавов в эту страну и определяет границы распространения их поселений. При этом удачно использованы данные топонимики. Рассказывая далее о действиях шведов на Руси, он решительно отрицает наличие здесь каких бы то ни было скандинавских поселений, подобных поселениям в Англии и Исландии. Это утверждение П. Сойера направлено против норманской теории.

Значительное место в книге отведено исследованию вопроса о городах (главным образом о Бирке в Швеции, Хедеби в Дании и Каупанге в Норвегии) и их торговых связях. Роль торговли здесь, несомненно, преувеличена; между тем в Хедеби были открыты ремесленные мастерские, а ведь, как известно, развитие ремесла являлось одной из главных причин становления городов; ряд положений автора вызывает сомнения (например, связь между падением роли Бирки и крушением торговых сношений Скандинавии с Волгой после разгрома Булгара Святославом в 965 г., если принять во внимание, что Булгар упоминается в русских летописях и позже этого года; умаление значения Хедеби как центра ремесленного производства) или просто неверен (например, мнение о том, что у Ибн-Фадлана есть прямые указания на скандинавское происхождение русов, торговавших в IX в. с Волжской Булгарией).

В последней главе книги П. Сойер как бы резюмирует итоги своего исследования. Он приводит мнение ряда буржуазных ученых, что внезапная вспышка скандинавской активности до сих пор еще не объяснена достаточно удовлетворительно. Главная помеха этому, говорится в книге, состоит в большом преувеличении масштабов набегов и густоты поселений скандинавов в чужих странах. Если же отбросить это идущее от авторов хроник и других источников преувеличение и предубеждение, то движение скандинавов следует признать, по мнению П. Сойера, проявлением нормальной активности в эпоху раннего средневековья, а не беспрецедентным и необъяснимым катаклизмом. Однако автор не исследует эту «нормальную активность», за которой скрывались очень глубокие изменения в жизни скандинавов (разложение у них ро-

¹ Эта пресловутая «теория» главы норманистов Т. Арне раскритикована в книге В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья» (М. 1956, стр. 88—89), доказавшего, что основная и притом наиболее ранняя группа кладов восточных монет обнаружена не в Скандинавии, а на землях балтийских славян. Даже Х. Арбман в докладе, сделанном им в Московском университете в марте 1959 г., вынужден был согласиться с тем, что отнюдь не скандинавы положили начало торговле по Волге.

² Как показала В. С. Дедюхина, максимум скандинавских вещей на Руси (вообще немногочисленных) приходится на вторую половину X в., а не начало или середину IX в., как должно было быть, если бы «теории» норманистов были верны.

³ См. И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии. «История СССР», 1960, № 1.

дового строя и начавшаяся классовая дифференциация). Непонятное для П. Сойера запоздание набегов из Дании по сравнению с норвежскими объяснялось, по-видимому, неодинаковыми темпами развития этих стран. Генезис феодализма привел к обезземеливанию многих свободных общинников, устремившихся на поиски новых земель. Конечно, при этом сыграли какую-то роль и трудности ведения сельского хозяйства на севере.

Нам кажется, П. Сойер прав, возражая против деления истории набегов викингов на два этапа (на первом из них они якобы стремились к добыче и лишь на втором начали осваивать земли). И то и другое привлекало скандинавов, по мнению автора, с самого начала походов. Заслуживает внимания и высказанная в книге мысль, что завоевание других стран не являлось целью скандинавских походов. Викинги не стремились к созданию «Великой Дании» или «Великой Швеции» (как думает, например, Т. Арне, называя Русь «Великой Швецией»). Можно пожалеть, что П. Сойер не остановился на последствиях захвата скандинавами земель в странах Западной Европы (это именно захват, а не покупка, как думает он). Набеги далеко не были безобидны вопреки предположениям автора. Помимо того, что викинги опустошали завоеванные земли, их набеги еще и ускоряли процесс массового разорения и закрепощения крестьянства.

Несмотря на то, что П. Сойер находится в ряде случаев под влиянием норманистских теорий, он делает важный вывод, что как бы ни была понята скандинавская деятельность на Руси, ясно одно — шведы здесь никогда не могли играть серьезной роли как поселенцы. По мнению автора, их влияние на местную топонимику ограничено речными путями, и нет никаких археологических данных, подтверждающих версию об обширных и частых скандинавских поселениях на Руси.

Таким образом, анализ содержания книги Сойера показывает, что автор ее принадлежит к числу тех буржуазных историков, которые стремятся быть объективными. В то же время, если, например, он прав в том, что «период викингов» выделяется в западноевропейской литературе искусственно, то это не значит, что справедлива другая его мысль — об исторических периодах как субъективных созданиях ученых. Это его замечание есть не что иное, как отрицание закономерностей общественного развития.

В рассматриваемой книге не все может удовлетворить советских историков. Однако она интересна как проявление свежего течения в зарубежной буржуазной историографии, как свидетельство того, что непредубежденный подход к фактам влечет за собой отказ от основных положений норманизма.

Д. А. Авдусин

M. ISACOVICH. *Argentina económica y social*. Buenos Aires. «Editorial Quipo». 1961. 262 p.

М. ИСАКОВИЧ. *Экономическое и социальное лицо Аргентины*.

Среди изданных за последние годы многочисленных книг, посвященных анализу социально-экономической структуры современной Аргентины, рецензируемая работа занимает особое место. Исследования подобного рода, принадлежащие перу буржуазных авторов, носят обычно описательный характер: в них приводится большой статистический материал, но не содержится подлинно научного анализа основных тенденций экономического и социального развития страны, не вскрываются причины отсталости Аргентины и ее зависимости от

иностранных монополий, не указываются пути преодоления этой отсталости и зависимости. Многие буржуазные аргентинские авторы играют роль политической агентуры американского империализма. Так, экономист и географ Г. Товаль¹, показывая огромные возможности Аргентины в области развития сельского хозяйства, выступает, по существу, за сохранение и даже

¹ G. F. Tovall. *Lecciones de la geografía Argentina Estudio físico, político y económico*. Buenos Aires. 1950.

усиление зависимости аргентинской экономики от экспорта продовольствия и сырья в США. Работ марксистского направления (П. Альберди², Х. Фучс³ и др.), в которых разрабатываются проблемы современной Аргентины, все еще сравнительно мало. Тем большее значение приобретает каждый новый труд, с марксистско-ленинских позиций освещающий состояние аргентинского общества и экономики и тенденции их развития.

Монография «Экономическое и социальное лицо Аргентины» написана членом национальной экономической комиссии Компартии Аргентины Марсело Исаковичем. На основе богатейших фактических данных (в книге широко использована как национальная, так и международная статистика) автор характеризует природные условия, экономику и социальную структуру Аргентины. Не ограничиваясь описанием, он вскрывает основы, на которых покоится нынешнее социально-экономическое положение страны, и исследует исторические корни современного политического кризиса, переживаемого Аргентиной. На протяжении всего изложения проводится мысль о том, что остальные производственные отношения тормозят развитие Аргентины, превращают ее в страну резких социальных противоречий, колоссальные материальные возможности которой остаются почти не использованными.

М. Исакович отмечает, что в то время, как большие пространства земли пустуют, в других местах хищническая эксплуатация ее приводит к эрозии и истощению почвы. Наряду с хорошей обработкой отдельных участков в стране в основном господствует экстенсивная система ведения сельского хозяйства, основанная на отсталой технике и далекая от достижений современной науки. Богатейшие рыбные и лесные богатства, огромные запасы полезных ископаемых используются плохо. На службу человеку поставлено лишь 2% гидроэнергоресурсов; несмотря на то, что имеются огромные запасы нефти, страна зависит от импорта горючего. С огромными трудностями Аргентина создала свою промышленность, производящую многие товары первой необходимости, которые ранее ввозились из-за границы. Однако узость внутреннего рынка, отсутствие сырья, оборудования и своей

тяжелой промышленности тормозят дальнейший экономический прогресс, а конкуренция иностранных предприятий угрожает существованию целых отраслей производства. Сеть дорог не обеспечивает связи потребляющих центров с производящими, а также со слабо освоенными районами.

Причины этих противоречий, как показывает автор, коренятся в том, что у власти находятся и экономическое развитие страны определяют не трудящиеся и даже не мелкая буржуазия, а небольшая привилегированная группа — помещичья олигархия и крупные капиталисты, действующие заодно. Именно это меньшинство, насчитывающее всего 30 тыс. человек (при общем количестве жителей в 20 с лишним млн.), является социальной базой правящей клики. В интересах этого меньшинства и иностранного капитала, подчеркивается в книге, Аргентина превращена в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав, в первую очередь США и Англии; ее природные ресурсы почти не разрабатываются, а промышленное развитие приобрело уродливый, однобокий характер. Господство латифундий привело к упадку сельского хозяйства. Иностранные монополии вместе с крупным аргентинским капиталом взяли под свой контроль ключевые позиции в экономике страны.

Большая часть государственного бюджета (автор раскрывает это на обильном статистическом материале) расходуется на содержание вооруженных сил и карательных органов, а также бюрократического аппарата. За все это расплачивается в первую очередь рабочий класс, составляющий 75% трудоспособного населения, крестьянство, ремесленники, мелкие промышленники и торговцы. Содержание книги свидетельствует о том, что Аргентина может решить насущные проблемы своего развития не путем реализации пресловутого «плана стабилизации экономики», не с помощью иностранных кредитов и т. п., а на основе осуществления аграрной реформы, ликвидации латифундий, увеличения капиталовложений в развитие первоочередных отраслей производства, сокращения непроизводительных расходов, расширения взаимовыгодной торговли со всеми и особенно с социалистическими странами, прекращения утечки капитала за границу, расторжения невыгодных соглашений с империалистическими державами, прекращения вмешательства иностранных монополий, короче

² П. Г. Альберди. Кризис экономики Аргентины. М. 1956.

³ Х. Фучс. Проникновение американских трестов в Аргентину. М. 1959.

говоря, путем твердого проведения демократической политики. Однако осуществление глубоких социально-экономических преобразований неразрывно связано с необходимостью ликвидации власти помещиков и капиталистов и передачи ее в руки народных избранников. Первый шаг в этом направлении — создание мощного фронта

демократических сил. Таков конкретный план действий, предлагаемый трудящимся Аргентины их авангардом — Коммунистической партией. М. Исакович раскрывает глубокую научность этой программы, отвечающей коренным интересам аргентинского народа.

С. И. Ульянова

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«*Párt-Történeti közlemények*». Budapest, 1963, № 2.

Х. В а ш ш. О некоторых задачах разработки и преподавания истории партии в свете решений VIII съезда ВСРП; О. Б е т л е н. Влияние первого периода гражданской войны в Испании на венгерское рабочее движение; Л. Ш а л г о. Кубинская революция и доктрина Монро; Ю. К о в а л ь с к и й. Рабочие советы в Польше (1918—1919); Сообщения: И. Т о т. Аграрно-социалистические движения в комитате Боршод в 1898 году; Дискуссии: Ш. С е р е н и. О некоторых проблемах героической борьбы подпольной Коммунистической партии Венгрии в 1929—1931 годах; Д. Р а н к и. Некоторые замечания к статье Жигмонда Ласло: «Об экономических и общественных факторах распространения фашистской расовой теории (1939—1945)»; Документы: Отрывки из дневника Агоштона Петер; Первые встречи Ады Ендре с социал-демократией. Воспоминания: Я. Д е т в а и. Печь — Бараня 1921 — из заметок очевидца.

«*Történelmi Szemle*», Budapest, 1963, № 1.

Э. М о л ь н а р. Вступительное слово к дискуссии: «Нация, родина и оборона отечества в сознании крестьянства и военно-служилых людей недворянского происхождения (XV—XVIII вв.)». Доклады: Э. М а ю с. Понятие родины и нации в первые века венгерского феодализма; Е. С ю ч. Нандорфехервар и крестьянство; К. Б е н д а. Идеология борьбы пограничных крепостей; Г. Х е к е н а с т. Крестьянское восстание Дёрдя Карачонь (1569—1750 гг.); Л. М а к а и. Идеология «независимости и нации» гайдуков; Е. Ш о м о д и. Идеологические уроки хорватского крестьянского движения 1653—1659 годов; Л. Б е н ц е д и. «Словие воинов» и его идеология в восста-

нии Тёкёли; А. Р. В а р к о н и. Идеология «народных куруцов»; Обзор: Я. В а р г а. Националистические пережитки в нашей исторической концепции.

«*Nghiên cứu lịch sử*». Ha-nôi, 1963, 51(6).

Ч а н-х ь ю-Л ь е у. Некоторые мнения о создании истории партии; В а н Т а н. Кто объединил Вьетнам? Нгуен Хуэ иди Нгуен Ань (ответ Нгуен Фыонгу и журналу «Сайгонская энциклопедия»); Ч у н г Т х ы к, Х о Х а й. О направлениях исследования партийной истории и связи партийности и научности в ее исследовании; Н г у е н-к о н г-Б и н ь. О начальной и конечной датах Августовской революции; Д а о-з у й-А н ь. Положение страны Чиентхань на рубеже X века; Н г у е н-х а к Д а м. Как правильно оценивать Фантхань-Зан; Ф а н-х ь ю-Л е. Добыча полезных ископаемых при династии Нгуен; Ч а н-т х а н ь-Т а м. Некоторые новые письменные источники о восстаниях в горных районах провинции Нге-Ан и Ха-Тинь; Ч а н-в а ц-З а п. Новые данные о Чыонг-конг-Динь (1821—1864 гг.) —герое Вьетнама; Л а-в а н-Л о. Из истории вопроса о Ан-Зыонг-Выонг Тхук-Фан или легенде «Кау-тюа ченг-вуа» народности Тая.

«*Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig*», 1963, № 2.

Р. П ф р е ч н е р. О борьбе КПГ за восстановление единого фронта немецкого рабочего класса на заводах Лейна-Верке и в Магдебурге до прихода к власти фашизма в Германии; Э. И о н. Относительно проблем овладения культурным наследием.

«*Z Pola walki*», Warszawa, 1963, № 1—2 (21—22).

И. К о б е р д о в а. Рабочий класс и январское восстание 1863 г.; Научная сессия,

посвященная 80-й годовщине образования партии «Пролетариат»; Ж. Корманова. Партия «Пролетариат» — история, историография и исследовательские задачи; Я. Дурко. Польский рабочий класс в период деятельности партии «Пролетариат»; А. Мольская. Некоторые проблемы идеологии партии «Пролетариат»; М. Жыховский. Отношение польских имущих классов к рабочему вопросу, рабочему движению и социализму (в свете прессы периода партии «Пролетариат»); Т. Данишевский. Главные идеологические направления в международном рабочем движении в период деятельности партии «Пролетариат». Проблемы и дискуссии: Ф. Тых. Проблемы публикации источников по новейшей истории. Документы: Письма

Розы Люксембург Лео Иогихесу (Я. Тышке), ч. V (январь—март 1899 г.). (Подготовил к печати Ф. Тых.)

«Československý časopis historický, Praha, 1963, № 3.

Ф. Граус. Великоморавская держава в чешских средневековых преданиях; Р. Квачек. Ликвидация немцами демилитаризованной Рейнской зоны 7 марта 1936 года. Дискуссии: И. Кочи. Барщинная повинность крепостных в чешских землях после Тридцатилетней войны. Материалы: И. Полишенский. Состояние к настоящему времени исследований об «испанской деградации», или «упадке Испании», в 16—17-м столетиях; З. Шолле. секция Первого Интернационала в Чехии.

ОБЗОР ЖУРНАЛА

«THE ENGLISH HISTORICAL REVIEW». LONDON.

«The English Historical Review» — старейший из издаваемых ныне в Англии исторических журналов. Он выходит с 1886 г. и долгое время был единственным английским периодическим изданием, посвященным вопросам истории¹. Одним из его основателей и главным редактором на протяжении первых пяти лет был профессор Кембриджского университета М. Крейтон, известный своими работами по истории церкви. В настоящее время журнал возглавляет профессор истории средних веков Эдинбургского университета Дени Хэй, видный специалист по проблемам западноевропейской культуры²; издателями его являются владельцы старейшего английского книгоиздательства Лонгмана, существующего с 1724 года.

По своему направлению «The English Historical Review» более всего близок к традициям так называемой Оксфордской исторической школы, возникшей еще в 60—70-х годах прошлого века. В первый период своего существования (до начала XX в.) она дала крупных исследователей либерально-буржуазного направления (У. Стебб, Д. Роджерс и др.). Для ее представителей характерно было пристальное внимание к экономической и социальной истории, склонность к широким обобщениям социологического характера. С перерастанием капитализма в монополистическую стадию начался общий упадок буржуазной исторической науки. Оксфордская школа постепенно перешла на консервативные позиции. Отрицание закономерностей исторического развития, неприятие теории прогресса, пренебрежение к вопросам методологии, склонность к голому эмпиризму и фактографии — таковы ныне ее характерные черты³.

¹ Кроме «The English Historical Review», в Англии выходят носящие общенациональный характер журналы: «History», «The Historical Journal», «Bulletin of the Institute of Historical Research», «Past and Present», «University of Birmingham Historical Journal», «Economic History Review», «History Today».

² Рецензию на монографию Д. Хей «Полидор Вергилий — историк и писатель Ренессанса» (1952 г.) см. в сборнике «Средние века». Вып. 13. М., 1958, стр. 151—152.

³ Чарлз Омен, на протяжении многих лет признанный глава Оксфордской школы, утверждает: «История представляет собой ряды чисто случайного развития, а не развитие (движение) к чему-то неизбежному. Она полна неожиданных поворотов, которых не может предвидеть ни один, даже самый мудрый человек. Изучение летописей прошлого и событий современности не способствует возбуждению оптимизма, а скорее толкает к нигилизму, подобно тому, как это имело место у мыслителей римской цивилизации V в., незадолго до конца Рима. Во всяком случае, нам понятны теперь их ощущения». Ch. Oman. Memories of Victorian. Oxford, 1942, p. 241. Эти слова, весьма точно характеризующие глубокий кризис современной буржуазной историографии, можно было бы поставить эпиграфом ко многим статьям, напечатанным на страницах рецензируемого журнала.

Первое, что становится очевидным при знакомстве с журналом, — это полное отсутствие методологических статей и работ, посвященных анализу больших исторических проблем. Читатель не найдет на его страницах также ни одного историографического материала. Большинство из всего того, что публикуется, посвящено узкоспециальным темам, носит зачастую описательный характер; авторы воздерживаются от обобщений.

Консерватизм журнала сказывается в том, что в отличие от других английских буржуазных исторических изданий журнал игнорирует сюжеты, связанные с историей народных восстаний, рабочего движения, а также национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран. Долгие годы в журнале преобладала средневековая тематика, лишь в последнее время несколько вырос удельный вес статей по новой истории, а также повысился интерес к истории политической мысли. Но до сих пор вне поля зрения остается новейшая история. Последнее обстоятельство редакция мотивирует тем, что для этого периода еще не накопилось якобы достаточного количества источников, а также тем, что «при разработке подобного рода сюжетов трудно воздержаться от комментариев к текущим политическим событиям, чего данный журнал всегда избегает» (1962, январь). Итак, хронологически круг интересов журнала — это средние века и новое время. Территориально — это страны Западной Европы, и прежде всего Англия, которой посвящено больше всего строк. Истории народов Азии и Африки уделяется явно недостаточное внимание.

В числе авторов журнала выступают историки Англии, Канады, Австралии и других стран «Британского содружества». Иногда встречаются статьи континентальных западноевропейских авторов. «The English Historical Review» выходит четыре раза в год, каждый его номер содержит 200 страниц.

В журнале имеются разделы:

1. Статьи исследовательского характера (их обычно в каждом номере от четырех до шести).

2. Заметки и документы. Заметки отличаются от статей не размером (бывает, что они превосходят в этом отношении некоторые статьи), а тематикой. Это преимущественно работы источниковедческого характера, посвященные одному или нескольким родственным источникам, или работы, имеющие очень узкий характер. Иногда в заметках обосновывается необходимость исправления ошибок в хронологии, топонимике и т. п. В этом же разделе публикуются не напечатанные ранее источники, сопровождаемые кратким предисловием и комментариями.

3. Раздел библиографии, который занимает около половины объема каждого номера, состоит из двух подразделов: обзрений книг и кратких заметок о них. В первом даются более развернутые разборы монографий и сводных работ, во втором — краткие рецензии на труды по различным отраслям истории, вышедшие в разных странах Европы и Америки. По диапазону материалы в этом разделе шире, чем во всех остальных: здесь можно найти отзывы о книгах и по древней и по новейшей истории. Ежегодно журнал рецензирует от 300 до 400 книг. Основное назначение библиографического раздела — текущая информация, но она носит весьма ограниченный характер. Почти полностью игнорируется литература, выходящая в СССР и странах социалистического лагеря. Впрочем, следует отметить, что после выхода фундаментального советского двухтомника «Английская буржуазная революция» под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого (М. 1954) журнал поместил рецензию на него, в которой вынужден был признать, что этот труд является серьезным вкладом в изучение истории английской революции (1956, июль).

В статьях по истории Англии и других стран Западной Европы периода средневековья, имеющих значительный удельный вес в тематике журнала, сказывается свойственный многим представителям современной буржуазной английской медиевистики политико-юридический метод анализа исторических явлений: сведение сложных социальных процессов к истории государственных учреждений, правовых норм, столкновений и борьбы тех или иных политических деятелей, без раскрытия конкретных социально-экономических причин, обуславливающих данные явления. Для этих статей характерно, кроме того, мелкотемье, увлечение второстепенными вопросами, в частности из истории гражданской и военной администрации. Так, В. Вайтман (Шеффилд) в статье «Земельные владения графа Вильяма Фиц-Осборна» (1962, январь) ведет

пространную полемику с другими исследователями по вопросу о том, какова была юридическая природа земельных владений и административная роль в двух графствах одного из английских феодалов в первые годы после нормандского завоевания. Разобрав источники, автор приходит к выводу, что некий Фиц-Осборн владел землей на началах палатината, а не других форм держания.

Более широкий социальный диапазон имеет статья У. Томсона из университета в Глазго «Споры о церковной десятине в Лондоне в период позднего средневековья» (1963, январь). Она типична для иллюстрации политико-юридического метода анализа исторических событий эпохи феодализма. Пользуясь протоколами судов лондонского городского самоуправления за время с середины XV в. вплоть до реформации Генриха VIII, то есть до 30-х годов XVI в., автор анализирует многочисленные случаи конфликтов между клиром и мирянами, которые всеми способами сопротивлялись все возрастающим требованиям церкви, систематически повышавшей поборы в свою пользу. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый им период имели место не отдельные спорадические конфликты, а организованная борьба двух корпораций: городского самоуправления и клира. Следует отметить, что, приводя весьма любопытный и свежий материал, У. Томсон в своем анализе останавливается, однако, лишь на юридической стороне конфликта: тщательно разбирает юридические аргументы тяжущихся сторон, не касаясь социального аспекта. А между тем из приводимых им же самим фактов видно, что дело шло не столько о борьбе двух корпораций, сколько о столкновениях внутри них двух классов — буржуазии и феодалов.

За последние годы в журнале появился ряд тщательно выполненных исследований источниковедческого характера, относящихся к различным этапам английского средневековья. Из них следует отметить обстоятельную статью оксфордского историка Р. Девиса (1962, апрель), посвященную выяснению вопроса о том, кто был автором известной хроники *Resta Stephani* — важнейшего источника по истории Англии XII в., а также статью Д. Тейлора из Лидса «Развитие «продолжения полихроникона» (1961, январь), посвященную хронистам XIV века. К этому же кругу работ примыкает, хотя она и шире по содержанию и имеет не только источниковедческий интерес, статья профессора Оксфордского университета Г. Холмса «Зерцало английской политики» (1961, апрель), посвященная анализу весьма интересного и еще недостаточно изученного памфлета, появившегося в Англии в 30-х годах XV века. Анализируя этот важный документ периода тяжелых поражений Англии на континенте в Столетней войне и угрозы потери Кале, автор приходит к выводу, что памфлет выражал протест английских купцов против военной и внешнеторговой политики феодальной клики, господствовавшей в то время в Королевском совете. В статье показано, что «Зерцало» требовало активной защиты Кале, так как господство над этим городом давало английским купцам возможность безраздельно контролировать важнейшие пути европейской торговли — от Италии и Испании до ганзейских городов. Вместе с тем памфлет требовал от правительства проведения ограничительных мер против импорта в Англию ряда товаров. Хотя Г. Холмс и не ставит прямо вопрос о социальной обусловленности политики Королевского совета и связи оппозиции с вызреванием нового, капиталистического уклада в недрах феодальной формации, статья его дает ценный материал для понимания процессов развития классовой борьбы и формирования ранней идеологии буржуазии в период, непосредственно предшествовавший установлению феодально-абсолютистского строя в Англии.

Из многих материалов, относящихся к новому времени, английской буржуазной революции XVII в. посвящена только одна статья — Д. Кеннеди из Мельбурнского университета «Английский морской мятеж 1648 г.» (1962, апрель). Этот факт лишний раз подчеркивает стремление журнала уйти от рассмотрения узловых, важнейших исторических явлений. В тех редких случаях, когда все же помещается отклик на такого рода темы, предпочтение сознательно отдается не революционным, а контрреволюционным событиям и эпизодам. И в данном случае темой своей работы автор избрал не революционные выступления, а контрреволюционное восстание, вспыхнувшее на кораблях английского флота. Статья носит полемический характер и направлена против тех историков, кто отрицает политическое значение мятежа, возникшего в один из критических моментов английской революции, и утверждает, что мятежники выступали не против

определенных принципов, а лишь против отдельных неугодных им личностей. Последовательно анализируя требования восставших и ход выступления, Кеннеди приходит к правильному выводу, что оно носило реакционный, роялистский характер. Однако автор не показывает, что, по существу, это восстание было попыткой роялистов использовать в своих целях недовольство народных масс тяжелым продовольственным положением в стране, а также разгоравшуюся в то время борьбу между индипендентами и левеллерами для того, чтобы расколоть силы революционного лагеря, ослабить его и тем самым сделать возможным восстановление феодально-абсолютистской монархии Стюартов.

Большая часть статей посвящена вопросам внутренней политики Англии. Как правило, авторы их стремятся всячески обойти острые сюжеты из истории классовой борьбы; их статьям, кроме того, присуща персонификация. Г. Джиббс (Лондон) в работе «Парламент и внешняя политика в период Станхопа и Уалпола» (1962, январь) приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, что при Стюартах и до конца XVII в. внешнеполитическая деятельность английского государства осуществлялась либо непосредственно короной, либо только ей подчиненными лицами. Но уже с начала XVII в. парламент (и особенно палата общин) стал все больше вторгаться в область внешней политики. Сперва он предпринял борьбу за право регулярно получать информацию о тех или иных дипломатических намерениях и акциях правительства, потом потребовал от него аргументации соответствующих действий и, наконец, стал добиваться значительного влияния на направление внешней политики страны. Однако, ограничиваясь констатацией этих фактов, автор не связывает это положение с некоторым изменением соотношения классовых сил в стране, происшедшим в результате переворота 1688 г., и тем усилением роли парламента, которое он вызвал.

Статья «Влияние католического духовенства на выборы в Ирландии XIX в.» (1960, апрель) принадлежит перу Д. Вейта. Автор стремится выяснить, почему католическая церковь Ирландии, игравшая до середины XIX в. большую роль в политической жизни страны, в значительной степени потеряла свое влияние к 80—90-м годам. Он правильно усматривает причины успеха католической церкви среди крестьян Ирландии в умелом использовании клиром того обстоятельства, что в Ирландии крупные землевладельцы были англиканами, в то время как большинство крестьян — держателей и фермеров — являлось католиками. Используя недовольство крестьянских масс тем, что исход выборов в парламент зависел от крупных землевладельцев, ирландские католические церковники проявляли большую активность в парламентских избирательных кампаниях и завоевывали себе популярность, поддерживая ирландских кандидатов, ведших борьбу за предоставление Ирландии самоуправления. Падение влияния католической церкви автор усматривает в том, что в результате ряда реформ, расширивших избирательные права ирландцев, появились более близкие крестьянству независимые от церкви политические деятели, способные гораздо лучше, нежели духовенство, представлять интересы широких масс избирателей. Сказалось и то, что католическая церковь, имевшая в Ирландии крупные земельные владения, часто использовала свое влияние вопреки интересам поддерживавших ее крестьян.

В работе П. Фрезера (Манчестерский университет) «Альянс либералов-юнионистов: Чемберлен, Хартингтон и консерваторы, 1886 — 1904» (1962, январь) прослеживается история раскола в английской либеральной партии, приведшего к образованию группы либералов-юнионистов, перешедших потом в ряды консерваторов. Автор приводит ряд фактов, почерпнутых из неопубликованных архивов Дж. Чемберлена, герцога Девоншира (Хартингтона), Солсбери и Бальфура. Заслуживает внимания вывод, говорящий о том, что соответствующая перегруппировка в рядах английской буржуазии, приведшая к изучаемым событиям, была обусловлена обострением классовых противоречий и подъемом английского рабочего движения в 80—90-е годы XIX века. П. Фрезер воспроизводит интересные высказывания Дж. Чемберлена, в частности его меморандум, написанный в начале 90-х годов, в котором оправдываются действия юнионистов тем, что гладстоновский либерализм не сумеет устоять перед напором социалистических притязаний тред-юнионов и Рабочей партии.

Статья Д. Макинтоша (Ибадан) «Роль Комитета имперской защиты перед 1914 г.» (1962, июль) основана на изучении личных архивов ряда крупных английских государ-

ственных деятелей начала XX в. (Бальфур, Асквит и др.). Она уточняет некоторые детали начавшейся исподволь подготовки английского империализма к первой мировой войне. Автор рассматривает разногласия между лидерами консерваторов и либералов по вопросам о мерах, необходимых для наращивания военного потенциала и координации усилий для обороны различных частей Британской империи, взаимоотношения кабинета министров с непосредственными руководителями армии и флота и т. д. Он приходит к выводу, что накануне первой мировой войны разногласия буржуазных лидеров разных направлений по военным вопросам были почти полностью сведены на нет.

Статья Макинтоша является как бы хронологическим рубежом, за пределы которого журнал не переступает. Последующий период, начиная с первой мировой войны до наших дней, находится вне сферы интересов журнала: ему не посвящена ни одна исследовательская статья.

Основная тематика, связанная с историей XIX — начала XX в. (и лишь в отдельных случаях — более раннего периода), — это международные отношения и внешняя политика Англии.

Здесь характерно стремление журнала всячески оправдать роль Англии в дипломатических конфликтах и военных столкновениях прошлого, изобразить ее миролюбивой державой, руководствующейся только справедливыми целями, готовой идти на компромиссы и лишь в исключительных случаях прибегающей к военным действиям. Рассмотрим некоторые из статей на эти темы.

Англо-французские отношения после «славной революции» исследуются в статье М. Томсона из Лондонского университета «Людовик XIV и Вильгельм III, 1689—1697» (1961, январь), типичной для буржуазной историографии, касающейся внешнеполитических проблем: автор рассматривает дипломатические отношения двух крупных, соперничающих между собой государств только как результат проявления личных качеств и особенностей обоих партнеров — Людовика XIV, с одной стороны, и Вильгельма Оранского — с другой.

М. Коулинг из Кембриджа назвал свою статью «Литтон, Кабинет и русские от августа до ноября 1878 г.» (1961, январь). Она посвящена англо-русским противоречиям 1878 г. в Средней Азии и роли вице-короля Индии лорда Литтона в развязывании англичанами войны против Афганистана, эмир которого Шир-Али, балансируя между Англией и Россией, пытался при поддержке последней остановить английскую агрессию. При этом автор рассматривает политику Англии на Востоке (на деле захватническую) лишь как эффективное средство защиты английских владений в Индии от «русской угрозы». Он обходит молчанием то обстоятельство, что в действительности постоянные ссылки на «русскую угрозу» английские колонизаторы использовали в качестве маскировки собственной агрессивной, экспансионистской политики.

Истории народов стран Азии и Африки, как отмечалось выше, журнал почти не касается. В тех редких случаях, когда появляются статьи на эту тему, соответствующие вопросы рассматриваются главным образом под углом зрения позиции Англии, роль которой, как и роль английских политических деятелей в судьбе того или иного народа, идеализируется. Примером может служить статья Ф. Парсона (университет в Глазго) «Марокканский вопрос в 1884 г.: ранний кризис» (1962, октябрь). Автор говорит о том, что в Марокко скрещивались интересы основных западноевропейских держав. В действиях Франции, Испании и Италии он усматривает стремление прибрать к рукам Марокко, воспользовавшись отсталостью экономики и политической системы султаната. Но если Бисмарк защищал интересы Германии, то Англия действовала якобы благороднее всех: она-де не имела никаких интересов в Марокко, добиваясь лишь свободного прохода своих судов через Гибралтар. Рекомендую султану проведение реформ, она, по словам автора, стремилась к тому, чтобы превратить Марокко в сильное и жизнеспособное государство.

Если Парсон старается представить Англию чуть ли не искренним другом марокканцев, то Г. Сандерсон (английский университет в Нигерии) в статье «Англо-германское соглашение 1890 г. и Верхний Нил» (1963, январь) занимается открытой апологией активной колониальной политики консервативного кабинета Солсбери. Статья носит полемический характер и направлена против другого буржуазного историка, Д. Джилларда, который, по словам автора, считает, что известное урегулирование

англо-германского конфликта в Восточной Африке при помощи обмена о. Гельгоlanda на Занзибар имело якобы весьма ограниченное значение и не создавало необходимых условий для защиты английских интересов в Уганде и в районе Верхнего Нила. Г. Сандерсон стремится доказать, что соглашение 1890 г. было актом большой мудрости Солсбери, так как оно предоставило Англии широкие возможности для усиления ее колониальных позиций и в бассейне Верхнего Нила и в других районах Африки.

М. Кемпстон (Лондон) в статье «Некоторые ранние индийские националисты и их союзники в Британском парламенте, 1851—1906 гг.» (1961, апрель) приводит много фактов, свидетельствующих о том, что с 50—60-х годов XIX в. радикально-демократическая общественность Англии выражала сочувствие индийскому освободительному движению; автор останавливается, в частности, на выступлениях в защиту Индии ряда ирландских деятелей в английском парламенте (Парнелл, О'Доннел и др.). Однако М. Кемпстон умалчивает о тех гораздо более влиятельных и могущественных реакционных буржуазных политиках, которые осуществляли и поддерживали колониальную экспансию британского империализма, всеми средствами угнетая индийцев и наживаясь за их счет. Вопреки историческим фактам автор изображает англичан в Индии культуртрегерами, которые якобы всячески пеклись о повышении экономического и культурного уровня индийцев и сознательно подготавливали их к самоуправлению.

Статья Т. Давенпорта, преподавателя университета в Кейптауне, «Южно-африканский мятеж, 1914» (1963, январь) посвящена восстанию буров против английского владычества, вспыхнувшему в начале первой мировой войны. Она написана по материалам парламентских и судебных расследований, произведенных английским правительством после подавления восстания в 1915—1916 годах. Автор пытается доказать, что это было якобы не народное выступление, а мятеж, инспирированный элементами, которые в свое время вызвали англо-бурскую войну.

В заключение остановимся на материалах, посвященных истории политических идей. Следует отметить, что они не выходят за хронологические рамки XVI—XVII вв., то есть отстоят от современности еще дальше, чем материалы по общеисторической тематике. Об одной из статей на эту тему, в которой Г. Барон пространно развивает тезис о наличии якобы существенных противоречий в отношении Макиавелли к монархии и республике, мы уже писали в свое время⁴. Статья Р. Хинтона (Кембриджский университет) «Английские конституционные теории от сэра Джона Фортеस्कью до сэра Джона Элиота» (1960, июль) может служить типичным примером бесплодности отвлеченного формально-юридического подхода к взглядам мыслителей и идейным течениям, характерного для буржуазных историков политической мысли. Поставив своей целью проследить ее развитие в Англии в XV—XVII вв., то есть на грани средневековья и нового времени, автор ограничивается лишь формальным анализом концепций того или иного мыслителя и сравнением его с предшественниками и продолжателями. В результате вместо выявления сложного и многообразного процесса интенсивной идеологической борьбы, отражающего острые социальные конфликты периода разложения феодального способа производства и генезиса капитализма, в статье получилась лишь плоская и тощая схема: за два века в Англии перешли от защиты монархии, ограниченной сословно-представительными учреждениями, к обоснованию теории абсолютизма.

Содержание старейшего английского буржуазного исторического журнала отражает многие типичные черты современной буржуазной историографии. Это и игнорирование проблем современности, и отказ от признания закономерности исторического процесса, и отсутствие широких обобщений, и, наконец, мелкотемье и склонность к фактографии. Опасаясь, что подлинный научный анализ исторических фактов может привести к выводам, противоречащим классовым интересам буржуазии, многие буржуазные исследователи намеренно замалчивают неудобные им стороны действительности.

Б. А. Каменецкий

⁴ См. «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 190—191.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Историк ГДР о понятии «родина»
«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin.
 1962, № 3, S. 657—670.

В результате разгрома фашистской Германии перед немецким народом возникла реальная возможность навсегда покончить с милитаризмом и империализмом и создать единое, демократическое, миролюбивое государство. Однако по вине западных империалистических держав, выступивших в союзе с германским монополистическим капиталом, Германия оказалась расколотой на два государства. В связи с этим особую остроту приобрела национальная проблема. В статье историка ГДР Генриха Гемкова «О значении любви к родине и злоупотреблении ею»¹ исследуется содержание таких понятий, как «родина», «отечество», «нация», имеющих сегодня большое идейное и практическое значение для всего немецкого народа.

Подлинно гуманистическое, социалистическое понятие «родина», определяющееся прежде всего социальными, классовыми условиями, лишь сегодня — впервые в истории Германии — нашло свое практическое воплощение в лице ГДР.

Автор прослеживает историческую эволюцию понятия «родина», отмечая его классовый характер. В буржуазном обществе господствующий класс пытается навязать всем классам общества свое представление о родине, хотя, как известно, имеется принципиальное отличие между пониманием «родины» крестьянином и мелким буржуа города, крупным буржуа и рабочим.

При рассмотрении того, как буржуазия на разных этапах исторического развития использовала в своих интересах понятия «родина» и «отечество», автор делает ряд интересных наблюдений. В период, когда германская буржуазия выступала против феодального гнета и феодальной раздробленности, за национальное единство Германии, эта борьба поддерживалась народными массами. Требование единого германского отечества стало боевым знаменем нескольких десятков немецких «отечеств» в борьбе

против феодальной идеологии. Но как только немецкая буржуазия добилась осуществления своих классовых целей, она начала изменять национальным интересам. Это проявилось в предательской политике либеральной буржуазии, помешавшей в период революции 1848 г. национальному объединению Германии, а в последующем в создании германского государства не на демократической, а на прусско-милитаристской основе, в опруссачивании всей Германии.

Крупная немецкая буржуазия неоднократно использовала в преступных целях чувство любви к родине. Германская история последних столетий изобилует примерами того, как господствующие классы с помощью гнусной демагогии посылали немцев на поля сражений проливать кровь и умирать за «отечество».

Идеологи крупной немецкой буржуазии постоянно старались доказать, что интересы господствующих классов совпадают с общими интересами нации. Сегодня, справедливо замечает автор, на передний план они все более выдвигают космополитическое отрицание родины, отечества, нации, всех национальных традиций. Поэтому перед рабочим классом и всеми демократическими и миролюбивыми силами Западной Германии стоит задача постоянно разоблачать ложь буржуазной пропаганды и бороться за ликвидацию германского империализма, этого основного препятствия на пути создания единого, миролюбивого и демократического государства.

Реакционной идее национального нигилизма, проповедуемой в Западной Германии, должна быть противопоставлена идея любви к социалистической родине как имманентная составная часть социалистического патриотизма и национальных идей. Воспитание любви к социалистической родине тесно связано с воспитанием социалистического интернационализма, чувств любви и дружбы к Советскому Союзу и другим братским социалистическим странам.

Автор убедительно и конкретно показывает опасную для немецкого народа и всего миролюбивого человечества связь между космополитической, антинациональной пропагандой западногерманского империализма и агрессивной внешней политикой ФРГ. Он подчеркивает, что западногерманские реваншистские политики и гитлеровские генералы не представляют немецкий народ,

¹ Статья помещена в разделе «Дискуссии» и является одной из многих работ, опубликованных в последние годы в исторических и философских журналах ГДР по вопросу о понятии «родина».

что будущее всей Германии рождается в Германской Демократической Республике, интересы которой полностью соответствуют интересам большинства миролюбивых граждан Западной Германии. Автор подчеркивает в заключение статьи, что Германская Демократическая Республика, строящая социализм, стала подлинной родиной немецких трудящихся, первым социалистическим государством на немецкой земле.

А. С. Гроссман

Об аграрной реформе в Чили

«Principios». Santiago de Chile. 1962, № 89, pp. 11—20.

Аграрный вопрос является одной из самых актуальных проблем в Латинской Америке. Опасаясь широкого крестьянского движения за землю, правительства некоторых латиноамериканских стран вынуждены были в последнее время выдвинуть проекты аграрных реформ, которые, однако, носят половинчатый характер и не отвечают чаяниям трудящегося крестьянства Латинской Америки.

Видные деятели Коммунистической партии Чили Сесар Серда и Хуан Аумана выступили на страницах теоретического органа ЦК КПЧ с критикой проекта аграрной реформы правительства Алессандри и показали действительный смысл мероприятий правительства Чили в области сельского хозяйства.

Основным источником наделения крестьян землей правительство предполагает сделать заброшенные государственные земли или некоторые государственные имения типа «СНС» (имения органов национального здравоохранения). Авторы приводят примеры распродажи земель «СНС», в результате чего основная их часть оказалась в руках крупных землевладельцев. И только там, где крестьяне стойко защищали землю, на которой они работали, земля осталась в их руках.

Определенную часть фонда должны составить земли, экспроприированные у латифундистов. В одной из статей проекта реформы говорится, что экспроприации и распределению подлежат лишь пустоши и та часть земли латифундистов, которая, «согласно общественному мнению, плохо используется». Ясно, что данный проект оставляет в силе существование частных ла-

тифундий, поскольку любому землевладельцу нетрудно будет доказать, что его земля используется «хорошо».

Правительство Алессандри, заботясь об интересах латифундистов, заранее оговаривает в проекте реформы, что платежи помещикам за землю будут увеличиваться в соответствии с повышением цен в инфляционные периоды. Эта оговорка свидетельствует о классовом характере предлагаемой реформы, не затрагивающей интересы крупных собственников.

В проекте реформы ведется речь и о так называемых «хорошо используемых» землях. Относительно последних в проекте весьма абстрактно заявляется, что «экспроприации подлежит часть земли в том случае, если размеры владения превышают определенную ценность и объем». В этом случае за конфискованную часть земли государство будет платить помещикам наличными в том объеме, который будет установлен конституцией. Тем же помещикам правительство обещало снизить налоги с остальной части собственности.

Таким образом, правительственный проект аграрной реформы преследует основную цель — всемерно защитить интересы латифундистов, оставить землю в руках крупных землевладельцев. Правящие круги Чили стремятся обмануть чилийских крестьян, пытаясь отвлечь их от борьбы за радикальное решение аграрного вопроса.

Авторы останавливаются на важнейших положениях аграрной политики коммунистов, доказывая, что спасение крестьянства Чили только в борьбе за истинно народное правительство, которое проведет аграрные преобразования в интересах сельских трудящихся.

Коммунисты выдвигают требование конфискации земель всех крупных землевладельцев и передачу их тем, кто обрабатывает эти земли, — крестьянам и сельским рабочим. Крупные имения капиталистического типа, животноводческие фермы коммунисты предполагают сохранить, передав их в ведение кооперативов сельских рабочих или государства. Вместе с землей крестьянам должны быть переданы важнейшие средства производства — машины, сельскохозяйственный инвентарь, удобрения, семена и т. д.

Коммунисты указывают на необходимость постройки дорог, чтобы приблизить центры производства к центрам потребления, создания ирригационной системы, ко-

торая имеет в Чили очень важное значение.

Коммунистическая партия заявляет, что земли, отобранные у индейских общин, должны быть возвращены им обратно. В числе мероприятий предусматривается самая широкая организация индейцев с целью объединения их в комитеты, профсоюзы, кооперативы и т. д.

Аграрная реформа такого рода в интересах не только крестьян, но и всего народа, так как передача земли крестьянам обеспечит народ продуктами питания и повысит, в свою очередь, покупательную способность крестьянских масс. Создание широкого внутреннего рынка, несомненно, скажется на торговле и промышленности, обеспечив полную занятость и рабочих и широких слоев интеллигенции, которые в настоящее время в Чили не находят должного применения своим силам.

Авторы статьи отмечают, что осуществление аграрной реформы явится лишь одной стороной антиимпериалистической, антифеодальной, демократической борьбы чилийских трудящихся. Чилийцам наряду с аграрной реформой необходимо добиться возврата своих национальных богатств, которые находятся в руках иностранных, главным образом американских, монополий. Разрешение таких задач возможно только при создании подлинно народного правительства, которое, опираясь на трудящихся, будет способно осуществить все эти преобразования.

В мае 1961 г. в Чили была создана Национальная федерация крестьян и индейцев, возглавившая при помощи Единого профсоюзного центра чилийских трудящихся мощное движение крестьян и индейцев за землю (движение индейцев-мапучи за возврат отобранной у них земли) и движение крестьян и сельскохозяйственных рабочих за удовлетворение их насущных требований (организация стачек, создание профсоюзов, созыв конгрессов и т. д.). В некоторых районах страны в деревнях были созданы ячейки коммунистической партии, которые возглавляют борьбу крестьян за удовлетворение их насущных нужд.

Компартия Чили в последнее время, особенно после XII съезда, состоявшегося в марте 1962 г., усилила борьбу за создание союза рабочего класса и крестьянства, без которого невозможно осуществить подлинно демократические преобразования в стране.

А. Д. Галкина

СССР и нейтральные государства в годы второй мировой войны

«The International and Comparative Law Quarterly». London. Vol. 11, pt. 1, 1962, pp. 171—230.

Американский юрист Дж. Гинсбургс — автор статьи об отношении СССР к нейтральным государствам в годы второй мировой войны — справедливо указывает на неразработанность проблемы нейтралитета в этот период. Он не без основания утверждает, что классический нейтралитет тогда практически имел весьма малое распространение, что его фактическое содержание свелось попросту к неучастию регулярных вооруженных сил нейтрального государства в военных действиях.

Гинсбургс рассматривает отдельные аспекты нейтралитета (в торговле, морской войне, использовании территории и пр.) таких стран, как Швеция, Швейцария, Турция и Испания. Он широко использует советские документальные публикации, исследования, вышедшие, однако, преимущественно до 1953 г., и дает в целом верную, хотя и далеко не полную картину отношения Советского правительства, а также западных союзных правительств к тем европейским государствам, которые не участвовали в войне. Приведя множество убедительных фактов о поддержке держав оси со стороны Швеции, Швейцарии, Турции и особенно Испании, длинный и достоверный список нарушений нейтралитета в пользу фашистских держав, Гинсбургс переходит к обобщениям, на которых мы и хотим далее остановиться.

Опираясь на выдержки из советской публицистики и правовой литературы периода войны и первых послевоенных лет, автор пытается создать у читателя впечатление, будто Советский Союз особо враждебно был настроен по отношению к нейтральным государствам. «В том или ином смысле все нейтралы периода второй мировой войны получили свою долю порицаний от советских властей». Гинсбургс забывает при этом, что сам он сообщил об отношении к нейтралам западных союзников — их политика была в этом смысле ничуть не менее требовательной (например, политика США и Англии в отношении Швеции в 1943—1945 гг.). Он забывает и о том, что к Советскому Союзу, на долю которого выпали главные тяготы войны и наибольшие

потери, указанные нейтральные государства относились враждебно. При всех колебаниях внешнеполитической ориентации нейтралов их фашистские или буржуазно-демократические правительства обычно выбирали лишь из двух ориентаций—проанглийской (проамериканской) и прогерманской, неизменно оставаясь враждебными Стране Советов. Только после перелома в ходе войны—да и то не сразу—отдельные нейтральные страны приняли меры к улучшению своих отношений с СССР. А между тем Советский Союз не допустил за весь период 1939—1945 гг. никаких нарушений нейтралитета, будь то в отношении Швеции, Турции, Швейцарии или даже Испании.

Американский автор берет под защиту «бедных» нейтралов военного периода от «строгости» Советского Союза. А эта «строгость» в действительности заключалась в том, что СССР требовал от нейтральных государств верности духу и букве Гаагских конвенций! Предъявляемые Советскому Союзу столь нелепые обвинения, оказывается, нужны Гинсбургу для того, чтобы, проводя параллель между отношениями СССР и нейтралов в период второй мировой войны и в современный период, посеять сомнение в искренности советской политики поддержки «неприсоединившихся», нейтралистских государств. Гинсбург пытается выдать формулировки советской публицистики и международно-правовой литературы предвоенных, военных и первых послевоенных лет за вечные и неизменные оценки политики нейтралитета. Нейтралитет отнюдь не есть какое-то абсолютное благо, и не при всех условиях он заслуживает похвал. О каких похвалах в адрес Швеции, Швейцарии, Турции и Испании в период второй мировой войны может идти речь, если они систематически нарушали свой нейтралитет! С другой стороны, столь же несостоятельны попытки автора провести параллель между нейтральными государствами периода войны и современными нейтральными странами. Позитивный нейтрализм «неприсоединившихся» государств нашего времени не только отвечает букве и духу международного права, но и положительно влияет на международную политику, способствует росту сил, выступающих за мир, разоружение и сотрудничество государств с разным общественно-политическим строем.

А. С. Кан

Прогрессивные ученые в борьбе за мир

«Рэкисигаку кэнкю». Токио. 1962, № 10 (269), стр. 10—14.

Одной из могущественных сил современности является борьба народов за сохранение мира. Не остаются в стороне от этой борьбы и прогрессивные ученые, стремящиеся к тому, чтобы науку, в области которой они работают, поставить на службу дела мира. В этом отношении представляет интерес статья видного японского историка Бокуро Эгути, озаглавленная «Место историографии в современном обществе». Хотя, по нашему мнению, статья далеко не исчерпывает существа поставленной темы и лишь ставит отдельные проблемы, это выступление японского ученого интересно как отражение стремления прогрессивных японских историков определить роль и место отечественной историографии в эпоху, когда, как подчеркивает сам автор, самой значительной проблемой является проблема мира. Это обстоятельство привело, как говорит автор, к повороту в методах научного исследования различных конкретных проблем. Многообразные самостоятельные движения масс являются отличительной особенностью современной эпохи. Усиление роли народных масс в историческом процессе породило необходимость переосмыслить многие ранее сложившиеся в буржуазной науке концепции по таким проблемам, как «нация», «культура», «классовая борьба», «международные противоречия» и др.

Долг ученых, подчеркивает Бокуро Эгути,—организовать широкое сотрудничество для того, чтобы преградить путь войне. Необходимость такого сотрудничества, понимаемого в широком смысле слова, определяется и нынешним уровнем развития науки и задачами, стоящими перед ней. Автор отмечает, что и в области общественных наук, включая историографию, метод синтеза в исследовании научных проблем, основанный на сотрудничестве смежных отраслей науки, приобрел весьма важное значение. Указывая на положительную роль создания органов такого совместного научного сотрудничества и развития международного научного обмена, автор напоминает, что еще более важным является вопрос об общественной направленности этого метода научных исследований.

Останавливаясь на вопросах междуна-

родного научного обмена, Бокуро Эгути подчеркивает, что в современных условиях его значение выходит за пределы лишь взаимной научной информации. Развитие международного научного обмена должно служить усилению взаимопонимания между народами в интересах упрочения всеобщего мира. В развитии международных научных связей важное значение приобретает подход к решению проблемы мира. Автор с удовлетворением отмечает, что «Общество изучения истории» сделало многое для того, чтобы японские историки осознали свою общественную ответственность. Об этом, в частности, говорит деятельность историков, входящих в Научный совет Японии, их позиция по вопросам работы японо-американской комиссии по научному сотрудничеству¹, по вопросам развития международных связей и ряду других.

С. Л. Будкевич

¹ См. «Вопросы истории». 1962, № 10, стр. 190—192.

Брань вместо критики

«*The Journal of Asian Studies*». Ann Arbor. Vol. XXII, № 1, November 1962, pp. 89—94.

В журнале помещена рецензия Т. Френда на книги советского историка Г. Левинсона и французского ученого Ж. Фишера, посвященные истории Филиппин в XX веке¹. Оспаривая отдельные утверждения французского автора, рецензент в целом дает высокую оценку его труду. Что касается книг Г. Левинсона, то Френд решительно осуждает концепцию автора.

В принципе никто не может оспорить права рецензента на то, чтобы предъявить автору любого труда самые тяжкие обвинения. Но на рецензенте лежит и обязанность доказать справедливость этих обвинений. Например, если рецензент характеризует ту или иную концепцию автора как «бред», то он по крайней мере должен привести какие-либо убедительные аргументы для ее опровержения. Если автора обвиняют в том, что он пользуется «сомнительной статистикой», то нужно указать, какие

именно статистические данные вызывают сомнения. Следует отметить, однако, что рецензия Френда не отвечает этим элементарным требованиям. Обратимся конкретно к возражениям и обвинениям, выдвинутым Френдом.

Цитируя отдельные выдержки из труда Г. Левинсона, в которых характеризуются причины, побудившие правящие круги США предоставить Филиппинам автономию, Френд создает впечатление, что Г. Левинсон относит к числу таких причин лишь факторы военно-стратегического характера. На самом же деле Г. Левинсон придерживается совершенно иной точки зрения. «В 1934 г., — пишет он, — США перед лицом подъема рабочего и крестьянского движения и обострения противоречий с местной буржуазией оказались вынужденными обнародовать закон, по которому Филиппинам была обещана независимость через 10 лет...»². Автор, пользуясь обильным фактическим материалом, показывает рост национально-освободительного движения на Филиппинах в период мирового экономического кризиса, подчеркивая, что во всех сколько-нибудь значительных выступлениях этих лет требование независимости Филиппин было центральным и самым властным требованием возмущенного народа. Вместе с тем, продолжает Г. Левинсон, необходимость реформы колониального управления диктовалась отчасти стратегическими и дипломатическими соображениями: стремлением обеспечить себе спокойный тыл на Филиппинах в случае войны. Не будучи готовыми к столкновению с Японией, США желали успокоить ее правителей, достигнув временной договоренности с ними. В конечном счете такая позиция США должна была способствовать развязыванию войны против СССР.

Оказывается, по мнению Френда, соображения Г. Левинсона должны быть отвергнуты как «смехотворные» и «бредовые» по той причине, что США в начале 30-х годов были жертвой экономического кризиса и придерживались политики изоляционизма. Здесь не место выяснять сущность изоляционизма США, но Френду должно быть понятно, что политика уступок Японии, которая вела в то время захватническую войну против Китая и готовила войну против СССР, вполне укладывалась в рамки изоляционизма.

¹ Г. И. Левинсон. Филиппины между первой и второй мировыми войнами. М. 1958; его же. Филиппины вчера и сегодня. М. 1959; G. Fischer. Un cas de décolonisation. Les Etats-Unis et les Philippines. Paris. 1960.

² Г. И. Левинсон. Филиппины вчера и сегодня, стр. 3.

Френд пишет далее, что Г. Левинсон обходит молчанием факт выступления «профсоюзных лобби» за предоставление автономии Филиппинам: он якобы боится касаться вопроса о том, почему профсоюзы выступали за автономию. Рецензент сам отвечает на этот вопрос: «Пролетарии Америки были враждебно настроены к своим филиппинским братьям» и выступали против иммиграции дешевой филиппинской рабочей силы. Френд сообщает об этом с изрядной долей злорадства, полагая, что наносит этим серьезный удар по концепции автора. Г. Левинсон, по утверждению рецензента, боясь войти в противоречие с марксистско-ленинской идеей о единстве пролетариев всех стран, сознательно утаил то обстоятельство, что руководство Американской федерации труда противопоставляло интересы рабочих своей страны интересам рабочих колонии. Если бы Френд решил получить сколько-нибудь серьезное представление о «марксистской доктрине», которая вызывает в нем такую злобу, он узнал бы, что марксистско-ленинские партии, провозглашая принцип пролетарского интернационализма, не закрывают глаза на то, что определенная часть рабочего класса капиталистических стран заражена социал-шовинизмом, и ведут против последнего непримиримую борьбу.

Френд совершенно необоснованно обвиняет Г. Левинсона в том, будто он считает «неудобным» признать, что филиппинская буржуазия «рано возглавила националистическое движение и добилась в вопросе о независимости достаточных успехов, чтобы повести за собой массы» и что филиппинский «предпринимательский класс» в гораздо меньшей степени является антиимпериалистическим, чем антикоммунистическим. Если раньше мы предполагали, что Френд, читая работы Г. Левинсона, пропустил несколько десятков страниц, то здесь у нас зародилось сомнение: а читал ли рецензент книги Г. Левинсона? Ведь мысль о том, что филиппинская буржуазия в конечном счете сумела возглавить движение за независимость и заключить компромисс с США за счет филиппинского народа, что, уstraшенная размахом революционного национально-освободительного движения, она оказалась в лагере антикоммунистической реакции,— эта мысль является одной из основных в трудах Г. Левинсона. Вместе с тем Г. Левинсон рисует картину революционной борьбы, возглавляемой Коммунистической

партией. Добавим еще, что если марксизм-ленинизм в принципе считает национальную буржуазию колониальной или полуколониальной страны способной на выступление против империализма совместно с трудящимися массами, то он в то же время не отрицает и возможности перехода национальной буржуазии на позиции антикоммунизма.

Концепции Г. Левинсона и рецензента расходятся самым решительным образом. Точка зрения рецензента на важнейшие вопросы истории Филиппин представляется нам абсолютно ненаучной. Френд полагает, например, что США явились «капиталистической державой, добровольно согласившейся предоставить независимость колонии»; он склонен объяснить экономическую и культурную отсталость Филиппин не беспощадной колониальной эксплуатацией, которой подвергался филиппинский народ, а «предрасположением» этого народа к отсталости, «консерватизмом», «провинциализмом», «антиэкспериментализмом» филиппинского крестьянина. Все эти обстоятельства затрудняют, по мнению Френда, восприятие «демократической эволюции» и «социальных улучшений», которые были принесены американцами. Книги Г. Левинсона убедительно показывают всю несостоятельность такой точки зрения. Происхождение и политическое значение подобных «концепций» также не составляют секрета: они наилучшим образом соответствуют интересам тех, кто вот уже более полувека наживается на крови и поте филиппинского народа.

Тон, которым написана рецензия Френда, вызывает глубокое возмущение. Брань по адресу оппонента — явление недопустимое в любом споре, тем более в научном, когда ею пытаются подменить аргументацию. Особенную злобу Френда вызывает то обстоятельство, что работы Г. Левинсона написаны с позиций марксистско-ленинского учения. Но Френду придется примириться с тем фактом, что советская историческая наука вторгается в такие области, которые до сих пор были заповедным полем буржуазной историографии.

В заключение заметим, что мы не ошиблись, предположив, что Френд не читал рецензируемых книг. Он не знает русского языка и ознакомился с содержанием книг Г. Левинсона по обзору, составленному другим лицом, в чем, кстати говоря, рецензент не стыдится признаться своим чита-

телям. Между прочим, газета «Manila Chronicle», поспешившая перепечатать рецензию Френда в своем субботнем приложении 26 января 1963 г., опустила место, из которого следует, что Френд не знает русского языка.

А. Б. Резников

*Новые факты о колонизаторских
планах кайзеровской Германии
в Прибалтике в 1918 году*

«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1962, Hf. 4, S. 563—580.

Западногерманская реакционная историография прилагает в настоящее время немало усилий, чтобы обелить захватнический германский империализм, в частности хищническую политику «натиска на Восток». В связи с этим выдвигаются версии об «освободительной миссии», которую якобы взяла на себя кайзеровская монархия в период первой мировой войны в отношении оккупированных ею территорий бывшей царской империи, в частности прибалтийских стран. Долго хранившиеся в секретных досье германских архивов и теперь частично опубликованные в вышеуказанном журнале западногерманским историком Гердом Линде материалы, связанные с подготовкой весной — летом 1918 г. так называемых «союзных договоров», которыми кайзеровское правительство намеревалось юридически оформить свои отношения с марионеточными правительствами «герцогства Курляндского» и «Великого княжества Литовского», проливают яркий свет на действительные далеко идущие планы германских империалистов в отношении будущего захваченных ими территорий. Следует отметить, что, как вытекает из опубликованных материалов, проекты договоров для Курляндии и Литвы предполагалось разработать с учетом возможного их применения в будущем к Эстонии и Латвии.

«Союзные отношения» германской империи с прибалтийскими государствами, устанавливавшиеся по договорам (которые, заметим, объявлялись «нерасторжимыми»), лишали эти государства какого-либо намека на внутреннюю автономию: установление и сбор налогов, банковская система, почтовое дело — все это, вплоть до назначения налоговых и почтовых чиновников, объявлялось, согласно проектам договоров, исключительной прерогативой «рейха».

Картина, соответствующая самым махровым образцам колониального режима, дополнялась тем обстоятельством, что население обрекалось на полное политическое бесправие. Оно должно было подчиняться всем имперским законам, будучи в то же время лишено возможности даже участвовать в выборах в имперский рейхстаг (в качестве максимума для «союзных государств» предусматривалось право представительства в бундесрате, и то с совещательным голосом). Чьи интересы призвана была оберегать колониальная администрация, показывают специально внесенные в договоры пункты о необходимости «содействовать» интересам германских промышленников. Предполагаемые договоры должны были также юридически закрепить превращение Прибалтики в плацдарм для дальнейшего развертывания «Drang nach Osten», недаром в них специально оговаривалось право имперского правительства строить «по собственному усмотрению» стратегические железные и шоссейные дороги.

Таким образом, оккупированная германскими войсками Прибалтика должна была стать объектом беспощадной колониальной эксплуатации (кстати сказать, в качестве первого «благоденствия» кайзеровское правительство намеревалось заставить «союзные государства» выплатить 8 млрд. марок якобы для покрытия военных расходов на их «освобождение»).

Факты, приводимые в статье западногерманского историка, говорят сами за себя. Следует, однако, заметить, что, описывая обсуждение проектов договоров, состоявшееся 18 мая 1918 г. в министерстве внутренних дел, и дальнейшие переговоры, автор стремится акцентировать внимание читателя главным образом на частных разногласиях, имевших место между различными инстанциями бюрократического аппарата монархии в отношении отдельных положений договоров; на протяжении всей статьи он старательно избегает определенных и четких оценок; очевидно его стремление преуменьшить значение разрабатывавшихся документов, представить юридическую подготовку колониального захвата как отдельный, не слишком значительный эпизод.

Несмотря на то, что автор многого недоговаривает¹, содержащиеся в статье фак-

¹ Публикуя тексты проектов договоров, Г. Линде некоторые разделы целиком опускает (например, военные статьи до-

тические данные, несомненно, представляют интерес для исторической науки, и в частности для борьбы с буржуазными фальсификаторами истории.

А. М. Филитов

говоров), другие подвергает соответствующей обработке (например, раздел, касающийся налоговой системы).

Западногерманские землячества — поборники идей реваншизма и войны

«*Dokumentation der Zeit*». Informations-Archiv. Berlin. 1963. Hf. 277, S. 25—30.

В журнале, издаваемом Немецким институтом современной истории (ГДР), Г. Зандер в статье «Землячества как наиболее агрессивные поборники планов, направленных на установление господства западногерманского империализма» осуществил и снабдил комментарием подборку текстов из ряда периодических изданий ФРГ, неопровержимо свидетельствующую об антинародной, реакционной деятельности западногерманских землячеств.

В Германии издавна существовали объединения земляков. Они возникали при университетах, среди немецких колонистов за рубежом и т. д. В годы второй мировой войны традиции старинных землячеств были использованы фашистами для консолидации всех «истинных немцев» на захваченных гитлеровской Германией территориях, чтобы создать социальную опору «третьему рейху». После войны ряд фашистских преступников, укрывшихся в Западной Германии, занялся восстановлением такого рода организаций, чтобы сплотить в них «перемещенных лиц». Возникли землячества силезское, поморское, восточнопрусское, судетское и другие. Их членам предоставлялись работа, жилище, а за это требовалось активное участие во всех политических «мероприятиях» и прежде всего в пропаганде реваншистской войны под лозунгом «возвращения Германии земель к востоку от линии Одер—Нейссе».

На первом этапе после войны (1945—1949 гг.) руководители землячеств занимались установлением контактов с оккупационными властями в Западной Германии и собиранием сил, предпочитая не выходить из подполья. После образования ФРГ землячества были оформлены официально; их

члены приступили к антипольской, античешской, антисоветской пропаганде; некоторые из них, проникнув в ГДР, приняли участие в фашистском мятеже 1953 года. Потеряв надежду на успех контрреволюционного восстания, фашистско-милитаристские круги ФРГ нацелили землячества на роль поставщиков солдат для западногерманской армии, а также пятой колонны в ГДР, связывая их лидеров со шпионскими организациями и руководством бундсвера.

Как известно, 27 ноября 1958 г. Советское правительство внесло предложение о превращении Западного Берлина — очага агрессии, антидемократических провокаций и шпионажа — в демилитаризованный, нейтральный вольный город. Реакцией на это было, в частности, создание в ФРГ 14 декабря 1958 г. «Союза изгнанников», в который объединились все землячества. Они открыто провозгласили своей задачей срыв любой инициативы демократических и прогрессивных сил, направленной на решение германского вопроса в интересах немецких трудящихся; они постоянно распространяют клевету и ложь о миролюбивой политике СССР, о ГДР, выступают против мирного урегулирования проблемы Западного Берлина. Таково лицо землячеств на сегодняшний день.

Признавая все значение проделанной Г. Зандером работы, мы считаем, однако, необходимым выразить сожаление, что автор не обратил более пристального внимания на два существенных момента. Один из них заключается в том, что землячества пытаются действовать не только среди «перемещенных лиц», но и среди эмигрантов (или их потомков), давно покинувших Германию и проживающих ныне в разных странах мира. Ведя среди них пропаганду в духе пресловутого пангерманизма¹, представители землячеств рассчитывают таким путем укрепить свое положение в международном масштабе. Второй момент состоит в том, что землячества нередко используют для маскировки своих целей посреднические организации. Особенно излюбленным посредником является у них церковь²,

¹ Z. B.: «*Neue Kommentare*», 1962, Hf. 15—16, S. 17—23; Hf. 17, S. 1—7, «*Österreichische Osthefte*», 1962, № 4, S. 338—341; «*Osteuropa-Wirtschaft*», 1962, Hf. 2, S. 151—155; «*Südostdeutsche Vierteljahresblätter*», 1962, Hf. 2, S. 72—75.

² H. Bertsch CDU/CSU demaskiert. Berlin. 1961, S. 205—211, 347—351, 588—596.

как евангелическая³, так и католическая⁴, а в рамках последней — так называемое «Шёнштаттское движение»⁵.

А. Я. Шельский

³ «Die Welt», Ausg. «B», № 177, I.VIII. 1962, S. 4; «Kirche im Osten». Bd. I. 1958.

⁴ «Deutscher Ostdienst/dod», 1962, Hf. 42, S. 5; «Königsteiner Jahrbüchlein». Limburg. 1961, S. 79.

⁵ H. Mohr. Das katholische Apostolat. Berlin. 1962, S. 186—189, 220—226.

По поводу одной полемики в прессе ФРГ

В 1962 г. в западногерманской печати развернулась интересная полемика в связи с выходом в свет монографии М. С. Восленского «Внешняя политика и партии ФРГ» (М. 1961). Книга М. С. Восленского — первое в советской исторической литературе исследование, посвященное внешней политике ФРГ в целом. Автор не ограничивается рассмотрением внешнеполитического курса Бонна, но внимательно анализирует расстановку сил в западногерманских партиях по вопросам внешней политики. Исследование М. С. Восленского получило положительную оценку в нашей исторической периодике¹.

Однако монография советского историка, дающая объективный анализ положения в ФРГ, пришлось не по вкусу некоторым представителям влиятельных кругов Бонна. 21 апреля 1962 г. весьма близкая к правительственным сферам ФРГ газета «Frankfurter Allgemeine Zeitung» поместила рецензию, написанную членом редколлегии Перценом. Газета голословно обвиняла автора в «искажении» внешнеполитических установок западногерманских реваншистов. Боннскому официозу не нравится в книге М. С. Восленского решительно все: и то, что автор опирается в своей работе на высказывания В. И. Ленина, на партийные документы и заявления главы Советского правительства Н. С. Хрущева; и то, что автор говорит о господстве монополий в экономике и политике ФРГ, о реваншизме, об опасном росте милитаризма, о стремлении Бонна получить ядерное оружие. Газета выразила неудовольствие даже по поводу того, что работа снабжена научным аппаратом.

Чтобы преуменьшить значение приводимых в книге агрессивных высказываний боннских руководителей, рецензент пытался убедить читателей, будто эти высказывания взяты автором из «мало кем читаемых захолустных газет».

М. С. Восленский направил в редакцию газеты письмо, убедительно проаргументировав в нем свои тезисы. При этом, приводя ряд процитированных им в книге реваншистских заявлений правителей ФРГ, М. С. Восленский указал, в каких именно номерах самой «Frankfurter Allgemeine Zeitung» они были опубликованы. Вот несколько примеров. Аденауэр: «Я уверен, что все переговоры с Советами должны основываться на силе» (13.IV.1955); Оберлендер (в бытность его министром): «Предпосылкой к возвращению (немцев-переселенцев из Польши.— И. К.) является присоединение (западных областей Польши к ФРГ.— И. К.)» (14.XI.1959); Вальдемар Крафт (также бывший министр ФРГ): «Боннское требование восстановить границы Германии 1937 г. является недомыслием, так как означает готовность списать со счета Судетскую область, Западную Пруссию, Данциг и область Мемеля» (5. VI. 1953). Чтобы сохранить в глазах читателей видимость объективности, газета напечатала это письмо М. С. Восленского².

Полемика, поставившая боннский официоз в неловкое положение, привлекла внимание западногерманской общественности. Газета «Unsere Zeit» посвятила ей целую страницу под заголовком «Полемика между Франкфуртом и Москвой», назвав ее «интересным диалогом»³. М. С. Восленский получил ряд писем от читателей «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Ему писали книготорговец из Мюнстера, коммерсант из Штутгарта, ученый из Касселя, рабочий из Рейнфельдена, публицист из Бремена. Все они выражали несогласие с позицией газеты и высказывались за улучшение отношений между ФРГ и Советским Союзом. Когда советский автор попросил редакцию опубликовать его ответ написавшим ему читателям газеты, «Frankfurter Allgemeine Zeitung» не рискнула выполнить эту просьбу, а предпочла отказать, сославшись на недостаток места⁴. Но место нашлось в других западногерманских газетах. В конце

² «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 27.VI. 1962.

³ «Unsere Zeit», 2. Juli-Ausgabe, 1962.

⁴ См. «Unsere Zeit», 1962, № 16.

¹ См. «Новая и новейшая история», 1962, № 6.

декабря 1962 г. «Unsere Zeit» опубликовала ответ М. С. Восленского его корреспондентам из ФРГ под красноречивым заголовком «Письмо, которое «Frankfurter Allgemeine Zeitung» утаила от своих читателей»⁵.

Орган партии «Союз немцев» газета «Deutsche Volkszeitung» также опубликовала целую полосу, озаглавив ее «Федеративная Республика глазами советского историка. Михаил Восленский: боннская политика препятствует улучшению германо-советских отношений». Газета поместила краткий редакционный комментарий, вводивший читателя в курс дела, текст рецензии «Frankfurter Allgemeine Zeitung», полный текст авторского ответа на эту рецензию, ответ М. С. Восленского на письма читателей «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и перевод отрывка из книги, посвященного «Союзу немцев»⁶.

На эту публикацию вновь последовали читательские отклики. Так, в газете «Deutsche Volkszeitung» за 8 февраля 1963 г. было опубликовано письмо читателя из Марбурга Пауля Понке под названием «Перцген против Восленского». В письме говорится: «Трагедия западногерманских рецензий состоит в том, что, говоря о произведениях иностранных — особенно советских — авторов, рецензенты стоят на позициях самодовольства и воскурения фимиама германской истории. Поэтому рецензии, публикуемые в ФРГ, далеко не всегда дают объективную оценку. Что касается Перцгена, то, по-видимому, внимательное рассмотрение Михаилом Восленским «политики воображаемой силы» ему не по вкусу; он, видимо, не может понять, что нам пришлось бы оказаться в атомном огне во имя воссоединения Германии и «интеграции до Урала», если бы мы захотели следовать принятым в Бонне американским концепциям, обязывающим нас, по выражению Штрауса, «принять на себя связанный с этим риск...». Понять это и прийти к тем же выводам, к которым приходит Восленский, можно не обязательно в результате «коммунистической инфильтрации», а просто обладая здравым человеческим рассудком».

Полемика между советским историком и западногерманской газетой весьма показательна. Боннский официоз не смог противопоставить никаких аргументов данному в книге М. С. Восленского марксистскому анализу внешней политики ФРГ и отноше-

ния к ней западногерманских партий. Характерна эта полемика и тем, что никто из заинтересовавшихся дискуссионной газет и читателей в ФРГ не выступил на стороне аденауэровского органа. Напротив, в разных формах они осудили внешнеполитическую линию канцлера Аденауэра. В этой полемике отразилась растущая изоляция руководителей внешней политики Бонна, рассмотрению которой и посвящена монография М. С. Восленского.

И. С. Кремер

Миф о «классовом сотрудничестве» в США

«Labor History». New York. 1962, vol. 3, № 3, pp. 265—286.

Американский буржуазный историк Дж. Смит стремится в своей статье доказать наличие «классового мира» в Соединенных Штатах Америки, якобы достигнутого в годы президентства Вудро Вильсона благодаря его личному «новому подходу» к рабочей проблеме. В эту эпоху, по утверждению автора, было положено начало новым отношениям между федеральным правительством и организованными рабочими, что привело к настоящему сотрудничеству, если не к действительной дружбе.

В изображении Смита президент США — лицо, которое стояло над классами, не представляло чьих-либо интересов, а руководствовалось в своей внутренней и внешней политике соображениями «здорового смысла». Такой подход к проблеме вытекает из желания Смита избежать анализа социально-экономических и политических процессов американской жизни, классовых противоречий и классовой борьбы, носившей исключительно острый характер. Как показывают исторические факты, в этих условиях Вильсон проводил империалистическую политику в интересах крупнейших капиталистических магнатов. Действуя в согласии с монополистической буржуазией, он демагогически выступил с программой «прогрессивных» реформ, страшая широкого движения американского народа за ограничение власти монополий, за расширение демократических прав, боясь непрекращавшейся стачечной борьбы рабочих. Смит же объясняет этот вынужденный шаг «личными качествами» президента.

Выразителем интересов всех организованных рабочих США у Смита выступает

⁵ Ibid.

⁶ «Deutsche Volkszeitung», 21.XII.1962.

известный профсоюзный бюрократ, ставший орудием в руках американской империалистической буржуазии, С. Гомперс. Не скупясь на восторженные эпитеты, автор воспроизводит картину сентиментального «содружества» гомперсистов с президентом. Вместе с тем Смит понимает истинную основу этой дружбы. Он пишет, что в Гомперсе Вильсон ценил больше всего «консерватизм во взглядах на рабочую проблему», а это имело особое значение в условиях роста радикальных настроений в американском рабочем движении. Гомперс, как известно, активно сотрудничал с предпринимателями в различных организациях при администрации Вильсона (Совет национальной обороны, Национальный военный совет труда и др.). При его непосредственном участии составлялись программы увеличения военного производства в США и борьбы с рабочим движением, со стачками. Действуя в содружестве с монополиями, гомперсисты отказывали неорганизованным рабочим в праве на объединение во время войны. Гомперс оказывал огромную услугу американской буржуазии, выступая с шовинистической пропагандой против пролетарского интернационализма и международной солидарности рабочих.

Дж. Смит выдает за образец сотрудничества деятельность созданных Вильсоном организаций по регулированию отношений рабочих с предпринимателями и предотвращению «конфликтов» в промышленности. Создается впечатление, что автор преднамеренно стремится отвлечь внимание читателей от классовой борьбы, которая характеризовала американскую действительность в годы первой мировой войны. Несмотря на всемерные репрессии и запреты (бастующие рабочие во время войны могли быть объявлены государственными преступниками), стачечное движение росло. Только в 1917—1918 гг. в нем участвовало 2,5 млн. человек¹. При Вильсоне были приняты законы о шпионаже, о мятежах, на основании которых тысячи рабочих — членов ИРМ и социалистов подверглись жестоким репрессиям, террору, избиениям. Именно по этому поводу В. И. Ленин гневно писал осенью 1918 г.: «Американская «республика» душит рабочий класс»². Эти факты опровергают утверждения Смита о «сотрудничестве и дружбе»

между рабочими и правительством в годы президентства Вильсона.

Автор защищает крайне реакционную внутреннюю политику американского правительства в годы послевоенного революционного подъема. Как известно, победа Октябрьской революции вызвала бурное развитие рабочего движения во всем мире. В 1919 г. в США бастовало более 4 млн. человек, огромный резонанс вызвали стачки в сталелитейной и угольной промышленности. В Соединенных Штатах образовалась коммунистическая партия. Для Смита эти события не являются определяющими в характеристике внутривластной жизни страны. Он занят прежде всего бесплодной попыткой доказать, что политика Вильсона в рабочем вопросе «осталась прежней». Полицейский террор, непрекращавшиеся «рейды Пальмера», линчевания, убийства, преследования прогрессивных деятелей и организаций, а также использование правительственных войск для подавления стачечного движения — все это, по Смицу, лишь «незначительные», «несущественные» изменения в «дружественной» политике правительства Вильсона в рабочем вопросе. Очевидна полная беспомощность автора, когда он пытается объяснить разгул реакции во всей стране какими-то частными ошибками правительства (не президента!). Для подтверждения непричастности последнего ко всем репрессиям автор ссылается на его болезнь, на неудачи его политики на международной арене и т. д. Смит приводит также рождественские поздравительные телеграммы лидера «организованных рабочих» С. Гомперса президенту Вильсону. Но это лишь компрометирует Гомперса в глазах пролетарских масс, интересы которых были чужды профсоюзным бюрократам в Американской федерации труда.

Статья Смита свидетельствует о том, что реакционные американские историки неперестанно прибегают к грубым, но тщетным попыткам стереть в памяти современников события революционного прошлого американского пролетариата, внушить читателям идеи о «сотрудничестве классов» в США. Но история неизменно подтверждает ленинское положение об обострении, углублении антагонистических классовых противоречий в эпоху империализма во всех странах капитала, в том числе и в Соединенных Штатах Америки.

С. М. Аскольдова

¹ «The American Labor Year Book. 1919—1920». New York. 1920, p. 163.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 164.

*Новые тенденции в изучении
истории американской революции
XVIII века*

«Past and Present». Oxford. November 1962, № 23, pp. 44—56.

Преподаватель Бристольского университета (Англия) П. Маршалл в английском журнале, органе прогрессивных историков, делает попытку оценить современное состояние изучения в США истории американской революции XVIII века. Наблюдения автора, отмечающего некоторые новые тенденции в подходе американских историков к этому вопросу, представляют несомненный интерес.

Наиболее характерной чертой новейшей американской историографии данной проблемы автор статьи считает очевидный отход от концепций так называемой либеральной школы конца XIX — начала XX века. Виднейшие представители последней — Ч. Бирд, К. Беккер, А. Шлезингер и другие, положившие начало научному изучению революции, отвергали ее понимание как чисто конституционного конфликта, подчеркивали роль в ней социальных и экономических мотивов и пытались выявить интересы отдельных классов и классовых групп. В американских исторических работах последнего десятилетия, пишет автор, наблюдается настойчивое стремление развенчать эти работы, подвергнуть сомнению и оспорить их основные положения.

В первую очередь автор отмечает стремление умалить размах борьбы между Англией и ее колониями, представить ее как чисто локальный конфликт, нечто вроде «семейного разлада». Не случайно известный историк Пальмер озаглавил свою новую книгу многозначительным вопросом «Была ли вообще революция?». Наряду с этим подвергается резким нападкам экономическое истолкование революции. Характеристику, которую Ч. Бирд дал американской конституции 1787 г., назвав ее экономическим документом, некоторые новейшие историки объявили «грязным материализмом». Отвергая социальное понимание причин революции и отказываясь от выявления классовых интересов, они все чаще возвращаются к идеалистической концепции американского историка XIX в. Бэнкрофта, который на первый план в революции выдвигал борьбу американцев за политическую и в особенности религиозную сво-

боду. Наконец, как указывает автор, в новейших работах усиленно подчеркивается консервативный характер революции. Как выразился один историк, целью американской революции было «скорее предотвращение перемен, чем их поощрение».

Все сказанное, несомненно, свидетельствует о наличии определенных реакционных тенденций в новейшей американской историографии. Автор статьи, отмечая это, в то же время считает, что критика в адрес либеральной школы имела и некоторые положительные результаты, в частности, она вскрыла серьезные слабости в наследии этой школы. В заслугу американским историкам автор также ставит постановку ряда важных вопросов, которым либеральная школа не уделила внимания (например, проблемы складывания американской нации и др.). В процессе дискуссии, пишет автор, выявился также круг важных проблем экономической и социальной истории, которые были до сих пор заслонены в силу преувеличенного внимания к чисто военной истории революции и также нуждаются в глубоком и тщательном изучении.

Н. А. Ерофеев

*Политическая борьба в Византии
на рубеже XI и XII веков*

«Byzantinoslavica». XXIII. Prague. 1962, pp. 250—275.

Французский византист Б. Лейб известен рядом работ по истории Византии конца XI в. и критическим изданием «Алексиады» Анны Комнин — важнейшего источника для изучения империи тех лет. Его последняя статья посвящена заговорам против императора Алексея I Комнина (1081—1118). Б. Лейб подробно рассказывает о многочисленных выступлениях представителей византийской знати против основателя новой династии. В ту пору заговоры открывались повсеместно: императору приходилось день и ночь быть настороже, опасаясь подосланных убийц.

Почему же Алексею I, государю, выражавшему интересы феодальной знати, пришлось столкнуться со столь активным сопротивлением, исходившим как раз от высшей аристократии? По мнению автора, все дело сводилось к тому, что Алексей, узурпировавший власть в 1081 г., оставался в глазах многих вельмож выскочкой, чье происхождение и заслуги не оправдывали

внезапного взлета. К тому же многие аристократы (например, армянин Ариевис, братья Ааронии, потомки болгарского царя) принадлежали к народам, ограбленным Византией, и пытались вернуть прежние владения.

Нет сомнения, поднятый Б. Лейбом вопрос — о борьбе внутри господствующего класса в условиях утверждения династии Комнинов — весьма значителен. Однако, думается, данная статья немногим способствует его решению.

Действительно, основная часть ее — лишь пересказ соответствующих мест «Алексиады» без попыток проникнуть за внешнюю канву событий, описанных византийской принцессой, дочерью Алексея I, пересказ без критического анализа, без привлечения параллельных свидетельств других источников. Даже проблемы хронологии — в «Алексиаде» часто запутанной — не рассматриваются Лейбом. Некритическая зависимость от источника отчетливо проявляется в том, что автор сохраняет антикизированные этнонимы Анны Комнин: «скифы» вместо «печенеги», «далматы» вместо «сербь».

Далее, статья неполна. Б. Лейб сам оговаривает, что он не затрагивает движения псевдо-Диогена — движения, кстати сказать, упомянутого русской летописью под 1095 годом. (Между прочим, последняя знает поход еще одного сына Диогена против Алексея: в 1116 г. Леон Диогенович вторгся на византийскую территорию и занял ряд придунайских городов.) Но Б. Лейб — уже без всяких оговорок — опускает восстания на Крите и на Кипре, известные не только Анне Комнин, но и другим современным авторам — Зонаре и Николаю Мефонскому.

Наконец, и это главное, объяснения Б. Лейба скользят по поверхности явлений, ибо он ищет разгадку в личной неприязни высшей знати, не затрагивая более глубоких, социальных причин. Движения против Алексея носили двоякий характер. Среди них наблюдались заговоры столичной знати, лишенные какой-либо серьезной социальной основы, подготовленные втайне и рассчитанные на внезапное убийство императора. Они ничего общего не имели с феодальными бунтами середины XI столетия, выливавшимися в грозные восстания. Но и феодальные мятежи в провинции при Алексее I не были похожи на бунты провинциальной знати предшествующего

периода. Если в середине XI в. мятежники ставили своей целью захват императорского престола, то на рубеже XI—XII вв. движение провинциальной знати становилось уже более ограниченным, мельчало и сводилось по преимуществу к попыткам обособиться от империи; объективно оно вело к политической децентрализации.

Таким образом, хотя заговоров аристократии против Алексея Комнина действительно было немало, размах феодальных бунтов стал менее грозным, чем это было накануне прихода Комнинов к власти, когда в Константинополе господствовала чиновная клика. Милосердие Алексея I к мятежникам, о котором несколько раз упоминает Б. Лейб, объясняется тем, что феодальные мятежи не были опасными. Значит, правильнее говорить не об обилии заговоров, как это делает Лейб, а об относительном затухании аристократической оппозиции; правительству Алексея I удалось достигнуть известной консолидации сил господствующего класса.

А. П. Каждан

Римская армия и римская религия

«Bulletin of the John Rylands Library». Manchester. 1962. Vol. 45, № 1, pp. 185—197.

Рассматриваемая статья английского ученого И. А. Ричмонда написана на материалах раскопок римских поселений и укреплений на территории Англии и поднимает важные вопросы о характере римской религии, о сущности культов божеств, пользовавшихся особым почитанием в римской армии, и в конечном итоге о социальной роли римской религии в период империи. Автор нарисовал довольно любопытную картину религиозной жизни в римской армии, оккупировавшей Британию.

Среди богов, почитавшихся воинами, первое место принадлежало Юпитеру. Культ этого бога, главного покровителя императоров, в сфере идеологии должен был служить обоснованием императорской власти, а внутри армии — делу создания религиозного единства, дополнявшего и укреплявшего ее политическое и военное единство в целях подавления угнетенных масс и сохранения империи от распада.

Своеобразными чертами в армии характеризовался культ Геркулеса (к сожалению,

автор недостаточно отчетливо подчеркивает эти особенности). Геркулес почитался как бог, очищающий землю от всякого рода чудовищ, под которыми понимались силы, враждебные Риму, в первую очередь местные племена, покоренные римлянами; в официальной идеологии римской армии он выступал как покровитель «цивилизаторской» роли римлян вообще и римской армии в частности. Подобная трактовка резко отличалась от той, какую давал народ, в том числе и рабы, для которых Геркулес был в первую очередь богом-тружеником, очищающим землю от чудовищ, богом, совершившим свои подвиги для людей. Это создавало глубокую пропасть между религиозными верованиями угнетенных масс и верхушки Римской империи и армии.

Интересный материал дают также памятники несколько иного рода — посвящения и алтари, поставленные офицерами и солдатами римской армии в честь местных божеств. Характерная особенность этого круга религиозных представлений — их сильная романизация. Для воинов, набранных из местных племен, собственные боги теряли самостоятельную ценность, они ассоциировались с римскими богами и практически утрачивали местные особенности, за исключением имени и некоторых несущественных черт. Такие превращения претерпел, в частности, британский Манон, отождествлявшийся с Аполлоном.

Любопытны и собранные автором свидетельства о проникновении восточных божеств в римскую Британию — крайний северо-запад Римской империи. Наиболее важны сведения о культе иранского божества

Мифры в Британии. Он был распространен только среди сравнительно небольшого числа офицеров высших рангов.

В целом автор, несмотря на всю фрагментарность и неполноту его сведений, дает убедительную картину религиозной жизни римской армии в Британии, указывая на то, что древние римские культы преднамеренно консервировались тогда. Официальные культы, почитавшиеся в армии, были теснейшим образом связаны с выражением лояльности к правящей династии, с культом живых и мертвых императоров, с культами, олицетворявшими единство Римской империи.

Недостатком работы является нарочитая абстрактизация религиозных верований в армии от идеологических представлений и идеологической борьбы, идущей вне ее. Выше мы уже показали на примере культа Геркулеса, что сопоставление религиозных представлений, господствующих в армии, с религиозными представлениями народных масс позволило бы ярче подчеркнуть различия в идеологии верхушки римского рабовладельческого общества, орудием которой была армия, и широких масс угнетенного населения империи. Далее, очень снижает значение работы и недостаточное привлечение сравнительного материала по другим частям Римской империи. Подобное сравнение заставило бы рельефнее выступить некоторые черты идеологической жизни армии, которые из-за скудности материала, происходящего из собственно Британии, остались слабо освещенными.

Г. А. Кошеленко

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Александров В. А., Корейский В. И. Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. М. 1962. 751 стр. Рец.: Hoffmann P. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1963. Hf. 2, S. 431.

Арзуманян А. А. Кризис мирового капитализма на современном этапе. М. 1962. 146 стр. Рец.: Šestáková M. — «Econ. časopis». Bratislava. 1963, № 3, s. 346—349.

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение июня 1963 года.

Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892). М. 1960. 415 стр. Рец.: Kumpf S. — In: «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas». Bd. 6. Berlin. 1962, S. 461—465.

Гонимонский С. А. Латинская Америка и США. Очерки истории дипломатических отношений 1939—1959. М. 1960. 542 стр. Рец.: Köttwitz R. Sowjetische Neuerscheinungen über Lateinamerika. «Deutsche Aussenpolitik». Berlin. 1963, Hf. 5, S. 447—448.

Егизарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М. 1959. 192 стр. Рец.: Bensaïd S. Aperçus sur la crise agrai-

re en Russie à la fin du XIX-e siècle (à propos de quelques ouvrages récents). «Information hist.», Paris. 1963, № 1, pp. 15—24.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза» Т. 4. М. 1962. 728 стр. Рец.: Year of the ten victories. «Times lit. suppl.», London. 1963, № 3187, p. 219.

«История дипломатии». Т. 2. Изд. 2. М. 1959. 896 стр. Рец.: Mazouzi A. G.—«Amer. hist. review». Richmond. 1963, № 3, pp. 702—703.

Кахк Ю. Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века. Таллин. 1962. 476 стр. Рец.: Groniowski K.—«Przegląd hist.», Warszawa, 1963, № 2, s. 344—346.

«Китай, Япония. История и филология». Сб. статей. К 70-летию акад. Н. И. Конрада. М. 1961. 333 стр. Рец.: Pokora T., Schaffierová—Vasiljevová Z., Novák M.—«Archiv orientální». Praha. 1963, № 31, s. 338—351.

«Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.». Сб. документов под ред. И. М. Дружинина. М. 1959. 750 стр. Рец.: Bensiouin S. Aperçus sur la crise agraire en Russie à la fin du XIX-e siècle (à propos de quelques ouvrages récents). «Information hist.», Paris. 1963, № 1, pp. 15—24.

«Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.». Сб. документов под ред. И. М. Дружинина. М. 1960. 964 стр. Рец.: Bensiouin S. Aperçus sur la crise agraire en Russie à la fin du XIX-e siècle (à propos de quelques ouvrages récents). «Information hist.», Paris. 1963, № 1, pp. 15—24.

Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). М. 1962. 364 стр. Рец.: Heller I.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1963, Hf. 2, S. 435.

Миско М. В. Польское восстание 1863 года. М. 1962. 335 стр. Рец.: Kieniewicz S.—«Przegląd hist.», Warszawa. 1963, № 2, s. 353—356.

Монгайт А. Археология в СССР. Пер. на франц. яз.: М. 1962. 437 р. Рец.: Hus A. L'archéologie soviétique. «Critique». Paris. 1963, № 192, pp. 449—456.

Мочалов В. Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX века. М. 1958. 492 стр. Рец.: Bensiouin S. Aperçus sur la crise agraire en Russie à la fin du XIX-e siècle (à propos de quelques ouvrages récents). «Information hist.», Paris. 1963, № 1, pp. 15—24.

Нестурх М. Ф. Происхождение человека. М. 1958. Пер. на нем. яз.: Leipzig—Jena—Berlin. 1961. Рец.: Radberg W.

Eine wichtige Schrift des streitbaren Materialismus. «Einheit». Berlin. 1963, Hf. 4, S. 112—118.

«Рабочее движение в капиталистических странах (1959—1961 гг.)». М. 1961. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1963. Рец.: Zelt J. Eine wertvolle Analyse des Kampfes der Arbeiterklasse in den Ländern des Kapitals. «Einheit». Berlin. 1963, Hf. 4, S. 123—127.

«Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М. 1960. 544 стр. Рец.: Quilitzsch S.—In: «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas». Bd. 6. Berlin. 1962, S. 467—470.

Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.-Л. 1947. Пер. на англ. яз.: Toronto. 1961. Рец.: Van Stone J. W.—«Amer. anthropologist». Menasha. 1963, № 2, pp. 425—426.

Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово». Тарту. 1962. 115 стр. («Ученые записки» Тартуского гос. ун-та. Вып. 121). Рец.: Sliwowska W.—«Przegląd hist.», Warszawa. 1963, № 2, s. 348—350.

Салов В. И. Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1960. 212 стр. Рец.: Anderle A.—In: «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas». Bd. 6. Berlin. 1962, S. 457—460.

Свешников И. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Поділля. Львів. 1958. 28 стр. Рец.: Głosik J.—«Wiadomości archeologiczne». Warszawa. 1963, № 1, s. 89—90.

Сиполс В. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920 гг.). М. 1959. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1961. Рец.: Hehn J. Lettland zwischen den Mächten 1918—1920. Eine neue sowjetische Darstellung. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1963, Hf. 1, S. 37—45.

Скачков П. Е. Библиография Китая. М. 1960. 691 стр. Рец.: Demiéville P.—«T'oung pao». Leiden. 1962, livr. 4—5, pp. 450—452.

Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М. 1959. 542 стр. Рец.: Bartoňková D.—«Sborník prací filosof. fakulty Brněnské univ.», Rada archeologicko—klasciká. 1962, № 7, s. 122—123.

«Эпиграфика Востока». Сб. статей под ред. В. А. Крачковской. Т. 1—14. М.-Л. 1947—1961. Рец.: Hambis L. À propos de l'Épigraphie Vostoka. «Journal asiatique». Paris. 1962, № 2, pp. 277—291.

Хроника научной жизни

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Последние годы ознаменовались значительным ростом интереса польских историков к проблемам новой и новейшей истории. Появился ряд работ, касающихся событий конца XIX—XX в., во все больших масштабах изучаются и такие проблемы, как история промышленности и сельского хозяйства, рабочих и крестьян, рабочего и крестьянского движения. Этому способствовало включение в исследовательскую работу молодых кадров, воспитанных в годы народной власти. Настоящий обзор книг, опубликованных в 1960—1961 гг., конечно, не претендует на полный охват всей польской историографии новой и новейшей истории за эти годы, но он все же даст читателю представление об основных направлениях исследовательской работы в этих областях науки.

Период возникновения на польских землях капиталистического уклада рассматривается в довольно большом числе работ. О состоянии сельскохозяйственного производства в Малой Польше во второй половине XVIII в. пишет в своей монографии И. Рыхликова¹. Вопросам производства и потребления алкоголя в первой половине XIX в. посвящена работа Х. Роженовой². В ряде книг анализируется история промышленности. Промышленность Варшавы в эпоху перехода от феодализма к капитализму исследовал Т. Лепковский³. А. Рынкowska издала том источников по истории капиталистической Лодзи⁴. Процесс возникновения капиталистического уклада в Торuni в XVIII в. изучал Е. Вейтович⁵, великопольскими городами конца

XVIII — начала XIX в. занимался Я. Вонсицкий⁶.

Конец XVIII — первая половина XIX в. издавна привлекает внимание исследователей политической истории. В противовес буржуазной историографии основное место в новых работах, касающихся этого периода, занимает история левого крыла польского национально-освободительного движения. Опубликованы письма известному деятелю лагеря реформ Игнатию Потоцкому, написанные в 1792—1794 годах⁷. Издан очередной том источников по истории Четырехлетнего сейма (1788—1792)⁸. Прессе того времени посвящена монография И. Хомили-Дзиковской об «Историко-политическом дневнике»⁹. Вопросы просвещения касается И. Стасевич, а польско-венгерских культурных связей — Я. Рейхман¹⁰. К числу достижений польской историографии следует отнести основанную на широких архивных изысканиях в отечественных и зарубежных хранилищах книгу Б. Лесьнодурского о польских якобинцах¹¹.

Издание источников по истории Варшавского княжества начато Б. Павловским¹². Публикация О. Бейерсдорфа затрагивает важный вопрос о враждебной по отношению к Польше политике папства в 1772—

⁶ J. Wąsicki. Miasta zachodniego pogranicza Wielkopolski. 1793—1815. Poznań. 1960.

⁷ Tajna korespondencja z Warszawy do Ignacego Potockiego 1792—1794. Wyd. M. Rymyszyna i A. Zahorski. Warszawa. 1961.

⁸ Materiały do dziejów Sejmu Czteroletniego. T. 3. Opr. J. Woliński, J. Michalski, E. Rostworowski. Wrocław. 1960.

⁹ I. Homola-Dzikowska. Pamiętnik Historyczno-Polityczny Piotra Świtkowskiego. 1782—1792. Kraków. 1960.

¹⁰ I. Stasiewiczówna. Z problemów nauki okresu Oświecenia. Wrocław. 1960; J. Reychman. Ze stosunków kulturalnych polsko-węgierskich w epoce Oświecenia. Warszawa. 1960.

¹¹ B. Leśnodorski. Polscy jakobini. Karta z dziejów insurekcji 1794 roku. Warszawa. 1960.

¹² Protokół Rady Stanu Księstwa Warszawskiego. T. I, cz. I. Toruń. 1960.

¹ I. Rychlikowa. Klucz wielkopoleński Wodzickich w drugiej połowie XVIII wieku. Wrocław. 1960.

² H. Rożenowa. Produkcja wódki i sprawa pijaństwa w Królestwie Polskim. 1815—1863. Warszawa. 1961.

³ T. Lepkowski. Przemysł warszawski u progu epoki kapitalistycznej. Warszawa. 1960.

⁴ Początki rozwoju kapitalistycznego miasta Łodzi 1820—1864. Wyd. A. Ryńkowska. Warszawa. 1960.

⁵ J. Wojtowiec. Studia nad ukształtowaniem się układu kapitalistycznego w Toruniu. Toruń. 1960.

1864 годах¹³. Об отношении немецких церковных властей к польскому населению Вармии в XIX в. писал Я. Облонк¹⁴. Изданный Р. Гербером дневник В. Лукасиньского является источником по истории национально-освободительного движения 20-х годов XIX века¹⁵. Проблематика восстания 1831 г. представлена записками руководителя национальной гвардии в Варшаве А. Островского, подготовленными к печати К. и В. Ростоцкими, и книгой В. Бортновского о первом периоде восстания¹⁶. Трехтомное издание материалов о декабристах (третий том включает в себя польские мемуары о декабристах) затрагивает проблему складывания польско-русского революционного союза¹⁷. Вышли в свет сборник прогрессивной эмиграционной публицистики, подготовленный В. Лукашевичем и В. Левандовским, и книга С. Кеневича о выдающемся польском историке-демократе и политическом деятеле XIX в. Иоахиме Лелевеле. Кроме того, опубликован очередной том собрания его сочинений¹⁸. Х. Жадковская издала книгу о публицистике другого демократического деятеля XIX в., Яна Непомуцена Яновского¹⁹. Работа Х. Грайевского посвящена деятельности Комитета польской эмиграции в 1848 г.²⁰, а том материалов Польского демократического общества — военным вопросам²¹. Источником по истории реакционного крыла польской эмиграции являются

«Мемуары Владислава Чарторыйского», изданные вместе с протоколами бюро отеля Лямбер²².

О заговоре крестьянского революционера ксендза П. Сцегенного рассказывает научно-популярный очерк З. Млынарского²³. Подготовленный Р. Гербером сборник материалов о хохоловском восстании касается вопроса об отношении гуралей к событиям в Кракове в 1846 году²⁴. С. Кеневич издал новый, переработанный вариант своей монографии о польском обществе в период великопольского восстания 1848 г., а М. Тырович — об участии населения Силезии в революционном движении 1846—1849 годов²⁵. Темой широких исследований стало в 1960—1961 гг. восстание 1863 года. Следует отметить выход в свет документов судебного процесса одного из руководителей восстания, Ромуальда Траугутта, и материалов, касающихся демократического крыла повстанцев²⁶.

О проблематике второй половины XIX в. можно сказать, что здесь весьма существенное значение имеет подготовленная Х. Михник публикация об отношении К. Маркса и Ф. Энгельса к польскому вопросу²⁷. В 1960 г. вышел в свет макет первой части III тома «Истории Польши»²⁸. Эта часть, охватывающая 1864—1900 гг., представляет собою первый обобщающий труд по истории данного периода, написанный с марксистско-ленинских позиций. Так же как и предыдущие тома, он является коллективной работой, опирающейся на не публиковавшиеся еще результаты исследований ряда ученых. В числе его авто-

¹³ Papiestwo wobec sprawy polskiej w latach 1772—1864. Wyd. O. Beiersdorf. Wrocław. 1960.

¹⁴ J. Obląk. Stosunek niemieckich władz kościelnych do ludności polskiej diecezji warmińskiej w latach 1800—1870. Lublin. 1960.

¹⁵ W. Łukasiński. Pamiętnik. Opr. R. Gerber. Warszawa. 1960.

¹⁶ A. Ostrowski. Pamiętnik z czasów powstania listopadowego (1830—1831). Wyd. Karolina i Władysław Rostoccy. Wrocław. 1961; W. Bortnowski. Walka o cele powstania listopadowego (od 29 listopada 1830 r. do lutego 1831 r.). Łódź. 1960.

¹⁷ Pamiętniki dekabrystów. T. 1—3, Warszawa. 1960.

¹⁸ Postępową publicystyką emigracyjną 1831—1846. Wybór źródeł opr. W. Łukaszewicz i W. Lewandowski. Wrocław. 1961; S. Kieniewicz. Samotnik brukselski. Opowieść o Joachimie Lelewelu. Warszawa. 1960.

¹⁹ H. Rządowska. Polemiki ideologiczne J. N. Janowskiego. Warszawa. 1960.

²⁰ H. Grajewski. Komitet Emigracji Polskiej z 1848 roku. Łódź. 1960.

²¹ Towarzystwo Demokratyczne Polskie. O siłę zbrojnej narodowej. Wyd. M. Anusiewicz. Warszawa. 1960.

²² W. Czartoryski. Pamiętnik 1860—1864. Protokoły posiedzeń Biura Hotelu Lambert. Warszawa. 1960.

²³ Z. Młynarski. W kręgu sprawy ks. Piotra Ściegiennego. Warszawa. 1961.

²⁴ Powstanie Chocholowskie 1846 roku. Dokumenty i materiały. Opr. R. Gerber. Wrocław. 1960.

²⁵ S. Kieniewicz. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 roku. Warszawa. 1960; M. Tyrowicz. Dzieje ruchu rewolucyjnego na Śląsku w latach 1846—1849. Katowice. 1960.

²⁶ Proces Romualda Traugutta i członków Rządu Narodowego. Akta Audytoriatu Polskiego w powstaniu styczniowym. Wybór źródeł opr. E. Halicz. I. Koberdowa, I. Radtke. Wrocław. 1961.

²⁷ Marks i Engels o Polsce. Opr. H. Michnik. Wstęp C. Bobińskiej. T. I—II. Warszawa. 1960.

²⁸ Historia Polski (makieta). T. III, cz. I. 1864—1900, pod red. Z. Kormanowej i I. Pietrzak-Pawłowskiej. Warszawa. 1960.

ров — С. Калябинский, К. Пиварский, Ж. Корманова, Ю. Бушко, А. Галос, Х. Бродовская, И. Петшак-Павловская. Макет обсуждался с участием историков Советского Союза и других социалистических стран²⁹. Издан также сборник очерков по истории Поморья в XIX—XX веках³⁰. Истории эмиграции после восстания 1863 г. касается обширная публикация Ф. Романюковой, в которую вошли произведения прогрессивной публицистики³¹. Р. Гербер напечатал письма Ярослава Домбровского. Историко-правовое исследование о проблемах пролетарской власти, установленной в дни Парижской коммуны, написала И. Грайевская³².

Польских историков привлекает и социально-экономическая проблематика эпохи капитализма, в первую очередь вопрос о складывании социально-экономических предпосылок рабочего движения и об отдельных этапах последнего. Большую монографию о положении рабочих горнометаллургической промышленности Силезии в 1889—1914 гг. издал К. Йоньца³³. Книга С. Кубяка посвящена началу рабочего движения в Великой Польше³⁴. В целом можно отметить оживление исследований по истории рабочего движения, особенно в той части польских земель, которая входила в XIX в. в состав Германской империи.

Особую важность имеет изучение деятельности В. И. Ленина. Огромное значение придается нашими историками, в частности, изучению связей Владимира Ильича с поляками и его отношения к польскому вопросу. Умерший недавно Ю. Серадский написал очерк о пребывании В. И. Ленина в Польше³⁵. Это уже вторая книга на эту тему, не считая многочисленных статей.

²⁹ См. «Kwartalnik Historyczny», 1961, № 3.

³⁰ Szkicezzdziejów Pomorza. T. III. Warszawa. 1961.

³¹ Radykalni demokraci polscy. Wybór pism i dokumentów opr. F. Romaniukowa. Warszawa. 1960.

³² Listy Jarosława Dąbrowskiego. Opr. R. Gerber. Warszawa. 1960; I. Grajewska. Komuna Paryska 1871 r. Zagadnienia władzy proletariackiej. Warszawa. 1961.

³³ K. Jońca. Położenie robotników w przemyśle górniczo-hutniczym na Śląsku w latach 1889—1914. Wrocław. 1960.

³⁴ St. Kubiak. Ruch socjalistyczny w Pospańskim 1872—1890. Poznań. 1961.

³⁵ J. Sieradzki. Polskie lata Lenina. Warszawa. 1960. Русский перевод: Ю. Серадский. Польские годы Ленина. М. 1963.

Серьезная работа ведется в области истории классовой и национально-освободительной борьбы, происходившей в Польше в период первой русской революции. Самым важным достижением за последнее время являлись в этом смысле очередные тома документальной публикации С. Калябинского и Ф. Тыха о борьбе крестьян Королевства Польского³⁶. Это, пожалуй, одна из самых существенных работ по новой истории. Документальная публикация Х. Раппапорта охватывает годы нарастания революции (1900—1904)³⁷. Монография В. Найдуса (второй том ее очерков по истории Галиции) знакомит читателей с событиями в этом районе в годы революции³⁸. Научно-популярная книга Т. Военского рассказывает о борьбе за польскую школу в то же время³⁹. Более позднего периода касается документальная публикация «ППС-левица» (часть I), подготовленная Я. Каспшаковой и Я. Канцевичем, одно из ценнейших изданий по истории рабочего движения в Польше⁴⁰. Вышли в свет также произведения виднейшей деятельницы ППС-левицы Марии Кошутской за 1912—1918 гг.⁴¹ и очередной том мемуаров Б. Лимановского (1907—1919), изданный Я. Дурко⁴². Научно-популярной является работа о рабочем движении в крупнейшем центре льноткацкой промышленности Жирардове⁴³. И, наконец, книга Ф. Тыха показывает деятельность ППС-левицы в годы первой мировой войны⁴⁴.

Ч. Лучак занимался изучением развития великопольской промышленности в 1871—

³⁶ Walki chłopów Królestwa Polskiego w rewolucji 1905—1907. T. II—III. Warszawa. 1960—1961.

³⁷ Narastanie rewolucji w Królestwie Polskim w latach 1900—1904, wyd. H. Rappaport. Warszawa. 1960.

³⁸ W. Nайдус. Szkice z historii Galicji. T. 2. Galicja w latach 1905—1907. Warszawa. 1960.

³⁹ T. Wojeński. Walka o szkołę polską w okresie rewolucji 1905 r. Warszawa. 1960.

⁴⁰ PPS-Lewica. Materiały i dokumenty. T. I. 1906—1910. Opr. J. Kancewicz i I. Kaspzarkowa. Red. F. Tych. Warszawa. 1961.

⁴¹ Maria Koszutska (Wera Kostrzewa). Pisma i przemówienia. T. I. 1912—1918. Wyd. N. Gąsiorowska, A. Zatorski, A. Żarnowska. Wstęp. N. Gąsiorowskiej. Warszawa. 1961.

⁴² B. Limanowski. Pamiętniki. T. 3. 1907—1919. Opr. J. Durko. Warszawa. 1961.

⁴³ Z walk robotników Żyrardowa 1883—1919. Żyrardów. 1960.

⁴⁴ F. Tych. PPS-Lewica w latach wojny 1914—1918. Warszawa. 1960. (Рецензию А. Я. Манусевича на эту книгу см. «Вопросы истории», 1961, № 11).

1914 годах⁴⁵. В. Якубчик написал научно-популярную книгу о Бисмарке⁴⁶, а Л. Тшецяковский — работу о политике польских имущих классов в великопольских землях в канцлерство Каприви (1890—1894)⁴⁷. Научно-популярную биографию деятельницы крестьянского движения И. Космовской написала Р. Коцева⁴⁸, школьное дело изучал Ю. Мёнсо⁴⁹. Книга С. Мигдала касается истории пилсудщины во время первой мировой войны⁵⁰. Наконец, две книги затрагивают проблему народничества: Л. Базылёв издал вызвавшую дискуссию в печати монографию, охватывающую период 1878—1881 гг.; появилась также научно-популярная работа Л. Баумгартена⁵¹.

Сложные задачи стоят перед исследователями событий 1917—1918 гг. и межвоенной истории Польши. Наряду с изучением процессов, происходивших в этот период в экономике страны, здесь особенно важны работы о деятельности КПП, которые, так же как и изыскания по истории ППС-левицы (1906—1918), могли по-настоящему развиваться только после XX съезда КПСС. Межвоенного двадцатилетия, изучение которого до последнего времени велось еще очень слабо, касаются авторы нескольких книг. Преобладают среди них труды по истории народного хозяйства, рабочего движения и западных польских земель. М. Мещанковский написал ценную работу об аграрной структуре Польши⁵². З. Ландау и Е. Томашевский издали очерк экономической истории межвоенного периода, являющийся первой попыткой обобщения этой проблематики⁵³. Вышли в свет моно-

графия З. Ландау о заграничных займах того времени, представляющая собою интересное исследование о роли иностранного капитала в экономике буржуазной Польши, и работа Е. Томашевского о стабилизации валюты в 1924—1925 годах⁵⁴. Я. Йоньчик написал книгу о труде женщин и подростков в промышленности⁵⁵.

Из изданий по истории рабочего движения в первую очередь заслуживает упоминания подготовленная под редакцией Ж. Кормановой библиография истории рабочего движения в межвоенное двадцатилетие⁵⁶, являющаяся продолжением изданной ранее библиографии истории рабочего движения до 1918 года. Появился также сборник статей, посвященных истории рабочего и крестьянского движения в 1914—1923 годах⁵⁷. З. Щигельский и А. Тыменецкая издали брошюру по истории Советов рабочих депутатов в Польше⁵⁸. Опубликован также сборник статей Е. Пшибышевского, касающихся главным образом истории рабочего движения⁵⁹. Отдельные издания освещают деятельность Коммунистической партии Польши в Плоцке, Белостоке и Домбровском бассейне⁶⁰. Среди работ о деятелях КПП обращает на себя внимание книга Ю. Доминки о Яне Хемпле и популярное издание «Близкие люди»⁶¹. Интересны «Воспоминания матери» М. Форнальской⁶².

Изучалась также история деревни. Клас-

⁴⁵ Cz. Łuczak. *Przemysł wielkopolski w latach 1871—1914*. Poznań. 1960.

⁴⁶ W. Jakóbczyk. *Bismarck*. Warszawa. 1961.

⁴⁷ L. Trzeciakowski. *Polityka polskich klas posiadających w Wielkopolsce w erze Capriviego. 1890—1894*. Poznań. 1960.

⁴⁸ R. Kociowa. Irena Kosmowska. Warszawa. 1960.

⁴⁹ I. Miąso. *Universytet dla wszystkich*. Warszawa. 1960.

⁵⁰ St. Migdał. *Pilsudczyzna w latach pierwszej wojny światowej*. Katowice. 1961.

⁵¹ L. Bazylow. *Działalność narodnictwa rosyjskiego w latach 1878—1881*. Wrocław. 1960. (Рецензию И. А. Федосова на эту книгу см. «Вопросы истории», 1963, № 2). L. Baumgarten. *Marzyciele i carobójcy*. Warszawa. 1960.

⁵² M. Mieszczankowski. *Struktura agrarna Polski międzywojennej*. Warszawa. 1960.

⁵³ Z. Landau, J. Tomaszewski. *Zarys historii gospodarczej Polski. 1918—1939*. Warszawa. 1960.

⁵⁴ Z. Landau. *Polskie zagraniczne pożyczki państwowe 1918—1926*. Warszawa. 1961; J. Tomaszewski. *Stabilizacja waluty w Polsce. 1924—1925*. Warszawa. 1961.

⁵⁵ J. Jończyk. *Ochrona pracy kobiet i młodocianych w polskim przemyśle w latach 1918—1939*. Warszawa. 1961.

⁵⁶ Z. Kormanowa. *Materiały do bibliografii polskiego ruchu robotniczego 1918—1939. T. I, druki zwarte*. Warszawa. 1960.

⁵⁷ *Ruch robotniczy i ludowy w Polsce. 1914—1923*. Warszawa. 1960.

⁵⁸ Z. Szczygielski, A. Tymieniecka. *Z dziejów Rad Delegatów Robotniczych w Polsce*. Warszawa. 1960.

⁵⁹ E. Przybyszewski. *Pisma*. Warszawa. 1961.

⁶⁰ *Z walk KPP w Płocku*. Płock. 1960.; *Materiały z sesji popularnonaukowej poświęconej działalności KPP na terenie Białostockizny*. Białystok. 1960; M. Antonow, H. Rechowicz. *Materiały źródłowe do historii KPP w Zagłębiu Dąbrowskim w latach 1920—1939*. Katowice. 1961.

⁶¹ J. Dominko. *Jan Hempel, teoretyk i działacz spółdzielczości robotniczej*. Warszawa. 1960; *Ludzie bliscy*. Warszawa. 1960.

⁶² M. Fornalska. *Pamiętnik matki*. Warszawa. 1960.

совой борьбе в деревне в 1918—1920 гг. посвятил свою книгу Т. Кузьминский. Издана двухтомная публикация о крестьянской забастовке 1937 года⁶³. Появились книга о крестьянском движении на Поморье и фрагменты воспоминаний Антония Кожицкого⁶⁴.

Группа работ затрагивает проблемы политической истории межвоенной Польши. Обращает на себя внимание книга К. Пиварского о европейской политике в послевоенный период (октябрь 1938—март 1939 г.). М. Турлейская осветила этот период в истории Польши в научно-популярном очерке «Год перед катастрофой»⁶⁵. В монографии Я. Юркевича рассматривается вопрос о Ватикане и польско-германских отношениях в 1918—1939 годах⁶⁶. Вышла в свет также популярная работа о польско-германских отношениях⁶⁷. Изданные З. Ландау и Б. Скшешевской материалы процесса министра финансов Г. Чеховича проливают свет на внутреннюю политику Пилсудского⁶⁸. Появился второй том воспоминаний силезских повстанцев и ополчан. Историки занялись также событиями на Опольщине в связи с приходом Гитлера к власти, изучением положения польского населения во Вроцлаве и Щецине⁶⁹. Проблематику истории просвещения затрагивают Б. Луговский и Е. Рудзинский в книге о позиции левых сил польского об-

щества по этим вопросам⁷⁰. Изданы также сочинения известной прогрессивной деятельницы Стефании Семполовской⁷¹.

В развитии исследований по истории народной Польши большую роль сыграли труды, приуроченные к 20-летию образования Польской рабочей партии. По вопросу об аграрной реформе (проблема программы) писал Ч. Мадайчик⁷². Сентябрьской кампании 1939 г. посвящены работы М. Малиновского об обороне Варшавы и П. Дубеля — о событиях сентября 1939 г. в Силезии⁷³. Е. Павлович издал книгу по истории Крайовой Рады Народовой в 1943—1944 годах⁷⁴. Ряд более мелких работ касается истории Гвардии Людовой⁷⁵ и Батальонов Хлопских⁷⁶. Появились также воспоминания членов Союза борьбы молодых⁷⁷. Б. Голька занимался конспиративной прессой крестьянского движения⁷⁸. Некоторые увидевшие свет воспоминания рассказывают о судьбе еврейского населения в период оккупации⁷⁹. Политики оккупантов в Польше касается специально монография Ч. Мадайчика. Кроме того, обращают на себя внимание книги Ш. Датнера о военнопленных, монографические исследования В. Кеджиньской и Е. Сер-

⁶³ T. Kuźmiński. *Wieś w walce o Polskę Ludową 1918—1920*. Warszawa. 1960; *Strajk chłopski w 1937 roku*. T. 1—2. Wyd. W. Matuszewska, St. Leblang. Warszawa. 1960.

⁶⁴ M. Stański. *Rozwój ruchu ludowego na Pomorzu Gdańskim 1920—1926*. Poznań. 1960; A. Korzycki. *Wspomnienia 1924—1933*. Warszawa. 1961.

⁶⁵ K. Piwarski. *Polityka europejska w okresie pomonachijskim*. X. 1938—III.1939. Warszawa. 1960; M. Turlejska. *Rok przed klęską*. Warszawa. 1960.

⁶⁶ J. Jurkiewicz. *Watykan a stosunki polsko-niemieckie w latach 1918—1939*. Warszawa. 1960.

⁶⁷ F. Bернаś, L. Meissner. *Plonąca granica*. Warszawa. 1961.

⁶⁸ *Sprawa Gabriela Czechowicza przed Trybunałem Stanu*. Wyd. Z. Landau i B. Skrzyszewska. Warszawa. 1961.

⁶⁹ *Pamiętniki śląskich powstańców*. T. 2. Katowice. 1961; *Wspomnienia opolan*. Warszawa. 1960; S. Migdał. *Opolszczyzna przeciw faszyzmowi w przededniu dojścia Hitlera do władzy*. Katowice. 1960; M. Orzechowski. *Szkice z dziejów Polonii wrocławskiej*. Wrocław. 1960; B. Drewniak, A. Poniałowska. *Polonia Szczecińska 1890—1939*. Poznań. 1961.

⁷⁰ *Polska lewica społeczna wobec oświaty w latach 1919—1939*. Opr. B. Ługowski, E. Rudziński. Warszawa. 1960. (Рецензию С. М. Стецкевича на эту книгу см. «Вопросы истории», 1962, № 6).

⁷¹ S. Sempolowska. *Pisma*. Warszawa. 1960.

⁷² Cz. Madajczyk. *Sprawa reformy rolnej w Polsce 1939—1944*. Warszawa. 1961.

⁷³ M. Malinowski. *W obronie stolicy*. Warszawa. 1960; P. Dubiel. *Wrzesień 1939 na Śląsku*. Katowice. 1960.

⁷⁴ J. Pawłowicz. *Z dziejów konspiracyjnej KRN 1943—1944*. Warszawa. 1961.

⁷⁵ *Zróżdła i materiały do dziejów ruchu oporu na Lubelszczyźnie 1939—1944*. T. I. Wyd. Z. Mańkowski, J. Naumiuk. Lublin. 1960; *Gwardia Ludowa i Armia Ludowa na Lubelszczyźnie (1942—1944)*. *Zróżdła*. Wstęp i opr. Z. Mańkowski i J. Naumiuk. Lublin. 1960 (Рецензию В. С. Парсадановой на это издание см. «Вопросы истории», 1962, № 7). W. Namiotkiewicz, B. Roztropowicz. *Ludzie, fakty, refleksje*. Warszawa. 1961; St. Gajek. *Promieniści*. Łódź. 1960.

⁷⁶ St. Rodak. *Maszerują chłopskie Bataliony*. Lublin. 1960.

⁷⁷ N. Bartoszek, S. Marody, J. Szewczyk. *My z głodujących miast*. Warszawa. 1961.

⁷⁸ B. Gółka. *Prasa konspiracyjna «Rocha» 1939—1945*. Warszawa. 1960.

⁷⁹ J. Poznański. *Pamiętnik z getta łódzkiego*. Łódź. 1960; D. Rubinowicz. *Pamiętnik*. Warszawa. 1960.

ваньского о концентрационных лагерях, Р. Храбара о вывозе гитлеровцами польских детей, К. Скубишевского о денежном обращении на оккупированной территории и В. Бартошевского о палаче Варшавы фон дем Бахе. Воспоминания учителя Я. Янковского рассказывают о политике оккупантов в великопольских землях⁸⁰. Вышла в свет публикация документов о польской школе в СССР⁸¹. Действиям 1-й Армии Войска Польского в боях под Варшавой посвятил свою книгу Ю. Маргулис⁸².

Если говорить о наиболее важном в истории Польши периоде народной власти, то следует отметить, что широкие исследования в этой области только начинаются. Здесь можно привести гораздо меньше на-

⁸⁰ Cz. M a d a j c z y k. Generalna Gubernia w planach hitlerowskich. Warszawa. 1961; Sz. D a t n e r. Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych armii regularnych w II wojnie światowej. Warszawa. 1961; E. S e r w a ŋ s k i. Obóz jeniecki w Ostrzeszowie 1939—1945. Poznań. 1960; W. K i e d r z y ŋ s k a. Ravensbrück, kobiecy obóz koncentracyjny. Warszawa. 1961; W. B a r t o s z e w s k i. Prawda o von dem Bachu. Poznań. 1961; R. H r a b a r. Hitlerowski rabunek dzieci polskich. Katowice. 1960; K. S k u b i s z e w s k i. Pieniądz na terytorium okupowanym. Poznań. 1960; J. J a n k o w s k i. Swastyka nad Szubinem. Poznań. 1961.

⁸¹ Polskie szkolnictwo w ZSRR 1943—1947. Warszawa. 1961.

⁸² J. M a r g u l i e s. Przyczółki warszawskie. Warszawa. 1961.

званий книг, выпущенных в 1960—1961 годах. Был издан «Очерк истории польского рабочего движения 1944—1947». Несомненно ценной публикацией являются материалы научной сессии, посвященной 15-летию народной Польши. Вышел также в свет первый том документов Польской рабочей партии (за 1946 г.)⁸³. Существенно расширились исследования по этому периоду в истории Польши в связи с 20-летием ППР, которое отмечалось в 1962 г., а также в связи с подготовкой к празднованию 20-летия Польской Народной Республики. Из работ социологов особого внимания заслуживает книга В. Маркевича об изменениях в национальном сознании реэмигрантов из Франции (большой частью горняков)⁸⁴.

Сделанный выше библиографический обзор книг, вышедших в 1960—1961 гг., показывает, что уже в это время в области изучения проблем новой и новейшей истории польскими учеными были достигнуты существенные сдвиги.

К. Гронеvский

⁸³ Zarys historii polskiego ruchu robotniczego 1944—1947. Warszawa. 1961; Z zagadnień powstania i rozwoju Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej Wrocław. 1961; PPR. I. 1946.—I. 1947. Wyd. W. Góra, R. Habala, N. Kołomejczyk. Warszawa. 1961.

⁸⁴ W. M a r k i e w i c z. Przeobrażenia świadomości narodowej reemigrantów polskich z Francji. Poznań. 1960.

Хроникальные заметки

◆ В июне с. г. в Кракове проходила организованная местным отделением Общества польско-советской дружбы и кафедрой истории СССР Ягеллонского университета Общепольская научная конференция, посвященная польско-украинским связям в XIX—XX веках.

◆ 4 июня 1963 г. в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ состоялось первое заседание рабочей группы по изучению и изданию «Документации в области общественных наук». Основная задача группы состоит в разработке предложений, направленных на решение неотложных проблем по сбору документов в области общественных наук; в определении круга учреждений, систематически работающих над подготовкой и представлением этих документов; определении порядка и периодичности их издания; разработке рекоменда-

ций по комплектованию коллективов составителей и научных редакторов. Среди прочих документов намечается выпустить ряд исторических источников.

◆ Институт истории Польской АН провел в мае 1963 г. совещание историков и социологов, посвященное проблемам социологического изучения рабочего класса и направлениям исторических исследований в этой области.

◆ Международный коллоквиум по изучению культуры балканских стран, собравшийся в 1962 г. в Синае (Румыния), образовал комитет во главе с Т. Виану (Румыния) для разработки плана создания Международной ассоциации научных исследований района Юго-Восточной Европы. С 22 по 24 апреля 1963 г. в Бухаресте проходила сессия этого комитета, выработавшего устав ассоциации, избравшего ее руко-

водящие органы и принявшего программу работы на ближайшие два года. В настоящее время в ассоциацию входят 13 государств. Ее возглавляет Международный комитет в составе 19 человек (от СССР — А. Ф. Миллер), исполнительное бюро которого (председатель — Д. Закитинос, Греция) находится в Бухаресте. Одна из главных задач ассоциации — исследование истории и культуры балканских стран.

◆ Государственная премия Румынской Народной Республики за 1962 год в области истории присуждена авторскому коллективу первого тома «Истории Румынии» (авторы: К. Дайковичи, Э. Кондураки, И. Нестор, Э. Петрович и Г. Штефан. Бухарест. 1961). Этот том является фундаментальной марксистско-ленинской работой по древней и раннесредневековой истории Румынии. Премии удостоен также В. Вэтэшану за труд «История феодального искусства в румынских княжествах».

◆ Научная конференция Силезского института с участием представителей других научных учреждений Польши и Центрального педагогического института в Берлине (ГДР) состоялась в мае с. г. в Ополе (ПНР). Конференция определила программу сотрудничества Силезского института и соответствующих учреждений ГДР с целью разоблачения идей реваншизма в издаваемых в ФРГ учебниках и публикации материалов о преступлениях фашизма.

◆ Исполнилось 100 лет со дня создания славянской письменности. Впервые юбилей изобретения кириллицы отмечался в Болгарии еще в 1857 году. С 24 апреля по 24 мая 1963 г. в Народной Республике Болгарии в связи с месячником народного просвещения, культуры и славянской письменности проводилось большое количество научных сессий. Среди них — сессия в Софии (20—21 мая) с участием ученых из ряда стран. Доклады, прочитанные на ней, и другие материалы будут изданы Болгарской АН в виде специального сборника статей.

◆ Юрген Кучинский (ГДР), автор многих книг по истории рабочего класса и экономики Германии и других стран, выпустил в свет «Исследования по истории государственно-монополистического капитализма в Германии с 1918 г. по 1945 г.» (J. Kuczynski. Studien zur Geschichte des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Deutschland 1918 bis 1945. Berlin. «Akademie-Verlag». 1963. 287 S.). Им освещены следующие проблемы: концентрация и рост монополий; развитие «демократического» и «антиэлитического» госкапитализма в 1918—1923 гг.; «ортодоксально-капиталистические» тенденции 1924—1929 гг.; госкапитализм и кризис 1929—1932 гг.; госкапитализм на службе фашистской военной экономики в 1933—1939 гг.; слияние монополий и госаппарата в годы второй мировой войны на примере концерна «Фарбениндустри» и участие фашистских госкапиталистических предприятий в ограблении оккупированных стран. В приложении к книге помещены некоторые материалы Нюрнбергского процесса. Другая работа Ю. Кучинского посвящена истории кризисов перепро-

изводства в Германии того же периода (J. Kuczynski. Studien zur Geschichte der zyklischen Überproduktionskrisen in Deutschland 1918 bis 1945. Berlin. «Akademie-Verlag». 1963. 200 S.). Следует заметить, что исследование фактически доведено автором не до 1945 г., как указано в заголовке книги, а лишь до начала второй мировой войны.

◆ Ценный источник по истории Византии — труд историка XV в. Михаила Гермодора Критовула — издан в Румынии в виде греко-румынской билингвы (параллельных текстов) с предисловием, введением и детальным указателем, составленным Василе Греку (Critobul din Imbros. Din domnia lui Mahomed al II-lea. Anii 1451—1467. Editie de V. Grecu. Bucuresti. EAPR. 1963. 379 p.).

◆ Сочинения немецкого автора XVI в. Георгия Агриколы — один из важнейших источников для изучения немецкой истории эпохи Реформации и Великой крестьянской войны в Германии. Ганс Прешер и Георг Фрауштадт издали два произведения Агриколы: написанную по-латыни речь 1538 г., обращенную к королю Венгрии и Чехии Фердинанду и князьям Германии, о необходимости войны против турок и единственное сочинение Агриколы на немецком языке — составленное в 1555 г. описание происхождения и политики дома саксонских курфюрстов (Georgius Agricola. Vermischte Schriften II. Berlin. «Deutscher Verlag der Wissenschaften». 1963. 418 S.). Книга снабжена введением, примечаниями, указателями и иллюстрациями.

◆ Еще из позднеантичной литературы было известно, что холм на реке Янтра (Болгария) скрывает под собой остатки древней крепости Ятрус. Раскопки ее явились целью экспедиции ученых ГДР, впервые приступивших к археологическому обследованию памятников античности в 1958 году. В результате четырехлетних работ были обнаружены стены раннехристианской трехнефной церкви, а под ней — остатки зданий более раннего периода. Церковь и два больших строения расположены внутри крепостных стен толщиной в 3,5 м, возведенных в форме овала. Ятрус являлся одним из укреплений, которые в свое время охраняли границы Римской империи вдоль Дуная. Большое количество мелких находок (свечи, гребни, ножи, украшения, сосуды) помогает воссоздать картину жизни в крепости. Можно предполагать, что она подверглась разрушению в VI веке н. э. Но жизнь там продолжалась, о чем свидетельствуют остатки домиков из глины и кирпича, относящихся к VIII—IX вв. и заселенных болгарскими земледельцами и ремесленниками. К этому же времени относится найденный в стенах церкви глиняный горшок с девятью византийскими золотыми монетами.

◆ 93 письма Джавахарлала Неру к его сестре Камале Неру (впоследствии Кришна Хэзисинг), представляющие интерес с точки зрения развития идеологии гандизма, включены в книгу «Nehru's Letters to His Sister». Ed. with an introd. by K. Nehru Hutheesing. London. «Faber and Faber». 1963.

191 г. Письма охватывают период с октября 1930 г. по июль 1955 года.

◆ Английское издательство «George Allen and Unwin Ltd.» начало выпускать серию книг «Очерки новой Азии и Африки». Первым томом в серии вышел сборник статей «Политика и общество в Индии» («Politics and Society in India». Ed. by C. H. Philips. London. 1963. 190 p.). Сборник состоит из следующих очерков: Э. Л. Бэйшем. Некоторые основные политические идеи в древней Индии; П. Гарди. Мусульманские традиционные представления о природе политики; У. К. Смит. Идея «улама» в индийской политике; К. фон Фюрер-Хаймендорф. Касты и политика в Южной Азии; С. Р. Меротра. Политический аспект декларации Монтэю 1917 года; Ф. Дж. Бэйли. Политика и общество современной Ориссы; А. К. Майер. Муниципальные выборы в Центральной Индии; У. Х. Моррис-Джонс. Особенности индийской политики; Х. Тинкер. Традиции и опыт в формах правления.

◆ Саадия Туваль (подлинная его фамилия — Вельтман), изучавший и преподававший историю Сомали в Гарвардском и Иерусалимском университетах, выпустил книгу по истории национального движения в

пределах так называемого Великого Сомали (бывший английский Сомалиленд, бывший итальянский Сомали, французский Сомали, Эритрея, Северная Кения и области Восточной Эфиопии: Сидamo, Харар, Огаден, Хауд). Книга (S. Touval. Somali Nationalism. International Politics and the Drive for Unity in the Horn of Africa. Cambridge (Mass.). «Harvard University Press». 1963. 214 p.) интересна детальным описанием деятельности различных представителей и группировок в сомалийском национальном движении; однако автор стремится оставить в тени классовую базу движения и выпятить моменты, способствующие его расколу.

◆ Северная часть Йоркского полуострова (Южная Австралия) была заселена в XIX в. шахтерами, иммигрировавшими из английского Корнуэлла. О возникновении в Австралии «малого Корнуэлла» и путях капиталистической индустриализации этого района рассказывает Освальд Прайор (O. Pryor. Australia's Little Cornwall. Adelaide. «Rigby Ltd.» 1963. 192 p.). Книга охватывает период с 1830-х по 1920-е годы. Текст ее менее интересен, чем помещенные в ней фототипии с многочисленных фотографий, гравюр и рисунков, отображающих быт эпохи.

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

БОЕВАЯ НАГРАДА РОДИНЫ

(К 45-летию учреждения ордена Красного Знамени)

В тревожные августовские дни 1918 г., когда Советская республика, скованная огненным кольцом фронтов, напрягала силы, чтобы отбить объединенный натиск интервентов и белогвардейцев, была учреждена первая советская боевая награда — Почетное Революционное Красное Знамя, которое вручалось воинским частям и соединениям молодой Красной Армии, проявившим исключительный героизм в боях с врагом¹. 20 августа 1918 г. ВЦИК по представлению Наркомвоен наградил первым Почетным Революционным Красным Знаменем 5-й Земгольский стрелковый полк «за самоотверженную и храбрую защиту г. Казани»².

Почти одновременно встал вопрос и об учреждении знака отличия для отдельных наиболее смелых и мужественных воинов Красной Армии. Выступая 2 сентября 1918 г. на заседании ВЦИК, Я. М. Свердлов говорил: «Мы нашли возможным согласиться с предложением выдавать знаки отличия в виде знамен отдельным войсковым частям... У нас не будет больших разногласий и по вопросу об отдельных знаках отличия для отдельных товарищей. Если мы принуждены прибегать к репрессиям по отношению к малодушным, то мы можем отличать и наиболее храбрых товарищей»³. Вскоре, 16 сентября, ВЦИК принял декрет об учреждении боевого знака отличия — ордена Красного Знамени. «Знак отличия, — говорилось в этом декрете, — присуждается всем гражданам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности»⁴.

Так в трудное время борьбы с интервентами и белогвардейцами был учрежден первый советский боевой орден. Изображенное на нем красное знамя выражало пафос пролетарской революции; молот, плуг и штык символизировали кровную связь Красной Армии с рабочим классом и трудовым крестьянством, а лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — интернациональную солидарность трудящихся.

Не прошло и двух недель, как было принято решение о награждении первых героев. 28 сентября 1918 г. Президиум ВЦИК постановил: «...первым по времени знак отличия присудить тов. Блюхеру, второй — тов. Панюшкину, третий — тов. Кузьмичу и сделать соответствующий доклад о них на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета»⁵.

За какие же подвиги были удостоены они высокой награды?

В июле 1918 г. отряд и части Красной Армии под командованием В. К. Блюхера, действовавшие на Южном Урале против белочехов и белоказаков, были отрезаны и оказались в глубоком тылу врага. Свыше двух месяцев они шли с боями по горам и болотам Башкирии, сметая на своем пути многочисленные части противника. Разгромив под Уфой интервентов и белогвардейцев, отряды Блюхера 12 сентября соединились в деревне Туйно-Озерская, Кунгурского уезда, с передовыми частями 3-й армии. Сообщая В. И. Ленину и Я. М. Свердлову о действиях южноуральских отрядов в тылу врага, Уральский обком РКП(б) подчеркивал, «что в лице товарища Блюхера и его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный в истории нашей революции подвиг... Товарищ Блюхер — один из самых отважных солдат революции, талантливый

¹ «Боевые подвиги частей Красной Армии 1918—1922 гг.». Сборник документов. М. 1957, стр. 3.

² Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), ф. 1235, оп. 35, д. 25, л. 16.

³ «Пятый созыв ВЦИК». Стенографический отчет. М. 1919, стр. 119.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 35, д. 25, лл. 32—33.

вый вождь-стратег. Его биография: московский рабочий, раненный на немецком фронте солдат, большевик»⁶. Обком РКП(б) ходатайствовал, «чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует, ибо это небывалый у нас случай»⁷. В то же время Реввоенсовет 3-й армии отмечал: «Переход войск тов. Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии. Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горсточки героев, вписавшему новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение»⁸.

Второй краснознаменец — член ВЦИК В. Л. Панюшкин, в августе 1918 г. по указанию В. И. Ленина был направлен во главе Особого отряда на Восточный фронт. Владимир Ильич просил «дать этому отборному отряду ответственную задачу»⁹. Отряд В. Л. Панюшкина героически сражался с врагами в период боев за Казань в начале сентября 1918 г., за что был награжден Почетным Революционным Красным Знаменем¹⁰, а его командир — орденом.

Что касается третьего кавалера ордена Красного Знамени, тов. Кузьмича, то ВЦИК в то время, кроме телеграммы за подписью командиров 1-го и 2-го Революционных Медведицких и 3-го Булавинского полков Березина, Дартенко и Иделева, другими сведениями о нем не располагал. Подлинный текст этой телеграммы не обнаружен. Однако в результате исследования других документов удалось установить, что при передаче он был, по-видимому, искажен, настоящие фамилии командиров полков: Березов, Бортенко и Дидилев¹¹. Полки входили в состав бригады, которой командовал Филипп Кузьмич Миронов. Именно он (из-за искажений в телеграмме — тов. Кузьмич) и был представлен к награде за умелое руководство бригадой в боях с белоказаками в Усть-Медведицком округе в июле — сентябре 1918 года¹².

Одними из первых краснознаменцев были и выдающиеся герои гражданской войны, Я. Ф. Фабрициус и И. Э. Якир.

Комиссар 10-й стрелковой дивизии Я. Ф. Фабрициус был награжден орденом в феврале 1919 г. «за непрерывную самоотверженную работу на фронте», что подтверждалось выданным ему «свидетельством номер 4»¹³. В начале 1919 г. газета Реввоенсовета 8-й армии «Звезда красноармейца» сообщила о награждении орденом Красного Знамени И. Э. Якира за отличия в боях под Воронежем. В ходатайстве начальника 12-й дивизии В. В. Любимова сказано: «Дивизия обязана своим успехом главным образом энергии и деятельности члена Революционного военного совета 8-й армии тов. Якира. Он проявил неутомимую деятельность, железную волю и энергию. Не смущаясь ни временными неудачами, ни случайными поражениями, твердо веря в счастливый исход операции, тов. Якир вел железной рукой подчиненных ему красноармейцев к победе»¹⁴.

Наряду с командирами в числе первых краснознаменцев были и рядовые бойцы, среди них пулеметчики 130-го Витебского и 155-го полков Клесс и Д. Кемов, полковой горнист Новгородского полка С. Балов, отделенный командир 154-го полка В. Спиридонов и др.

Право награждения орденом принадлежало сначала исключительно ВЦИК. 21 января 1919 г. оно было предоставлено Реввоенсовету Республики; а затем приказом последнего от 31 декабря также и Реввоенсоветам фронтов и армий (при награждении от рядового бойца до командира отдельной части включительно)¹⁵. Первые орде-

⁶ «Легендарный рейд». М. 1959, стр. 179.

⁷ «Исторический архив», 1961, № 2, стр. 196.

⁸ «Легендарный рейд», стр. 186.

⁹ «Из истории гражданской войны в СССР». Т. I. М. 1960, стр. 363.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 36, д. 65, л. 78.

¹¹ Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 1304, оп. 1, д. 96, лл. 18, 29.

¹² Ф. К. Миронов орден тогда не получил. Только позднее, в 1920 г., будучи командующим 2-й Конной армией, за героизм в боях против Врангеля он был удостоен Почетного революционного оружия и ордена Красного Знамени.

¹³ ЦГАСА, ф. 54, оп. 3, д. 1, л. 136.

¹⁴ «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 243.

¹⁵ ЦГАСА. Сборник приказов РВСР. 1919 г., приказ № 2382.

на были вручены награжденным в мае 1919 года. Вместе с орденом вручалась грамота ВЦИК с описанием подвига и орденская книжка, в которой на последней странице была воспроизведена памятка: «Что такое орден Красного Знамени и кто его носит?»

В связи с тем, что в ожесточенных боях с интервентами и белогвардейцами целые воинские части и соединения проявляли доблесть и отвагу, Президиум ВЦИК 30 апреля 1919 г. постановил, что «орден Красного Знамени может быть присуждаем войсковым частям Красной Армии за особые отличия, оказанные в боях против врагов Республики, для укрепления его на имеющихся революционных знаменах»¹⁶.

Некоторые исследователи ошибочно считают, что орден Красного Знамени и Почетное Революционное Красное Знамя — одна и та же награда. Так, М. Мальцев пишет, что героическая 30-я дивизия «в честь освободительного похода от Урала до Иркутска... была названа «Иркутской» и награждена орденом Красного Знамени»¹⁷. На следующей странице автор утверждает, что «за взятие Перекопа 30-я дивизия награждается вторым орденом Красного Знамени». Ошибку М. Мальцева повторили И. Кузнецов и И. Полонский в статье «Комкор И. К. Грязнов»¹⁸. В действительности же эта дивизия первый раз была награждена Реввоенсоветом Республики 10 апреля 1920 г. не орденом Красного Знамени, а Почетным Революционным Красным Знаменем¹⁹. В ноябре она приняла активное участие в беспримерном форсировании Чонгарской и Сивашской переправ и в разгроме Врангеля, за что была награждена первым орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики от 4 марта 1921 г. сказано, что 30-я стрелковая дивизия «награждается орденом Красного Знамени для прикрепления его к имеющемуся Почетному Революционному Красному Знамени за отличия в боях с врагами социалистического отечества»²⁰.

17 ноября 1919 г. «за доблестное взятие г. Лути»²¹ орденом Красного Знамени был отмечен 93-й стрелковый полк. Второй армейской частью, удостоенной этой высокой награды, был 190-й стрелковый полк. 7 декабря 1919 г. в 2 часа ночи он внезапным налетом захватил у станицы Вешенской переправу через Дон и отрезал белогвардейской бригаде путь к отступлению. «Противник вел атаку за атакой, — говорится в приказе Реввоенсовета Республики, — с железной стойкостью держались наши воины. Наконец, противник, собрав все свои силы, бросился последний раз в атаку, чтобы пробиться к переправе, но наши солдаты без команды бросились на «ура»... Обе стороны чувствовали, что наступил решительный момент. Противник не выдержал и начал отступать... Противник оставил на поле брани около тысячи человек одними убитыми»²².

Первыми из соединений этой высокой награды были удостоены 15-я и 51-я дивизии за штурм Перекопских и Юшуньских укреплений Врангеля в Крыму. Реввоенсовет Южного фронта по этому случаю отмечал: «В обстановке чрезвычайных лишений, невзирая на огромные потери, части дивизий доблестно выполнили свой долг перед родной страной, ворвались в Крым и положили прочное начало близкой ликвидации последнего гнезда российской контрреволюции. В воздаяние заслуг 51-й и 15-й дивизий Реввоенсовет фронта постановил: 1) наградить начдива 51-й товарища Блюхера повторным орденом Красного Знамени; 2) наградить этим же орденом начдива 15-й товарища Раудмец; 3) знамена этих дивизий удостоиваются знака ордена Красного Знамени»²³. За отличия на фронтах гражданской войны к 1 января 1931 г. орденом Красного Знамени было награждено 50 войсковых частей, соединений и учебных заведений²⁴.

¹⁶ «Свод законов РСФСР», 1919 г., № 18, ст. 207. Право награждения орденом войсковых частей вначале также принадлежало только ВЦИК. 10 сентября 1919 г. оно было предоставлено и Реввоенсовету Республики. ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 36, д. 65, л. 230.

¹⁷ М. Мальцев. Высшая награда. М. 1962, стр. 32.

¹⁸ «Военно-исторический журнал», 1963, № 2, стр. 57.

¹⁹ «Боевые подвиги частей Красной Армии 1918—1922 гг.», стр. 38.

²⁰ Там же, стр. 135.

²¹ Там же, стр. 23.

²² Там же, стр. 52—53.

²³ ЦГАСА, ф. 1454, оп. 2, л. 475, л. 277.

²⁴ Там же, ф. 54, оп. 3, д. 372, лл. 193—203.

Орденом Красного Знамени были отмечены также пять городов и ряд отдельных коллективов трудящихся, сыгравших большую роль в разгроме интервентов и белогвардейцев. Первым, по предложению М. И. Калинина, за героическую борьбу против Юденича VII съезд Советов 5 декабря 1919 г. наградил Почетным Революционным Красным Знаменем и орденом Красного Знамени Петроград²⁵. 26 февраля 1924 г. «за героическое участие в вооруженной борьбе против южнорусской контрреволюции»²⁶ ордена Красного Знамени был удостоен пролетариат Грозного, а 14 апреля 1924 г. — «рабочие городов Царицына, Луганска и Ташкента за заслуги, оказанные ими в гражданской войне, как центров обороны против империалистического натиска»²⁷. 2 января 1925 г. боевым орденом был отмечен «коллектив рабочих Челябинских угольных копей за помощь, оказанную им Красной Армии»²⁸, а 20 февраля — Главные Ростовские-на-Дону железнодорожные мастерские «за их революционную деятельность, начиная с 1894 года, а также за их активное участие и помощь Красной Армии в боевых действиях против Каледина»²⁹. Три года спустя, в 1928 г., первый советский орден засиял на знамени Ленинского комсомола, награжденного за боевые заслуги в годы гражданской войны.

Декретом ВЦИК от 8 апреля 1920 г. была учреждена особая награда — Почетное революционное оружие, которое было двух видов: холодное — «шашка (кортик) с вызолоченным эфесом, с наложенным на эфес орденом Красного Знамени» и огнестрельное — «револьвер, на рукояти которого прикрепляется орден Красного Знамени и серебряная накладка с надписью «честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии...»³⁰. «Почетное революционное оружие, как награда исключительная, — говорилось в декрете, — присуждается за особые боевые отличия, оказанные высшими начальствующими лицами в действующей армии»³¹. Фактически награждение этим оружием началось значительно раньше. Так, в постановлении ВЦИК от 8 августа 1919 г. говорилось, что командующий Восточным фронтом С. С. Каменев и командующий 2-й армией В. И. Шорин «за боевые отличия на Восточном фронте жалуются боевым оружием со знаком ордена Красного Знамени»³². Вслед за ними за «громкие заслуги, оказанные Советской республике и революции», этой награды в ноябре 1919 г. был удостоен С. М. Буденный³³. Четвертым по времени получил почетное революционное оружие командующий 5-й армией М. Н. Тухачевский, награжденный Президиумом ВЦИК 17 декабря 1919 г. «за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии доблестной Красной Армии на восток, завершившемся взятием гор. Омска»³⁴.

19 мая 1920 г. декретом ВЦИК было установлено, что особо отличившиеся защитники социалистического Отечества могут быть награждены вторым орденом Красного Знамени³⁵. Первыми этой чести были удостоены 15 июля 1920 г. командующий 4-й армией Западного фронта Е. Н. Сергеев, командующий 15-й армией А. И. Корк и командир 3-го конного корпуса Г. К. Гая³⁶. Всего, по данным Реввоенсовета СССР, к ноябрю 1934 г. орденом Красного Знамени было награждено 16 762 человека, в том числе одним орденом — 16 317, двумя — 378, тремя — 60³⁷, четырьмя — 6,

²⁵ «Петроградская правда», 21 декабря 1919 года.

²⁶ ЦГАСА, ф. 37837, оп. 1, д. 791, л. 12.

²⁷ Там же, л. 6.

²⁸ Там же, сборник приказов РВСР. 1925 г., приказ № 63.

²⁹ Там же, приказ № 167.

³⁰ «Свод законов СССР», 1924 г., № 29, ст. 255.

³¹ «Свод законов РСФСР», 1920 г., № 39, ст. 176.

³² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 36, д. 65, л. 215.

³³ Там же, лл. 283—284.

³⁴ ЦГАСА. Сборник приказов РВСР, 1919 г., приказ № 371. Всего к ноябрю 1934 г. Почетным революционным оружием были награждены 22 военачальника; среди них, кроме вышеназванных полководцев, — К. Е. Ворошилов, С. И. Гусев, А. И. Егоров, Н. Д. Каширин, А. И. Корк, Г. И. Котовский, И. С. Кутяков, С. К. Тимошенко, И. П. Уборевич, М. В. Фрунзе, Г. Д. Хаханьян и другие. Все они были награждены холодным оружием — шашками. Огнестрельного оружия были удостоены С. С. Каменев и С. М. Буденный.

³⁵ «Свод законов РСФСР», 1920 г., № 48, ст. 213.

³⁶ ЦГАСА. Сборник приказов РВСР. 1920 г., приказ № 342.

³⁷ ЦГАСА, ф. 54, оп. 3, д. 372, л. 179.

пятью — 1. Пять орденов имел В. К. Блюхер. Четыре раза были отмечены этой наградой К. Е. Ворошилов, С. С. Вострецов, Е. Г. Евдокимов, А. И. Лапин, Я. Ф. Фабрициус, и И. Ф. Федько. Среди героев, трижды награжденных боевым орденом, были и рядовые бойцы — водители бронемашин автобронепоезда ВЦИК имени Я. М. Свердлова В. В. Игнатович, Ю. Я. Марцинк и С. А. Пискунов.

Боевые ордена были вручены выдающимся деятелям Коммунистической партии и Советского государства: Ф. Э. Дзержинскому, М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирову, В. В. Куйбышеву, А. И. Микояну и др., а также известным пролетарским писателям Демьяну Бедному, Д. Фурманову и А. Серафимовичу.

За активное участие в гражданской войне этой высокой правительственной награды были удостоены 58 женщин. В их числе старейшая революционерка, начальник политического отдела 8-й и 13-й армий Р. С. Самойлова-Землячка, политрук 426-го стрелкового полка В. Кулама, пулеметчица 35-го кавполка П. Кузнецова и другие.

За большую помощь, оказанную Красной Армии, орден был вручен и наиболее отличившимся гражданским лицам, 30 апреля 1920 г. Реввоенсовет Республики награждал им рыбака слободы Никольской, Киевской области, П. К. Алексеева за то, что он в ночь на 16 декабря 1919 г. провел по тонкому льду Днепра части 1-й Богунской бригады, чем способствовал освобождению Киева. «Взятием Киева, — говорилось в приказе РВСР, — наши части в значительной мере обязаны тов. Алексееву, взявшему на себя великое и ответственное дело, которое он выполнил с честью»³⁸. 2 июля 1920 г. орденом Красного Знамени был награжден 13-летний школьник деревни Кошкино Федя Семенов, который «в бою 28 декабря 1919 г. близ мызы Мариенгоф... под губительным огнем противника помогал санитарам выносить раненых»³⁹.

Среди награжденных советским боевым орденом немало представителей трудящихся других стран: вождь монгольского народа Сухэ-Батор, трижды краснознаменец поляк, командир отряда И. Я. Строд, талантливый венгерский писатель-коммунист Мате Залка, прославленный герой серб Олеко Дундич, помощник командира 3-го интернационального полка немец Кампф Адольф, военный комиссар 20-й стрелковой дивизии чех Карл Ратнек, командиры дивизий поляки Казимир Квятек и Кароль Сверчевский и другие. В день 10-летия Октябрьской революции этой боевой наградой были отмечены ветераны мирового революционного движения — Клара Цеткин, Бела Кун, Макс Гельц, Жак Садуль и другие.

Наряду с орденом Красного Знамени РСФСР в годы гражданской войны были учреждены знаки отличия и в ряде других советских республик: ордена Красного Знамени и Серебряной Звезды в Армении; ордена Красного Знамени в Азербайджанской, Грузинской и Хорезмской республиках; ордена Красного Знамени, Красной Звезды (трех степеней), Красного Полумесяца (трех степеней) и Революционный Знак военного отличия Бухарской народной социалистической республики (БНСР). Эти награды выдавались местными правительствами гражданам, совершившим подвиги в борьбе с интервентами и белогвардейцами на территории их республик. После образования союзного государства ЦИК СССР учредил 1 августа 1924 г. единый орден Красного Знамени для всей страны⁴⁰. Право присуждения ордена в мирное время принадлежало ЦИК СССР и союзных республик, а в военное — также и Реввоенсовету СССР.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 5 мая 1930 г. все без исключения награжденные орденом Красного Знамени РСФСР были приравнены в правах к награжденным орденом Красного Знамени Союза ССР⁴¹. Вслед за этим стал вопрос о приравнивании в правах награжденных орденами других союзных республик. В связи с этим Президиум ЦИК СССР 13 августа 1933 г. издал специальное постановление, в котором говорилось: «Имея в виду историческое значение ордена Красного Знамени РСФСР, а также боевых орденов других союзных республик, замену их на ордена Красного Знамени СССР не производить. Распространить на лиц, награжденных орденами союзных республик (Красное Знамя, Красная Звезда и Красный Полумесяц) права и преимущества, присвоенные награжденным орденом Красное Знамя Союза ССР

³⁸ ЦГАСА. Сборник приказов РВСР. 1920 г., приказ № 206.

³⁹ Там же, приказ № 261.

⁴⁰ «Свод законов СССР», 1924 г., № 4, ст. 48.

⁴¹ «Свод законов СССР», 1930 г., № 26, ст. 288.

с соблюдением следующих условий: если орден союзной республики выдан за совершение боевого подвига и награждение подтверждено приказом Реввоенсовета Союза ССР; если награжденный одним из указанных орденов союзных республик не имеет за этот же подвиг Красного Знамени Союза ССР или приравненного к нему ордена Красного Знамени РСФСР»⁴².

Всего в приказах Реввоенсовета СССР к 1934 г. было объявлено 514 человек, награжденных орденами союзных республик, в том числе орденом Красного Знамени Азербайджана—21 чел., Армении—182, Хорезма—74, Грузии—21, орденом Серебряной Звезды Армении—2 чел., Красной Звезды БНСР—142, Красного Полумесяца—72⁴³.

Многие граждане СССР имели по несколько орденов союзных республик. Например, командующий войсками Туркестанского фронта С. А. Пугачев был награжден тремя орденами, Главнокомандующий вооруженными силами Республики С. С. Каменев и начальник 2-й Кавказской стрелковой дивизии, ныне генерал-лейтенант в отставке А. И. Тодорский—двумя орденами. В связи с этим Президиум ЦИК Союза ССР 17 декабря 1933 г. постановил, «что лица, награжденные за боевые заслуги более чем одним орденом союзных республик... и подпадающие под действие постановления Президиума ЦИК СССР от 13 августа 1933 г., приравниваются в правах к награждению орденами Красное Знамя Союза ССР в отношении лишь одного ордена — первого по времени вручения»⁴⁴.

В годы Великой Отечественной войны ордена Красного Знамени были удостоены тысячи лучших воинов Советской Армии, а также партизан, проявивших высокий патриотизм и мужество при защите социалистического Отечества. Боевым орденом награждены Военно-политическая академия имени В. И. Ленина, Военная академия имени М. В. Фрунзе, Военно-воздушная инженерная академия имени Н. Е. Жуковского, Военно-инженерная академия имени В. В. Куйбышева и другие учебные заведения Советской Армии, а также сотни воинских частей, соединений, кораблей, коллективов и организаций. Орден Красного Знамени был вручен также многим летчикам французской эскадрильи «Нормандия», тысячам воинов польских, чешских, болгарских и румынских частей, принимавшим вместе с советскими войсками участие в борьбе с немецкими фашистами. Орден Красного Знамени — яркое свидетельство мужества и воинской доблести многотысячного отряда его кавалеров.

В. В. Душенькин

⁴² ЦГАОР, ф. 3316, оп. 12, д. 538, лл. 9, 9 об.

⁴³ ЦГАСА, ф. 54, оп. 3, д. 372, лл. 83, 86.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 3316, оп. 2, д. 548, л. 5.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕДНЕЙШЕГО КРЕСТЬЯНСТВА

Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая XXII съездом КПСС, наметила мероприятия, осуществление которых обеспечит советским людям достижение наивысшего в мире уровня жизни. В числе этих мероприятий — социальное обеспечение колхозного крестьянства. «Государственные органы, профсоюзы, колхозы, — записано в Программе, — по мере роста национального дохода в течение двадцатилетия постепенно возьмут на себя материальное обеспечение всех граждан, потерявших трудоспособность по возрасту или вследствие инвалидности... Пенсии по старости распространятся на колхозников»¹. Колхозники «будут пользоваться всеми видами социального обеспечения»².

¹ «Материалы XXII съезда КПСС». М. 1962, стр. 394.

² Там же, стр. 384.

Вопрос о социальном обеспечении крестьянского населения необычайно сложен. Только победа социалистической революции сделала возможным его постановку. Как известно, в капиталистическом мире вопрос о социальном обеспечении крестьян никогда не стоял на повестке дня. Впервые в истории попытка создать пенсионное обеспечение крестьян была предпринята около 35 лет назад в СССР. К сожалению, этот факт не нашел отражения в экономической и юридической литературе по вопросам социального обеспечения колхозников, изданной в последние годы³.

История разработки в нашей стране первого закона о пенсиях крестьянам — свидетельство большой заботы ленинской партии и Советского правительства о насущных интересах трудящихся масс. В первое десятилетие после победы Октября в необычайно сложных экономических условиях развития страны изыскивались средства и разрабатывались методы материальной помощи беднейшему крестьянству, еще не вступившему в коллективные хозяйства, а позднее — формы социального обеспечения колхозного крестьянства.

15 октября 1927 г. на юбилейной сессии ЦИК, посвященной десятилетию Октябрьской революции, был зачитан Манифест Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР ко всем рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам, к пролетариям всех стран и угнетенным народам мира. «Союз Советских Социалистических Республик, — говорилось в Манифесте, — считает своей кровной задачей всемерное развертывание всех сил пролетариата и неуклонный подъем благосостояния трудящихся масс города и деревни»⁴. Среди десяти пунктов Манифеста, направленных на выполнение этой задачи, был пункт 6-й, согласно которому Президиуму ЦИК и СНК СССР поручалось «разработать закон о приступе к постепенному обеспечению за счет государства лиц престарелого возраста из маломощных слоев крестьянства и внести его на ближайший съезд Советов»⁵.

Этот пункт Манифеста имел свою историю. Выступая на II съезде Советов 8 ноября 1917 г., В. И. Ленин говорил о том, что в Наказе 242 крестьянских советов, включенном в Декрет о земле, выражена воля огромного большинства крестьян всей России, и потому он будет проведен в жизнь. Одно из положений этого Наказа, поддержанного В. И. Лениным, гласило, что земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, получают от государства пенсионное обеспечение⁶. Через четыре дня Советское правительство приняло Декларацию о социальном обеспечении, которая начиналась следующими словами: «Пролетариат России поставил на своем знамени полное социальное страхование наемных рабочих, а также городской и сельской бедноты»⁷.

Однако в первые годы Советской власти осуществление этой задачи, весьма осложнившееся рядом объективных обстоятельств и прежде всего борьбой с внутренней и внешней контрреволюцией и экономической разрухой в стране, было ограничено рамками оказания помощи главным образом инвалидам и семьям призванных в Красную Армию.

В начале нэпа, 14 мая 1921 г., Совнарком издал декрет «Об улучшении дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семей красноармейцев». В этом декрете, подписанном В. И. Лениным, указывалось: «Вследствие введения продналога и уничтожения внутренней продразверстки красноармейские и маломощные хозяйства лишились существовавшей ранее помощи им со стороны более сильных хозяйств. Рабоче-крестьянская власть не может оставить без помощи красноармейские и маломощные хозяйства...»⁸. Спустя несколько дней, 22 мая 1921 г., В. И. Ленин направил всем губкомам и губисполкомам телеграмму, в которой писал, что в деле помощи маломощ-

³ См., например, С. Н. В л а с о в, А. В. Л е в ш и н. Социальное обеспечение колхозников. М. 1960; Ю. Р. Т и г н. Пенсии и пособия в колхозах. М. 1960; «Общественные фонды и рост благосостояния народа в СССР». М. 1962, стр. 134—150; А. А. Р у с к о л. Материальное обеспечение престарелых и нетрудоспособных колхозников. М. 1962.

⁴ «Известия», 16 октября 1927 года.

⁵ Там же.

⁶ См. В. И. Л е н и н. Соч. Т. 26, стр. 227.

⁷ «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства», 1917, № 2.

⁸ «Известия», 18 мая 1921 года.

ному крестьянству «особо важное политическое значение приобретает работа органов социального обеспечения... Вместе с тем, учитывая слабость ресурсов Республики, необходимо организовать взаимопомощь крестьянству на основах декрета Совнаркома от 14 мая 1921 г., для чего предлагается провести широкую агитацию для создания крестьянских обществ взаимопомощи, разъясняя их значение, объяснить крестьянству, что создание крестьянских обществ взаимопомощи отнюдь не поведет к ослаблению нужной помощи крестьянству и семьям красноармейцев»⁹.

Вопрос о пенсиях престарелым крестьянам был конкретно поставлен в 1925 г., когда Наркомсобес предложил постепенно начинать пенсионное обеспечение стариков из маломощных хозяйств¹⁰. Проект положения о государственном обеспечении крестьян, подготовленный к Юбилейной сессии ЦИК (1927 г.), предусматривал, что сначала пенсия будет назначаться крестьянам, достигшим 70-летнего возраста. Затем пенсионное обеспечение должно постепенно охватывать все более широкий круг престарелых крестьян с тем, чтобы через 5 лет пенсионный возраст понизился до 60 лет. Размер пенсий устанавливался на уровне годового дохода едока в средней крестьянской семье — 50 рублей. По ориентировочным расчетам, основанным на данных переписи населения 1926 г., в первый год эту пенсию должны были получать 630 322 человека, во второй — 808 606, в третий — 1 135 389, в четвертый — 1 535 402 и в пятом году число пенсионеров должно было равняться 1 609 000 человек¹¹.

Значение 6-го пункта Манифеста ЦИК о пенсиях крестьянам по старости оценивалось очень высоко. «Советское правительство, — говорил М. И. Калинин в речи на Юбилейной сессии, — принимает такую меру как начало, зародыш действительного выполнения социалистической программы... Эта мера социалистическая, это один из пунктов социализма...»¹². Характеризуя практические предложения Манифеста, Г. И. Петровский отмечал, что «самое важное из них — это начало проведения социального страхования от старости бедняцких слоев села. Несомненно, что в дальнейшем, по мере увеличения материальных средств, это начало получит большое развитие»¹³.

Шестой пункт Манифеста был быстро поддержан на местах. Так, в постановлении ЦИК и СНК БССР от 10 ноября 1927 г. поручалось народному комиссариату финансов и народному комиссариату социального обеспечения «немедленно приступить к подготовке к постепенному обеспечению за счет государства престарелых лиц из неимущих слоев крестьянства»¹⁴. А немного позже Президиум ЦИК БССР возбудил ходатайство перед ЦИК СССР, чтобы социальное обеспечение крестьян-бедняков в деревнях было распространено и на престарелых бедняков трудового населения местечек¹⁵. «Обеспечение престарелого маломощного крестьянства, — писали работники одного из местных органов собеса, — вполне назрело, и введение его необходимо. Вопрос заключается только в том, чтобы, с одной стороны, выявить всех нуждающихся престарелых крестьян, а с другой стороны, найти наилучшие организационные формы их обеспечения»¹⁶. Несмотря на то, что Манифест намечал только разработку закона о постепенном внедрении пенсионного обеспечения на селе, местные органы уже в 1927/28 г. стали назначать пенсии старикам из маломощных хозяйств. Так, в Брянской губернии для обеспечения 400 пенсионеров было выделено 10 тыс. руб., в Смоленской губернии на эти цели ассигновалось 5 тыс. руб., в Архангельской — 3 тыс. рублей. В 1928/29 г. Брянская губерния приняла на пенсионное обеспечение 500 стариков, выделив для этого 25 тыс. рублей. В Иваново-Вознесенской губернии было ассигновано 10 тыс. руб. на 223 человека, в Архангельской губернии — 3 тыс. руб. на 60 человек и т. д.¹⁷.

На 1929/30 г. Наркомсобес (НКСО) дал своим местным органам контрольные

⁹ Цит. по журналу «Вопросы социального обеспечения», 1928, № 7—8, стр. 3.

¹⁰ Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР), ф. 1235, оп. 28, ед. хр. 60, л. 6.

¹¹ «Известия», 20 октября 1927 года.

¹² «Известия», 21 октября 1927 года.

¹³ «Известия», 18 октября 1927 года.

¹⁴ «Савецкая Беларусь», 19 ноября 1927 года.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 3316, оп. 20, ед. хр. 295, л. 1.

¹⁶ «Вопросы социального обеспечения», 1928, № 24, стр. 4.

¹⁷ «Вопросы социального обеспечения», 1929, № 17, стр. 5.

цифры пенсионного обеспечения крестьян. «Органы собесов, — писал по этому поводу ведомственный журнал НКСО, — должны проявить максимум энергии и настойчивости в продвижении вопроса в плановых и финансовых отделах исполкомов в части ассигнования ими средств на эти цели на 1929/30 г., не дожидаясь опубликования закона, имея в виду, что преподанные Наркомсобесом цифры по обеспечению крестьян-стариков согласованы с Госпланом РСФСР»¹⁸.

Разработкой закона о пенсионном обеспечении занимался Наркомсобес, и подготовленный им проект в апреле 1928 г. обсуждала II сессия ВЦИК XIII созыва. Перед началом работы этой сессии М. И. Калинин писал: «Достижение соответствующей степени коммунизации Советского государства лучше всего сказывается на социальном обеспечении... Последняя сессия ЦИК Союза, можно сказать, вписала новую превосходную страницу в историю развития в Советском Союзе социального обеспечения неимущих лиц... Принято важнейшее принципиальное решение внести на ближайший съезд Советов законопроект обеспечения неимущих крестьян престарелого возраста»¹⁹.

В ходе работы сессии состоялось совещание членов ВЦИК, на котором был поставлен специальный вопрос — обсуждение проекта положения о государственном обеспечении маломощных крестьян престарелого возраста. Первая статья этого проекта гласила: «Правом на государственное обеспечение в порядке настоящего Положения пользуются маломощные крестьяне обоего пола 60-летнего возраста и старше, проживающие в сельских местностях, занимающиеся сельским хозяйством, а также и бесхозные, принадлежащие к трудовым слоям деревни»²⁰. Эта формулировка проекта выражала, если можно так сказать, конечную цель Положения. На практике право на пенсию должны были приобретать не сразу все крестьяне, достигшие 60-летнего возраста, а только определенная их часть. Распространить же пенсионное обеспечение на всех престарелых крестьян предполагалось постепенно, в течение 5 лет. Для осуществления этого предлагалось два пути. Один — давать пенсии, начиная с 70 лет и постепенно снижать пенсионный возраст до 60 лет, другой — назначить в первую очередь пенсию наиболее нуждающимся крестьянам от 60 лет и старше.

Первое предложение легло в основу проекта положения о пенсиях крестьянам, подготовленного в 1927 г. к Юбилейной сессии ЦИК СССР. Имеются данные о том, что местные органы, начавшие выдавать пенсии престарелым жителям деревень, также исходили из возрастного, а не из имущественного принципа. Так, в АССР Немцев Поволжья на 1928/29 г. было выделено 10 тыс. руб. для обеспечения 350 человек в возрасте старше 70 лет²¹.

Второе предложение было вынесено Наркомсобесом на сессию ВЦИК в апреле 1928 года. Согласно этому предложению, право на пенсию получали престарелые крестьяне, не имевшие средств к существованию или являвшиеся членами хозяйств, доходность которых была недостаточна для удовлетворения потребностей семьи. В течение первого года Наркомсобес предлагал обеспечить пенсиями остро нуждающихся стариков из следующих групп хозяйств: а) из хозяйств, не имеющих ни скота, ни земли; б) без скота, с количеством земли до $\frac{1}{4}$ десятины; в) без скота, с количеством земли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ десятины; г) с 1 головой крупного рогатого скота и $\frac{1}{4}$ десятины земли; д) с 1 головой скота и с $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ десятины земли²². Отнесение к той или иной группе должно было производиться на основе налоговых данных Наркомфина. Намечалось, что старики, являвшиеся членами хозяйств, освобожденных от уплаты сельскохозяйственного налога, должны быть обследованы для выяснения, принадлежит ли тот или иной престарелый крестьянин к какой-либо из групп хозяйств, указанных выше. Общее количество пенсионеров в первый год действия этого Положения определялось цифрой 428 036 человек²³. Наркомсобес предполагал ежегодно увеличивать количество пенсионеров-крестьян в равной степени по каждой области — в 1930/31 г. на 49,1%, в 1931/32 г. — на 65,4% и в 1932/33 г. — на 46,4%. В течение

¹⁸ Там же, стр. 6.

¹⁹ «Известия», 22 марта 1928 года.

²⁰ «Что сказала II сессия ВЦИК XIII созыва по социальному обеспечению». М., 1928, ст. 168, см. также «Крестьянская взаимопомощь», 1928, № 19 (43), стр. 17.

²¹ «Вопросы социального обеспечения», 1928, № 24, стр. 4; 1929, № 17, стр. 5.

²² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 28, ед. хр. 10, л. 61—62.

²³ Там же, ед. хр. 60, л. 17.

1929—1933 гг. число пенсионеров должно было вырасти в 3,6 раза и составить 1 544,6 тыс. человек ²⁴.

При решении вопроса о размере пенсии Наркомсобес исходил из следующего принципиального соображения: пенсия должна удовлетворять насущные жизненные потребности примерно на том же уровне, который был у данного лица до назначения пенсии ²⁵. Определение жизненного уровня крестьянина-пенсионера производилось различными способами: исчислялся размер пенсии батрака по соцстраху ($\frac{4}{9}$ среднего заработка), высчитывался средний доход на едока в бедняцком хозяйстве и т. д. Все эти способы давали один и тот же результат — приблизительно 50 руб. в год. Эта сумма и была взята в качестве средней величины пенсии. Она дифференцировалась в пределах от 40 до 60 руб. в зависимости от конкретных особенностей отдельных областей.

Немаловажное значение имел и вопрос о том, из каких средств должны быть ассигнованы суммы на пенсии крестьянам. Некоторые считали, что эти расходы должны принять на себя государственный бюджет. Однако такая точка зрения не получила поддержки. Было решено, что примерно половина расходов будет оплачиваться из местных бюджетов. Это, с одной стороны, должно было повысить ответственность местных органов за правильность назначения пенсии, а с другой — облегчило бы работу по сбору налогов, идущих в местные бюджеты.

Назначение пенсий должно было производиться волостными комиссиями по назначению социального обеспечения с участием бедняков данного района по ходатайству сельского Совета. Пенсии намечалось выплачивать раз в 4 месяца по месту жительства пенсионера.

Таковы были основные черты проекта положения о пенсионном обеспечении престарелых крестьян, вынесенного Наркомсобесом на II сессию ВЦИК XIII созыва. Собрание членов ВЦИК, обсуждавшее этот проект, приняло следующую резолюцию: «Считать издание такого закона своевременным и, придавая большое значение этому закону, высказаться за то, чтобы закон был подвергнут обсуждению в течение ближайшего времени...» ²⁶.

Сведения о дальнейшем продвижении закона о пенсиях крестьянам содержатся в деле Секретариата ЦИК СССР «О пенсионном обеспечении маломощных крестьян престарелого возраста» ²⁷. В Постановлении секретариата ЦИК от 19 мая 1928 г. было указано: «Придавая важное значение своевременному выполнению Манифеста ЦИК Союза ССР от 15 октября 1927 г. о подготовке закона об обеспечении за счет государства лиц престарелого возраста из маломощных слоев крестьянства с таким расчетом, чтобы названный закон был внесен на ближайший съезд Советов Союза ССР, — предложить СНК Союза ССР не позднее 1 ноября с. г. представить в Президиум ЦИК Союза ССР разработанный проект этого закона» ²⁸.

Затем было решено, что проект пенсионного законодательства для беднейших крестьян будет слушаться в апреле 1929 г. вместе с другими вопросами, намеченными для обсуждения на V съезде Советов СССР. Однако подготовить законопроект к этому сроку не удалось: отдельные республики не представили необходимых сведений, не было проведено достаточно широкого обсуждения проекта на местах. Поэтому вопрос о законе не был включен в повестку дня съезда Советов ²⁹.

Тем не менее съезд обсуждал вопрос о социальном обеспечении крестьянства. В отчетном докладе правительства съезду говорилось: «Манифестом ЦИК Союза ССР было предусмотрено распространение страхования и на деревню. Сейчас мы еще не закончили рассмотрение этого закона, который должен быть издан в связи с этими решениями. Проект, который в ближайшем будущем будет обсуждаться в СНК Союза ССР, намечает обеспечение маломощных крестьян престарелого возраста обоего пола. Ввиду больших расходов, которые потребуются на это дело, мы начинаем в этом году со сравнительно небольшой нормы обеспечения — 60 рублей в год, исходя из необхо-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 18.

²⁶ Там же, л. 81.

²⁷ Там же, ф. 3316, оп. 21, ед. хр. 564.

²⁸ Там же, л. 10.

²⁹ Там же, л. 15.

димости ассигновать на это дело 20 с лишком миллионов рублей. Этим делается первый шаг к уравниванию города и деревни в отношении социального страхования»³⁰.

В своем выступлении на съезде нарком социального обеспечения Д. Наговицын отмечал, что в связи с подготовкой к изданию закона об обеспечении стариков из маломощного крестьянства органы социального обеспечения провели специальное обследование по РСФСР для того, чтобы установить на местах число престарелых лиц, которых нужно обеспечить. Обследование показало, что «в ближайшем году возможно и необходимо будет обеспечить примерно 560 тыс. стариков. По всему Союзу требуется на это дело около 29 млн. рублей. Эти 560 тыс. стариков являются наиболее нуждающимися. Они или не имеют совершенно никакого хозяйства, или не имеют никаких родственников, беспризорны или находятся в маломощных хозяйствах»³¹.

После V съезда Советов продолжалась работа по подготовке закона о пенсионном обеспечении престарелых крестьян-бедняков. В частности, 16 июля 1929 г. СНК СССР слушал доклад по данному вопросу, подготовленный правительством РСФСР³². Из документальных источников видно, что ЦИК СССР занимался этим законом до ноября 1931 года³³.

Однако в условиях массового перехода крестьян от единоличных форм хозяйствования к крупному коллективному сельскохозяйственному производству предложенный проект пенсионного законодательства не соответствовал требованиям времени. Значение этого проекта было точно определено М. И. Калининым, который указывал, что введение пенсионного обеспечения маломощных крестьян сделает социализм понятнее, ближе и роднее единоличникам — мелким по своей сущности собственникам³⁴. Очевидно, что с превращением крестьян в колхозников эта задача пенсионного обеспечения отпадала, а следовательно, отпадал и данный проект закона о пенсиях крестьянам. Об этом говорили и сами авторы проекта. «По мере преобразования единоличного крестьянского середняцкого хозяйства в более совершенную коллективную форму, — указывал один из них, — в деревне будут созданы другие формы социального обеспечения престарелых»³⁵.

Касаясь проекта закона о пенсиях крестьянам на V съезде Советов в мае 1929 г., нарком социального обеспечения отмечал, что мероприятия, предусматриваемые этим проектом, представляют собой только первый шаг в деле социального обеспечения трудящихся деревни. Вторым шагом, по его мнению, должно было стать обеспечение стариков «среди крестьянства, охваченного коллективами, чтобы на основе взносов самих колхозов, из их доходов создать фонды, образовать кассы с участием государственного бюджета в той мере, в какой это нужно будет, чтобы постепенно разворачивать страхование крестьянства, охваченного колхозами»³⁶.

Этот шаг был сделан в июне 1931 г., когда СНК РСФСР утвердил Положение о кассах общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц³⁷. В феврале 1932 г. ЦИК СССР принял специальное постановление, в котором было указано: «Кассы взаимопомощи колхозов должны оказывать помощь колхозникам в случае... старости»³⁸. С тех пор изменялись только организационные формы пенсионного обеспечения членов колхозов. Принципы же, лежащие в основе социального обеспечения колхозного крестьянства, оставались неизменными. В предвоенные годы перед страной стояли неотложные задачи создания мощной индустрии и укрепления обороноспособности страны, а послевоенный период требовал огромных средств на восстановление хозяйства. Эти объективные условия, сопровождавшиеся ошибками в области руководства сельским хозяйством, вызванными культом личности Сталина, послужили причиной того, что пенсионное обеспечение колхозников развивалось крайне недостаточно.

После XX съезда партии и сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС положение в этой области заметно улучшилось. В 1954—1959 гг. на основе роста сельскохозяй-

³⁰ «Известия», 25 мая 1929 года.

³¹ «Вопросы социального обеспечения», 1929, № 11, стр. 2.

³² ЦГАОР, ф. 3316, оп. 21, ед. хр. 564, л. 27.

³³ Там же, л. 36.

³⁴ См. «Известия», 21 октября 1927 года.

³⁵ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 28, ед. хр. 60, л. 22.

³⁶ «Известия», 12 мая 1929 года.

³⁷ «Собрание узаконений РСФСР», 1931, № 34, стр. 287.

³⁸ «Собрание законов СССР», 1932, № 9, стр. 51.

ственного производства годовой доход колхозников от общественного хозяйства возрос примерно на 60 %, а социально-культурные расходы колхозов в расчете на одного трудоспособного увеличились в 2,9 раза и составили 400 тыс. рублей. Треть этой суммы была направлена на увеличение пенсионных фондов в колхозах. В результате число престарелых колхозников, получающих пенсию, возросло за 1957—1959 гг. на 48 %.

В период создания материально-технической базы коммунистического общества в СССР появляется необходимость разработки новых путей социального обеспечения в колхозах. Сельское хозяйство становится всесторонне развитым и высокопродуктивным, что позволяет выделить значительно больше средств на нужды социального обеспечения. Одним из характерных признаков периода развернутого строительства коммунизма, как отмечается в новой Программе КПСС, является постепенная ликвидация социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней. Этот процесс должен охватить и социальное обеспечение.

Л. С. Глязер

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СССР В АВСТРИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ

В центральных австрийских архивах в Вене хранится большое количество разносторонних по тематике документальных исторических материалов, охватывающих более чем тысячелетний период истории. Среди них значительную часть составляют материалы по истории народов СССР, которые сосредоточены в фондах пяти центральных самостоятельных архивов, подчиненных Главному архивному управлению (*Österreichisches Staatsarchiv — ÖS*).

В первом из них — Династическом, дворцовом и государственном архиве (*Haus-Hof und Staatsarchiv*, далее *HHSA*) хранятся документы, отражающие исторические события с X в. до наших дней, материалы Государственного совета, Государственной канцелярии (министерство иностранных дел), фонды посольств, консульств и миссий, архивы Священной Римской империи, фамилии Габсбургов, кабинета министров, личные фонды императоров и членов их семей.

Документы по истории России и русско-австрийских отношений сосредоточены главным образом в Отделе государств (*Staatenabteilung*), подразделе «В» — «Негерманские государства» (*Ausserdeutsche Staaten*) в фонде «Россия» (*Russland — Russika*). Документы этого фонда запечатлели почти пятивековую историю взаимоотношений двух крупных стран Европы начиная с конца XV века.

Среди коллекции грамот *HHSA* имеются подлинники австро-русских союзных договоров: от 8 февраля 1697 г. (против Турции), 6 августа 1726 г. (об оборонительном союзе против Турции и Швеции), 2 июня 1746 г. (против агрессии Пруссии); декларации России по поводу присоединения Австрии к подписанной 22 октября 1805 г. Потсдамской союзной конвенции между Россией и Пруссией против Франции, документы, дававшие русским представителям полномочия на переговорах относительно присоединения Австрии к этой конвенции. Здесь же находится текст договора о союзе между Австрией, Россией и Пруссией для совместного ведения войны против Франции (9 сентября 1813 г.) и др.

В библиотеке архива хранятся рукописи произведений Сигизмунда фон Герберштейна (1486—1566), австрийского дворянина, дважды побывавшего в Москве в качестве императорского посла, «*Moskovia*» и «*Rerum Moskovitarum kommentarii*» (1557 г.)¹; голштинского посла Адама Олеария «Описание путешествия» (два тома)

¹ Книга в русском переводе И. Н. Анонимова впервые издана в Петербурге в 1866 г. под названием «Записки о Московии барона Герберштейна». Второе издание в переводе А. И. Малеина «Книга о Московитском посольстве» (СПб. 1908).

(1656 и 1663)², а также «Дневник» секретаря австрийского посольства в Москве Иоанна Георга Корба за 1698—1699 годы.

В Общем административном архиве (Allgemeines Verwaltungsarchiv) сосредоточены материалы, касающиеся главным образом внутренней жизни Австрии: фонды дворцовой канцелярии с XVI в. до 1848 г., высших органов юстиции и полиции (до 1848 г.), министерств внутренних дел, юстиции, земледелия, торговли (1848—1918 гг.), соответствующих республиканских министерств и учреждений с 1919 по 1938 г. и после 1945 года.

В Финансовом архиве (Finanz- und Hofkammerarchiv) собраны материалы финансовых ведомств императорского и королевского двора, имперского и республиканского министерств финансов начиная с 1500 г. и до конца 40-х годов нашего века. Здесь хранятся также документы, связанные с русско-австрийскими дипломатическими отношениями XVI—XVIII веков.

В Военном архиве (Kriegsarchiv, далее — КА) сосредоточены исторические источники, отражающие европейскую и мировую историю почти за пять столетий. В составе КА более 20 фондов, охватывающих архивы военных учреждений. В нем имеются материалы дворцового военного совета (1556—1848 гг.), военного министерства (1848—1918 гг.), министерства государственной безопасности (1869—1922 гг.), генерального штаба армии (1816—1919 гг.), военного министерства Австрийской республики (1919—1938 гг.). Здесь хранятся также документы об австрийской армии и военных формированиях в Австрии (1918—1938 гг.), германском вермахте в Австрии (1938—1945 гг.), мемуары и др.

В составе КА находится также собрание карт, насчитывающее 55 тыс. картографических материалов (из которых 16 198 сугубо военные) с общим количеством 330 тыс. карт. Среди них уникальная карта Центральной Европы на 282 листах, включающая и часть юга России по линии Киев — Одесса; специальная карта 1 : 75 000 на 1 079 листах, где показаны Австро-Венгрия, Сербия, Румыния, часть Албании, Болгария, Россия и Верхняя Италия. В разделе «Россия» имеется 55 общих (сборных) карт Русского государства, в том числе карты Маттиаса Зейттера 1700 г., Кириллова — 1734 г.³, Шпетта — 1810 г., 3 генеральные и специальные карты, карты отдельных частей России. Кроме того, там содержатся 338 планов городов Российской империи. Например, карты Боденера: Астрахани — 1671 г., Азова — 1696 г., Москвы — XVII столетия, Петербурга — 1700-х годов. Сохранился также план осады Хотина в 1788 г., карта итальянского театра военных действий в 1799 г., планы битв при Требии и Нови (1799 г.).

В пятом архиве — Архиве транспорта (Archiv für Verkehrswesen) хранятся грамоты, книги, акты различных учреждений, ведавших железнодорожным и другими видами транспорта с 1811 по 1938 год, и т. д.

Наибольший интерес для советских историков представляют документы, связанные с именем В. И. Ленина, историей нашей партии и революционным движением в России. Известно, что в 1912 г. В. И. Ленин жил в Поронино. Этот польский город входил тогда в состав Австро-Венгрии. 8 августа 1914 г., то есть через несколько дней после начала первой мировой войны, Владимир Ильич Ленин был арестован австрийскими властями и доставлен в Новый Торг (Ноймаркт). По этому поводу сохранилась переписка между министерством внутренних дел в Вене, начальником полиции в Кракове Флатау, военным контрольным ведомством и прокуратурой⁴.

Дипломатические представители Австро-Венгрии в России пристально следили за внутренней политикой царизма, за ростом революционного движения в стране. О наиболее важных событиях они доносили в Вену. В архиве сохранились материалы

² Книга в русском переводе А. М. Ловягина издана в Петербурге в 1906 г. под названием «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно».

³ И. К. Кириллов (1689—1737) — выдающийся русский географ и картограф; в 1734 г. издал «Атлас Всероссийской империи». Вып. 1.

⁴ Ввиду явной абсурдности предъявленных В. И. Ленину обвинений на одиннадцатый день ареста он был освобожден из тюрьмы и получил разрешение выехать в Швейцарию (см. Allgemeines Verwaltungsarchiv. Archiv Ministerium des Innern. Fasz. 1383, KA I. Kriegsüberwachungsamt. Fasz. 4, 1537; HHSA, Politisches Archiv XL, Karton 199).

об отмене крепостного права в России, по истории революционного движения 70—80-х годов прошлого века⁵. Небезынтересно отметить, что атташе австро-венгерского посольства в Петербурге барон Эренталь написал мемуары «К аграрному вопросу в России» (1881 г.)⁶. Официальные представители Габсбургской монархии в своих отчетах подробнейшим образом сообщали о событиях первой русской революции, восстании на броненосце «Потемкин»⁷, о подавлении революции⁸.

В конце XIX—начале XX в. велись многочисленные русско-австрийские переговоры по финансовым вопросам и торговле, завершившиеся торговым договором между обеими странами в феврале 1906 года. Все это находит отражение в документах Австрийского государственного архива⁹.

Для изучения дипломатической истории кануна войны 1914—1918 гг. представляют несомненный интерес официальные отчеты австро-венгерского посла в Петербурге, отчеты и письма военных атташе, политические отчеты консулов в России, документы Генерального консульства в Петербурге (1904—1913 гг.) и консульства в Тифлисе (1897—1913 гг.)¹⁰.

Во время первой мировой войны информации о событиях в России поступали в Вену через нейтральные страны, в частности через Швецию. В архивах сохранилось донесение австро-венгерского посла в Стокгольме от 8 ноября 1917 г. о победе Великой Октябрьской социалистической революции, об аресте Временного правительства. А два дня спустя советник австро-венгерского посольства в Стокгольме Форстенберг послал в Вену отчет «К предыстории большевистской революции»¹¹.

О заблаговременном стратегическом сосредоточении австро-венгерских войск против России рассказывают документы «Русской группы» оперативного отдела главного командования австро-венгерской армии¹². О действиях австро-венгерской армии на оккупированной территории Украины повествуют документы Украинского отдела¹³.

В архивах хранятся документы по истории советско-австрийских отношений 1921—1938 годов¹⁴, в частности правовое, хозяйственное и политическое соглашение от 7 декабря 1921 г., о признании Австрией де-юре Советского правительства, об учреждении в Москве австрийского представительства и другие. Во время второй мировой войны СССР добивался восстановления суверенной Австрии. Весной 1945 г. Советская Армия освободила значительную часть ее территории от гитлеровской оккупации. Десять лет спустя, в мае 1955 г., по инициативе Советского правительства был подписан государственный договор, гарантировавший не только независимость Австрии, но и ее нейтралитет. Эти события также нашли отражение в материалах архива¹⁵.

Обширны документы о взаимоотношениях Австрии и России. В архивах сохранились материалы о Крымской войне 1853—1856 гг.¹⁶; о совместных действиях двух стран против войск Фридриха II, султанской Турции и Наполеона I. В архивах есть материалы о Семилетней войне 1756—1763 годов¹⁷. Имеются оригиналы писем за 1761 г. русского фельдмаршала Бутурлина имперскому канцлеру Кауницу о соединении с австрийскими войсками под Лоуденом и военных действиях против Пруссии¹⁸. Частично эти документы использованы Е. Щепкиным¹⁹. Для выяснения значения русско-австрийского антитурецкого союза представляет большой интерес переписка Иоси-

⁵ HHSA, Politisches Archiv X, Karton 50, 70.

⁶ Ibid.

⁷ Об этом доносил австро-венгерский консул в Одессе. HHSA, Politisches Archiv XXXVIII, Karton 331.

⁸ HHSA, Politisches Archiv X, Karton 124, 127.

⁹ Archiv für Verkehrswesen; Allgemeines Verwaltungsarchiv.

¹⁰ HHSA, Gesandtschaftarchiv, Fasz. 360, 366, 384, 400, 409, 441, 450, 455, 457; Generalkonsulat in Petersburg.

¹¹ HHSA, Politisches Archiv I, Fasz. 835.

¹² KA, Armeeoberkommando, Operationsabteilung, Karton 313.

¹³ Ibid., Ukraineabteilung Uk № 3641—3660.

¹⁴ HHSA, Staatsurkunden, Neueren Politisches Archiv, Fasz. 69—74.

¹⁵ Ibid., Staatsurkunden.

¹⁶ KA, Alte Feldakten, 1854—1857, Fasz. 313—335.

¹⁷ Ibid., 1756—1763, Fasz. 92—256.

¹⁸ HHSA, Kriegsakten, 430.

¹⁹ Е. Щ е п к и н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. СПб. 1902.

фа II и Екатерины II²⁰, использованная П. Митрофановым²¹, дневник путешествия русской царицы в Крым вместе с австрийским императором (май 1787 г.)²², а также материалы о союзе двух держав против Турции и русско-турецкой войны 1787—1791 годов²³.

Документы рассказывают о совместных действиях русской армии с австрийскими войсками против Франции в конце XVIII и начале XIX века. Среди документов находим неопубликованные письма фельдмаршала А. В. Суворова австрийскому императору Францу II от 9 и 28 апреля 1799 г. о вступлении русских войск в Филлах и о наступлении на Милан, «Наставление» А. В. Суворова, подлинник его приказа командующему австрийскими войсками генералу-фельдцейхмейстеру М. Ф. Меласу от 11 апреля, а также письма генерала П. А. Толстого, русского представителя при главной квартире австрийской армии, эрцгерцогу Карлу от 4 октября, командира корпуса генерала А. М. Римского-Корсакова эрцгерцогу Карлу от 16 октября того же года²⁴, фельдмаршала М. И. Кутузова австрийскому императору Францу II от 30 октября (12 ноября) 1805 г. о военных действиях против французской армии в Нижней Австрии²⁵.

Много любопытных данных можно почерпнуть из корреспонденции австрийского двора с нецарствовавшими членами русской императорской фамилии, переписки между австрийскими и русскими государственными деятелями, австрийским посольством в России с имперскими инстанциями, миссиями и частными лицами, а также государственной канцелярии с русским посольством в Вене; из нот, которыми обменивались австрийское посольство в Петербурге с русским министерством иностранных дел и русское посольство в Австрии с имперской государственной канцелярией и т. д.²⁶. Большой интерес для советских историков представляют документы о нашествии Наполеона на Россию, о войнах против наполеоновской Франции в 1813—1815 годах²⁷.

Об общности реакционных целей австрийских и русских монархов во второй половине XVIII и первой половине XIX в. сообщают материалы, касающиеся русско-польских отношений²⁸, об оккупации Австрией Западной Украины в 1772 г.²⁹, Польши в 1794—1796 гг.³⁰, «Свободного государства» Кракова в 1846 г.³¹, о походе войск первой и второй коалиций против революционной Франции³² и войне третьей коалиции против Франции в 1805 г.³³, об Аахенском конгрессе (1813 г.) и венских конференциях (1819—1820 гг.)³⁴, об образовании Священного союза (1815 г.)³⁵, о революции 1848 г.³⁶ и походе австрийских войск в Венгрию³⁷ для подавления революции.

В австрийских архивах хранятся многочисленные документы по истории национально-освободительного, крестьянского и революционного движения XVIII, XIX и начала XX в., касающиеся Западной Украины, Северной Буковины, которые до 1918 г. входили в состав Австро-Венгерской империи. Здесь находятся также материалы

²⁰ HHSA, Nachlässe Arneth.

²¹ П. Митрофанов. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. 1780—1790 гг. СПб. 1907.

²² HHSA, Russland II, Karton 236.

²³ Ibid., Kabinettsarchiv, Fasz. 78a, 79, 82. Staatskanzlei, Verträge betreffende Akten. Fasz. 4. KA, Alte Feldakten, 1787—1791, Fasz. 294—362.

²⁴ KA, Alte Feldakten, Fasz. 627—774, sonder Fasz. 643.

²⁵ Ibid., Alte Feldakten, 1805, Deutschland II, 46 3/4.

²⁶ HHSA, Russland II, Archiv des österreichisch-magyarischen Botschafters in Petersburg, Fasz. 137 6, 138, 140, 142, 144, 145, 146, 156, 157, 158, 159.

²⁷ KA, Alte Feldakten, Fasz. 894—1045.

²⁸ HHSA, Kabinettsarchiv, Fasz. 78a, 79, 82.

²⁹ KA, Alte Feldakten, Fasz. 260.

³⁰ Ibid., Fasz. 476.

³¹ Ibid., Fasz. 58—62a.

³² Ibid., 1792—1861, Fasz. 363—626, 627—774.

³³ Ibid., Fasz. 776—800.

³⁴ HHSA, Staatskanzlei, Archiv des österreichisch-magyarischen Botschafters in Petersburg 1, 3, 5, 56, 58.

³⁵ Ibid., Verträge betreffende Akten, Fasz. 7.

³⁶ KA, Alte Feldakten, Fasz. 64—71, 126—134, 181.

³⁷ Ibid., Fasz. 72—125, 135—152, 157, 162, 163, 177, 178, 484; HHSA, Staatskanzlei, Politisches Archiv X. Russland II, Karton 27a.

о революционном движении в Галиции³⁸, о польских восстаниях 1831 и 1863 годов³⁹.

Бурные события, происходившие в Европе в конце XVII и первой четверти XVIII в., — войны России, Австрии и Венеции с Турцией, Северная война и война за испанское наследство — широко освещаются в материалах Австрийского архива. Стремление Австрии привлечь Россию к антитурецкой коалиции способствовало оживлению политических отношений и дипломатической переписки между обеими странами в 80-х годах XVII века⁴⁰. В 90-х годах Петр I адресовал большое число посланий императору Леопольду I, часть из которых опубликована в первом томе «Писем и бумаг императора Петра Великого» (СПб. 1887). Во введении к этому изданию А. Ф. Бычков, дважды работавший в Венском архиве, отмечал, что он успел «переписать все находящиеся в них (архивах. — В. III.) письма и грамоты Петра Великого», в том числе хранящиеся в Венской библиотеке. Однако это утверждение не соответствует действительности. Автору этих строк удалось обнаружить в ННСА и сделать фотокопии с 20 ранее неизвестных нашим историкам подлинных грамот Петра I австрийскому императору, относящихся к последнему десятилетию XVII века. В советских архивах нет даже списков этих грамот. Кроме того, было изучено примерно такое же количество подлинных грамот Петра I императорам Леопольду I и Иосифу I. В отличие от вышеуказанных эти документы опубликованы в томах «Писем и бумаг императора Петра Великого», но со значительными неточностями.

Здесь же хранится Hofceremonialprotokolle (официальный дневник императорского двора) на 648 листах, посвященный торжествам в связи с пребыванием в Вене Великого посольства. В этом же фонде находится несколько сотен донесений из России Отто-Антон фон Плейера, первого формально аккредитованного при царском дворе австрийского дипломата. Он пробыл в России 26 лет (1692—1718). Несколько десятков донесений Плейера напечатано Н. Г. Устряловым (на языке оригинала) в приложениях к томам «Истории царствования Петра Великого».

Заслуживают внимания донесения из России цесарских резидентов Курция, Гварриента, Вильчека (1696—1711 гг.)⁴¹. Известный интерес представляют документы о пребывании за границей царевича Алексея Петровича (1716—1718 гг.)⁴².

После принятия Петром I титула императора и объявления России империей между австрийским и русским дворами по этому поводу началась длительная переписка историко-юридического характера. Она составляет целый том — 179 листов⁴³.

К годам правления Петра I относятся и хранящиеся в Военном архиве материалы о войнах против Турции в 1683—1699 гг., дипломатических переговорах во время Карловицкого конгресса⁴⁴, войне за испанское наследство, национальном восстании в Венгрии (1703—1711 гг.)⁴⁵, Северной войне⁴⁶. Среди них имеется и дипломатическая корреспонденция⁴⁷.

Интересны не опубликованные до сих пор доклады австрийского посла Тальмана из Константинополя в годы Северной войны. В них подробно рассказывается о внешней политике Порты накануне и после Полтавской битвы и, в частности, о взаимоотношениях с Россией⁴⁸.

Первый союз между Русским государством и Священной Римской империей был

³⁸ KA, Alte Feldakten, Fasz. 58—62a; Armeekakten, Fasz. 654—666, 669—700, 708—721.

³⁹ ННСА, Staatskanzlei IV, Fasz. 7. Archiv des österreichisch-magyarischen Botschafters in Petersburg I, 1807—1848, Fasz. 3, 5, 56, 58.

⁴⁰ Ibid. Russland I, Karton 14.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid., Karton 24—25.

⁴³ Ibid., Handschrift, Weis 79.

⁴⁴ KA, Alte Feldakten, Fasz. 162—180.

⁴⁵ Ibid., Fasz. 181—278.

⁴⁶ Ibid., Fasz., 282—285.

⁴⁷ Ibid., Fasz. 264.

⁴⁸ ННСА, Staatskanzlei, Turcica (Türkei), Fasz. 86. Aus Berichten des Kaiserlichen Gesandten Talman aus Konstantinopel. Впервые посольские доклады Тальмана использованы автором этой статьи в работе «Позиция Турции в годы Северной войны. 1700—1709 гг.» («Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы». М. 1959, стр. 103—162).

заключен в конце XV века. Об этом рассказывают записи 1489 и 1490 гг. в старинных регистрах, где записывалось содержание важнейших государственных актов. О развитии политических отношений между двумя государствами в XVI в. свидетельствуют такие документы, как послание Ивана III эрцгерцогу Филиппу Красивому (19 июня 1505 г.), материалы, связанные с ратификацией императором Максимилианом I договора о союзе с русским великим князем Василием III (август 1514 г.). Здесь же находятся документы, подтверждающие факт возобновления этого союза императором Карлом V (12 августа 1515 г.) и содержащие предложения русского посланника Булгакова о дальнейшем укреплении отношений между двумя державами (13 января 1531 г.), а также нотификационные грамоты (о вступлении на престол) Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Романова, Петра I и других русских царей, верительные грамоты русских послов, собрание русско-австрийских договоров начиная с XVI в., официальная и неофициальная переписка между членами царствующих фамилий⁴⁹.

Для истории России и русско-австрийских отношений второй половины XVI в. представляют интерес отчет Ганса Кобенцля о его миссии в Москву, докладная записка русского посла в австрийской империи Квашина (около 1577 г.), оригиналы агентурных донесений аббата Цира императору Максимилиану I⁵⁰ о его переговорах с князем А. М. Курбским в Литве⁵¹, документальные материалы военно-политического, дипломатического и клерикального характера о деятельности Тевтонского ордена в Прибалтике в XVI в. (переписка ордена с Ватиканом и правительствами европейских стран), о русско-ливонской войне 1558—1582 гг., о разгроме Ордена и прекращении его существования; здесь же имеются сведения о торговле ганзейских городов с Русским государством.

Более ограниченны материалы по истории России начала и середины XVII века. Сохранились письма Василия Шуйского к императору Рудольфу II о мятеже Лжедмитрия (май 1607 г.); переписка преемника Рудольфа-Маттиаса с русскими боярами. В одном из писем к императору (ноябрь 1615 г.) бояре, ставя точки над и, просили его впредь обращаться лишь к царю. После отправления этого письма в Вену прибыл русский посланник Иван Фомин, о котором до сих пор было известно, что он вместе с М. Юрьевым перевел в 1606 г. вторую часть трехтомного труда Леонардо Фронспергера «Kriegsbuch» («Воинская книга»). На этом основании историки высказывали предположение, что И. Фомин был, по-видимому, переводчиком Посольского приказа⁵². Однако материалы австрийских архивов расширили сведения о его деятельности. Сохранились памятная грамота русского посланника И. Фомина от 12 февраля 1616 г., сопроводительное письмо от 7 сентября 1616 г. и грамота Михаила Романова Маттиасу (декабрь 1716 г.)⁵³. Судя по этим документам, И. Фомину поручалось урегулировать отношения между обеими странами.

Документы, хранящиеся в центральных австрийских архивах, представляют большой научный интерес.

Использование этих материалов, несомненно, обогатит научные исследования историков.

В. Е. Шутой

⁴⁹ HNSA, Russland I, Karton 2, 4, 6, 18, Politisches Archiv X, Karton 42, 103.

⁵⁰ Ibid., Polonika.

⁵¹ См. «Археографический ежегодник» за 1957 г., М., 1958, стр. 460—466. Здесь напечатан на языке оригинала и в переводе на русский язык неполный текст четырех донесений Цира за 1569 и 1570 годы.

⁵² См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. 1955, стр. 572.

⁵³ HNSA, Russland I, Karton 6, 7.

ОБ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ ОСНОВЕ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА

В 1739 г. В. Н. Татищев привез в Петербург и представил на обсуждение часть своего труда «Истории Российской». Замечания и отзывы были разнообразны и противоречивы. Многие критиковали автора за тяжеловесность изложения. Некоторые видели в его труде «опровержение православной веры и закона». Пожалуй, не было лишь одного упрека — в отсутствии добросовестности. Никто из современников и ближайших последователей В. Н. Татищева не сомневался в его авторской честности. Уже в конце XVIII в. И. Н. Болтин, образованнейший историк своего времени, в полемике с Н. Леклерком и М. М. Щербатовым постоянно опирался на «Историю» В. Н. Татищева, подчеркивая, в частности, критический подход ее автора к источникам.

Вопрос об авторской честности В. Н. Татищева встал лишь в начале XIX в., когда А. Шлецер сформулировал новые требования научной критики, а Н. М. Карамзин, приступивший к работе над «Историей государства Российского», обвинил первого русского историка в вымыслах и подлогах. Все ссылки В. Н. Татищева на рукописи, неизвестные историку XIX в., все известия, происхождение которых представлялось неясным, Н. М. Карамзин квалифицировал как вымыслы. Такая резкая характеристика В. Н. Татищева как историка вызвала многочисленные выступления в его защиту. Серьезного внимания в этой связи заслуживают, например, мнения и аргументация С. М. Соловьева и К. Н. Бестужева-Рюмина¹. В конце прошлого столетия появилась работа И. Сенигова, целиком посвященная источниковедческому значению труда В. Н. Татищева². Широко сопоставляя летописные известия с текстом первой (неопубликованной) редакции «Истории», И. Сенигов проанализировал характер источниковедческих приемов В. Н. Татищева и сделал попытку определить некоторые источники «Истории». В результате он пришел к выводу, что «тенденциозность» В. Н. Татищева выражается лишь в сокращении известий клерикального характера. «Быть может, — резюмировал исследователь, — найдется изобретательный критик, который в этих опущениях усмотрит намеренное искажение фактов русской истории, но мы решительно отказываемся... произнести таковой приговор над первым русским историком»³.

Важнейшие итоги работы И. Сенигова были в дальнейшем приняты крупнейшим знатоком русских летописей А. А. Шахматовым. По его мнению, текст первой редакции «Истории» целиком построен на материалах источников, и лишь «перевод» сочинения на современный автору язык и «изъяснение» «темных мест» привели к таким переделкам текста источников, которые и навлекли подозрение в подлогах⁴.

Следует отметить, что А. А. Шахматов вообще очень внимательно относился к показаниям В. Н. Татищева. В последней своей крупной работе, посвященной реконструкции «Повести временных лет», он неоднократно ссылается на В. Н. Татищева. А. А. Шахматов не только использовал его материалы, но с вниманием относился к соображениям и предположениям историка⁵.

К «Истории Российской» неоднократно обращались и многие советские исследователи. В ряде общих работ по историографии можно найти замечания о методах работы В. Н. Татищева над источниками⁶. В отдельных исследованиях дается обоснование

¹ С. М. Соловьев. Писатели русской истории XVIII века. «Архив историко-юридических сведений». СПб. 1855. Кн. 2, 1-я пол. и др.; К. Н. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики. СПб. 1882.

² И. Сенигов. Историко-критическое исследование о новгородских летописях и о русской истории В. Н. Татищева. М. 1887.

³ Там же, стр. 307.

⁴ А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Дела и дни». Кн. I. Пггр. 1920, стр. 81.

⁵ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». Т. I. Пггр. 1916, стр. I, II, XVIII, XXIII.

⁶ См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М. 1941, гл. 4; М. Н. Тихомиров. В кн. «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. I. М. 1955, стр. 179—189; Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. М. 1957. Лекция 7.

возможности использования известий «Истории»⁷, рассматриваются особенности работы В. Н. Татищева над источниками⁸.

Однако среди некоторых наших исследователей замечается скептическое отношение к «Истории Российской», а ряд из них вообще предпочитает не пользоваться материалами В. Н. Татищева. Более того, в последнее время С. Л. Пештич сделал попытку подкрепить конкретным материалом характеристику В. Н. Татищева, данную Н. М. Карамзиным. Еще в статье, опубликованной в 1946 г., он подверг сомнению известия В. Н. Татищева, связанные с Волжской Болгарией⁹. В своей недавно вышедшей книге «Русская историография XVIII века»¹⁰ автор переносит эти сомнения на всю «Историю Российскую». Ввиду того, что в работах С. Л. Пештича негативное отношение к материалам В. Н. Татищева нашло наиболее законченное выражение, а также потому, что именно на эти работы ссылаются противники «засорения» исторической науки «домыслами» В. Н. Татищева, представляется необходимым обратить внимание на ту аргументацию, которой С. Л. Пештич обосновывает свои выводы.

И. Сенигов, сравнивая текст первой редакции «Истории» с различными летописями, исходил из того, что подход автора к источникам в первой редакции должен быть идентичен этому же подходу во второй редакции. С. Л. Пештич строит свои выводы также на сопоставлении первой редакции «Истории» с летописными текстами. При этом он утверждает, что уже на первом этапе работы В. Н. Татищев «1) подновлял язык (а иногда его архаизировал), сознательно распространяя и переделывая смысл древнего текста, 2) добавлял известия из нелетописных отечественных источников и источников иностранных, 3) вставлял свои рассуждения или версии для объяснения или связи одних фактов с другими»¹¹.

Два последних положения С. Л. Пештича вряд ли говорят против добросовестности В. Н. Татищева. Еще И. Сенигов отмечал факт подновления языка историком. И это не удивительно, если учесть, что В. Н. Татищеву приходилось сводить известия летописей, самых различных по времени возникновения и летописным традициям.

Не исключено, что в «Истории» встречаются и «архаизмы»: как-никак, В. Н. Татищев родился в XVII веке. К тому же работа над источниками так или иначе оказывает влияние на язык исследователя. Однако насколько этот факт важен для установления источниковедческого значения «Истории Российской», С. Л. Пештич не пишет. В его исследовании указаны случаи «сознательной переделки» В. Н. Татищевым «сообщений летописи». Очевидно, от убедительности этих примеров и зависит обоснованность главного вывода. Аргументируя свое положение о том, что В. Н. Татищев вообще переделывает и искажает летописный текст, С. Л. Пештич приводит три примера. В первом из них отмечается, что «краткое сообщение «Повести временных лет» под 1038 годом — «Ярослав иде на Ятвягы» — В. Н. Татищев уже в первой редакции снабжает такими подробностями: «И победи я, но град не може взяти»¹². Для сравнения С. Л. Пештич пользуется только текстом «Повести временных лет», изданной в 1950 г. по Лаврентьевскому списку, который, кстати, вообще не был знаком В. Н. Татищеву. В Хлебниковском и Погодинском же списках Ипатьевской летописи можно найти слова «и победи»¹³. В Густинской летописи читаем: «и победи их»¹⁴. Московский свод конца XV в. сообщает, что «Ярослав не може их взяти»¹⁵. Новгородская V, Тверская, Никоновская и некоторые другие летописи, также отметившие

⁷ См. Б. А. Рыбаков. Боярин — летописец XII века. «История СССР», 1959, № 5, стр. 77; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М. 1944, стр. 17.

⁸ М. Н. Тихомиров. Василий Никитич Татищев. «Историк-марксист», 1940, № 6; его же. О русских источниках «Истории Российской» в кн. В. Н. Татищев. История Российская. Т. I. М.-Л. 1962, стр. 39—53.

⁹ С. Л. Пештич. О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года. «Исторические записки», Т. 18. 1946.

¹⁰ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Л. 1961, стр. 226.

¹¹ Там же, стр. 237.

¹² Там же, стр. 237—238.

¹³ «Ипатьевская летопись». СПб. 1871, стр. 108 (варианты). По мнению А. А. Шахматова, Хлебниковский список правился по первоначальной редакции «Повести временных лет».

¹⁴ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. II. СПб. 1843, стр. 267.

¹⁵ ПСРЛ. Т. XXV, М. 1949, стр. 376.

неудачу похода, указывают, что поход был зимой, а весной князь вернулся в Киев¹⁶. Таким образом, вопреки мнению С. Л. Пештича упомянутый текст В. Н. Татищева имеет под собой прочное основание.

Во втором случае, как говорит С. Л. Пештич, «к такому же краткому сообщению летописи под 1040 годом — «Ярослав иде на Литву» — Татищев в первой редакции добавляет: «и повоева»¹⁷. Пример этот сам по себе не слишком яркий. К тому же в Хлебниковском и Погодинском списках можно найти слова «и победы»¹⁸, а в Густинской летописи — «и победы их»¹⁹.

Наконец, С. Л. Пештич усматривает «добавление» к известию 1041 г. «иде Ярослав на Мозовшаны в лодях» в следующих словах: «Много повоева и грады раззори и множество плена взя»²⁰. Между тем в Новгородской V летописи содержится значительно более детализированное, хотя в целом сокращенное изложение этих событий. Из сообщения летописи, в частности, следует, что в 1041 г. было два похода Ярослава, в результате которых Казимир вернул ему 800 человек русских, плененных ранее Болеславом, «кроме жен и детей»²¹. Согласно Никоновской летописи, второй поход был в 1043 году²². Некоторые сведения в связи с этими событиями содержатся также в Лаврентьевской (под 1043 г.) и в Новгородской I (под 1047 г.) летописях²³. По-видимому, в летописях сохранились фрагменты какого-то большого рассказа о походах Ярослава. «Добавление» В. Н. Татищева при этом совершенно теряется, как ничего не значащая деталь, которую могли содержать многие списки летописей.

Считая свой тезис доказанным, С. Л. Пештич стремится также выявить мотивы, которыми руководствовался В. Н. Татищев, будто бы переделывая текст «летописи». Ответ автор ищет в анализе мировоззрения В. Н. Татищева. Основу его идейных воззрений С. Л. Пештич видит в «монархических взглядах». Он обращает в этой связи внимание, например, на слова В. Н. Татищева «о братолюбии Ярополка»²⁴. Между тем Никоновская летопись сообщает, что Ярополк «плакася горко зело, и возопи глаголя: «У люте мне, брате мой драгий! лучше бы мне умерти, а тебе живу быти»²⁵. В этом же плане трактует С. Л. Пештич и отношение В. Н. Татищева к князю Владимиру («оправдание и восхваление Владимира») ²⁶, который, по сообщению историка, убил Блуда. Но, видимо, так же можно понять и фразу одной рукописи начала XVII в.: «Иде Владимир к Киеву и уби брата своего Ераполка, лукаваго господоубийственного Блуда»²⁷. Необходимо при этом иметь в виду, что в опубликованных летописях рассказ о Блуде явно не закончен.

С. Л. Пештич усматривает «монархические убеждения» В. Н. Татищева и в оценке историком событий 1113 г.: «Татищев в силу своих монархических убеждений хотел представить избрание Владимира Мономаха на киевский стол как дело знати, а не всего населения города, поэтому он место избрания не без умысла перенес к святой Софии»²⁸, хотя очевидно, что не все население приглашало Владимира, а лишь господствующая верхушка. Это подтверждается и источниками²⁹.

В том же плане (вымысел на основе монархических взглядов) С. Л. Пештич квалифицирует и описания В. Н. Татищевым внешнего облика князей. Но, во-первых, как

¹⁶ ПСРЛ. Т. IV, ч. 2-я, вып. I. Птгр. 1917, стр. 118; т. XV. СПб. 1853, стр. 147—148; т. IX. СПб. 1862, стр. 81.

¹⁷ С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 238.

¹⁸ «Ипатьевская летопись», стр. 108.

¹⁹ ПСРЛ. Т. II, стр. 267.

²⁰ С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 238.

²¹ ПСРЛ. Т. IV, ч. 2-я, вып. I, стр. 119.

²² ПСРЛ. Т. IX, стр. 82—83.

²³ «Лаврентьевская летопись». СПб. 1897, стр. 151; «Новгородская I летопись». М.-Л. 1950, стр. 181.

²⁴ С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 239, прим. 62.

²⁵ ПСРЛ. Т. IX, стр. 38.

²⁶ С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 239.

²⁷ Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 299, № 637, л. 185.

²⁸ С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 250.

²⁹ См. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М. 1955, стр. 138—139, 143—144.

отметил М. Н. Тихомиров, подобные описания встречаются в летописях³⁰. Во-вторых, как замечает А. В. Арциховский, «многие кенигсбергские миниатюры оказались довольно точными иллюстрациями этих описаний»³¹. Не исключено, что именно эти миниатюры и явились источником сведений В. Н. Татищева.

Можно отметить, что, видимо, следуя за летописями, В. Н. Татищев неодинаково относился ко всем князьям. С его резкой оценкой деятельности, например, Юрия Долгорукова, возможно, не согласятся многие современные исследователи.

Приведенный С. Л. Пештичем в качестве аргумента тезис о «монархизме» В. Н. Татищева при оценке достоверности сообщаемых последним сведений, по-видимому, вообще неудачен. В первой половине XVIII в. еще не было таких сильных антимонархистских тенденций, с которыми сторонникам монархии пришлось бы воевать столь решительными средствами, как заведомое искажение исторических источников.

Большого внимания заслуживает указание на «просветительские» взгляды В. Н. Татищева. В этом плане было с кем воевать. По мнению С. Л. Пештича, тенденциозность В. Н. Татищева проявляется в замене «известного ответа» Владимира магометанским послам: «Руси веселие есть питье, не можем без того быть» на «русом есть в веселие и здравие от пития с разумом пиемого» и фразы «со женами похоть творити блудную» на «со женами веселие творити»³². Нужно сказать, что мнимый ответ Владимира видоизменен уже в некоторых поздних летописях³³. Однако можно согласиться с тем, что В. Н. Татищев в данном случае дал свое переложение. Это один из тех моментов, которые И. Сенигов квалифицировал как «иной способ повествования»³⁴. Причем в рассматриваемых примерах этот «способ» вызывался, по-видимому, не столько «просветительскими взглядами» самого В. Н. Татищева, сколько желанием оградить себя от обвинения в «опровержении православной веры»³⁵. Сам С. Л. Пештич отмечает, что церковь вообще возражала против издания летописей без изменения языка и содержания³⁶.

Вызывает недоумение попытка С. Л. Пештича поставить знак равенства между «вымыслами» В. Н. Татищева и использованием им нелетописных источников, что не имеет ровно никакого отношения к вопросу о добросовестности историка. К тому же известно, что любой летописный свод включает в свой состав, помимо летописных записей, актовый материал, сказания, жития, предания и другие источники, достоверность которых требует той или иной проверки. Неизвестно; например, какому автору и какому времени принадлежит «ответ» Владимира магометанским послам.

В упрек В. Н. Татищеву ставится использование трудов польских хронистов, в частности Стрыйковского, которого, по мнению С. Л. Пештича, историк «старается... спрятать»³⁷. Можно подумать, что пользование польскими хрониками является чем-то постыдным для историка. Такой подход к вопросу непонятен, тем более что и сам С. Л. Пештич в другом месте дает высокую оценку «Хроники» Стрыйковского и призывает «возобновить изучение польских хронистов»³⁸. Примеры, приводимые С. Л. Пештичем, свидетельствуют скорее в пользу добросовестности автора «Истории» и еще раз обнажают уязвимое звено построений самого С. Л. Пештича. Последний, например, считает, что в связи с походом Владимира на болгар в 985 г. уже в первой редакции «Истории» В. Н. Татищев вкладывает в уста болгарских послов слова: «Аще камень по воде будет плавати, то мы дадим дань»³⁹. С. Л. Пештич считает, что перед нами очередной вымысел историка или (что одно и то же!) заимствование из Стрыйковского. Между тем упомянутый ответ читается в ряде летописей, в частности в Тверской и Никоновской, причем в более развернутом виде⁴⁰.

³⁰ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской», стр. 45.

³¹ А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 17.

³² С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 238—239.

³³ Ср. ПСРЛ. Т. IX, стр. 42; т. XX, ч. 1-я, стр. 67; т. II, стр. 253 и др.

³⁴ И. Сенигов. Указ. соч., стр. 280—281.

³⁵ См. В. Н. Татищев. История Российская. Т. I, стр. 85.

³⁶ С. Л. Пештич. Указ. соч., стр. 193—194.

³⁷ Там же, стр. 242.

³⁸ С. Л. Пештич. «Синопсис» как историческое произведение. Труды отдела древней русской литературы. Т. XV. М.-Л. 1958, стр. 288.

³⁹ С. Л. Пештич. Русская историография, стр. 240.

⁴⁰ Ср. ПСРЛ. Т. XV, стр. 77; т. IX, стр. 42.

Как можно видеть, С. Л. Пештичу не удалось доказать тезис о недобросовестности В. Н. Татищева. Для того, чтобы говорить о достоверности известий В. Н. Татищева, необходимо прежде всего выделить эти известия. Иными словами, необходимо провести сопоставление текста «Истории Российской» со всем огромным фондом летописных и нелетописных материалов, имеющих в нашем распоряжении. К. Н. Бестужев-Рюмин и П. Сенигов, в частности, строили свои выводы с учетом именно этого условия. В настоящее время в нашем распоряжении гораздо больше данных как о самом историке, так и о тех материалах, которые могли быть им использованы для написания «Истории». А. А. Шахматов не случайно в последний период своей деятельности обратился к В. Н. Татищеву. Он надеялся из-под слоя домыслов летописцев позднейшего времени и известий самого В. Н. Татищева извлечь древнейшие летописные традиции. Наблюдения М. Н. Тихомирова над текстом «Истории Российской» и примечаниями автора позволяют предполагать, что одну из таких традиций отражала «Раскольниковья летопись», использованная В. Н. Татищевым⁴¹. Одного этого было бы достаточно для того, чтобы привлечь внимание исследователей к «Истории Российской». В распоряжении же В. Н. Татищева были и другие источники, неизвестные в настоящее время, в частности летописи «Хрущева» и «Еропкина», а также «Летопись Волынского» (или «Симонова» летопись), которая, возможно, имеет не меньшее значение, чем летопись «Раскольниковья».

М. Н. Тихомиров выделяет особую группу источников «Истории», так называемые «топографии», или местные летописи. Не может быть сомнения в том, что В. Н. Татищев использовал эти источники уже при написании первого варианта своего труда. О «Муромской топографии» определенно известно, что она была у В. Н. Татищева лишь до 1722 года. Вместе с тем на эту «летопись» в тексте «Истории» имеется лишь одна ссылка⁴². Нельзя не согласиться с Л. В. Черепниным в том, что В. Н. Татищев фактически использовал «гораздо больший материал», чем указанный им⁴³. Автор «Истории» выражал сожаление, что не имеет возможности сослаться «ни на которой (манускрипт), кроме находящейся в постоянной книгохранительнице и монастырях»⁴⁴. Совершенно ясно, что круг источников «Истории Российской», неизвестных в настоящее время, достаточно широк как в первой редакции, так и во второй. Перед исследователями стоит сложная задача выявления их состава и происхождения.

До самого последнего времени эта задача затруднялась отсутствием издания «Истории» В. Н. Татищева, выполненного на уровне современных требований. Исследователи вынуждены были пользоваться ставшим библиографической редкостью и во многом несовершенным изданием XVIII века. Осуществляемое в настоящее время издание «Истории Российской» будет, несомненно, способствовать скорейшему изучению и введению в научный оборот тех материалов, которые сохранил для нас основоположник русской исторической науки.

А. Г. Кузьмин

⁴¹ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской», стр. 47—49.

⁴² См. В. Н. Татищев. История Российская. Т. I, стр. 285.

⁴³ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 178.

⁴⁴ В. Н. Татищев. История Российская. Т. I, стр. 91.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Д р о б и ж е в Владимир Зиновьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории СССР советского периода Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, автор ряда брошюр и статей по истории рабочего класса СССР и организации управления социалистической промышленностью.

К у к у ш к и н Юрий Степанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории СССР советского периода исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, автор монографии «Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни» и ряда брошюр и статей по истории советского строительства и коллективизации сельского хозяйства.

В ы л ц а н Михаил Августович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Специалист по истории советского крестьянства и колхозного строительства. Автор монографии «Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937 гг.)» и ряда статей.

Ч е р е п н и н Лев Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории СССР периода феодализма Института истории Академии наук СССР. Основные работы: «Русские феодальные архивы XIV—XVI вв.», ч. 1—2; «Русская палеография»; «Русская историография до XIX в.»; «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.» и др.

К о н Игорь Семенович, доктор философских наук, профессор Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, специалист по проблемам методологии истории. Автор монографии «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» и ряда других трудов.

Л е б е д е в Николай Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории международных отношений и внешней политики СССР Института международных отношений МИД СССР. Специалист в области истории международных отношений новейшего времени. Автор монографии «Румыния в годы второй мировой войны» и ряда других научных работ.

В ю н ш е Ренате, научный сотрудник Института всеобщей истории Германской академии политических и юридических наук имени В. Ульбрихта, специализируется в области истории Юго-Восточной Азии.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

10 октября с. г. в конференц-зале Института истории АН СССР (ул. Дмитрия Ульянова, 19) состоится обсуждение макетов первого и второго томов многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

V. Z. DROBIZHEV and Y. S. KUKUSHKIN. The Role of Popular-Scientific Literature in the Propagation of Historical Knowledge

The authors analyze a number of popular-scientific works devoted to the history of Soviet society, which appeared after the Twentieth CPSU Congress. While showing the important achievements made in this field, the authors at the same time draw the readers' attention to certain shortcomings that have to be overcome. The principal task of every popular-scientific work is to disseminate the latest scientific achievements. However, a close analysis of a series of recent publications shows that side by side with well-written and scientifically substantiated works our publishing houses are still putting out weak, superficial and stereotyped books. Quite a few publications of this type are called popular-scientific merely because they cannot be included in the category of scientific monographs.

In conclusion the authors dwell on certain organizational measures, the implementation of which could improve the entire work in the field of disseminating historical knowledge. It would be expedient, in their opinion, to coordinate the work of all publishing houses by drawing up a summarized plan for putting out popular-scientific literature, which would make it possible to avoid unnecessary duplication and concentrate the efforts of the best writers on major problems. It is also necessary to plan the development and extension of this type of literature in scientific-research institutes of the U.S.S.R. Academy of Sciences and in the country's higher educational establishments.

M. A. VYLTSAN. The Material Position of the Collective-Farm Peasantry in the Prewar Period

Drawing on new materials from the State Central Archive of the Soviet National Economy, the author of this article comprehensively examines the following two problems: the incomes derived by the collective farmers from the common enterprise and personal husbandry, and the consumption level of the collective-farm peasantry in 1933—1940.

The author shows how the growing volume of collective-farm output and the rising level of labour productivity enabled the collective-farm peasantry to derive ever higher incomes from the common enterprise. In the period under examination nearly 30 per cent of the total amount of grain harvested by the collective farms was distributed according to the number of workdays contributed by each peasant. The common enterprise almost fully satisfied the collective farmers' requirements in grain. Nevertheless, the collective farmers' personal husbandry continued to play an important part in their incomes. The data cited in the article on collective-farm family incomes show, for example, that most of the animal products were obtained by the collective farmers from their personal husbandry. This enables the author to draw the conclusion that the artel form of peasant cooperation, combining the common enterprise with personal husbandry, was a correct one and fully justified itself.

The radical changes in the peasants' material position, the author emphasizes, should be attributed to the advantages of the socialist economic system, the correct policy of the Communist Party and the devoted labour effort of the entire Soviet people.

L. V. CHEREPNIN. History in A. S. Pushkin's Creative Work

The author makes an attempt to analyze A. S. Pushkin's historical views by drawing on his critical notes, letters, diaries and other sources. The author shows that the great Russian poet and writer was well acquainted with major historical works of his time produced by Russian and foreign historians. He devoted much attention to ancient and West-European medieval history, to the Renaissance period, the French bourgeois revolution of the end of the 18th century and a number of other problems of world history. But his attention was always focussed on Russian history, for he was fully aware of its significance for fostering in man the feeling of national consciousness and national pride. Analyzing the process of world history, A. S. Pushkin was able to derive from it important lessons of social and political struggle.

A. S. Pushkin believed, writes L. V. Cherepnin, in the possibility of applying different methods of historical research and singled out several types of historical works. The most simple type presents a purely factual exposition of past events in their chronological sequence. Other types include historical narration in the form of annals, re-creation of the past by a critical analysis of historical sources, and philosophical interpretation of the historical process.

The article points out that the writer devoted his attention to such important problems as the objective laws governing the process of social development and the role of chance phenomena in history, the interrelation between national and universal history, the elements of similarity and distinction in the history of Russia and West-European countries, the Russian people's contribution to human progress, etc.

Side by side with annalistic, critical and philosophic history, the author points out, A. S. Pushkin attached serious importance to artistic portrayal of history. In the difficult conditions of autocracy and serfdom A. S. Pushkin was able not only to paint vivid and true-to-life portraits of such outstanding personalities as Peter the Great, but also to show the historical role of the popular masses. A. S. Pushkin's creative work, the author stresses, clearly shows that he was prompted to take up many important historical themes by contemporaneity. The writer also displayed considerable interest in diverse aspects of source research and archeology. A. S. Pushkin's methods of criticizing historical sources are distinguished for their variety and subtlety. The writer's superb knowledge of the Russian language and brilliant understanding of its historical development enabled him to make the best possible use of its wealth in works devoted to various historical periods. In his portrayal of historical characters and events A. S. Pushkin also drew extensively on historical monuments of painting, sculpture and architecture.

I. S. KON. Neo-Positivism and the Logic of Historical Science

The article is devoted to an analysis of the latest conceptions concerning the logic of historical interpretation, which, in the author's opinion, are coming to play an ever-increasing role in contemporary philosophy of history.

Bourgeois philosophy of the second half of the 19th century was dominated by two basic trends in relation to history. The positivism of Comte-Spencer-Mill, developing in polemic with the traditions of romantic historiography, emphasized the unity of scientific knowledge and the possibility of evolving a harmonious social science. However, it ignored the specific features of historical cognition and, to all intents and purposes, dissolved history in abstract sociology. On the other hand, the openly idealistic trends which became particularly widespread in the early part of this century accentuated the specific features of historical cognition but gave an erroneous interpretation of these peculiarities, thus opposing history to objective scientific knowledge. The exponents of the present-day philosophy of logical analysis are endeavouring to explain the specific character of historical cognition from a new angle by analyzing the logic of historical interpretation.

While not disputing the rightfulness of this aspect of research the author nevertheless considers it an error typical of the neo-positivist trend to examine the logic of science in divorce from gnosiological and ontological problems. The logic of historical interpretation depends both on the subject of research and on the historian's philosophical views. That explains why the controversy over the logic of historical interpretation often enough merely brings us back to old philosophical discussions.

Making a comprehensive analysis of the "covering law" theory advanced by K. R. Popper and C. Hempel, I. S. Kon criticizes its phenomenalism and subjective interpretation of the laws governing the process of historical development. Popper, Hempel and their followers operate not with genuine scientific laws but merely with empirical generalizations and even common truisms. Quite flimsy and unjustified, in the author's opinion, is the very idea of deducing an individual historical phenomenon from a certain universal law.

The manifest weakness and inadequacy of Popper-Hempel's scheme impels other representatives of logical analysis to depart from it. This tendency can already be discerned in the works of P. Gardiner, while W. Walsh, A. Donagan, A. C. Danto, W. Dray and M. Scriven have gone still further in the same direction. But, I. S. Kon points out, this process is accompanied by the establishment of closer ties between neo-positivism and other idealistic schools. Thus W. Dray, while remaining within the bounds of positivism's traditional logical concepts, is actually drawing closer to the viewpoint of the old neo-Kantian idiographism and R. G. Collingwood's "understanding." Criticizing these views, the author sees in them a tendency to substitute scientific interpretation of history by a mere description and attributes them to the influence of philosophical idealism.

The forms of historical interpretation are many and varied. The article briefly examines interpretation through motive, interpretation by analogy, functional interpretation, genetic interpretation and interpretation based on law. However, these forms of interpretation, in the author's opinion, widely differ in scientific value and importance and cannot be applied to all objects.

N. I. LEBEDEV. *Imperialist Aggression Against Egypt in 1956*

The author of this article examines the policy of the Soviet Union and the United States in the period of imperialist aggression against Egypt. Bourgeois historiography grossly falsifies history by alleging that it was not the U.S.S.R. and the world socialist system but the U.S.A. that played a decisive role in curbing the Anglo-Franco-Israeli aggression against Egypt in 1956.

The article convincingly shows that the U.S. government actually helped to precipitate the Suez crisis and unleash the Anglo-Franco-Israeli aggression against Egypt in 1956, thereby hoping to achieve two basic aims: to suppress the national-liberation movement of the colonial peoples and weaken British and French positions in the Middle East with a view to establishing American imperialist domination in this part of the world. The United States set the tone of imperialist policy towards Egypt following the latter's nationalization of the Suez Canal Company; the differences which arose between American and Anglo-French monopolies over the employment of armed force with the aim of re-establishing imperialist domination over the Suez Canal directly resulted from imperialist contradictions between these countries and from a number of other factors. The article points out that America's position in the period of imperialist aggression against Egypt was largely influenced by the internal political struggle on the eve of the Presidential elections, the desire to safeguard "Atlantic solidarity" and the resolute struggle of the U.S.S.R. and other socialist countries in defence of Egypt's freedom and independence.

The Soviet Union was not guided by any selfish motives in upholding the sovereign rights of the Egyptian people. It took a resolute stand against the Anglo-Franco-Israeli aggression and expressed its readiness to render armed assistance to Egypt as the victim of aggression. The Soviet note of November 5, 1956, which clearly and unequivocally expressed the Soviet Union's position, played the decisive role in curbing the imperialist aggression against Egypt. The fundamental change in the balance of world forces in favour of socialism by the time of the Suez crisis was another cardinal factor in putting an end to the aggressive war against Egypt.

R. WÜNSCHE. *The German Monopolies' Penetration into China During the Sino-Japanese Conflict (1931—1933)*

In their attempts to enhance their political and economic influence in Afro-Asian and Latin-American countries, the West-German imperialists deny that Germany's policy in the past was based on aggressive aims. Exposing the neo-colonialist demagoguery of West-German monopolists, the author of this article comprehensively analyzes German imperialism's expansionist policy in China in the early thirties by drawing on hitherto unpublished materials and documents from the German Central Archive in Potsdam and the Central Archive in Merseburg.

The author emphatically stresses that monopoly influence was a decisive factor in the shaping of Germany's foreign policy. The Japanese aggression in China enabled the German monopolies to take advantage of the aggravation of Sino-Japanese relations and the intensification of imperialist contradictions in the Far East, particularly between Japan, on the one hand, and the U.S.A., Britain and France, on the other, to further their own interests. In the early 1930's the German monopolies pursued an active colonialist policy. Holding much weaker positions in China than the other imperialist powers and alleging that she was guided by unselfish motives, Germany was actively penetrating into China's economy and strengthening her positions there to the detriment of Japanese, British and United States interests. The author exposes the utter falsity of the thesis of Germany's "neutrality" in the period of Japan's aggression in China and traces the causes that prompted Germany to alter her position towards the aggressor in the League of Nations. The author comes to the conclusion that the German delegates often made common cause with their Japanese colleagues.

It is generally known that the German monopolies always played an important part in supplying armaments to the Far East. The article cites convincing material testifying that the German death merchants stepped up their activity in the period of the Japanese aggression in China, abundantly supplying Japan with weapons and other war materiel. German imperialism was factually an ally and accomplice of the Japanese aggressor. An important factor that largely influenced the policy of imperialist Germany in those years was the hope entertained by the reactionary circles of Germany and other countries that Japanese aggression could be directed against the Soviet Union. The foreign policy of imperialist Germany in the period of the Japanese aggression in China reflected the German monopolies' growing activity in furthering their colonialist policy.

目 錄

論 文

科学通俗讀物在宣传历史知識方面的作用	維·吉·德洛比捷夫, 尤·斯·古古什金
战前年份集体农民的物質状况	米·阿·維勒参
在普希金創作中的历史	列·維·車列布宁
新实証主义和历史科学的邏輯問題	依·謝·空
1956年帝国主义的侵略埃及	尼·伊·列別捷夫
在1931—1933年日中衝突期間德国壟断之侵入中国	連·容舍

在苏联和在国外的历史科学 論 評

战后期間西德資產階級的国际關係历史学	維·巴·烏沙科夫
„The English Historical Review (London)“	別·阿·卡減涅茨基

書籍評論

反对对中亞細亞和哈薩克斯坦历史的伪造	
伟大的十月和阿尔明尼亞劳动者为爭取苏維埃政权胜利的斗争	Ц·П·阿喝楊
“第二次世界大战后的国际關係（1945—1949年）”	
“国外职工運動史（从18世紀60年代起到1939年止）”	
对罗俄關係史的研究（布加勒斯特）	Г·別茲維科尼
冷战：它的过去和将来（New Orlean）和其他	Ф·舒曼

学术動態

苏联和其他社会主义国家出版的历史雜誌目錄；关于国外雜誌所刊載論文的短評；苏联和国外出版的新書

信件和短評

C O N T E N T S

Articles: V. Z. Drobizhev and Y. S. Kukushkin. The Role of Popular-Scientific Literature in the Propagation of Historical Knowledge; M. A. Vyltsan. The Material Position of the Collective-Farm Peasantry in the Prewar Period; L. V. Cherepnin. History in A. S. Pushkin's Creative Work; I. S. Kon. Neo-Positivism and the Logic of Historical Science; N. I. Lebedev. Imperialist Aggression Against Egypt in 1956; Renate Wünsche. The German Monopolies' Penetration into China During the Sino-Japanese Conflict (1931-1933). Historical Science in the U. S. S. R. and Abroad. Surveys: V. B. Ushakov. West-German Bourgeois Historiography of the Postwar International Relations; B. A. Kamenetsky. "The English Historical Review" (London). Book Reviews: Against the Falsification of Central Asia's and Kazakhstan's History; T. P. Agayan. The Great October Revolution and the Armenian Working People's Struggle for the Victory of Soviet Power; "International Relations After World War II (1945-1949)"; "A History of the Trade Union Movement Abroad (from the 1760's to 1939)"; G. Besviconi. An Outline History of Russo-Rumanian Relations (Bucharest); F. Schuman. The Cold War; Its Past and Future (New Orlean), etc. Chronicle of Scientific Life. Contents of historical journals published in the U.S.S.R. and other socialist countries; notes on articles published in foreign journals; new Soviet and foreign books.-Letters and Notes.

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire», 1963, № 9.

Articles: V. Z. Drobijev, J. S. Koukouchkine. Rôle de la littérature scientifique-populaire dans la propagande des connaissances historiques; M. V. Vylzan. Situation économique des kolkhoziens dans les années d'avant-guerre; L. V. Tchérépnine. Histoire dans l'œuvre de Pouchkine; I. S. Kon. Neopositivisme et questions de la logique dans la science historique; N. I. Lébédév. L'agression impérialiste contre l'Égypte en 1956; Renate Wünsche. Pénétration des monopoles allemands en Chine dans la période du conflit japonais-chinois (1931—1933). Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Revue:** V. B. Ouchakov. Historiographie bourgeoise d'Allemagne Occidentale des relations internationales d'après-guerre; B. A. Kaménetsky. «The English Historical Review» (London). **Comptes-rendus:** «Contre une falsification de l'histoire de l'Asie Centrale et du Kazakhstan»; Z. P. Agaïan. «Le Grand Octobre et la lutte des travailleurs de l'Arménie pour la victoire du pouvoir soviétique»; «Relations internationales après la IIe guerre mondiale (1945—1949)»; «Histoire du mouvement syndical à l'étranger (les années soixantes du XVIIIe siècle — 1939)»; G. Bezviki. Etude sur l'histoire des relations roumaines-russes» (Bucarest); F. Schouman. La guerre froide: son passé et l'avenir (New Orlean) etc. **Chronique de la vie scientifique.** Sommaire des revues historiques de l'U.R.S.S. et des autres pays socialistes; notices sur les articles publiés dans les revues étrangères; livres nouveaux soviétiques et étrangers. Lettres et communications.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de la Historia» № 9 correspondiente a 1963

Artículos: V. Z. Dróbizhev y Y. S. Kukushkin. Función de los trabajos de divulgación científica en la propaganda de los conocimientos históricos; M. A. Viltsan. Condición económica del campesinado coljosiense antes de la guerra; L. V. Cherepnin. La Historia en la obra de A. S. Pushkin; I. S. Kon. Neopositivismo y cuestiones de la lógica en la ciencia histórica; N. I. Lébédév. Agresión imperialista a Egipto en 1956; Renate Vunshe. Penetración de los monopolios germanos en China en el período del conflicto japonés-chino (1931—1933); La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. **Glosas:** V. B. Ushakov. La historiografía burguesa germano-occidental de las relaciones internacionales de postguerra; B. A. Kamenetski. The English Historical Review (London). **Reseñas de libros:** Contra la falsificación de la historia del Asia Central y Kasajstán; Ts. P. Agaïan. El Gran Octubre y la lucha de los trabajadores de Armenia por el triunfo del Poder Soviético; «Relaciones internacionales después de la segunda guerra mundial (1945—1949)»; «Historia del movimiento sindical en el extranjero (a partir de la década del 60 del XVIII hasta 1939)»; G. Besviconi. Estudio de la historia de las relaciones rumano-soviéticas (Bucarest); F. Schuman. La guerra fría. Su pasado y su porvenir (New Orlean), etc. **Crónica de la vida científica:** Sumario de las revistas históricas que se publican en la URSS y otros países socialistas; resumen de los artículos insertados en las revistas extranjeras; novedades bibliográficas de la URSS y del extranjero. Cartas y notas.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Ф. Д. РЫЖЕНКО, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМЕРНОВ, Е. И. ТРЯПИЦЫН, И. А. ФЕДОСОВ, И. А. ХРЕНОВ, Д. К. ШЕЛЕСТОВ (первый заместитель главного редактора), В. И. ШУНКОВ, С. А. ЮДАЧЕВ.

Технический редактор О. Швова.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. В 8-96-21.

А 03496. Подписано к печати 3/IX 1963 г. Тираж 16 100 экз.
Изд. № 1643. Заказ № 1831. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 7 бум. л. — 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.